ОП

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

10749

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ленингр. ордена Театраль
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСК

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, октября 1-го дня.

Ценсоръ *И. Мехелинъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	На смерть ***. Стихотвореніе *Д. Ю. Струйскаго*	493.
II.	Чума въ Миланѣ. Историческая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. *В. Р. Зотова*	495.
III.	Тайна скуки. *А. А.*	581.
IV.	Философія и исторія музыки. Французская школа пѣнія и славный пѣвецъ Пьеръ Гара *С. К.*	583.
V.	Зимній вечеръ. Стихотвореніе *А. А.*	593.
VI.	Низамская война. Романъ соч. г. Мери	594.
VII.	Цвѣтокъ. Стихотвореніе *В. И. Золотницкаго*	712.
VIII.	Еще Глава изъ «Курса драматической литературы» Сенъ-Маркъ Жирарденя (О самоубійствѣ и ненависти къ жизни. — Дидона у Виргилія.—Эдипъ у Сенеки и у Софокла.—Стагиръ у Святаго Златоуста	713.
IX.	Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 2	738.
X.	Смѣсь. Одинъ день владычества (*Датская легенда, которая можетъ служить сюжетомъ для драмы*).—Дездикадо (*разсказъ*).—Судьба генія. *Историческій разсказъ*. Изъ записокъ путешественника).—Гарунъ-Аль-Рашидъ, въ новомъ родѣ.—Фантазія, прелюдіи и Фуга Себастіана Баха.—Нѣсколько словъ къ портрету А. М. Каратыгиной.—Музыкальныя новости	752.

ВЪ ВЫШЕДШИХЪ ДОСЕЛѢ КНИЖКАХЪ «РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА» ПОМѢЩЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ СТАТЬИ:

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

I. Философія и исторія и музыки. Il dissoluto punito osia il Don Giovanni (*Донъ-Жуанъ*, опера Моцарта). Статья г-на *Улыбышева*. — II. Мѣщанинъ-дворянинъ. Комедія Мольера. Переводъ *В. З.*—III. Любовь въ уѣздномъ городѣ. Повѣсть *М. Г. Романовича*.—IV. Изъ «Вильгельма Мейстера». Стихотвореніе ***. — V. Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло. Водевиль *П. С. Ѳедорова*.—VI. *Другъ, не вѣрь людямъ коварнымъ*. Стихотвореніе *М. Г. Романовича*.—VII. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Екатерина-Вторая, Императрица русская, на поприщѣ драматическомъ. *М. Н. Макарова*.—VIII. Мой теска или страданія Джона Броуна, разсканныя имъ самимъ. Переводъ съ англійскаго.—IX. Взглядъ на современное состояніе музыки въ Европѣ. — X. Юмористика. Отрывки изъ писемъ тетральной мыши.—Комедія во-время комедіи.— XI. Смѣсь. Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствѣ —Кто богаче—Мейерберъ или Ротшильдъ, — День одного изъ нашихъ писателей. — Пѣвецъ въ затруднительномъ положеніи.—Неисправимый пѣвецъ (сцена въ полиціи).—Кричтонъ.—Происхожденіе Полишинеля.—Казиміръ Делавинь.—Новаго рода должность при театрѣ.—Аретинъ, такъ-называемый «Бичъ сильныхъ».—Наполеонъ, какъ эстетикъ.—Банкиръ и поэтъ.— Анекдоты и мелочи.—Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

I. Философія и исторія музыки. Il dissoluto punito osia Don-Giovanni. (*Донъ-Жуанъ*, опера Моцарта). Статья г-на *Улыбышева*. (Окончаніе). — II. Жизнь. Стихотвореніе *М. Г. Романовича*.—III. Новогородцы Драматическое представленіе въ IX картинахъ и пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ пѣснями. — IV. Chérubin. Стихотвореніе *Д. П. Сушкова*. V. Математикъ. Разсказъ.—VI. Лунный свѣтъ. Романсъ.—VII. Исторія драматической литературы. Менандръ и Теренцій, римскіе комики.—VIII. Герольштейнъ. Эпилогъ къ «Парижскимъ Тайнамъ» Е. Сю. Переводъ *В. М. Строева*. — IX. Неаполитанскіе театры. Статья *Поля де-Мюссе*.—X. Юмористика. Домашніе спектакли — Театральныя животныя. — Душа общества.—Почти (философическо-филологическое разсужденіе).—XI. Смѣсь. Празднество по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича — Описаніе праздника представленнаго въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 20 іюля 1775 года. —Похожденія театрала въ маскерадѣ Большаго Театра — Нѣсколько мыслей о женщинахъ. — Черты изъ жизни актрисы Дежазе.—Невымышленныя исторія Маркиза Позы. — Скелетъ, разсказъ Берліоза.—Памятникъ Мольеру —Черты изъ жизни Казимира Делавиня — Глубокое молчаніе.—Парижская консерваторія (изъ письма Н. И. Греча).—Анекдоты и мелочи.— Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

I. Шкиперъ. Историческія сцены 1713 года, въ стихахъ. Сочиненіе *В. Р. Зотова*.—II. *Не тоскуй! твои страданья*. Стихотвореніе *Н. С.*—III. Любовь танцовщицы. Оригинальная повѣсть.—IV. Примѣты. Стихотвореніе. — V. Дочь Русскаго Актера. Оригинальная шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *П. И. Григорьева 1-го*.—VI. Философія и исторія музыки. Мейерберъ. Статья *С. К.* — VII. Все къ лучшему. Стихотвореніе *Н. С.* — VIII. Искусство и художники. Мольеръ. Статья *М. Е. Кублицкаго*. IX. Юмористика. Отрывки изъ писемъ театральной мыши. Письмо второе.—X. Смѣсь. Зрѣлища у Римлянъ. — *Конныя скачки и бѣгъ въ колесницахъ; Гладіаторъ, Звѣриный бой; Машины въ циркѣ и въ амфитеатрѣ*. — Гименей, картина Теньера.—Какъ Сафиръ сдѣлался писателемъ.—Музыкальныя импровизаціи восьмилѣтняго мальчика Джюліо Бенони.—Актеръ Жюльенъ.—Какіе вечера задаютъ итальянскіе пѣвцы въ Парижѣ!—Фанни Эльслеръ и гаваннскія сильфиды.—Что можетъ сдѣлать истинный артистъ изъ самой маленькой роли. Письмо Каталани о ея смерти. — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Философія и Исторія музыки. Нѣсколько словъ о духовной музыкѣ. Статья *Жоржа Ортига*. — II. Утро. Стихотвореніе *Н. С.* — III. — Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *Н. В. Кукольника*. — IV. *Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!...* Стихотвореніе *Н. С.* — V. Два разсказа Семена Игнатьевича. *1. Иванъ Иванычъ Морошка 2. Петръ Иванычъ Морошка*. — VI. Пѣсня Испанца. — VII Матеріалы для исторіи русскаго театра. — Нѣсколько подробностей о Медоксѣ и о старинномъ московскомъ театрѣ. — VIII Искусство и художники. Дюпре. — IX. Юмористика Петербургскія маніи. — X. Смѣсь. Нѣсколько словъ о дѣйствительности и идеалахъ. (Разсужденіе отнюдь некритическое. *Петра Парф...*). — Ничто не ново подъ луною. — Новый Шекспиръ. (Изъ записокъ путеше-

НА СМЕРТЬ ***

Закрылись навсегда привѣтливыя очи
Подъ блѣднымъ саваномъ непробудимой ночи;
Улыбку горести хранитъ твое лицо;
А на рукѣ любви обманутой кольцо...
Прости, навѣкъ прости!.. Я зналъ твои печали,
И ужъ давно твоей не довѣрялъ судьбѣ;
Когда друзья твои вѣнцы тебѣ сплетали,
И улыбалась ты... я плакалъ о тебѣ!
Давно предвидѣлъ я, что съ ангельской душою
И съ вѣрою въ любовь на суетной землѣ,
Для счастья избрана не будешь ты судьбою;
Я зналъ, что близокъ мигъ, когда въ ненастной мглѣ
Твоя звѣзда на вѣкъ прекрасная затмится;
И вотъ сбылось оно, предчувствіе мое!
Погибла ты... но другъ нейдетъ съ тобой проститься:
Ему въ укоръ теперь спокойствіе твое...

Не цѣловать ему, (онъ былъ такъ лицемѣренъ!)
Чело страдалицы, гдѣ смерть сплела вѣнокъ...
Но я, на зло судьбѣ, всегда несчастью вѣренъ:
Хоть бѣдную слезу,—а для тебя сберегъ!

Д. СТРУЙСКІЙ.

ЧУМА ВЪ МИЛАНѢ *.

—

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪСТИХАХЪ.

—

* Піеса эта была играна въ бенефисъ г-на Куликова, 19 октября, совершенно не въ такомъ видѣ, какъ была написана. Этого требовали необходимыя условія Александринской сцены Мы представляемъ ее читателямъ потому, что, по нашему мнѣнію, въ ней болѣе литературнаго, чѣмъ сценическаго достоинства. Она довольно-вѣрно изображаетъ одно изъ величайшихъ несчастій, постигающихъ по-временамъ человѣчество, и состояніе Италіи, въ послѣдней половинѣ XIV-го столѣтія, раздираемой междуусобіями, анархіею и войнами между мелкими властителями ея *знаменитыхъ* и жалкихъ республикъ.

* *

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Графъ Галеаццо III Висконти, синьйоръ и генералъ-капитанъ Милана.
Бернабо Висконти, отецъ его.
Альберико Шіотто, Синьйоръ Піаченцы.
Джіованни Малатести, Синьйоръ Римини. . .
Гюи Катерра, маркизъ Монферратскій. . . . } Гвельфы.
Джакомо де-Буссолари, Павіанскій Подеста. .
Оттавіо Гонзаго, графъ Вероны. . .
Аццо д'Есте, Синьйоръ Новары . . . } Гибеллины.
Уго Теллури, подеста Брешіи. . . .
Фра Аніелло, доминиканецъ
Джироламо Теста, Легатъ папы Иннокентія VI.
Микели, Венеціанскій посланникъ.
Амброджіо Сера, Флорентинскій посланникъ.
Графиня Оттилія Висконти, дочь Бернабо.
Големмо, дворцовый смотритель.
Джіотто. } Алебардисты.
Пеппо. .
Капитанъ алебардистовъ.
Оруженосецъ Альберика.
Іеронимо Фоско, докторъ.
Асканіо Петруччи, Миланскій вельможа.

1. } Миланскіе вельможи. .
2. }
3. }

1. } Могильщики.
2. }
3. }
4.

1. } Вельможи Піаченцы. .
2. }
3. }

1. } Носильщики.
2. }

Паоло. . .
Лавруччіо. .
Марко. . .
Баттисто. . } Миланскіе граждане.
Старикъ. .
Женщина. .
Мальчикъ. .

Миланскіе и Піаченцскіе вельможи, начальники отрядовъ, послы, воины Милана и Піаченцы, оруженосцы, пажи, свита Синьйора и графини Оттиліи, стража, кающіеся, народъ, женщины, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ Миланѣ, въ Піаченцѣ и подъ стѣнами ея, въ 1361 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ГВЕЛЬФЫ и ГИБЕЛЛИНЫ.

Галлерея во дворцѣ Висконти. Въ глубинѣ, сквозь колоннаду, видны зданія Милана. Свѣтаетъ.

ВЫХОДЪ I.

При поднятіи занавѣсы Пеппо стоитъ на-часахъ у главныхъ дверей на-лѣво, Джіотто выходитъ изъ дверей на-право, осматривается вокругъ себя и подаетъ знакъ Пеппо; тотъ утвердительно качаетъ головою, Джіотто хлопаетъ три раза въ ладоши. Изъ дверей на-право выходитъ Альберико Шіотто, въ плащѣ и маскѣ. Онъ смотритъ на небо, потомъ на дверь, изъ которой вышелъ, и быстро проходитъ чрезъ сцену, мимо Пеппо, которому даетъ кошелекъ. Джіотто уходитъ за нимъ.

Пеппо (*облокотясь на алебарду и взвѣшивая кошелекъ*).

И *здѣсь* и *тамъ*! Пріятно!—Слова нѣтъ!
Не скоро сыщешь мѣсто прибыльнѣе.
Но дурно то, что каждую минуту
Рискуешь поплатиться головою
Тому или другому.—Старый графъ
Опасенъ!.. онъ для сохраненья тайны
На все рѣшится, — потому-то лучше
Мнѣ до-поры отправиться въ Кремону...
Рѣшительно! и этотъ планъ прекрасный
Я въ дѣйствіе сегодня-жъ приведу.
Свиданія не могутъ продолжаться
Съ пріѣздомъ въ городъ новаго Синьйора;

Такъ черезъ два часа, когда съ тріумфомъ
Въ одни ворота будетъ онъ вступать,
Я выберусь въ другія... только надо
Все скрыть отъ Джіотто... я ему не вѣрю:
Онъ хитрая лисица.

(*Джіотто выходитъ съ кошелькомъ въ рукахъ съ лѣвой стороны*).

А, пріятель!
Что̀ гость ночной?

ДЖІОТТО.

Ушолъ!

ПЕППО.

А кошелекъ?
Такой-же, какъ всегда!

ДЖІОТТО.

Недурно!

ПЕППО.

Да!

ДЖІОТТО.

Но дурно то̀, что мы отъ Гибеллина,
Врага Его Святѣйшества и церкви
Апостольской брать деньги не стыдимся:
Вѣдь это страшный грѣхъ!

ПЕППО.

Да, братъ Джіотто!
И потому-то съ горькими слезами
И всякій день, передъ статуей
Мадонны дель-Долоръ, кладу я тридцать
Земныхъ поклоновъ.

ДЖІОТТО.

Братъ! не позабудь
И обо мнѣ, о грѣшникѣ несчастномъ,
Въ своихъ молитвахъ!..

ПЕППО.

Другъ! нашъ грѣхъ одинъ,
И за обоихъ я всегда молюся!

ДЖІОТТО.

(Ханжа!) Братъ! руку!

ПЕППО (*подавая ему руку*).

Вотъ она!.. (Бездѣльникъ)!

ВЫХОДЪ II.

ГРАФЪ БЕРНАБО ВИСКОНТИ.

ДЖІОТТО (*увидя его*).

Вотъ графъ! (*Алебардисты отступаютъ и низко кланяются*)

БЕРНАБО.

Ну что̀, друзья мои, ка̀къ долго
Сегодня былъ ночной пріятель нашъ?

ПЕППО.

Съ разсвѣтомъ онъ явился, и съ синьйорой
Не пробылъ даже четверти часа.

ДЖІОТТО (*тихо графу*).

Графъ! Новость очень-важную я долженъ
Вамъ сообщить.

БЕРНАБО.

Другъ Пеппо, попроси
Ко мнѣ сюда друзей моихъ, синьйора
Римини, Монферратскаго маркиза,
Посланниковъ съ подестой Павіанскимъ;
Скажи, что дѣло важное (*Пеппо уходитъ*). Ну что̀?
Какая новость?..

ДЖІОТТО.

Нынче Альберико,
У выхода прощаяся со мною,
Сказалъ: «когда прибудетъ Галеаццо,

Онъ долженъ, по обычаю, въ совѣтѣ
Рѣшать дѣла и просьбы принимать,
И раньше ночи во дворецъ не будетъ.
Такъ, временемъ воспользовавшись этимъ,
Явлюся я сюда опять въ одеждѣ
Простаго Гвельфа, свиты Галеаццо.
Весь городъ будетъ праздникомъ лишь занятъ,
И я могу съ синьйорой безопасно
Въ послѣдній разъ проститься навсегда!»

БЕРНАБО.

А, Гибеллинъ надменный! въ руки Гвельфовъ
Себя ты добровольно предаешь,
И мы такой добычи не упустимъ!
Тѣмъ лучше, если мы съ тобой сегодня
Все кончимъ. Праздникъ нашего Милана
И радостнѣе будетъ и полнѣе.
Такъ ты введешь его?

ДЖІОТТО.

И провожу!

БЕРНАБО.

Нѣтъ въ этотъ разъ я проводами самъ
Займуся... ты ненуженъ будешь мнѣ!
Правъ Алберико, и свиданье это
Послѣднимъ будетъ, я ручаюсь въ томъ.
И съ вами также кончить мнѣ пора!
Ты знаешь... вамъ обоимъ обѣщалъ
По тысячѣ флориновъ я, когда
Нашъ врагъ коварный въ сѣти попадется.
Сегодня-же—свиданіямъ конецъ,
И потому условную награду
Ты можешь хоть сейчасъ-же получить. (*Вынимаетъ кошелекъ*).
Здѣсь въ кошелькѣ двѣ тысячи флориновъ.
Одну возьми себѣ, другую Пеппо
Отдай. По справедливости тебѣ-бы
Должна была принадлежать вся сумма,
Ты велъ одинъ опасную интригу
И дѣйствовалъ прекрасно и умно,
А Пеппо даромъ деньги получаетъ.
Но что́-же дѣлать!.. Словомъ связанъ я,

Хотя-бъ и самъ былъ очень-радъ, когда-бы
Нашолъ ты средство съ Пеппо не дѣлиться,
И одному награду получить.

ДЖІОТТО.

Я знаю средство, Графъ, но только, право,
Грѣшно и трудно на него рѣшиться!

БЕРНАБО.

Все отъ тебя зависитъ. Дѣлай самъ
Какъ знаешь, я совѣтовать не стану.
Ты не забудь условья между прочимъ,
Что если о свиданіяхъ графини
Миланъ узнаетъ,—тотчасъ безъ разбора
Кто правъ, кто виноватъ, обоихъ васъ
Повѣсить я велю. Въ тебѣ, конечно,
Увѣренъ я, ты скроменъ, молчаливъ,
А вотъ за Пеппо я не поручусь:
Онъ трусъ и любитъ поболтать—но впрочемъ
Тутъ ваше дѣло. Сами вы должны
Беречь другъ друга и себя...

ДЖІОТТО.

Конечно...
Я-бъ долженъ былъ... и выгода, и прибыль,
И безопасность требуютъ... но совѣсть...

БЕРНАБО.

Да, слышалъ-ли ты кстати: мой послѣдній
Приказъ, который я въ совѣтѣ отдалъ,
Который сынъ мой, вѣрно, подтвердитъ,
Въ томъ состоитъ, чтобы не выпускать
До мира—изъ Милана никого,
Безъ позволенья, писаннаго мною.

ДЖІОТТО.

(Вотъ это дурно! и бѣжать нельзя!..
Такъ развѣ просто!)...

БЕРНАБО.

Знаешь-ли ты также,
Что завтра здѣсь Оттаво колесуютъ?

ДЖІОТТО.

Какъ? моего товарища? за что-же?

БЕРНАБО.

За воровство! Я съ небольшою суммой
Его послалъ, чтобы отдать ее
Дворцовому смотрителю Галеммо,
А онъ ее себѣ присвоить вздумалъ...

ДЖІОТТО.

Но грѣхъ убійства больше воровства!..

БЕРНАБО.

Я не скажу... убійство—родъ защиты,
Когда его свершить насъ принуждаетъ
И безопасность, и необходимость.
Къ тому-жъ мы тутъ своей рискуемъ жизнью,
И это благороднѣе гораздо.

ДЖІОТТО.

Такъ если Пеппо, волею небесъ,
Переселится въ райскія селенья,
Могу-ли я надѣяться на пропускъ,
Подписанный рукою вашей графской?

БЕРНАБО.

Тебѣ я слово графское даю,
Что изъ Милана живъ и невредимъ
Ты выдешь по какой дорогѣ хочешь! (*Снимая шляпу*).
И въ томъ клянусь моимъ святымъ патрономъ.

ДЖІОТТО.

Я чрезъ часъ за пропускомъ явлюсь.

БЕРНАБО.

Прощай! да охранитъ тебя твой ангелъ! (*Джіотто уходитъ.*)
Теперь—двумя свидѣтелями меньше.
А тамъ въ могилу главное лицо!
Но я боюсь за сына!.. онъ такъ молодъ,
Онъ вѣчно бредитъ фразами пустыми
О рыцарскихъ обязанностяхъ. Я
Конечно самъ-бы могъ казнить Шіотто,
Но власть моя оканчивалась. Папа,

По пропскамъ враговъ моихъ, лишилъ
Достоинства миланскаго Синьйора
Съдаго Бернабо—за то, что онъ
Съ жестокостью народомъ управлялъ,
И сына старику прислалъ на смѣну,
Такъ я хотѣлъ безумцамъ показать,
Что духъ отца и въ сынѣ не умретъ,
Что онъ начнетъ свое правленье казнью,
Какъ началъ Бернабо. Я Альберико
Запуталъ такъ, что сынъ теперь не можетъ
Его простить. Честь дома, честь сестры,
Милана безопасность, голосъ мщенья—
Соединятся вмѣстѣ въ этотъ часъ!.
Пусть за Маттео гибнетъ Альберико.

ВЫХОДЪ III.

Пеппо, потомъ Джіованни Малатести, Гюи Катерра и Джакомо Буссолари.

ПЕППО.

Синьйоръ! за мною тотчасъ будутъ въ-слѣдъ
Союзники Милана.

БЕРНАБО

Хорошо,
Ты больше мнѣ ненуженъ. Отыщи
Джіотто. Я сейчасъ ему сполна
Обѣщанную вамъ награду отдалъ.
Ты спросишь половину у него.

ПЕППО.

Благодарю, Синьйоръ! (*Пропускаетъ въ двери Гвельфовъ и уходитъ*).

БЕРНАБО.

Я васъ призвалъ,
Высокіе союзники Милана,
Опора Гвельфовъ, Папскаго престола
Защитники,—чтобы проститься съ вами,
Отъ сердца благодарность принеся

За то, что вы совѣтомъ и мечомъ
Не разъ мнѣ помогали въ трудномъ дѣлѣ
Правленія Миланомъ. Черезъ часъ
Я власть мою, заботы управленья,
Передаю возлюбленному сыну,
По волѣ Иннокентія VI-го,
Намѣстника Апостоловъ—и буду
Опять простымъ миланскимъ гражданиномъ.

МАЛАТЕСТИ.

Мы вашу благодарность, добрый графъ,
Съ почтеньемъ принимаемъ и желаемъ,
Чтобъ по слѣдамъ великаго отца
Пошолъ и сынъ путемъ побѣдъ и славы.

ГЮИ (*къ Буссолари*).

Довѣрчивымъ врагамъ ловушки ставя,
И храбро грабя города друзей.—

БЕРНАБО.

Я не щадилъ ни жизни, ни трудовъ
На пользу бѣдной родины, спасая
Ее отъ смутъ, враговъ, междуусобій,
И въ подвигѣ Господь мнѣ помогалъ.

МАЛАТЕСТИ.

И высоко надъ всѣми васъ поставилъ!

ГЮИ (*также*).

На трупахъ ближнихъ, братьевъ и друзей.

БЕРНАБО.

Межъ вами я однако здѣсь не вижу
Моихъ друзей, ни папскаго Легата,
Ни Серы, флорентинскаго посла,
Съ посломъ Венеціанскимъ?..

ГЮИ.

Чужеземцы
Нашли, что имъ *отставленный* Синьйоръ
Не можетъ быть ни нуженъ, ни полезенъ,

И потому къ воротамъ городскимъ
Отправилися *новаго* встрѣчать.

БЕРНАБО.

И я охотно извиняю ихъ:
Отцу пріятно видѣть, если сына
Союзники съ почтеніемъ встрѣчаютъ;
Вѣдь это уваженье и къ нему
Относится отчасти, и тѣмъ больше,
Что сынъ мой будетъ слѣдовать системѣ
Правленія, такой-же, какъ отецъ.

ГЮИ.

Тогда и онъ не долго будетъ править!

БЕРНАБО.

Маркизъ!..

ГЮИ.

Къ чему неправду говорить?
Пусть жалкіе льстецы васъ увѣряютъ,
Что были вы спасителемъ Милана:
Ихъ упрекнетъ въ безстыдной, гнусной лжи
Кровь бѣдныхъ жертвъ, которыя безвинно
Погибли на кострахъ и эшафотахъ
Въ правленье-ваше. Папа Иннокентій
Ужъ, вѣрно, не за слабость васъ смѣняетъ.
Стыдитесь, графъ! и вѣчно бывши тигромъ
Смѣшно ягненка маску надѣвать!

БЕРНАБО.

Маркизъ!..

ГЮИ.

Я правду говорю. Я былъ
Союзникомъ Милана въ той надеждѣ,
Что Папа васъ иль смѣнитъ, иль казнитъ.
Онъ васъ смѣнилъ—и это хорошо,
За неимѣньемъ лучшаго. Повѣрьте!
Мы много зла терпѣли отъ Висконти,
Но есть конецъ всему, и если сынъ вашъ
Начнетъ Миланомъ править, какъ отецъ,
Убійствами и казнями, я первый
Сберу мою французскую дружину,
И Вѣнцеславу руку протяну.

ДЖАКОМО БУССОЛАРИ.

И я моихъ покорныхъ Павіанцевъ
На помощь Піаченцъ поведу.

МАЛАТЕСТИ.

Синьйоры! гдѣ-же наши обѣщанья?
Напраснымъ гнѣвомъ вы ослѣплены!

ГЮИ.

Джованни Малатести! если вамъ
Болоньи Галеаццо не отдастъ,
Вы первый на него вооружитесь...
Не такъ-ли?

МАЛАТЕСТИ.

О! Болонія издавна.
Зависѣла отъ моего Римини.
И я увѣренъ, мудрый Галеаццо
Отдастъ безъ спора городъ мнѣ мятежный. —

ГЮИ.

Который также занятъ былъ безъ спора
Его отцомъ, измѣной и обманомъ
Имъ овладѣвшимъ...

БЕРНАБО.

Я давно, маркизъ,
Обидныя слова сношу съ терпѣніемъ.
Но не забудьте!.. Сыну власть мою
Еще не сдалъ я, я еще—Синьйоръ!..

ГЮИ.

По имени!..

БЕРНАБО.

На дѣлѣ! Я могу васъ
Отдать подъ стражу! и на судъ старѣйшинъ
Закованнаго въ цѣпи привести!

ГЮИ.

Меня? Вы, графъ, отъ старости рехнулись!
Давно прошла пора, когда Миланъ
Союзниковъ своихъ казнилъ и вѣшалъ.

Вы не Маттео, я не делла-Торре,—
И ваша злость напрасная смѣшна!

БЕРНАБО.

Я докажу вамъ власть мою!.. Эй! Стража!..

(*Хлопаетъ въ ладони*).

ВЫХОДЪ IV.

КАПИТАНЪ АЛЕБАРДИСТОВЪ. СТРАЖА.

БЕРНАБО.

Я, именемъ миланскаго Совѣта
И властію миланскаго Синьйора,
Приказываю тотчасъ взять подъ стражу
Маркиза Монферратскаго.

(*Стража дѣлаетъ движеніе; Гюи берется за мечъ*).

ГЮИ.

А я
Клянуся руку отрубить тому,
Кто на меня поднять ее рѣшится.

БЕРНАБО (*стражѣ*).

Я господинъ вашъ и Синьйоръ! и если
Не будете вы мнѣ повиноваться, —
Я васъ велю повѣсить! Взять его...

(*Стража дѣлаетъ вторичное движеніе, Гюи обнажаетъ мечъ. Слышенъ далекій ударъ колокола*).

Что̀ это?..

ГЮИ (*насмѣшливо*).

Этотъ звукъ лишаетъ васъ
Достоинства и власти, графъ Висконти.
Онъ возвѣщаетъ городу пріѣздъ
Властителя другаго, Галеаццо.

КАПИТАНЪ АЛЕБАРДИСТОВЪ.

Такъ точно! Потому я не могу

Исполнить вашихъ приказаній, графъ.
Мой долгъ велитъ мнѣ новаго Синьйора
Встрѣчать у городскихъ воротъ!.. За мной!

(*Уходитъ со стражею*).

ГЮИ.

Пойдемъ и мы на-встрѣчу Галеаццо.
Желаю вамъ придти въ себя отъ злости,
Оставленный властитель.

(*Уходитъ*).

БУССОЛАРИ.

И въ грѣхахъ
Покаяться! Давно пора, повѣрьте!

(*Уходитъ*).

МАЛАТЕСТИ. (*Оглядывался и видя, что Бернабо стоитъ въ задумчивости, быстро уходитъ со словами*).

Нижайшее мое почтенье, Графъ.

(*За сценой звонъ колоколовъ и крики народа*).

БЕРНАБО (*послѣ молчанія*).

Осмѣянъ! Оскорбленъ! Но погодите!
И старый левъ за все отплатитъ вамъ.
Вы будете опять передо мною,
По-прежнему, и кланяться и ползать...
И сынъ отмститъ ужасно за отца...
Отмститъ-ли? Онъ не опытенъ и слабъ,
Онъ гордъ и пылокъ, онъ самонадѣянъ...
А власть отца всего святѣе въ мірѣ!

ВЫХОДЪ V.

Оттилія, *за нею двѣ дамы, которыя остаются въ глубинѣ.*

ОТТИЛІЯ.

Гдѣ онъ? Гдѣ милый братъ, гдѣ Галеаццо!

Ахъ батюшка! вы видѣли его?
Скажите мнѣ скорѣе: что̀ съ нимъ? гдѣ онъ?

БЕРНАБО.

(Оттилія! О! если съ нимъ она
Увидится, разжалобитъ его...
Все пропадетъ! Я долженъ приготовить
Его къ свиданью, видѣться съ нимъ прежде...)

ОТТИЛІЯ.

Молчите вы! Изъ комнаты моей
Услышала я колокольный звонъ,
Народа крики, и себя не помня,
Увидѣть брата бросилась сюда.

БЕРНАБО (*сурово*).

Оттилія! Ты все еще ребенокъ,
И чувствъ своихъ не можешь побѣждать!
Ужели ты не видишь неприличья
Въ твоемъ поступкѣ? Что̀, когда-бы здѣсь
Былъ весь совѣтъ миланскій и граждане,
Народъ и чужеземные послы,
И ты-бъ сюда, какъ дурочка, вбѣжала,
Одна, безъ свиты и безъ покрывала,
Какъ думаешь, за это-бы тебя
Не стали всѣ Миланцы охуждать?

ОТТИЛІЯ.

Но, батюшка...

БЕРНАБО.

Всегда должна ты помнить,
Что ты сестра миланскаго владыки,
Что на тебя обращены всѣ взоры,
Что въ каждомъ шагѣ, въ каждой мысли тайной
Съ тебя отчотъ потребуетъ Миланъ.

ОТТИЛІЯ.

Простите! Я не знала, что приличье
И братскую любовь велитъ скрывать...

БЕРНАБО.

Онъ властелинъ Милана, это званье

Должно быть выше братскаго... Но крики
Народа громче... Галеаццо близко!..
Оттилія! Ты въ комнатѣ своей
Его съ терпѣньемъ будешь дожидаться.
Онъ самъ къ тебѣ придетъ!

Оттилія обращаетъ къ нему умоляющій взглядъ. Бернабо сурово показываетъ ей на дверь, она тихо удаляется).

ВЫХОДЪ VI.

ГАЛЕММО, *потомъ* ГАЛЕАЦЦО, ТЕСТА, МИКЕЛИ, АМБРОДЖІО МАЛАТЕСТИ, ГЮИ, БУССОЛАРИ, *члены Миланскаго-Совѣта, воины и оруженосцы; въ толпѣ Альберико съ опущеннымъ забраломъ.*

БЕРНАБО (*увидя Галеммо*).
Что ты, Галеммо?

ГАЛЕММО.

Графъ!.. Я сейчасъ извѣстье получилъ.
Одинъ алебардистъ изъ вашей стражи
Убилъ другаго!

БЕРНАБО.

Кто? скажи скорѣе.

ГАЛЕММО.

Убійца Джіотто, а убитый Пеппо.

БЕРНАБО.

Убійца схваченъ?

ГАЛЕММО.

Да! Но я боюсь,
Чтобъ объ убійствѣ не узналъ вашъ сынъ,
Синьйоръ нашъ новый... въ день его пріѣзда;
То знакъ дурной!..

БЕРНАБО.

Убійцу отпустить!..

ГАЛЕММО.

Какъ, Графъ?

БЕРНАБО.

Сказавъ, что это *я* велѣлъ.
Изъ города онъ выдти поспѣшитъ;
За нимъ велишь слѣдить ты тайно сбирамъ;
Пусть выпустятъ они его спокойно
Въ ворота, но лишь только выйдетъ онъ,
Схватить и тамъ-же, за городомъ, тотчасъ,
Не слушая ни просьбъ, ни оправданій,
Его на первомъ деревѣ повѣсить.
Я поклялся, что изъ Милана выйдетъ
Онъ невредимъ — и клятвы не нарушу!

ГАЛЕММО.

Но я боюсь... повѣсить человѣка!
Безъ приказанья новаго Синьйора...

БЕРНАБО.

Надъ жизнью слугъ моихъ я власть имѣю, —
И сыну самъ во всемъ отдамъ отчотъ.
Присутствуй ты при исполненьи казни,
Старайся поскорѣе все окончить:
Въ награду вы найдете у убійцы
Двѣ тысячи флориновъ. Ты раздѣлишь
Часть сбирамъ, а другую...

ГАЛЕММО (*скоро*).

Вашъ приказъ
Исполненъ будетъ тотчасъ-же (*Быстро уходитъ*).

БЕРНАБО (*съ презрѣньемъ*).

Миланцы!
Вамъ никогда не быть въ числѣ народовъ
Великими, свободными! — Для рабства
И для цѣпей на свѣтъ вы рождены!

ГАЛЕАЦЦО (*входитъ въ сопровожденіи вельможъ и свиты, и бросается къ Бернабо*).

ГАЛЕАЦЦО.

Родитель!..

БЕРНАБО (*отступаетъ назадъ, по-*

томъ почтительно снимаетъ шляпу).

Графъ Висконти и Синьйоръ
Милана, волей Папы и народа, —
Здѣсь передъ вами бывшій повелитель,
Семь лѣтъ тяжолыхъ правившій Миланомъ,
Готовъ отдать отчотъ въ своихъ дѣлахъ;
Съ смиреніемъ слагая санъ почотный,
Передаетъ преемнику его, —
И первый клятву въ вѣрности приноситъ
Синьйору своему! (*Преклоняетъ колѣно*).

ГАЛЕАЦЦО, (*бросаясь къ нему*).

Родитель! Боже!
Я долженъ пасть предъ вами на колѣна!..
Я не властитель вашъ, а нѣжный сынъ!..

БЕРНАБО.

Мой сынъ! Богъ видитъ, какъ тебя люблю я,
Но онъ-же видитъ, что для старика
Отечество семьи его дороже.
Отдавъ Синьйору должное почтенье,
Теперь могу и сына я прижать
Къ груди отцовской (*Бросается въ его объятія*).

МАЛАТЕСТИ, (*отирая слезы*).

Рѣдкій человѣкъ!

ВСѢ.

Да здравствуетъ Графъ Бернабо Висконти!
Да здравствуетъ Синьйоръ нашъ, Галеаццо!

ГЮИ (*къ Буссолари*).

Старикъ хитро разыгрываетъ сцены!..
Тигръ — кошкой сталъ, а Бернабо — отцомъ!

ГАЛЕАЦЦО.

Его Святѣйшество вручилъ мнѣ власть
Надъ городомъ, сказавъ, что послѣ васъ
Лишь я одинъ могу Миланомъ править.
Я вамъ обязанъ даже этимъ саномъ:
Онъ за отца и сына наградилъ.

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА (*Бернабо*).

Цѣня вполнѣ заслуги ваши, графъ,
И видя, что подъ старость вашихъ дней
Покой и отдыхъ нужны вамъ, изволилъ
Отецъ нашъ, Иннокентій, сына вамъ
Преемникомъ назначить, и прислалъ
Святѣйшее свое благословенье (*Отдаетъ ему буллу*).

БЕРНАБО (*цѣлуя ее*).

Его я, слабый грѣшникъ, недостоинъ,
Но съ нимъ теперь спокойно кончу дни!

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Богъ вамъ продлитъ ихъ! Бѣдному Милану
Еще совѣты ваши будутъ нужны.

БЕРНАБО.

Что̀ въ головѣ сѣдаго старика,
Когда такая храбрая рука (*показывая на сына*)
Отечеству служить защитой будетъ.
(Я васъ перехитрю, легатъ почтенный)

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

(Онъ, старый волкъ, радъ былъ-бы съѣсть меня.)

ГАЛЕАЦЦО.

Теперь, друзья, позвольте вамъ представить
Спасителя Миланскаго Синьйора!
(*Выводя изъ толпы Альберико*).
Я безъ него теперь холоднымъ трупомъ
Лежалъ-бы въ темныхъ пропастяхъ Оланы.

ВСѢ.

Что̀ это значитъ?

БЕРНАБО.

Сынъ мой! милый сынъ!
Что̀ говоришь ты? объяснись скорѣе!

ГАЛЕАЦЦО.

Сюда всю ночь я ѣхалъ изъ Кремоны,
Подъ утро, шпицъ соборной нашей церкви
Завидѣвши на горизонтѣ, я,

Далеко за собой оставивъ свиту,
Впередъ помчался. — Вы меня поймете...
Три года не видалъ Милана я!
Задумавшись по берегу Олоны,
Кипѣвшей отъ притока водъ весеннихъ,
Я ѣхалъ... вдругъ, подъ самыми стѣнами,
Недалеко отъ городскихъ воротъ,
Но по дорогѣ въ Брешію, откуда
Меня не ждали вы, мой добрый конь
Остановился. Подъ его ногами
Кипѣлъ потокъ сердитый. Ветхій мостикъ
Былъ сорванъ водъ напоромъ. Помня мѣсто,
И зная, что рѣка не глубока,
Я въ бродъ хотѣлъ тотчасъ-же перебраться,
И сталъ въ рѣку спускаться. Ужъ давно
Какой-то незнакомецъ наблюдалъ
За мной съ другаго берега и, видя
Мое движенье, закричалъ: «Безумецъ!
Здѣсь брода нѣтъ! рѣка на полноводьи!
Ты жизнію рискуешь!» Но въ досадѣ,
Не слушая совѣта незнакомца,
Я шпоры далъ коню; мой конь покорный
Прыгнулъ съ крутаго берега въ рѣку,
И въ тоже время мутными волнами
Былъ смятъ, обхваченъ, облитъ, оглушонъ,
И выбился изъ силъ, борясь съ теченьемъ,
И ниже насъ стремленье понесло.
Я въ стременахъ запутался ногами
И погибалъ... вдругъ мощная рука
Меня исторгла изъ потока, конь мой
Погибъ въ волнахъ, а я... я былъ спасенъ
Великодушнымъ, добрымъ незнакомцомъ.

БЕРНАБО.

Мой сынъ! и ты такъ жизнію игралъ,
Когда она нужна для государства,
Для родины!.. О! кто ты, благородный,
Великодушный рыцарь?.. Дай себя
Къ груди прижать! И за спасенье сына
Прими отца благодаренье!.. (*Альберико молча отклоняетъ объятія Бернабо*)

ГАЛЕАЦЦО.

Онъ
Желалъ остаться неизвѣстнымъ. Я
Едва могъ упросить его за мною
Послѣдовать, и день одинъ со мною
Здѣсь провести. Узнавъ, что жизнь онъ спасъ
Миланскому Синьйору, наконецъ
Онъ согласился съ тѣмъ, чтобы забрала
Ни передъ кѣмъ съ лица не поднимать.
Я уважаю тайну незнакомца
И васъ прошу ее и уважать.

БЕРНАБО (*вглядываясь въ Альберико*).

(О! я не ошибаюсь! Это онъ!..
Тѣмъ лучше! въ западню онъ самъ явился!..
Но сохраню до времени молчанье,
А тамъ онъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ!)

ГАЛЕАЦЦО.

Но моему спасителю покой
И отдыхъ нуженъ. (*Оруженосцамъ.*) Проводить его
Въ назначенныя комнаты. (*Альберико*) Съ тобою
Еще я не прощаюсь — и надѣюсь,
Что ты себя откроешь намъ.
(*Протягиваетъ ему руку, Альберико молча подаетъ ему свою и уходитъ за оруженосцами*).

БЕРНАБО.

Твой гость,
Большой чудакъ!

ГАЛЕАЦЦО.

Быть-можетъ, онъ имѣетъ
На то свои причины. Первый долгъ
Гостепріимства—уваженье тайны!
Теперь, друзья, прощуся съ вами я.
За вами вслѣдъ въ совѣтъ явлюсь. Съ сестрой
Еще я не видался
(*Все молча кланяются и уходятъ, кромѣ Бернабо*).
О скорѣе!
Пойдемте къ ней.

БЕРНАБО.

Мой сынъ! теперь ее

Не можешь ты, не долженъ видѣть. Насъ
Чрезъ минуту позовутъ въ совѣтъ,
И этою минутою я долженъ
Воспользоваться, чтобъ открыть тебѣ
Ея проступокъ!..

ГАЛЕАЦЦО.

Какъ! ея проступокъ?
Моей сестры, Оттиліи, проступокъ!..
Я такъ-ли слышалъ?

БЕРНАБО.

Да! твоя сестра,
Безъ моего согласья, тайно любитъ...

ГАЛЕАЦЦО.

Оттилія! сестра!.. кого?

БЕРНАБО, (*послѣ минутнаго колебанія*).

Не знаю!
Но обманувъ нашъ бдительный надзоръ,
Забывъ свое достоинство и имя,
Она неразъ свиданія имѣла
Съ какимъ-то незнакомцемъ.

ГАЛЕАЦЦО.

И могли
Вы допустить до этого!..

БЕРНАБО.

Ты знаешь,
Какъ я былъ занятъ въ званіи моемъ.
Къ тому-жъ я обо всемъ узналъ не давно,—
И женщина всегда отыщетъ средство,
Когда кого захочетъ обмануть!

ГАЛЕАЦЦО.

Но какъ онъ могъ пробраться во дворецъ?
Съ какою цѣлью! Боже! неужели
Сестра моя забыла долгъ и честь?..

БЕРНАБО.

О нѣтъ! она хотя еще ребенокъ

По чувствамъ,—но свой долгъ умѣетъ помнить, —
Я въ томъ увѣренъ!.. Все-жъ отмстить ты долженъ
Тому, кто дерзкій взоръ смѣлъ возвести
На дочь, сестру Миланскаго Синьйора,
Кто, какъ разбойникъ, вкрался во дворецъ,
И запятнать хотѣлъ Висконти имя
Позоромъ и стыдомъ... Ты долженъ смыть
Такое оскорбленье!.. Пусть погибнетъ
Онъ въ тяжкихъ мукахъ, гордый, дерзкій врагъ!

ГАЛЕАЦЦО.

Вы знаете его?

БЕРНАБО.

Нѣтъ! но надѣюсь
Узнать и очень-скоро! Ты увидишь...

ГАЛЛЕАЦЦО.

Но я хотѣлъ-бы распросить у ней,
Открыть...

БЕРНАБО.

Ты этимъ можешь все испортить!
Повѣрь мнѣ, и безъ этого сегодня
Узнаемъ все мы... Но теперь въ Совѣтѣ
Союзникамъ, друзьямъ Милана, рѣчь
Ты долженъ, по обычаю, сказать.
Тебѣ я посовѣтовать хотѣлъ:
Нашъ общій врагъ одинъ — Синьйоръ Піаченцы,
Убійца брата твоего Маттео,
Коварный Альберико. Много зла
Милану сдѣлалъ онъ... Ты обѣщай
Съ лица земли стереть его—и этимъ
Пріобрѣтешь всеобщую любовь!..

ГАЛЕАЦЦО.

Я объявлю кровавую войну
Синьйору Піаченцы—и давно
Всѣ знаютъ о намѣреньи моемъ!
Но въ этотъ мигъ Оттиліи судьба
Дороже мнѣ...

БЕРНАБО.

Остановись, мой сынъ!

Ты увлеченъ теперь минутнымъ чувствомъ,—
Страшись въ Совѣтѣ высказать его!..
Вотъ и Галеммо.

ВЫХОДЪ VII.

Галеммо.

ГАЛЕММО.

Васъ, Синьйоръ Милана,
Посланники сосѣдственныхъ державъ
И граждане въ Совѣтѣ ожидаютъ.

БЕРНАБО.

Я за тобой иду, мой сынъ.

ГАЛЕАЦЦО.

Но послѣ,
Къ Оттиліи тотчасъ-же?..

БЕРНАБО.

Мы ее
Увидимъ очень-скоро. (*Галеаццо уходитъ*) Что, Галеммо,
Какія вѣсти?

ГАЛЕММО.

Ваше приказанье
Исполнено!

БЕРНАБО.

Джіотто? (*Галеммо дѣлаетъ знакъ, что онъ повѣшенъ. Бернабо набожно снимаетъ шляпу*).
Отпусти,
О Господи, усопшему грѣхи,
И успокой въ раю его!

ГАЛЕММО (*также*).

Аминь!..

БЕРНАБО.

Теперь ступай скорѣй и позови
Оттилію ко мнѣ... Потомъ зайди
И попроси героя незнакомца,
Который сына спасъ—сюда-же въ залу,
Сказавъ, что хочетъ съ нимъ поговорить
Самъ Галеаццо (*Галеммо уходитъ*). Кажется, что я
Придумалъ все удачно. Альберико
Съ ней видѣться хотѣлъ — и я ему
Доставлю случай... Сыну не открылъ я,
Что тотъ, кто спасъ отъ страшной смерти брата,
Быть-можетъ, погубилъ его сестру.
Онъ долженъ самъ увидѣть свой позоръ.
Да, я хочу, чтобъ всѣ объ немъ узнали,
И Галеаццо долженъ будетъ мстить.
Хоть я боюсь, чтобы спасенье это
Не помѣшало мщенью!.. Но обида
Сильнѣе вдвое... Идутъ!.. Это ты,
Оттилія!..

ВЫХОДЪ VIII.

Оттилія, *потомъ* Альберико.

ОТТИЛІЯ.

За мной вы посылали?

БЕРНАБО.

Да, я хотѣлъ предупредить тебя:
Братъ видѣться съ тобой желаетъ. Онъ
Просилъ, чтобъ здѣсь его ты дождалась,
И изъ Совѣта тотчасъ будетъ. Я
Иду къ нему!.. Прощай, покамѣстъ!

(*Уходитъ*).

ОТТИЛІЯ.

Братъ!

Мой Галеаццо! Скоро-ли его
Увижу я? и почему ко мнѣ

Не могъ придти онъ въ комнату? За чѣмъ
Велѣлъ здѣсь дожидаться?.. Боже правый!
Когда узналъ онъ!.. Я и безъ того
Ему открыть хотѣла все. Онъ добръ,
Онъ благороденъ. Онъ меня пойметъ,
Проститъ мою любовь!.. Кто это? Боже!

АЛЬБЕРИКО (*входя и бросая шлемъ*).

Оттилія...

ОТТИЛІЯ.

Ты Альберико! О!
Зачѣмъ ты здѣсь! Какъ могъ сюда придти?..
Скажи! иль нѣтъ—бѣги скорѣй! Мой братъ
Сейчасъ придетъ. Я жду его!..

АЛЬБЕРИКО.

Твой братъ
Теперь въ Совѣтѣ и не скоро будетъ.
Ты это знаешь... Вѣрно, ты сама,
Воспользовавшись случаемъ нежданнымъ,
Узнавъ, что я спаситель Галеаццо,
Подъ именемъ его—за мной послала
Галеммо... Неужели я ошибся?

ОТТИЛІЯ.

Я не видала брата, не видала
Галеммо... Ты — спаситель Галеаццо?
О! ради Бога объясни мнѣ все
Скорѣй!

АЛЬБЕРИКО.

Такъ самъ онъ посылалъ за мною?..
Но все-равно! мы вмѣстѣ! Адъ иль небо
Свиданье намъ доставили—что́ нужды!
Мы счастливы!.. Къ чему, о чомъ намъ думать?
Одна любовь должна насъ занимать.

ОТТИЛІЯ.

Но объясни, прошу тебя!..

АЛЬБЕРИКО.

Къ чему

Всѣ объясненья! Нынче ночью я
Съ тобою не успѣлъ поговорить.
Застигнутый докучною зарею,
Я долженъ былъ уйти, но черезъ часъ,
Воспользовавшись праздникомъ народнымъ,
Торжественнымъ пріѣздомъ Галеаццо,
Хотѣлъ опять явиться, чтобъ съ тобою
Въ послѣдній разъ условиться о томъ,
Что̀ дѣлать намъ? Придумывая средство
Сюда пробраться, къ берегу Оланы
Я подходилъ. Въ ней всадникъ утопалъ:
Его я спасъ—то былъ твой братъ!

ОТТИЛІЯ.

Мой братъ!
Благодарю, Творецъ! О! ты теперь
Еще дороже сталъ мнѣ, Альберико.

АЛЬБЕРИКО.

Твой братъ меня не зналъ... онъ былъ далеко,
Когда погибъ Маттео!.. Я и самъ
Не зналъ, кого спасалъ отъ смерти. Онъ
Въ свой замокъ пригласилъ меня—и я,
Благодаря судьбу за то̀, что мнѣ
Она тебя увидѣть доставляла
Нежданый случай, принялъ приглашенье;
Но такъ-какъ здѣсь могли меня узнать,
То я рѣшился ни предъ кѣмъ забрала
Не поднимать, не говорить ни слова,
Покамѣстъ не условлюся съ тобой,
Что̀ дѣлать намъ...

ОТТИЛІЯ.

О, я теперь вполнѣ
Увѣрена, что братъ мой согласится
На бракъ нашъ!..

АЛЬБЕРИКО.

Нѣтъ, Оттилія, повѣрь!
Для Итальянца—месть всего дороже,
А между нами кровная вражда.
Меня за все Висконти ненавидятъ;
За то̀, что я изъ званія простаго

Возвысился до степени Синьйора,
За то, что я не отдаю Милану
Богатую и славную Пьяченцу,
Что я смѣюсь надъ властію его,
Что властолюбью я его мѣшаю,
За то, что я и врагъ и Гибеллинъ,
За то, что подъ моей рукою палъ
Синьйоръ Милана, молодой Маттео,
Сынъ Бернабо и Галеаццо братъ!

ОТТИЛІЯ.

О! Альберико! что ты мнѣ напомнилъ?
Я видѣла въ тебѣ всегда героя,
Кого люблю я больше жизни, міра!..
Въ объятіяхъ твоихъ забыла я,
Что я убійцу брата прижимаю
Къ моей груди.

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія! къ чему
Твои упреки? Братъ твой не измѣной,
Въ бою онъ равномъ палъ, лицомъ къ лицу,
Скрестивши мечъ со мной у Піаченцы.
Я, сколько могъ, щадилъ его, хотя
Тебя еще не зналъ тогда... Теперь
Моею жизнью искупить готовъ я
Лишь каплю крови бѣднаго Маттео.
Въ погибели его невиненъ я,
Мечомъ моимъ судьба руководила!
Оттилія! меня ты ненавидишь?..
Скажи—и Богъ свидѣтель—въ тотъ-же мигъ
Я удалюсь на вѣки—и найду,
Гдѣ умереть!..

ОТТИЛІЯ.

О Альберико! Развѣ
Я ненавистью злобной отвѣчала,
Когда ты мнѣ признался, что ты врагъ
И родины и дома моего?
Припомни: горько плакала тогда я,
Но въ страхѣ отъ тебя не убѣжала.

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія, ты знаешь, безъ тебя я
Жить не могу. Любя тебя, забылъ
Я всѣ другія чувства: жажду славы
И властолюбья, ненависть и месть.
Отецъ мой, умирая, завѣщалъ мнѣ
Презрѣнье къ людямъ. Онъ мнѣ говорилъ:
«Я восемдесятъ лѣтъ на свѣтѣ прожилъ,
И въ восемдесятъ лѣтъ я убѣдился,
Что въ мірѣ люди—демоны земные»!
Я вѣрилъ завѣщанію отца,
Покамѣстъ не увидѣлся съ тобою,
Покамѣстъ не узналъ, что въ этомъ мірѣ
И ангелы межъ демонами есть.
Оттилія! я для тебя готовъ
На все: за чѣмъ-же ты со мной не хочешь
Бѣжать отсюда, далеко отъ свѣта,
Отъ распри, злобы, мщенія людей,
Отъ ихъ пустыхъ условій и обрядовъ?

ОТТИЛІЯ.

Нѣтъ, Альберико! Кто отца покинетъ,
Который далъ намъ жизнь и охранялъ
Съ заботливой любовью наше дѣтство,
Преступенъ точно также, какъ и тотъ,
Кто Божія забывъ благодѣянья,
Въ безумьи отречется отъ Него.

АЛЬБЕРИКО.

Что-жъ дѣлать намъ, Оттилія?..

ОТТИЛІЯ.

Признаться
Во всемъ отцу и брату, и просить
Согласья ихъ на бракъ нашъ

АЛЬБЕРИКО.

Если-жъ мнѣ
Они откажутъ?

ОТТИЛІЯ.

Для мужчины міръ

Широкъ, пространенъ! Въ немъ найдетъ онъ случай
Въ трудахъ забыться—и развлечься славой,
А женщинѣ немного надо мѣста:
Какой-нибудь пустынной уголокъ,
Простая келья, гдѣ-бъ она могла
Искать забвенья горести—въ молитвѣ!

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія! ты ангелъ! О позволь
Въ послѣдній разъ, быть-можетъ, въ жизни
Прижать тебя къ груди! (*Обнимаетъ ее*).

ВЫХОДЪ IX.

БЕРНАБО и ГАЛЕАЦЦО, (*потомъ вельможи и Совѣтники Милана*).

БЕРНАБО (*въ-глубинѣ*).

Смотри, мой сынъ,
И убѣдись!

ГАЛЕАЦЦО (*бросаясь къ нимъ съ обнаженнымъ мечомъ*).

Проклятіе!..

ОТТИЛІЯ.

Мой братъ!
Мой Галеаццо! (*Хочетъ къ нему броситься, онъ ее отталкиваетъ*).

ГАЛЕАЦЦО.

Прочь! твой поцѣлуй
Не нуженъ брату: береги его
Любовнику!..

АЛЬБЕРИКО (*обнажая мечъ*).

Графъ Галеаццо! Готъ
Кто оскорбляетъ женщину, презрѣненъ
И низокъ!..

ГАЛЕАЦЦО.

А! и вы заговорили,
Таинственный спаситель! Не за тѣмъ-ли
Скрывали вы лицо свое и имя,
Что, обманувъ довѣренность мою,
Въ глаза людей смотрѣть вамъ было стыдно?

БЕРНАБО.

Мой сынъ!.. мой сынъ!.. Нѣтъ, онъ имѣлъ причины
Важнѣйшія скрываться! О! его
Я узнаю!.. Какой позоръ и стыдъ!..

ГАЛЕАЦЦО.

Но кто-же онъ? (*Выходятъ послы, союзники и стража. Съ-права свита Оттиліи*).

БЕРНАБО.

Ты хочешь знать, кто онъ?
Читай на лицахъ гражданъ и друзей
И ненависть и изумленье: онъ—
Нашъ первый врагъ, нашъ злѣйшій врагъ, убійца
Маттео—Альберико Шіотто!

ОТТИЛІЯ.

Боже!..

ГАЛЕАЦЦО.

Онъ—Альберико! Дерзкій!.. Казнь и месть! (*Стражѣ*).
Схватить его!..

АЛЬБЕРИКО.

Графъ Галеаццо! я
Вашъ плѣнникъ здѣсь, хоть не въ бою меня
Съ мечомъ въ рукахъ вы взяли, хотя я самъ
Явился гостемъ въ замокъ добровольно.
Напрасной крови я не стану лить:
Не равенъ будетъ бой, и защищаться
Я не хочу (*Бросаетъ мечъ*). Я слишкомъ въ васъ увѣренъ!
Когда пройдетъ припадокъ вашей злобы,
Я выслушать меня васъ попрошу.

ГАЛЕАЦЦО.

Къ чему слова? Что можешь ты сказать?
Не ты-ль сюда явился съ низкой цѣлью
Неопытность, невинность обольстить!..
Права гостепріимства ты нарушилъ.

АЛЬБЕРИКО.

Законовъ чести я не нарушалъ!
Я видѣлся съ сестрою вашей, Графъ,
И признаюся въ этомъ. Насъ свела
Судьба и обстоятельства... быть-можетъ,
Нарочно мнѣ разставленыя сѣти...—
И я ее безумно полюбилъ!
Я рано-ль, поздно-ль вамъ хотѣлъ открыться,
Но сами вы меня подстерегли
И привели—не знаю для чего—
Сюда весь городъ: я и передъ нимъ
Въ любви моей не постыжусь признаться;
Она чиста, безгрѣшна и свята.
Я даже радъ при всемъ Миланѣ сдѣлать
Вамъ предложенье, Графъ! Я врагъ Милана,
Опасный врагъ!—Я силенъ и могучь,
Войска мои надежны и отважны,
А города и крѣпки и богаты.
И я вамъ первый руку подаю
На примиренье. Графъ! Пора окончить
Кровавые раздоры. Я согласенъ
Признать власть Папы, вашу и Милана,
Когда въ залогъ торжественнаго мира
Вы отдадите—руку мнѣ графини
Оттиліи!..

ГАЛЕАЦЦО.

Тебѣ ее отдать!
Тебѣ, убійцѣ брата!..

БЕРНАБО.

Ты намъ смѣешь
Союзъ съ тобою предлагать, когда
Рука ея обѣщана изъ дѣтства
Болонскому Синьйору!

ОТТИЛІЯ.

Никогда!
Супругою Болонскаго Синьйора
Не буду я!.. Родитель!.. Галеаццо!
Я не вступлю безъ вашего согласья
Въ бракъ съ Альберико; если-жъ нашъ союзъ
Вы разорвете—пусть проститъ васъ Богъ!
За васъ и за себя—въ монастырѣ
Святой Джиневры буду я молиться!
И въ томъ клянусь предъ всѣми! Альберико,
Ты клятву слышалъ: я ее сдержу!

БЕРНАБО.

Графиня! романическія фразы
Тутъ не у мѣста. Васъ онъ ослѣпилъ
Наборомъ пышныхъ словъ, надутыхъ чувствъ,
Но если-бъ знали вы, кого любили,
Вы-бъ съ ужасомъ отевргнули его!

АЛЬБЕРИКО.

Что́ это значитъ, графъ?..

БЕРНАБО.

И онъ хотѣлъ
Съ Висконти породниться! Альберико
Шіотто! Ты забылъ, кто твой отецъ?

АЛЬБЕРИКО.

Графъ Бернабо!..

БЕРНАБО.

Кто мать твоя!

АЛЬБЕРИКО.

Несчастный!
Скажи одно лишь слово!.. (*Бросается къ Бернабо, но тотъ даетъ знакъ стражѣ, которая схватываетъ Альберико*).

БЕРНАБО.

Твой отецъ
Простымъ солдатомъ былъ...

АЛЬБЕРИКО (*мрачно*).

Я тѣмъ горжусь!

БЕРНАБО.

Гордись-же также матерью своею,
Преступный плодъ любви ея преступной,
Отверженный закономъ и людьми!

АЛЬБЕРИКО.

О Господи! и я обезоруженъ!
Дай силы мнѣ позоръ перенести!
Старикъ! ты мнѣ всей жизнію заплатишь
За это оскорбленье!

БЕРНАБО *(смѣясь)*.

Храбрый вождь,
Не торопись грозить мнѣ: ты забылъ,
Что жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ,
И прежде чѣмъ сойдетъ на землю ночь,
Въ жестокихъ мукахъ, въ пыткѣ ты умрешь!

ГАЛЕАЦЦО (*выходя изъ задумчивости*)

Нѣтъ! онъ мой гость! онъ спасъ мнѣ жизнь!

БЕРНАБО.

Мой сынъ!
Что̀ слышу я! что̀ хочешь дѣлать ты?..

ОТТИЛІЯ.

О, Галеаццо! сжалься!

ГАЛЕАЦЦО.

Мой родитель!
Васъ ослѣпила месть, но я законы
Гостепріимства, чести свято помню!
Минутнымъ гнѣвомъ я увлекся самъ.
Его я предложенье отвергаю,
И честный гербъ нашъ родственнымъ союзомъ
Съ побочнымъ сыномъ я не замараю.

АЛЬБЕРИКО.

И ты! о, месть обоимъ вамъ...

ГАЛЕАЦЦО.

Но онъ

Спасъ жизнь мнѣ — жизнь ему я оставляю!
Теперь мы квитъ съ тобою, Альберико.
Свободенъ ты! — до новаго свиданья —
Въ стѣнахъ твоей надмѣнной Піачепцы,
Которую чрезъ два дня иду я
Самъ осаждать! —

АЛЬБЕРИКО (*выходя впередъ*).

Графъ Галеаццо! ты
И твой отецъ жестоко оскорбили
Того, кто былъ вашъ плѣнникъ безоружный!
Графъ, это низко! я за оскорбленье
Тебя на поединокъ вызываю
Смертельный — и по рыцарскимъ законамъ
Тебѣ мою перчатку я бросаю! (*Бросаетъ перчатку*).

ГАЛЕАЦЦО.

Безумецъ! я союзъ съ тобой отвергнулъ,
И хочешь ты, чтобы я кровь Висконти
Смѣшалъ съ твоей нечистой кровью!.. Прочь!
Скрещать свой мечъ съ себѣ лишь равнымъ можетъ
И дворянинъ, и рыцарь, — а тебѣ,
Сынъ беззаконнья, срама и позора —
Презрѣньемъ я на вызовъ отвѣчаю! (*Отталкиваетъ ногою его перчатку. Альберико дѣлаетъ движеніе впередъ, потомъ говоритъ дрожа и глухимъ голосомъ*).

АЛЬБЕРИКО.

Графъ, я еще въ твоихъ рукахъ: если
Убить меня, — въ своемъ великодушьи
Чтобъ послѣ не раскаяваться.

ГАЛЕАЦЦО.

Я
Сказалъ уже, что ты свободенъ!

АЛЬБЕРИКО.

Графъ!
Я буду мстить, мстить страшно и жестоко!
До самой смерти, — даже послѣ смерти!
Убей меня!

БЕРНАБО.

Но если самъ онъ хочетъ,
Мнѣ кажется, мой сынъ, что можешь ты
Его исполнить просьбу!..

ГАЛЕАЦЦО.

Ты свободенъ!
Твоей я мести не страшусь!

АЛЬБЕРИКО.

Графъ!
Чтобы достигнуть цѣли — для меня
Всѣ средства благородны будутъ.

ОТТИЛІЯ.

Боже!
Какъ страшенъ онъ!..

АЛЬБЕРИКО.

Мы свидимся! (*Хочетъ уйдти*).

ОТТИЛІЯ.

Творецъ!
Мой Альберико!

АЛЬБЕРИКО.

О! чей это голосъ?
Меня зоветъ къ себѣ безгрѣшный ангелъ
Святой любви — прочь! — чорный демонъ мести
Сильнѣе! (*Отталкивая бросившуюся къ нему Оттилію*).
Прочь!.. тебя не знаю я!

(*Оттилія падаетъ безъ чувствъ. Всѣ бросаются къ ней. Галеаццо стоитъ холодно, опустивъ руку на мечъ. Альберико показываетъ на небо. Бернабо потираетъ руки. Занавѣсъ падаетъ*).

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

БРАТСКІЙ ПОЦѢЛУЙ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Богатая комната во дворцѣ Альберико, въ Піаченцѣ. Двери въ глубинѣ и на-лѣво.

ВЫХОДЪ I.

ОТТАВІО ГОНЗАГО, АЦЦО Д'ЕСТЕ, ВЕЛЬМОЖИ ПІАЧЕНЦЫ (*входятъ въ главныя двери*).

ОТТАВІО.

Онъ, говорятъ, не такъ здоровъ.

АЦЦО.

Быть можетъ!
А можетъ-быть и то, что насъ онъ хочетъ
Заставить подождать себя.

ОТТАВІО.

Синьйоръ!
Нашъ Альберико простъ и благороденъ,
Въ немъ гордости нисколько нѣтъ. Онъ съ нами
Не будетъ роль властителя играть.
Не мудрено устать ему! Онъ въ битвѣ
Свирѣпымъ львовъ носился межъ враговъ.

АЦЦО.

Да, онъ былъ точно главною причиной

Побѣды нашей; безъ него, быть-можетъ,
Висконти ворвались-бы въ Піаченцу.

ОТТАВІО.

Но эта битва — если не заставитъ
Ихъ отступить, — навѣрное удержитъ
Врага на-долго отъ попытокъ дерзкихъ—
Взять приступомъ нашъ городъ.

АЦЦО.

Вотъ и онъ.

ВЫХОДЪ II.

АЛЬБЕРИКО (*изъ дверей на-лѣво*)

ОТТАВІО.

Синьйоръ Пьиченцы! Мы пришли тебѣ
Отъ имени согражданъ и народа,
Вождей и Гибеллиновъ принести
За славную побѣду благодарность.

АЛЬБЕРИКО.

Друзья мои! безъ васъ я ничего
Не могъ-бы сдѣлать: дружное согласье
Доставило побѣду надъ врагомъ.
Онъ долго будетъ помнить эту битву!

АЦЦО.

Какія-жъ приказанья ты намѣренъ
Отдать теперь?

АЛЬБЕРИКО.

Мы завтра въ свой чередъ
Сберемъ полки—на лагерь гордыхъ Гвельфовъ
Изъ крѣпости нежданно нападемъ,
И ихъ толпы отъ нашихъ стѣнъ отбросимъ.
Мы побѣдимъ! Пришла пора! Миланъ
Падетъ предъ Піаченцой! Гибеллины
Восторжествуютъ снова. Сѣверъ весь

Италіи роскошной и прекрасной
Свободнымъ, самобытнымъ будетъ. Мы
Освободимъ его отъ власти папы.
Воскреснутъ вновь на родинѣ моей
Богатыя республики — и имя
Защитниковъ великой Піаченцы
Въ далекое потомство долетитъ.

АЦЦО.

Къ чему, Синьйоръ, мечтами заноситься
Такъ далеко? Подуетъ легкій вѣтеръ,—
И зданье человѣческихъ надеждъ
На части распадется!..

АЛЬБЕРИКО.

Нѣтъ, Синьйоръ,
Не распадется! Крѣпкія основы
Я нашему союзу положилъ,
И высоко я поднялъ Піаченцу.
За свой позоръ я страшно отомщу!
Висконти намъ противиться не въ-силахъ,
И знаетъ это очень-хорошо.
И завтра-же пробьетъ послѣдній часъ
Владычества и силы гордыхъ Гвельфовъ!

ОТТАВ. И АЦЦО.

Да сбудется!

АЛЬБЕРИКО.

Я въ томъ ручаюсь вамъ!

ВЫХОДЪ III.

Оруженосецъ, потомъ Іеронимо Фоско.

ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

Синьйоръ! сей-часъ явился во дворецъ
Врачъ города, Іеронимо Фоско:
Онъ видѣть васъ желаетъ непремѣнно...
Онъ важное извѣстіе принесъ!..

АЛЬБЕРИКО.

Зови его! Что̀ можетъ онъ сказать! (*Оружен. уходитъ*).

ОТТАВІО.

Я не люблю прихода докторовъ:
Они всегда приносятъ за собою
Болѣзни и несчастья. (*Входитъ Фоско*).

АЛЬБЕРИКО.

Это вы,
Мой добрый другъ! Скажите, что̀ такое
Случилось?

ФОСКО, *блѣдный и испуганный.*

Синьйоръ!.. Погибло все!.. *Говоритъ ему на ухо. Альберико остается неподвиженъ отъ ужаса, блѣдность покрываетъ лицо его.*)

АЛЬБЕРИКО.

О Боже!.. Неужель! Я самъ бѣгу
Узнать! увидѣть!.. (*Бросается въ главныя двери*).

ОТТАВІО *схватывалъ за руку Фоско.*

Докторъ!.. что̀ такое!
Скажите! Объясните!

АЦЦО.

О! Синьйоры!..

ФОСКО.

Молиться! кайтесь,—и готовьтесь къ смерти!
Послѣдній часъ часъ пробилъ для Піаченцы! (*Убѣгаетъ. Всѣ безмолвны отъ ужаса*).

ОТТАВІО, *послѣ молчанія.*

Что̀ это значитъ?

АЦЦО.

Полуумный Фоско
Сошолъ совсѣмъ съ-ума.

ОТТАВІО.

Но что̀ могло
Случиться такъ мгновенно?

1-й вельможа.

Въ Піаченцу
Не ворвались-ли Гвельфы?

2-й вельможа.

Не случился-ль
Пожаръ?..

3-й вельможа.

Землетрясенье?

оттавіо.

Это все
Сей-часъ-бы слышно было и замѣтно.

1-й вельможа.

Бѣжимъ узнать! (*Часть вельможъ уходитъ*).

аццо.

Я не могу понять!
Самъ Альберико вѣстью былъ испуганъ!
Я за него готовъ ручаться былъ,
Что онъ не задрожалъ-бы, если-бъ небо
Обрушилось внезапно на него.

оттавіо.

Сюда идетъ подеста Брешіанскій:
Быть-можетъ, отъ него мы что-нибудь
Узнаемъ наконецъ!..

ВЫХОДЪ IV.

Уго Теллури.

аццо.

Скажите, Уго!
Скорѣе, что̀ случилось?

уго.

Божій гнѣвъ

Постигнулъ насъ нежданно!.. Въ Піаченцѣ...
Свирѣпствуетъ...

всѣ, *бросаясь къ нему и окружая его.*

Скажите!.. что?..

УГО.

Чума!!

ВСѢ.

Чума!!.

УГО.

Чума губительная!.. Съ часъ
Тому назадъ, на площади Пьяченцы
Старикъ какой-то вдругъ упалъ и умеръ.
Народъ столпился тотчасъ вкругъ него;
Съ рыданьемъ трупъ холодной окружили
И дѣти и жена; на лицахъ ихъ
Болѣзненная блѣдность разливалась.
Жена народу стала говорить,
Что мужъ три дня страдалъ болѣзнью странной,
Все жалуясь, что сердце у него
Горитъ въ груди, что муки старика
Ужасны были, что она сама
И дѣти туже чувствуютъ болѣзнь
И боль на сердцѣ. Въ ужасѣ народъ
Внималъ ея словамъ, какъ вдругъ она,
Разсказа не окончивъ, подлѣ мужа
Упала, съ дикимъ стономъ сжала грудь,
И умерла—и на обоихъ трупахъ
Вдругъ пятна темно-синія явились.
Народъ бѣды еще не понималъ,
Оцепенѣвъ, шептался межъ-собою,
Какъ вдругъ на трупѣ отца—холоднымъ трупомъ
Упала дочь, малютка лѣтъ семи,
За нею братъ, блиставшій красотою
И молодостью... Въ то-же время докторъ
Въ толпѣ нашолся, къ трупамъ подошолъ,
Взглянулъ,—и въ страхѣ бросился назадъ,
Вскричавъ: «Безумцы!.. Боже! мы погибли!..
Они въ чумѣ—мы всѣ зачумлены!..»
Я мимо проходилъ,—я слышалъ крики
Отчаянья и ужаса—я видѣлъ,

Какъ вѣстью неожиданной сраженный,
Народъ бѣжалъ по улицамъ—давя,
Растаптывая слабыхъ стариковъ,
Отставшихъ женщинъ... Городъ опустѣлъ
Въ одну минуту!... (*Слышенъ глухой ударъ въ набатъ*) Чу!
Вотъ страшный вѣстникъ
Народнаго несчастья!... Горе! горе!
О, Господи! Помилуй насъ въ бѣдахъ!...

ВСѢ.

О, горе! горе!...

ОТТАВІО.

Каждый мигъ намъ смертью
Грозитъ. Тутъ медлить нечего. Скорѣе
Сберу мои Веронскіе полки,
Оставлю городъ!

АЦЦО.

Я мою дружину
Сегодня-жъ вывожу!

ВЫХОДЪ V.

АЛЬБЕРИКО *потомъ* ІЕРОНИМО ФОСКО.

АЛЬБЕРИКО (*въ дверяхъ, услыша послѣднія слова*).

Благодарю
Васъ, вѣрные союзники Пьяченцы!
Вы держите такъ свято обѣщанье
Не покидать въ несчастіи меня.

ОТТАВІО.

Синьйоръ, гдѣ воля Бога посылаетъ
И смерть, и казнь,—людскія обѣщанья
И клятвы разрываются мгновенно.

АЛЬБЕРИКО.

И вы врагамъ хотите уступить
Плоды побѣдъ и власть!...

АЦЦО.

Тамъ нѣтъ враговъ,
Гдѣ Божій гнѣвъ: всѣ грѣшники и братья!

ОТТАВІО.

Къ чему теперь побѣды? Піаченца
На вашъ призывъ останется безмолвна,
И мечъ войны изъ рукъ она уронитъ
И сложитъ ихъ съ молитвой предъ Творцомъ.

АЛЬБЕРИКО.

Вы правы! да! теперь я всѣми брошенъ!
Узнаетъ врагъ о нашемъ положеньи
И городъ нашъ падетъ предъ нимъ... Проклятье!...
Въ одно мгновенье все погибло! все!...
Что́ дѣлать мнѣ?..

ІЕРОНИМО ФОСКО (*входя*).

Синьйоръ! Изъ вашей стражи
Скончались два оруженосца!... Я
Пересказалъ имъ ваше приказанье —
Не покидать постовъ и отгонять
Столпившійся народъ, но всѣ они,
Не слушая ни словъ, ни увѣщаній,
Покинувши оружье, разбѣжались!

АЛЬБЕРИКО.

Такъ скоро? Я не ждалъ!

ОТТАВІО.

Скажите, докторъ,
Въ чомъ признаки губительной заразы?

ФОСКО.

Одно прикосновеніе того,
Кто зачумленъ, грозитъ ужасной смертью.
Но зараженный можетъ жить три дня.
И въ эти дни онъ чувствуетъ, что сердце
Внутри его сгараетъ по-немногу;
На третій день несчастный умираетъ
Въ ужасныхъ мукахъ; иногда мгновенно
Смерть постигаетъ, только это рѣже.

ОТТАВІО (*отступая*).

Но докторъ... вы... вы сами... Тотчасъ были
У зачумленныхъ.

(*Всеобщее движеніе*).

ФОСКО.

Успокойтесь, графъ!
Ко мнѣ еще не привилась зараза,
И Богъ меня невидимо хранитъ
Для помощи моимъ несчастнымъ братьямъ.
Узнавъ сейчасъ, что признаки чумы
У стражи обнаружились,—Синьйору
Извѣстье я принесъ,—и онъ, герой,
Пренебрегая смертью и заразой,
Самъ къ стражѣ побѣжалъ, и я за нимъ.
Ее онъ успокоивалъ, просилъ,
Чтобъ бодрости они не потеряли
И исполняли долгъ свой, какъ всегда;
Они клялися всѣ повиноваться,
Какъ вдругъ у одного изъ нихъ нежданно
Всѣ признаки заразы показались:
За сердце онъ схватился, застоналъ...
И на него взглянувши, съ дикимъ воплемъ
Всѣ разбѣжались...

АЦЦО.

Докторъ! ради неба
Какъ можно зачумленнаго узнать?

ФОСКО.

Боль страшную онъ чувствуетъ на сердцѣ,
Лицо его блѣднѣе, чѣмъ у трупа,
Выходятъ пятна синія вкругъ глазъ...

(*Всѣ взглядываютъ на Альберико и видя, что онъ поблѣднѣлъ и схватывается рукою за сердце, съ громкимъ крикомъ бросаются отъ него въ-сторону*).

ВСѢ.

Чума!! спасите!

(*Бросаются къ дверямъ, Альберико*

предупреждаетъ ихъ движеніе и схватывается за двери. Всѣ отбѣгаютъ въ противоположную сторону).

Да!... Чума!... она!...
Я чувствую... вотъ сердце загорѣлось!...
Проклятіе!... Что сдѣлалъ я судьбѣ?...
Но нѣтъ! Я не умру, не отомстивши
Моимъ врагамъ!... О! братья и друзья!...
Я умоляю васъ—изъ Піаченцы
Не разбѣгайтесь только полчаса!
Оттавіо!... ты здѣсь имѣешь власть!
Припомни—я спасалъ тебя два раза
Отъ явной смерти. Поклянись, что ты
Изъ города съ дружиною своею
Не выпустишь народъ!.. клянись!...

ОТТАВІО.

Несчастный!
Что хочешь дѣлать ты?

АЛЬБЕРИКО.

Я мстить хочу!
Ты все узнаешь!... Другъ и братъ!... Смотри!
Я на колѣняхъ!... Дай мнѣ полчаса,
Потомъ возьми себѣ и Піаченцу,
Все, что чума тебѣ оставитъ!...

ОТТАВІО.

О!
Я понимаю, что ты хочешь дѣлать.
Ты правъ! Когда намъ суждено погибнуть,
Пусть и враги погибнутъ вмѣстѣ съ нами!
Клянусь, что подъ мечи надменныхъ Гвельфовъ
Народу не позволю я бѣжать,
И у воротъ съ отборною дружиной
Самъ буду Піаченцу охранять...

АЛЬБЕРИКО.

Благодарю!.. (*Схватываясь за сердце*). Мой Богъ!.. Смерть!..
Погоди!
Дай часъ одинъ?.. Тамъ вѣчность впереди!..

(*Убѣгаетъ въ главныя двери. Остальные бросаются въ двери на-право*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Палатка Висконти, съ гербами Милана; посрединѣ полукругомъ стоятъ кресла. Столъ на-лѣво.

ВЫХОДЪ I.

Галеаццо, Бернабо, Джироламо Теста, Микели, Амброджіо Сера.

ГАЛЕАЦЦО *(бросая на столъ шлемъ и щитъ)*.

Все кончено! Презрѣнные безумцы!
Одно несчастье ихъ могло разстроить
И духъ убить!... Одну лишь неудачу
Мы испытали—ужъ они кричатъ,
Что не пойдутъ на приступъ, и что завтра
Отъ города отступятъ.

АМБРОДЖІО СЕРА.

Вы, Синьйоръ,
Ужъ слишкомъ снисходительно назвавши
Простою неудачею—погибель
Трехъ тысячъ войска, позабыли, сколько
Союзниковъ и рыцарей миланскихъ,
За вашу неумѣстную попытку,
Своими головами заплатили!

ГАЛЕАЦЦО.

Вамъ, господинъ посланникъ флорентинскій,
Совѣтывалъ-бы я своихъ сужденій
О подвигахъ воинскихъ не давать.
Съ перомъ въ рукахъ—великій вы политикъ,
Но на мечахъ боецъ не знаменитый:
Не вамъ судить о томъ, что̀ сдѣлалъ я.

АМБРОДЖІО СЕРА.

Вы слишкомъ горячитеся, Синьйоръ!

Позвольте вамъ напомнить, что предъ вами
Республики великой и богатой
Посланникъ знаменитый .. Тотъ, который...

ГАЛЕАЦЦО.

Привезъ въ Миланъ одни лишь поздравленья
И можетъ получить за нихъ отъ насъ
Одну лишь благодарность!..

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Что́ тутъ спорить?
Намъ надобно подумать и рѣшить:
Остаться-ль подъ стѣнами Піаченцы,
Иль отступить?

БЕРНАБО.

Сейчасъ совѣтъ военный,
Союзники, начальники отрядовъ
Сберутся — и вопросъ обсудимъ мы.

МИКЕЛИ.

Два мѣсяца мы даромъ здѣсь убили
Въ приготовленьяхъ къ приступу, и чѣмъ-же
Окончилися всѣ приготовленья?...

АМБРОДЖІО СЕРА.

Я думаю, какъ гордый Альберико
Въ стѣнахъ своихъ высокихъ, неприступныхъ,
Смѣется надъ Миланцами теперь!

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Мнѣ кажется, что мы осаду эту
Напрасно начинали.

БЕРНАБО.

Нѣтъ! осада,
Повѣрьте, не напрасна! Если-бъ мы
Гнѣздо враговъ успѣли разорить,
И захватить орла съ его утесомъ,
Легко-бы намъ достались тогда
Разсѣянные ужасомъ орлята.

Но приступа и я не одобрялъ.
Къ чему напрасно было тратить силы?
Враговъ могли-бъ мы голодомъ удобно
Всѣхъ выморить въ ихъ городѣ, какъ крысъ:
На это только было нужно время,
И приступъ этотъ все испортилъ дѣло.

ГАЛЕАЦЦО.

И мой отецъ! Онъ также, какъ и всѣ,
Въ несчастьи обвиняетъ Галеаццо,
Какъ-будто отъ меня успѣхъ сраженья
Зависѣлъ! Я ручался-бъ за побѣду,
Когда-бъ войска союзные дрались,
Какъ храбрые Миланцы. Но дружины
Римінскія вдругъ обратились въ бѣгство,
Войска смѣшали, въ страхъ всѣхъ привели,
И сами не хотятъ теперь вступать
Въ другую битву!... Но еще надежда
Осталась у меня. Еще другіе
Союзники и храбры, и вѣрны.

ВЫХОДЪ II.

КАПИТАНЪ АЛЕБАРДИСТОВЪ, *потомъ* ГЮИ КАТЕРРА, ДЖАКОБО ДЕ-БУССОЛАРИ И ДЖІОВАНИ МАЛАТЕСТИ.

КАПИТАНЪ.

Синьйоръ! вожди союзниковъ хотятъ
Васъ видѣть.

ГАЛЕАЦЦО.

Я ихъ жду.

(*Капитанъ уходитъ*).

АМБРОДЖІО СЕРА.

Теперь услышимъ
Мы предложенья ихъ.

(*Вожди входятъ*).

ГАЛЕАЦЦО.

Друзья мои,

Что васъ сюда приводитъ? А, и вы,
Синьйоръ Римини, храбрый и отважный,
Явились также? Не опять-ли ваши
Отважныя дружины разбѣжались,
И ихъ собрать не удается вамъ?

ДЖІОВАНИ МАЛАТЕСТИ.

Они давно ужъ собраны, Синьйоръ,
Съ дружиной Павіанской, Монферратской,
Ждутъ только знака ихъ вождей, чтобъ снова
На родину отправиться обратно.

ГАЛЕАЦЦО.

Какъ, неужель, Маркизъ?.. И вы, Подеста,
Вы также оставляете меня?...

ДЖАКОМО ДЕ-БУССОЛАРИ.

Да, графъ, хоть противъ воли. Наше войско
Единогласно требуетъ возврата
Въ отечество, и ропщетъ на вождя,
Который, простоявъ подъ Піаченцой
Въ бездѣйствіи два мѣсяца,—на третій
Безъ цѣли, даромъ пролилъ столько крови.

ГАЛЕАЦЦО.

Я понимаю васъ. Вы такъ всегда
Съ Миланомъ поступали: вся добыча
Всѣ выгоды—союзникамъ, а намъ
Однѣ потери. Я васъ не держу!
Дастъ Богъ и съ Піаченцой мы одни
Окончимъ споръ нашъ. Вы, по-крайней-мѣрѣ,
До неудачи были вѣрны намъ,
Дрались храбро. Я васъ и за это
Благодарю! А вы, Синьйоръ Римини,
Вы, вѣрно, послѣ первой-же побѣды
Вновь поздравленьемъ явитесь ко мнѣ.
Но ваша помощь больше не нужна намъ:
Ее вы предложите Піаченцѣ:
Теперь она славна и знаменита.

ДЖІОВАНИ МАЛАТЕСТИ.

Я сдѣлаю все для народной славы,

Что̀ будетъ нужно; но полки, навѣрно
Не поведу вторично на убой,
Въ союзѣ съ знаменитымъ полководцомъ
Миланскимъ!...

(*Уходитъ съ Буссолари*).

АМБРОДЖІО СЕРА.

Я оставить также долженъ
Миланъ, объ васъ душевно сожалѣя,
И объявить, что съ-этихъ-поръ союзъ
Флоренція съ Миланомъ разрываетъ.

(*Уходитъ*).

ГАЛЕАЦЦО.

Еще одинъ... Кому еще угодно
Меня оставить?... Что̀-же васъ, маркизъ,
Удерживаетъ здѣсь?...

ГЮИ.

Желанье быть
Полезнымъ вамъ. Войска мои обратно
На родину теперь я отпускаю;
Я удержать ихъ просьбами не могъ:
Покой и отдыхъ имъ нужнѣе славы.
Но самъ хотѣлъ-бы съ вами здѣсь остаться,
Труды войны, опасности дѣлить,
И пораженья стыдъ загладить новой
Побѣдой надъ врагами.

ГАЛЕАЦЦО.

Дайте руку
Маркизъ! вы рыцарь сердцемъ и душою.
Я ваше предложенье принимаю,
И съ-этихъ-поръ я вѣчный вашъ должникъ.

ВЫХОДЪ III.

КАПИТАНЪ, (*потомъ начальники отрядовъ и союзныхъ войскъ*).

КАПИТАНЪ.

Синьйоръ! сюда начальники отрядовъ

И войскъ союзныхъ графы и вожди,
По вашему сошлися приказанью!

ГАЛЕАЦЦО.

Зови!

(*Капитанъ уходитъ; выходятъ военачальники и молча садятся на приготовленныя мѣста*).

Друзья по битвамъ, по оружью,
Товарищи! Я собралъ васъ, чтобъ мнѣнье
И ваше и отрядовъ всѣхъ узнать,
О томъ, что́ дѣлать намъ: за пораженье
Отмстя, со славой продолжать осаду,
Иль со стыдомъ, съ безчестьемъ отступить?
Я жду отвѣта....

ВСѢ (*вставши съ своихъ мѣстъ*).

Отступить!...

ГАЛЕАЦЦО (*поражонный*).

И это
Рѣшительное, общее желанье!...

(*Всѣ молча наклоняютъ головы*).

И войско все такъ думаетъ какъ вы?...

(*Тотъ-же знакъ*).

Миланъ! Миланъ!... Близка твоя погибель!
Вотъ храбрые защитники твои,
Свободы государственной опора!
Позоръ и стыдъ! И я—Синьйоръ Милана!
Нѣтъ! Завтра-же я къ Папѣ напишу,
Что власть съ себя слагаю!...

БЕРНАБО.

Галеаццо!
Мой сынъ!

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Его святѣйшество не приметъ
Такого отреченія!...

БЕРНАБО.

Подумай!

Еще судьба перемѣниться можетъ
Еще достигнуть цѣли можемъ мы!...

ГАЛЕАЦЦО.

Обманомъ иль измѣною, быть-можетъ,
Но силою оружья—никогда!
Я хорошо узналъ моихъ Миланцевъ,—
И съ-этихъ-поръ я не властитель ихъ!

ВЫХОДЪ IV.

КАПИТАНЪ, *потомъ* АЛЬБЕРИКО (*въ закрытомъ шлемѣ*).

КАПИТАНЪ.

Синьйоръ! Сейчасъ изъ Піаченцы прибылъ
Посолъ въ нашъ лагерь!...

БЕРНАБО.

Какъ изъ Піаченцы!...

ГАЛЕАЦЦО.

Въ такое время? Нѣтъ! Я не хочу,
Чтобъ онъ нашъ стыдъ и нашъ позоръ увидѣлъ!
Не принимать!...

БЕРНАБО.

Подумай, Галеаццо!
О нашемъ положеньи врагъ не знаетъ;
Быть-можетъ, къ намъ онъ присланъ предложить
Условья мира.

ГАЛЕАЦЦО.

Піаченца намъ
Не *предложитъ*, а *предписать* ихъ можетъ.

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Посла принять ничто намъ не мѣшаетъ.

ГЮИ.

Пускай переговоръ окончитъ споры,
А не удастся—мечъ ихъ разрѣшитъ!

ГАЛЕАЦЦО.

Хотите вы?... Зови сюда посла!

(Капитанъ уходитъ. Альберико входитъ въ палатку, становится посрединѣ и поднимаетъ забрало)

ВСѢ.

Возможно-ль! Альберико!!

АЛЬБЕРИКО.

Вы не ждали
Меня увидѣть и никакъ не ждете
Того, что́ я пришолъ вамъ предложить!
Не бойтесь!... Я одинъ!... я безоруженъ!

ГАЛЕАЦЦО.

Бояться? Дерзкій!...

АЛЬБЕРИКО.

Графъ!... Конецъ раздорамъ!
Забудемъ навсегда пустые споры!
Сегодня утромъ васъ я побѣдилъ,
Надолго обезпечилъ Піаченцу
Отъ вашихъ нападеній: городъ мой
И крѣпокъ и богатъ,—А вы теперь
Ослаблены потерей и враждою.

БЕРНАБО.

Что̀ нужды! Мы еще довольно-сильны,
Чтобы отомстить за пораженье вамъ,
И войско наше жаждетъ новой битвы!

АЛЬБЕРИКО.

Я вѣрю!... Но тогда опять надолго
Польется кровь, возстанутъ вновь раздоры,
А я пришолъ имъ положить конецъ.

БЕРНАБО.

Мы можемъ только честный миръ принять!

ГАЛЕАЦЦО.

Твои условья?

АЛЬБЕРИКО

Всѣ мои владѣнья
Я навсегда Милану отдаю,
Слагаю санъ Синьйора Піаченцы;
Свои права и власть передаю
Миланскому владыкѣ, —и иду
Во власяницѣ, бо̀сыми ногами,
Въ державный Римъ вымаливать прощенье
У Папскаго престола!..

ГАЛЕАЦЦО,

Альберико!
Когда пришолъ надъ нами ты смѣяться...

АЛЬБЕРИКО.

Графъ! убѣдися въ искренности словъ:
Пошли отрядъ къ воротамъ Піаченцы
И ихъ тебѣ отворятъ въ тотъ-же мигъ.
Заложникомъ у васъ я остаюся,
И буду жизнью отвѣчать за гибель
Послѣдняго изъ всадниковъ твоихъ!

ГАЛЕАЦЦО.

Но что̀-же побудить тебя могло
Къ такой внезапной перемѣнѣ?

АЛЬБЕРИКО.

Что̀?
Велѣнье Бога! Грозно прогремѣли
Слова его надъ грѣшной головой.
Я понялъ всю тщету земнаго счастья,
Величія и славы. Я одинъ
Всеобщему спокойствію мѣшалъ,
И принести себя рѣшился въ жертву.
Твою сестру любилъ я, Галеаццо...
Она меня любила также страстно...
Но въ кельѣ, власянищею одѣта,
Любовь свою умѣла побѣдить.
Я месть мою хочу забыть, и кончить
Раздоры наши. Галеаццо! руку...
И братскій поцѣлуй—и въ тотъ-же мигъ
Конецъ враждѣ, конецъ всему на свѣтѣ!..

БЕРНАБО (*Галеаццо*).

Мой сынъ, не медли! дай безумцу руку,
Отправь отрядъ къ стѣнамъ. Великодушья
Припадокъ можетъ кончиться.

ГАЛЕАЦЦО.

Отецъ мой!..
Вы этого хотите!.. Альберико!..
Хоть я тебя вполнѣ не понимаю,
Но вѣрю свято искренности чувствъ.
Все прошлое забыто!—Вотъ тебѣ
Моя рука!..

АЛЬБЕРИКО.

Нѣтъ! Галеаццо! нѣтъ!
Не такъ враги кончаютъ въ жизни распри.
Ко мнѣ! на грудь!..

ГАЛЕАЦЦО.

Когда ты хочешь!
(*Подходитъ къ Альберико; онъ крѣпко прижимаетъ его къ груди*).

АЛЬБЕРИКО.

(О!
Благодарю судьбу!.. свершилось мщенье!)

БЕРНАБО.

Я больше былъ противъ тебя виновенъ,
И съ радостью прижму тебя къ груди!..

АЛЬБЕРИКО.

О, добрый Графъ! Отецъ чадолюбивый!
Тебѣ мой самый жаркій поцѣлуй. (*Обнимаетъ его*).

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Позволь и мнѣ, великій человѣкъ,
Достойный удивленья и похвалъ,
Обнять тебя отъ всей души.

АЛЬБЕРИКО.

Я радъ!
Пусть всѣ враги придутъ ко мнѣ!.. Въ объятьяхъ
Моихъ найдутъ забвенье и покой. (*Обнимаетъ его*).

Владѣтель Монферратскій и Микели,
Республики посланникъ знаменитый,
Я съ вами жаркимъ братскимъ поцѣлуемъ
Союзъ на-вѣкъ хотѣлъ-бы заключить!

МИКЕЛИ.

О! съ радостью!

ГЮИ.

Отъ всей души. (*Обнимается.*)

АЛЬБЕРИКО.

И вы,
Опора и защитники Милана,
Примите поцѣлуй мой,
(*Обнимаетъ нѣкоторыхъ начальниковъ, но вдругъ схватывается рукою за сердце и ослабѣваетъ*).
Вотъ она
Мучительная боль!. Нѣтъ силъ!..

ГАЛЕАЦЦО.

О Боже!
Какъ блѣденъ ты?..

БЕРНАБО.

Не боленъ-ли?

ДЖИРОЛАМО ТЕСТА.

Синьйоръ!
Что̀ съ вами?

(*Всѣ приближаются къ нему съ участіемъ. Онъ сбираетъ ихъ вокругъ себя, схватываетъ за руки Бернабо и Тесту, и говоритъ съ усиліемъ*)

АЛЬБЕРИКО

Вы хотите знать, друзья,
Что̀ сдѣлалось со мною? Я не буду
Васъ мучить неизвѣстностью... Я все
Открою вамъ! Узнайте-жъ... Примиренье
Комедіей губительною было:
Въ груди моей не умирала месть, —
Въ моихъ объятьяхъ приняли вы смерть,
Мой поцѣлуй былъ страшнымъ поцѣлуемъ

Предателя—Іуды!.. Каково
Я обманулъ васъ?.. Что-жъ вы поблѣднѣли?
Смѣяться надо! Ха! ха! Въ Піаченцѣ
Чума (*Движеніе*). Постойте! рано засмѣялись!..
Я самъ въ чумѣ—вы всѣ зачумлены!!!

(*Всѣ въ ужасѣ, съ громкимъ крикомъ бросаются отъ него. Онъ съ хохотомъ падаетъ на землю. Занавѣсъ опускается*).

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДЕМОНЫ и АНГЕЛЫ.

Ночь. Площадь въ Миланѣ. На-право соборъ. На-лѣво оставленныя зданія; во многихъ стекла перебиты, двери выломаны, другія наглухо заколочены. Въ окнахъ дома Асканіо Петруччи, ближайшаго къ сценѣ, виденъ яркій свѣтъ, и оттуда несутся по-временамъ веселые крики и пѣсни. На горизонтѣ зарево отъ горящихъ костровъ и зданій. Въ глубинѣ сцены, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разложены костры. Вокругъ нихъ толпятся нищіе, женщины и дѣти. Вѣтеръ приноситъ глухія звуки набата.

ВЫХОДЪ I.

ФРА АНІЕЛО, (*на ступеняхъ паперти*), *потомъ* НАРОДЪ, ПАУЛО, ЛАВРУЧЧИ, МАРКО, БАТТИСТО и МИКЕЛИ.

ФРА АНІЕЛЛО.

Чу! загудѣлъ опять!.. Зловѣщій вѣстникъ!
Твой голосъ ужасъ въ сердцѣ разливаетъ!
Прогнѣвали грѣхами мы Творца,
И грянулъ въ насъ Онъ грознымъ Саваоѳомъ.
Два дня Миланъ всѣ ужасы чумы

Съ какою-то безчувственностью сноситъ.
Въ два дни онъ больше гражданъ потерялъ,
Чѣмъ въ два года междуусобныхъ браней.
Народъ, дома въ отчаяньи покинувъ,
Бѣжитъ въ лѣса окрестные, въ поляхъ
Спасается отъ страшнаго врага.
Но не уйти ему отъ Божья гнѣва,
Какъ не уйти отъ Божьяго суда.
Вождь Піаченцы внесъ въ Миланъ погибель;
Когда, явясь въ лагерь, зачумилъ
Вождей онъ,—и упалъ среди палатки,
Всѣ разбѣжались въ ужасѣ, сочтя
Его умершимъ. Но его я самъ
Здѣсь видѣлъ: онъ по улицамъ Милана
Скитается, какъ тѣнь, какъ злобный духъ,
Своей ужасной местью восхищаясь.
Народъ хотѣлъ убить его, но первый
Кто поднялъ руку на него, упалъ,
Какъ молніей, чумою поражонный.
Съ-тѣхъ-поръ его всѣ демономъ считаютъ,
И встрѣтясь съ нимъ блѣднѣютъ и дрожатъ.

(*За сценой глухіе крики.*)

Опять несутся крики! вѣрно вновь
Народъ безумный, въ заблужденьи жалкомъ,
Преслѣдуетъ виновниковъ заразы;
Не хочетъ онъ понять, что смерть отъ Бога,
И казнь небесъ приписываетъ людямъ,
Да! такъ и есть! они бѣгутъ сюда!..
Преслѣдуя кого-то.—Боже правый!
Дай силы мнѣ безумцевъ убѣдить,
И обуздать ихъ ярость!

На сцену выбѣгаетъ Микели, блѣдный, въ разорванной одеждѣ. За нимъ толпа народа съ дубинами и топорами.)

МИКЕЛИ (*Бросаясь къ ногамъ Фра-Аніело).*

Помогите!..
Спасите!.. Я погибъ!..

ФРА-АНІЕЛЛО (*прикрывая его рясой).*

Остановитесь,

Несчастные!.. Что̀ сдѣлалъ вамъ бѣднякъ?
За что́ его преслѣдуете вы?

ПАУЛО.

Онъ чародѣй!

ЛАВРУЧЧИ.

Колдунъ!

МАРКО.

Онъ отравитель!

БАТТИСТО.

Онъ иностранецъ!

ПАУЛО.

Еретикъ!

ЛАВРУЧЧИ.

Безбожникъ!

МАРКО.

Онъ въ городѣ заразу разсыпаетъ!

БАТТИСТО.

Онъ воздухъ отравилъ проклятымъ зельемъ!

МИКЕЛИ.

Клянусь вамъ, я невиненъ!.. Я бѣжать
Сбирался изъ Милана... Зарывалъ
Мое имѣньевъ землю у колодца,
Когда они меня схватили!.. Сжальтесь!
Венеція отмститъ за смерть мою!
Помилуйте!

ПАУЛО.

Что̀ толковать съ нимъ! Бей!
Коли его!

(*Народъ замахивается. Микели испускаетъ громкій крикъ. Фра-Аніелло закрываетъ его собою.*)

ФРА-АНІЕЛЛО.

Безумные! постойте!

Во имя Бога и Пречистой Дѣвы,
Приказываю вамъ остановиться.
Назадъ! (*Всѣ отступаютъ поражонные.*)
Его винните вы въ заразѣ,
Слѣпцы! Кто виноватъ въ ней, какъ не вы,
Вы сами?.. Богъ, за ваши прегрѣшенья,
Губительную казнь на васъ послалъ.
То божій гнѣвъ, то́ божіе рѣшенье,—
И передъ нимъ смириться вы должны.
Покайтеся—и Онъ пошлетъ спасенье!
Молитеся!—всѣ будутъ прощены!
Во прахъ! во прахъ! молитеся со мною.
Онъ тронется горячею мольбою.

(*Народъ въ молчаніи становится на колѣна.*)

ФРА-АНІЕЛЛО (*на колѣнахъ*).

Творецъ! прости твоихъ рабовъ!
И въ этотъ страшный часъ
Яви Твою намъ благость вновь!
Спаси! помилуй насъ!
Тебя въ слезахъ здѣсь молимъ мы:
Избавь насъ отъ чумы!

(*Изъ открытыхъ оконъ дома Асканіо Петруччи на аванъ-сценѣ несутся громкіе крики, звонъ кубковъ и пѣсня.*)

Пусть чума намъ грозитъ,
Пусть насъ рокъ караетъ!
Жизнь намъ счастье даритъ,—
Смерть насъ не пугаетъ!
И на гробѣ сидя, мы
Пьемъ здоровье чумы.

ФРА-АНІЕЛЛО.

О Господи! прости имъ прегрѣшенье!
Въ какое время пиръ, веселье, смѣхъ!..
Друзья мои! въ молитвѣ не забудемъ
Мы и заблудшихъ братьевъ помянуть!..
Помилуй насъ, помилуй всѣхъ,
Заразу истребя,
Да не забудь, мой Богъ, и тѣхъ,
Кто позабылъ тебя!

Тебя въ слезахъ здѣсь молимъ мы,
Спаси насъ отъ чумы.

(*Въ домѣ Асканіо Петруччи шумъ сильнѣе и сильнѣе; слышна снова пѣсня*).

И когда смерть придетъ,
Пусть отъ устъ влюбленныхъ
Насъ она оторветъ,
Нѣгой истомленныхъ!
И на гробѣ сидя, мы
Пьемъ здоровье чумы!

(*Въ окнахъ показывается толпа молодыхъ миланскихъ вельможъ*).

АСКАНІО (*въ окнѣ*).

Кто это тамъ внизу псалмы читаетъ?
Друзья! смотрите!.. Цѣлая толпа
Народа на колѣняхъ, и о чомъ-то
Усердно очень молится...

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Да, точно!
О чомъ–бы только!..

2-й ВЕЛЬМОЖА.

Это любопытно!

3-й ВЕЛЬМОЖА.

Сойдемте внизъ! послушаемте ихъ...

(*Отходятъ отъ оконъ; слышенъ припѣвъ пѣсни*)

И на гробѣ сидя, мы
Пьемъ здоровье чумы

(*Народъ въ тоже время повторяетъ на сценѣ.*)

Тебя въ слезахъ здѣсь молимъ мы,
Спаси насъ отъ чумы!

ВЫХОДЪ II.

АСКАНІО ПЕТРУЧІИ, толпа вельможъ, (*съ кубками въ рукахъ, въ богатыхъ костюмахъ.*)

АСКАНІО.

Эй! вы, народъ, нельзя-ли вамъ отсюда
Отправиться куда-нибудь подальше!
Вы жалобными криками своими
Мѣшаете намъ только веселиться!..

ФРА-АНІЕЛЛО (*вставая*).

Веселье! въ это время! горе! горе
Безумцамъ! Богъ накажетъ васъ жестоко!
Смѣетесь вы,—а городъ слезы льетъ;
Поете вы,—а весь народъ стенаетъ;
Вы веселитесь,—молятся другіе!
За то спасутся всѣ,—и вы одни
Погибните!

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Какое предсказанье!

2-й ВЕЛЬМОЖА.

Мнѣ кажется, онъ проповѣдь читаетъ?

3-й ВЕЛЬМОЖА.

Какъ смѣетъ наставленья онъ давать?

АСКАНІО.

Старикъ! не мы—а вы безумны! Да!
И вамъ, и намъ равно грозитъ чума, —
Погибнуть можемъ мы равно: не лучше-ль
Послѣднія минуты этой жизни
Въ весельи, въ наслажденіи провесть,
Чѣмъ жизнь кончать, терзаясь ожиданьемъ,
Въ мольбахъ напрасныхъ...

ФРА-АНІЕЛЛО.

Богохульникъ! прочь!

Развратники, подобные тебѣ,
Призвали божій гнѣвъ на бѣдный городъ.
Передъ лицомъ и Бога и Творца,
Я предаю проклятію тебя
Отнынѣ и вовѣки!

АСКАНІО (*выхватя кинжалъ, бросается къ нему.*)

Дерзкій!.. О!..

(*Схватывается за сердце, шатается и со стономъ падаетъ мертвый. Всѣ съ ужасомъ отъ него отступаютъ*).

ФРА-АНІЕЛЛО.

Творецъ! ты наказалъ его жестоко! (*Подходя къ нему*).
Прочь отъ него!.. Онъ умеръ отъ чумы!

(*Всѣ съ крикомъ разбѣгаются.*)

Мой Богъ! Какъ неожиданно! И всѣ
Покинули его!.. Но нѣтъ!.. Ты счастливъ!
Ты здѣсь наказанъ—можетъ-быть, тебя
Тамъ Богъ проститъ!.. Нѣтъ никого вокругъ!..
И кто-же долгъ послѣдній христіанскій
Тебѣ отдастъ? Могильщиковъ не стало
Для страшнаго занятія!.. Старикъ!
И ты еще колеблешься... Бѣднякъ
Свой счотъ съ землею кончилъ — будь, что̀ будетъ—
Я тѣла не отдамъ на жертву псамъ!..

(*Кладетъ трупъ на плечо и уходитъ*).

ВЫХОДЪ III.

Съ противоположной стороны бѣжитъ чрезъ сцену толпа народу, между прочими ЖЕНЩИНА СЪ МАЛЬЧИКОМЪ, *потомъ* СТАРИКЪ.

ЖЕНЩИНА.

О Господи!.. Я дальше не могу
Идти ни шагу... Голова кружится,
Колѣна гнутся! Сядемъ здѣсь, мой сынъ,
На паперти. (*Зарево обнимаетъ весь горизонтъ*) Что̀ это?

МАЛЬЧИКЪ.

Разсвѣтаетъ!

ЖЕНЩИНА.

О! нѣтъ, мой сынъ! до утра далеко!
Опять пожаръ! (*Чрезъ сцену бредетъ старикъ на костыляхъ*).
Скажи мнѣ ради Бога!..
Что́ тамъ такое, добрый человѣкъ?

СТАРИКЪ.

Дворецъ Синьйоровъ нашихъ загорѣлся;
Ихъ за грѣхи наказываетъ Богъ! (*Уходитъ.*)

ЖЕНЩИНА.

Помилуй насъ, Творецъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Скажи мнѣ, мама,
Дворецъ Синьйоровъ можетъ-ли сгорѣть?

ЖЕНЩИНА.

А отчего-жъ и нѣтъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Да вѣдь они
Богатые и знатные вельможи!
Я думалъ только бѣднымъ тяжело
На свѣтѣ жить, а знатные не знаютъ
Ни горя, ни печали!..

ЖЕНЩИНА.

Нѣтъ! предъ Богомъ
Во дни несчастья всѣ равны, мой сынъ.
Бѣда и смерть породъ не разбираютъ.
Передъ чумой—мы только люди!.. Боже!
Но что́ со мной! какая боль на сердцѣ
Ужели!.. (*Схватывается за сердце и съ крикомъ отбѣгаетъ въ уголъ. Мальчикъ бѣжитъ за нею. Она его отталкиваетъ.*)
Прочь!... прочь! не тронь меня!..
Не прикасайся!.. Я въ чумѣ!.. Бѣги!..
Спасайся!.. ты умрешь...

МАЛЬЧИКЪ.

Да какъ-же я
Останусь безъ тебя! Нѣтъ, мама, лучше
Умремъ мы вмѣстѣ!.. Что̀ я буду дѣлать
Одинъ?..

ЖЕНЩИНА.

О ради Бога!.. милый сынъ!..
Оставь меня!..

МАЛЬЧИКЪ.

Нѣтъ, мама! ни за что̀!
Двоимъ намъ веселѣй въ могилѣ будетъ,
Что̀ за бѣда! умремъ, такъ ляжемъ вмѣстѣ.
Мнѣ будетъ скучно безъ тебя! (*Схватываетъ ее за платье*).

ЖЕНЩИНА (*стараясь освободиться*).

Спаситель!..
Оставь меня!.. Сюда! Ко мнѣ!

ВЫХОДЪ IV.

ДВА МОГИЛЬЩИКА (*въ чорныхъ маскахъ.*)

ЖЕНЩИНА (*увидя ихъ*).

Молю васъ!
Вы оторвите сына отъ меня!..
Онъ молодъ—онъ еще не понимаетъ,
Какая смерть грозитъ ему!.. Спаситель!
Возмите вы ребенка!.. Я въ чумѣ!
Я погублю его!.. (*Бросая деньги и кольца*).
Вотъ деньги, кольца.
Вотъ серьги, жемчугъ, золото! Спасите...

1-й МОГИЛЬЩИКЪ.

Изволь!

(*Отрываютъ мальчика, который кричитъ и бьется, и подбираютъ драгоцѣнности*)

2-й МОГИЛЬЩИКЪ (*унимая мальчика*).

Молчать! не биться!..

МАЛЬЧИКЪ (*кричитъ*).

Мама! мама!

ЖЕНЩИНА.

Мой сынъ! прощай! будь счастливъ! Ради неба!
Его вы не оставьте... Боже!.. Смерть...

(*Падаетъ и умираетъ*).

1-й могильщикъ.

Какъ? ужъ она отправилась?..

2-й могильщикъ.

Скоренько!..
Что намъ съ ребенкомъ дѣлать? Онъ безъ чувствъ!..

1-й могильщикъ.

Снесемъ его—и на крыльцо вельможи
Иль знатнаго подбросимъ.

2-й могильщикъ.

Ну, а тѣло?

1-й могильщикъ.

Мы знать дадимъ товарищамъ! Они
По городу съ телегою сейчасъ
Поѣдутъ!

2-й могильщикъ.

Это дѣло! (*Уходятъ*).

МАЛЬЧИКЪ (*за сценою.*)

Мама! мама!

ВЫХОДЪ V.

Два носильщика несутъ на носилкахъ БЕРНАБО; *потомъ* ПАУЛО И ЛАВРУЧЧИ.

БЕРНАБО (*слабымъ голосомъ*).

Друзья мои, постойте на минуту!

Въ ногахъ моихъ мучительную боль
Качаніе носилокъ производитъ:
Я отдохнуть хотѣлъ-бы!...

(*Носильщики останавливаются*).

ПАУЛО (*входя на сцену*).

А! друзья!
Куда дорогу держите?

1-й носильщикъ.

Да вотъ
Отсюда за ворота городскія
Синьйоръ какой-то попросилъ его
Снести...

ЛАВРУЧЧИ.

За сколько?

2-й носильщикъ.

Пятьдесятъ флориновъ!

ЛАВРУЧЧИ.

Порядочная сумма.

ПАУЛО.

А откуда
Его вы взяли?

1-й носильщикъ.

Изъ дворца Синьйоровъ...
Онъ загорѣлся, мы вокругъ стояли.
Бѣднякъ, спасаясь отъ огня, упалъ
Съ высокаго крыльца, едва подняться
Могъ на ноги, и упросилъ меня
Съ товарищемъ, отъ пламени пожара
И отъ чумы спасти его.

ЛАВРУЧЧИ.

А кто онъ?

1-й носильщикъ.

Не знаемъ.

БЕРНАБО (*измѣнял голосъ*).

Съ Богомъ въ путь! Я отдохнулъ!

ПАУЛО (*подходя къ носилкамъ*),

Пречистая Мадонна! развѣ вы,
Друзья, не знали? Онъ въ чумѣ!

НОСИЛЬЩИКИ (*останавливаясь*).

Въ чумѣ?

ЛАВРУЧЧИ.

Ахъ Господи! Да это онъ! такъ точно!
И вы его спасаете? Стыдитесь!
Его, какъ ядовитую змѣю,
Должны вы бросить, если не убить.

НОСИЛЬЩИКИ.

Но кто-жъ онъ?

ЛАВРУЧЧИ.

Тигръ миланскій —Бернабо!

НОСИЛЬЩИКИ (*бросая его и убѣгая*).

Спаси насъ и прости Господь!..

БЕРНАБО.

Злодѣи!
Разбойники! оставили меня!..
Друзья мои! вернитесь!.. Умоляю!
Я золотомъ засыплю васъ!.. Не слышатъ!
Ко мнѣ! сюда!

ПАУЛО.

Къ чему кричать, старикъ?
Благодари за то ихъ, что тебя
Они здѣсь, убѣжавши, не пришибли. (*Уходитъ*).

БЕРНАБО.

Помилуйте! что сдѣлалъ я?..

ЛАВРУЧЧИ.

Что сдѣлалъ?
Спроси о томъ у цѣлаго народа,

У бѣдныхъ вдовъ, ограбленныхъ сиротъ.
Нѣтъ никого въ Миланѣ, кто-бъ тебя
Не обвинялъ въ несчастіяхъ народныхъ.
Ты сталъ предметомъ ужаса; дѣтей
Пугаютъ няньки именемъ твоимъ,
Страшнѣй чумы ты для Милана.

БЕРНАБО.

Боже!
Ужель я здѣсь останусь одинъ?..
Ужели смерть... Ты добрый человѣкъ,
Я это вижу ясно! Сжалься! Сжалься!..
Возьми меня съ собой куда-нибудь!
Спрячь отъ чумы, отъ ярости народа!
Укрой, покамѣсть кончится бѣда.
Смотри: въ носилкахъ спряталъ я довольно
И золота, и камней драгоцѣнныхъ!

(*Выбрасываетъ изъ носилокъ деньги, золотые кубки и ожерелья*).

Все! все твое!—Спаси меня! Спаси!

ЛАВРУЧЧИ.

Одумайся, старикъ! ты вѣрной смерти
Чумою обреченъ! Твое лицо
Ужъ носитъ признакъ разрушенья. Бога,
А не людей зови теперь! Молись
И кайся молча... Если-жъ громкимъ крикомъ
Ты привлечешь толпу,—тебя узнаютъ,
И кто-нибудь за прежнее тебѣ
Захочетъ отплатить, и часъ кончины
Твоей предупредитъ. Ты просьбъ не трать,
Молись, старикъ—Богъ милосердный свѣта! (*Уходитъ*).

БЕРНАБО.

И онъ! и онъ!.. Спасите... Всѣ уходятъ!
Одинъ!.. одинъ!.. Подняться силы нѣтъ!..
Могу ползти — куда и далеко-ли?..
Проклятіе!.. Чума!.. Нѣтъ! это вздоръ!
Я не умру!.. Мнѣ рано умирать!..
Охъ, Господи! какая жажда мучитъ!
Вся грудь горитъ!.. воды! воды!.. (*Шаритъ вокругъ руками*)
Что это?

Все золото проклятое!.. погибни,
На вѣкъ оно!.. а хлѣба ни куска!..
О! кто тамъ! помогите! помогите!..
Я умираю!.. (*Въ конвульсіяхъ катается по землѣ*).

ВЫХОДЪ VI.

Марко и Баттисто (*Бѣгутъ чрезъ сцену; потомъ процессія монаховъ и кающихся; между ними Оттилія*).

МАРКО.

Вотъ они... Сюда!
Батисто!..

БАТТИСТО.

Гдѣ?

МАРКО.

Въ той улицѣ!

БАТТИСТО.

Да, точно.
Теперь я вижу!

БЕРНАБО (*приподнимаясь*)

Кто тутъ! помогите!
Спасите! Вотъ!.. Тамъ золото!.. За каплю
Воды, за крошку хлѣба!..

БАТТИСТО.

Это кто?

МАТ.

Бѣднякъ какой-то!.. брось его! Пойдемъ
Къ процессіи скорѣе!.. (*Уходятъ*)

БЕРНАБО.

Боже! Боже!..
Какое наказаніе!..
(*Падаетъ. Черезъ сцену идетъ процессія монаховъ съ хоругвями, бѣлыхъ кающихся, подпоясанныхъ веревками, босыхъ, съ факелами; за ними толпа народа*).

МАТ. (*Пауло*).

Куда вы?

ПАУЛО.

Къ Мадоннѣ-дель-долоръ,—просить пощады!..

БЕРНАБО (*подползая къ процессіи*).

Воды! воды!.. Спасите!..

(*Процессія молча проходитъ; отъ нея отдѣляется монахиня съ закрытымъ капишономъ. Она втыкаетъ факелъ въ землю и подходитъ къ Бернабо.*)

ОТТИЛІЯ.

Братъ! скажи!
О чомъ ты просишь? чѣмъ могу тебѣ
Помочь я?..

БЕРНАБО.

Силы неба! помогите!
Чей это голосъ?.. О скажи мнѣ, кто ты?

ОТТИЛІЯ.

Я—Господа смиренная раба,
Обѣтъ дала заботой услаждать
Послѣднія минуты бѣдныхъ братьевъ,
Отверженныхъ родными, зачумленныхъ.

БЕРНАБО.

Но имя, имя! то, которымъ въ мірѣ
Звалася ты?..

ОТТИЛІЯ.

Оттилія!..

БЕРНАБО.

Творецъ!..
Ты дочь моя!.. Я буду жить!..

ОТТИЛІЯ, (*откидывая капишонъ и бросаясь передъ нимъ на колѣни.*)

Отецъ мой!

БЕРНАБО.

О! Слава Богу! я теперь спасенъ!
Оттилія, меня ты не оставишь!..
Не правда-ли? Ты смотришь на меня
Такъ пристально!.. Я не въ чумѣ, не правда-ль?
То ложный признакъ на моемъ лицѣ,
Къ тому-жъ бывали случаи, что люди
Вылечивались отъ болѣзни страшной!..
Ты женщина святая — и къ тебѣ
Чума не прикоснется .. Для отца
Ты жертвовать должна самою жизнью!
Спаси меня!..

ОТТИЛІЯ.

Когда-бъ въ моей груди
Не разливалась страшная зараза,
Я и тогда-бы жизнь мою тебѣ
Охотно подарила... Но скажи мнѣ,
Что̀ дѣлать я должна?

БЕРНАБО.

Когда-бъ могла ты
Снести меня куда-нибудь подальше
Отъ этихъ мѣстъ, гдѣ всюду дышетъ смерть,
Укрыть отъ страшной язвы...

ОТТИЛІЯ.

Силъ моихъ,
Убитыхъ и болѣзнью, и трудами,
На это не достанетъ!

БЕРНАБО.

Такъ найди
И упроси кого нибудь помочь мнѣ
Изъ города спастись!.. Я весь разбитъ,
Разслабленъ! видишь—не могу подняться!
Ты упроси снести меня! У женщинъ
Есть голосъ, есть слова, которымъ люди
Не въ-силахъ отказать...

ОТТИЛІЯ (*смотритъ въ улицу*).

Нѣтъ никого!

Въ той улицѣ все также пусто!.. Я
Пойду искать, просить... Но мой родитель!
Мы встрѣтились съ тобою въ страшный часъ.
Быть-можетъ, скоро я переселюся
Туда, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни печали,
И я еще тобой не прощена!..
Ты помнишь!..

БЕРНАБО.

О! отъ всей души тебя
Прощаю я!.. Ступай-же!..

ОТТИЛІЯ.

Ты меня
Благослови, отецъ мой! (*Становится на колѣни*).

БЕРНАБО.

Богъ тебя
Спасетъ и защититъ!.. Спаси отца
И все тебѣ проститъ Господь!

ОТТИЛІЯ.

Иду!

БЕРНАБО.

Оттилія! достань мнѣ гдѣ-нибудь
Воды... Я пить хочу!.. засохло горло!

ОТТИЛІЯ.

Иду, отецъ мой!

БЕРНАБО.

Да смотри-жъ! меня
Не обмани... Вернися поскорѣе!..
Я... я слабѣю!.. (*Оттилія убѣгаетъ*). О! какой огонь
На сердцѣ!.. Какъ? Оттилія ушла!..
Она меня оставила!.. Вотъ дѣти!
Вотъ благодарность ихъ за всѣ заботы!..
Вотъ ихъ любовь!.. Спасите!.. можетъ-быть,
Она ушла за Альберико! Съ нимъ
Придетъ, чтобы убить меня... Простите!
Я старъ!.. я безъ того сей-часъ умру!..
Проклятіе!.. кинжалы... смерть .. Богъ!.. адъ!..
(*Падаетъ безъ чувствъ*).

ВЫХОДЪ VII.

(Выѣзжаетъ горная телега, нагружонная трупами; на ней сидитъ могильщикъ въ маскѣ и вощаномъ плащѣ. Подлѣ идутъ двое другихъ въ маскахъ съ лопатами и факелами.

1-й могильщикъ.

Стой!.. тамъ есть трупъ!

(Выноситъ вмѣстѣ со вторымъ трупъ женщины и бросаетъ въ телегу).

2-й могильщикъ.

А тутъ другой!..

(Подходитъ къ Бернабо и толкаетъ его ногой, тотъ издаетъ тихій стонъ).

Что́ это?
Онъ живъ еще?.. Еге! да вкругъ него
Все золото!..

1. могильщикъ.

Да! да! каковъ разбойникъ!
Онъ, вѣрно, обокралъ кого-нибудь! *(прячетъ за пазуху деньги и ящики).*
Но Богъ его караетъ!..

2-й могильщикъ.

Эй, пріятель!
Находка пополамъ!

1-й могильщикъ.

Раздѣлимъ послѣ!
Теперь бери его скорѣй въ телегу!..

2-й могильщикъ.

Онъ дышетъ!..

1-й могильщикъ.

Ничего! черезъ минуту
Умретъ! Не все-ль равно?

БЕРНАБО (*задыхаясь*).

Гдѣ я! спасите!
Ай! демоны вокругъ!.. въ аду!.. пощады!..

2-й могильщикъ.

Онъ бьется!

1-й могильщикъ.

Пришиби его лопатой (*Второй могильщикъ бьетъ Бернабо*).
Вотъ такъ! Бросай!
(*Бросаетъ его въ телегу, изъ нея раздается глухой стонъ*).
Эй ты! ступай скорѣе!
Сюда подходятъ! (*Телега уѣзжаетъ*).

ВЫХОДЪ VIII.

Галеаццо и Гюи Катерра.

ГАЛЕАЦЦО (*опираясь на Гюи*).

Другъ! что это тамъ
Во мракѣ такъ колышется?..

ГЮИ.

Телега,
Въ которой жертвы гибельной чумы
Увозятся.

ГАЛЕАЦЦО.

Въ которую и мы
Съ тобою ляжемъ. Можетъ-быть, она
Увозитъ нашихъ искреннихъ друзей,
Лежащихъ мирно на груди враговъ...
Быть-можетъ, мой отецъ!.. Какая мысль!..

ГЮИ.

Другъ! для чего тоскою растравлять
Больное сердце?.. Ободрись!.. Теперь
До городскихъ воротъ не далеко.

ГАЛЕАЦЦО.

Нѣтъ, я раздумалъ! Для чего бѣжать?
Куда бѣжать?.. вездѣ настигнетъ смерть!
Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ ужасной болью. .
И не могу держаться на ногахъ...
Здѣсь въ сторонѣ – я вижу зданье!..

ГЮИ.

Это
Соборъ нашъ!..

ГАЛЕАЦЦО.

Пустъ и мраченъ!.. Люди!.. люди!
Вы и его покинули въ боязни!
Гюи! Здѣсь на ступеняхъ подождемъ
Минуты смерти! (*Садятся*) Долгъ свой я исполнилъ:
Покаметъ власть была въ моихъ рукахъ,
Народъ я успокоивалъ, и чернь
Удерживалъ. Когда-же обхватилъ
Полгорода пожаръ, и мой дворецъ
Сталъ также жертвой пламени,—народъ,
Въ звѣрей какихъ-то превратился. Боже!
Не дай увидѣть родины погибель!
Пошли мнѣ прежде смерть.

ГЮИ.

Братъ! Галеаццо!
Не все еще погибло! Успокойся!..

ГАЛЕАЦЦО.

Не все погибло (*За сценой стоны и крики*) Слышишь эти крики?..
То стоны жертвъ невинныхъ. Палачи
Безжалостно ихъ убиваютъ!.. (*Ослабѣваетъ и склоняется къ нему на колѣни*).

ГЮИ.

Боже!
Ты поблѣднѣлъ такъ страшно!

ГАЛЕАЦЦО..

Другъ въ груди,

Моей огонь... когда-бъ хоть каплей влаги
Могъ освѣжить я мой языкъ засохшій...

ГЮИ.

О! я бѣгу! Но какъ тебя оставить?..
Ты встать не можешь?

ГАЛЕАЦЦО.

Нѣтъ!

ГЮИ.

Тамъ кто-то есть,
Въ той улицѣ! (*Машетъ шляпой и кричитъ*) Сюда! ко мнѣ! сюда!

ВЫХОДЪ IX.

АЛЬБЕРИКО.

АЛЬБЕРИКО.

Кто здѣсь зоветъ о помощи?..

ГЮИ.

О! если
Ты человѣкъ, когда въ твоей груди
Есть сердце будь спасителемъ его!
Онъ лучшій другъ мой! поддержи его!
Я побѣгу воды принесть.

АЛЬБЕРИКО.

Охотно!
Ты благородный человѣкъ. Теперь
Отца — сынъ покидаетъ, мать — дѣтей,
А ты для друга жизни не жалѣешь.
Ступай,—во мнѣ довольно силы есть,
Я охраню его, покамѣсть самъ
Не ослабѣю...

ГЮИ (*сжимая ему руку*).

Братъ! благодарю!

(*Уходитъ. Альберико садится на ступени и бережно кладетъ голову Галеаццо къ себѣ на колѣни*).

АЛЬБЕРИКО.

Ты счастливъ!.. Ты въ минуты страшной смерти
Имѣешь друга!..

ГАЛЕАЦЦО.

Да, но ты его
Мнѣ замѣнилъ теперь...

АЛЬБЕРИКО (*всматриваясь въ него*).

Чей это голосъ?..

ГАЛЕАЦЦО (*приподнимаясь на рукахъ и смотря на него*).

Альберико! Боже!

(*Въ ужасѣ смотрятъ другъ на друга Минута молчанія*).

ГАЛЕАЦЦО.

Злодѣй и отправитель! На твоихъ
Колѣнахъ я лежалъ!..
Ты!.. Галеаццо!..

АЛЬБЕРИКО.

А, гордый графъ!
И ты узналъ людей и свѣта низость,
Ты перемѣну счастья увидалъ?
Гдѣ пышный дворъ, гдѣ слуги и вассалы?
Покинули всевластнаго Синьйора
Придворные, вельможи и льстецы!
Теперь твоимъ защитникомъ остался
Тотъ, кто тебя, съ насмѣшкою, своими
Руками можетъ тотчасъ раздавить?

ГАЛЕАЦЦО.

Однимъ злодѣйствомъ больше? Къ милліону
Погубленныхъ тобой невинныхъ жертвъ
Прибавь еще одну. Повѣрь!.. ее
Никто и не замѣтитъ.

АЛЬБЕРИКО.

Да! я небо
Благодарю за то, что передъ смертью
Послало мнѣ оно еще отраду:
Врага погибель видѣть! Но не бойся!
Я не лишу тебя остатка жизни!
Я радости своей не уменьшу,
Но надъ тобою буду съ наслажденьемъ
Сидѣть, смотря на судороги смерти,
Слѣдя за каждымъ вздохомъ, каждымъ крикомъ
Предсмертнаго мученья восхищаясь...
О! если только можно, постараюсь
Я жизнь твою продлить, чтобъ вмѣстѣ съ ней
Продлились и страданія твои.

ГАЛЕАЦЦО.

Нѣтъ! этого, клянусь, ты не увидишь!
Мнѣ силы Богъ пошлетъ... И я могу
Владѣть мечомъ!

(*Поднимается, шатаясь и обнаживъ мечь*).

Презрѣнный отравитель!..
Умри!

АЛЬБЕРИКО (*отступая и обнажая мечъ*).

Безумецъ!.. Смерти самъ ты ищешь!

ГАЛЕАЦЦО.

Что нужды! защищайся!.. Смерть врага
Пріятнѣе, когда онъ въ тяжкихъ мукахъ
Подъ нашею рукою умираетъ...
Погибни!

(*Бросается на него съ мечомъ*).

АЛЬБЕРИКО, (*однимъ ударомъ выбиваетъ у него мечъ и повергнувъ его на землю, становится ногою на грудь его*).

Да! ты правъ! Своей рукою
Пріятнѣе убить врага! умри!..

ВЫХОДЪ X.

ОТТИЛІЯ.

ОТТИЛІЯ (*съ криком*ъ).

Творецъ! еще убійство!

(*Бросается между ними*).

АЛЬБЕРИКО (*роняя мечъ*).

Га! чей голосъ!..

ОТТИЛІЯ (*на колѣняхъ передъ Галеаццо.*)

Мой братъ! Спаситель!..

(*Въ изнеможеніи опирается одною рукою на землю. Галеаццо схватываетъ другую руку ея. Альберико въ оцѣпенѣніи*).

ГАЛЕАЦЦО.

О! благодарю,
Творецъ! Въ часъ смерти грѣшнику послалъ
Ты ангела!.. Оттилія!

ОТТИЛІЯ.

Мой братъ!
Тебя-ли вижу я? Я шла съ отцомъ
Послѣднія минуты раздѣлить,
Не отыскавши помощи межъ братьевъ,
И вдругъ тебя нашла!

ГАЛЕАЦЦО.

Гдѣ мой отецъ?

ОТТИЛІЯ.

Онъ здѣсь лежалъ на этомъ самомъ мѣстѣ,
И, вѣрно, не дождавшися меня...
Я встрѣтила телегу—О! теперь
Мнѣ все понятно!..

(*Закрываетъ лицо руками*).

ГАЛЕАЦЦО.

Гдѣ Гюи?

ОТТИЛІЯ.

О! Боже!

Такъ это онъ былъ. Въ двухъ шагахъ отсюда
Грабителямъ попался человѣкъ,
Который что-то бережно держалъ
Въ рукахъ: они отнять хотѣли, онъ
Сталъ защищаться,—и его злодѣи:
Убили! Умирая онъ кричалъ:
«Снесите воду другу моему,
На паперти собора?»

ГАЛЕАЦЦО.

Мой Гюи
И за меня!..

АЛЬБЕРИКО (*глухимъ голосомъ*).

Проклятіе!

ОТТИЛІЯ.

Кто это?

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія меня не узнаетъ!
О, для чего-жъ и брата, и отца
Она узнала?..

ОТТИЛІЯ.

Альберико! Развѣ
Ты мало въ жизни зла Милану сдѣлалъ?..
За что-жъ еще, быть-можетъ, за минуту
Предъ смертью, брата ты хотѣлъ убить?

АЛЬБЕРИКО (*мрачно*).

Онъ самъ меня на битву вызывалъ,
Самъ умертвить хотѣлъ меня!

ОТТИЛІЯ.

Безумцы!
Въ какое время злоба и вражда!

ГАЛЕАЦЦО (*съ крикомъ*).

О! что ты мнѣ напомнила! Бѣги!
Бѣги скорѣй!.. Здѣсь дышетъ смерть!

ОТТИЛІЯ (*показывая на сердце*).

И здѣсь
Она давно! Ты не одинъ умрешь!

АЛЬБЕРИКО (*въ ужасѣ*).

Какъ, я тебя погубилъ!.. Ужели
Чума проникла и въ твою обитель?

ОТТИЛІЯ.

Я изъ нея сама охотно вышла,
Чтобъ помощь зачумленнымъ подавать.

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія!.. Оттилія! ужели
Между людьми не демоны одни?..

ГАЛЕАЦЦО.

Сестра! огонь въ груди моей ужасенъ!..
Дай руку!.. не цѣлуй меня! Дыханье
Мое отравой дышетъ...

ОТТИЛІЯ.

Альберико!
Несчастный грѣшникъ! предъ твоею жертвой
Падн во прахъ! Проси, чтобъ передъ Богомъ
Заступникомъ твоимъ былъ бѣдный братъ!

(*Альберико молча становится передъ Галеаццо на колѣни*).

О Галеаццо! въ темную могилу
Ты не бери вражды своей съ собой!
Оставь землѣ—земныя страсти, мщенье!
Пусть примиритъ тебя съ Творцомъ прощенье.
Прости, мой *братъ*, и тамъ *Отецъ* проститъ!

ГАЛЕАЦЦО (*слабымъ голосомъ*).

Дай руку, Альберико! Пусть тебя
Господь проститъ, какъ я за все прощаю!
Оттилія!.. Съ тобою не надолго
Я разстаюсь! Мы свидимся!..

(*Умираетъ*).

АЛЬБЕРИКО.

И онъ!
Еще одинъ!.. А мой послѣдній часъ
Когда-жъ придетъ?

ОТТИЛІЯ (*рыдая*).

Мой братъ! мой братъ! ужасно!

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія, что̀ плакать понапрасну?
И наша смерть близка! О, милый другъ!
Насъ долго въ мірѣ люди разлучали,
Но ты моя! Смотри! смотри вокругъ —
Вѣнчальныя намъ свѣчи запылали

(*Зарево ярче; крики за сценой*)

Привѣтствуетъ насъ криками народъ,
Скорѣй! ко мнѣ! супругъ тебя зоветъ!..

ОТТИЛІЯ.

Въ безумьи ты?..

АЛЬБЕРИКО.

Нѣтъ! нѣтъ! я вижу ясно,
Какъ ты теперь, Оттилія прекрасна!
Послушай! . Смерть обоимъ намъ грозитъ,
Но кровь еще не охладѣла въ жилахъ.
Пока она огнемъ во мнѣ кипитъ,
Пока къ груди тебя прижать я въ-силахъ
О! будь моей! лобзай меня! лобзай!..
И ты умрешь, узнавши въ жизни рай!

ОТТИЛІЯ.

Братъ! Альберико! что̀ ты предлагаешь?..
А Богъ? а жизнь за гробомъ? страшный адъ!
За что̀ ты самъ небесъ себя лишаешь?
Одумайся, мой другъ, мой добрый братъ!

АЛЬБЕРИКО.

Твой братъ! нѣтъ! я любилъ тебя другою
Любовью, пылкой, бѣшеной!.. Смотри!
Я весь горю — о! сжалься надо мною
И часъ любви и счастья подари!..
Сплетясь руками, слившися устами,
Забудемъ мы и міръ, и адъ, и рай,
Чуму, несчастья, жизнь съ ея слезами!..
Себя минутъ блаженства не лишай!..
Здѣсь создадимъ свое мы счастье сами!
Не отвергай меня! не отвергай!..

ОТТИЛІЯ.

Господь сказалъ: Кто этотъ міръ забудетъ,
Оставивъ все, во-слѣдъ меня пойдетъ,
Тотъ *тамъ* со мной въ селеньяхъ райскихъ будетъ,
Лишеніямъ награду *тамъ* найдетъ!
Кто будетъ сердцемъ чистъ—тотъ узритъ Бога!
Мой братъ! зачѣмъ страстей земныхъ тревога
Въ послѣдній часъ волнуетъ грудь твою?
Забудь меня! Ему, Ему молися!..
Онъ благъ, Онъ добръ! надѣйся, плачь, смирися!
Съ нимъ и разбойникъ, распятый, въ раю!

АЛЬБЕРИКО.

О! что̀ ты мнѣ напомнила! Проклятье!
Я сколько жертвъ невинныхъ погубилъ!
За что̀? не всѣ-ль они мнѣ были братья?
И я ихъ поцѣлуемъ умертвилъ!
О! я преступникъ страшный!.. Жертвы мщенья,
Утѣшьтеся!.. Мнѣ въ мірѣ нѣтъ прощенья!

ОТТИЛІЯ.

Богъ милосердъ, мой братъ!.. Пади во прахъ!
Въ своемъ грѣхѣ передъ Всевышнимъ кайся!
Молись и вѣрь, отброся ложный страхъ,
И въ благости Его не сомнѣвайся!

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія!.. Я демоновъ однихъ
Встрѣчалъ на свѣтѣ!.. А теперь межъ нихъ
Я ангела съ улыбкой чистой встрѣтилъ...
И этотъ ангелъ!.. Онъ меня замѣтилъ,
Онъ полюбилъ меня — и въ часъ, когда,
Какъ духъ коварный смерти, зла, вреда,
Разлилъ я въ мірѣ страшное дыханье
Чумы тлетворной—ангелъ и тогда,
Склонивъ ко мнѣ взоръ полный состраданья,
Мнѣ руку подалъ, чтобъ спасти меня,
Отъ вѣчныхъ мукъ и вѣчнаго огня,
Чтобъ въ свѣтлый рай увлечь меня съ собою!
Оттилія! нѣтъ! я тебя не сто́ю!
Оставь меня! оставь моей судьбѣ!

Пусть свѣтлый рай достанется тебѣ.
Съ тобою въ немъ я не увижусь вѣрно!

ОТТИЛІЯ.

Твой грѣхъ великъ! Но благость *тамъ* безмѣрна!
И милости Его предѣла нѣтъ!
Молись! молись!

АЛЬБЕРИКО.

Оттилія! нѣтъ, прежде
Ты мнѣ прости мой грѣхъ!.. И этотъ свѣтъ
Оставлю я спокойно и въ надеждѣ,
Что тамъ, гдѣ строгій судъ преступныхъ ждетъ,
Прощеніе твое меня спасетъ!

(*Падаетъ на колѣни*).

ОТТИЛІЯ.

Во имя Бога, я тебя прощаю,
Мой бѣдный грѣшникъ!

АЛЬБЕРИКО, (*схватывалсь за сердце и падая*).

О!.. Творецъ!.. готовъ!..
И Ты меня простишь, мой Богъ! я знаю!..
Она меня простила!—Умираю!..
Оттилія!.. *тамъ* свидимся мы вновь!...
Тамъ счастье ждетъ, прощенье — и любовь!!.

(*Умираетъ. Оттилія поднимаетъ руки къ небу. Зарево ярко пылаетъ. Вдали гудитъ набатъ. Занавѣсъ падаетъ*).

=

ТАЙНА СКУКИ.

Скучаю я, – но, ради Бога,
Не придавайте слишкомъ-много
Значенья, смысла скукѣ той.
Скучаю я, какъ всѣ скучаютъ.
О чомъ?.. Одинъ, кто это знаетъ —
И онъ давно махнулъ рукой.
Скучать бывало прежде въ модѣ,
Пожалуй, даже о погодѣ,
Иль о быломъ, что̀ все равно...
А нынче, право, до того-ли?
Мы всѣ живемъ съ умомъ, безъ воли,
Намъ даже помнить не дано.
И даже... да! хотите – вѣрьте,
Хотите—нѣтъ, но къ самой смерти
Охоты смертной въ сердцѣ нѣтъ.
Хоть жить ужъ вовсе не забавно,
Но для чего-жъ не православно,
А самовольно кинуть свѣтъ?
Вѣдь ни добра, ни даже худа,
Безъ непосредственнаго чуда,
Намъ жизнью нашей не купить
Въ нашъ вѣкъ пристойный... Часомъ ранѣ,
Иль позже – дьяволъ ни въ изъянѣ,

Ни въ барышахъ не можетъ быть!
Оставьте-жъ мысль—въ зѣвотѣ скуки
Душевныхъ ранъ, душевной муки
Искать невѣдомыхъ слѣдовъ...
Что́ вамъ до тайны тѣхъ страданій,
Тѣхъ фосфорическихъ сіяній
Отъ гнили, тлѣнья и гробовъ?..

1. 4.

=

ФИЛОСОФІЯ и ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА ПѢНІЯ и СЛАВНЫЙ ПѢВЕЦЪ ПЬЕРЪ ГАРА.

—

Извѣстно, что значеніе слова *пѣть* — чрезвычайно-разнообразно. Греки, языкъ которыхъ былъ столько просодированъ, стихотворенія свои *пѣли*, вмѣсто того, чтобы читать ихъ, какъ это дѣлалось и дѣлается у новѣйшихъ народовъ. И потому великіе поэты, Гомеръ на-примѣръ, назывались у нихъ *пѣвцами божественными*. Блаженной памяти поэты новыхъ временъ, въ подражаніе древнимъ, довольно-нелѣпо впрочемъ, говаривали: *пою* (!). — Вообще *пѣніе* составляетъ необходимую потребность самого грубаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшее искусство у народовъ просвѣщенныхъ. — *Пѣсни* какого-нибудь народа всегда заключаютъ въ себѣ свойства и черты его характера, его нравовъ, особенностей и т. п. д. Наконецъ, *пѣніе* какой-нибудь *школы* составляетъ извѣстную степень сдѣланныхъ ею успѣховъ въ музыкѣ. — Во Франціи пѣвецъ былъ нетрезвый человѣкъ, одѣтый въ нѣкотораго рода грязной рубашкѣ, который кривлялъ ртомъ и дѣлалъ страшныя гримасы, гор-

ланя на такомъ языкѣ, котораго часто самъ не понималъ. — Въ странѣ этой начали серьёзно заниматься пѣніемъ только съ конца семнадцатаго столѣтія. — Людовикъ XIV, желая имѣть собственныхъ пѣвцовъ, счолъ вѣрнымъ средствомъ, для поощренія къ образованію ихъ, выдать оперным пѣвцамъ (грамотами, въ іюнѣ 1669 и мартѣ 1671) *особую привиллегію*, которая гласила между прочимъ такъ: «Если пѣвцы будутъ изъ дворянъ, то правъ своихъ не лишаются.» Когда онъ давалъ праздники и катанье на водѣ, то заботясь о томъ, чтобы пѣвцы его не простудились, до начала концерта, привѣтствовалъ ихъ слѣдующими словами: «Музыкантамъ моимъ позволяю накрыться; но только тѣмъ, которые поютъ.» — Какъ жаль однакожъ, что при такихъ прекрасныхъ привиллегіяхъ французская школа пѣнія до 1770-го года была удивительно какъ смѣшна. До *Гара*, слово *пѣть* у французскихъ пѣвцовъ было синонимомъ слову *кричать*. Кое-что отъ этого осталось еще и теперь. — Что касается до украшеній пѣнія, то онѣ заключали въ себѣ все, что только можно вообразить себѣ самаго страннаго и уморительнаго: *переливы голоса*, *рулады*, *узоры* и *жеманства* Дюмениля, Мопина, Рошуа и Шассе, заставили-бы теперь невольно хохотать самаго равнодушнаго слушателя.

Италія, въ отношеніи къ пѣнію, всегда имѣла преимущество предъ другими націями; особенно съ начала восемнадцатаго вѣка превосходство ея утвердилось неоспоримо. — Французскіе пѣвцы никогда не соединяли въ себѣ всѣхъ качествъ, какимъ справедливо удивлялись въ пѣвцахъ италіянскихъ. Одинъ только Гара, одаренный теплотою, увлекательнымъ жаромъ и нѣжнымъ вкусомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, много приближался къ нимъ и, въ тоже время, обладалъ особенными качествами, по которымъ онъ и былъ, въ своемъ родѣ, однимъ изъ удивительнѣйшихъ пѣвцовъ, когда-либо существовавшихъ. Никто и никогда не былъ организованъ такъ счастливо и не зналъ искусства пѣнія обширнѣе, какъ онъ. Идея и выраженіе у Гара были всегда пламенны, но и всегда онъ умѣлъ умѣрять ихъ, при посредствѣ науки и разума. — Арія, дуэтъ, по мнѣнію великаго пѣвца, не состояли въ нѣсколькихъ фразахъ, хорошо исполненныхъ и почувствованныхъ. Онъ требовалъ плана, постепенности, доводившей до великихъ дѣйствій только тогда, когда на то было время и когда страсть достигала полнаго развитія. Когда, при разсужденіяхъ объ искусствѣ своемъ, онъ говорилъ о планѣ піесы для пѣнія, то его рѣдко понимали; музыканты даже были увѣрены, что онъ преувеличивалъ свои идеи въ этомъ отношеніи. Но когда Гара присоединялъ къ правилу примѣръ

и, желая раскрыть теорію слою, пѣлъ какую-нибудь арію съ различными оттѣнками, какіе можно было придать музыкѣ, тогда тотчасъ дѣлалось яснымъ, сколько нужно размышленія и глубокаго изученія, для достиженія совершенства въ искусствѣ, столь трудномъ, какъ искусство пѣнія. — Драгоцѣннѣйшее качество Гарà было прелесть и красота произношенія, которое у него заключалось не въ одной только совершенной чистотѣ выговора,—достоинствѣ впрочемъ чрезвычайно-рѣдкомъ, — но въ томъ, что оно служило могущественнымъ средствомъ выраженія. Справедливость требуетъ замѣтить, что качество это принадлежитъ французской школѣ пѣнія больше, чѣмъ всякой другой, и что въ немъ-то безсмертный Глюкъ нашолъ начало стиля, принятаго имъ во французскую оперу. Въ произношеніи французскаго языка, быть-можетъ, есть что-то сильное, неблагопріятствующее тихому и пріятному издаванію голоса; но за то языкъ этотъ заключаетъ въ себѣ особенность, весьма-свойственную для драматическаго выраженія. Къ-сожалѣнію, нѣкоторые изъ пѣвцовъ, каковы Лене, Адріень и другіе, употребляли во-зло это особенное качество языка, и драматическое выраженіе превращалось у нихъ въ карикатуру. При способѣ ихъ скандовать рѣчь, голосъ выходилъ съ шумомъ и усиліемъ, и самые звуки превращались въ непріятный для слуха крикъ. — Ни издаванія голоса, ни вокализаціи и никакихъ слѣдовъ собственно искусства пѣнія, какъ понимали его въ Италіи, не было замѣтно въ методѣ, которая укоренилась въ оперѣ. Это былъ, если хотите, родъ декламаціи по нотамъ; но пѣвцы, которые ограничиваютъ свое искусство одною декламаціею, не заслуживали и не могутъ заслуживать названія пѣвцовъ. — Одинъ Гарà умѣлъ произносить драматически, не уклоняясь отъ правилъ истинной школы пѣнія; онъ одинъ умѣлъ придавать пѣнію своему великое драматическое выраженіе, не пренебрегая никакими средствами вокализаціи.

Условія французскаго пѣнія, по нѣкоторымъ отношеніямъ, всегда различались отъ условій пѣнія италіянскаго. — Чистый и звучный голосъ, ясное и правильное произношеніе, выраженіе драматическое, — вотъ все, чего только, въ теченіе продолжительнаго времени, требовали отъ французскихъ пѣвцовъ. Какое-то неосновательное предубѣжденіе заставляло считать фигуры и украшенія несвойственными французскому языку. — *Комическая опера* нечувствительно освободилась отъ затрудненій, которыя были поставляемы ей укоренившимся предразсудкомъ; но *Опера* постоянно упорствовала, наконецъ поддалась владычеству моды, и успѣхи ея въ этомъ родѣ были быстры. Словомъ, настало время, когда уже лирическая

декламація не могла занимать зрителей, вкусъ которыхъ, отъ привычки къ италіянской музыкѣ, принялъ другое направленіе. Все это прекрасно, но французской школѣ предстоитъ еще важный шагъ— выдержать себя, то-есть, не впасть изъ одной крайности въ другую. Въ музыкѣ какой-нибудь страны полезно и необходимо сохранять особенныя черты ея. Рабское подражаніе никогда не бываетъ пріобрѣтеніемъ. Благоразумное употребленіе украшеній полезно, а излишество несносно. Впрочемъ во французскихъ театральныхъ обычаяхъ вообще существуетъ какая-то наклонность къ здравомыслію, которое устраняетъ всѣ эти накладныя піесы, неимѣющія другой цѣли, кромѣ того, чтобы выказать гибкость горла какой-нибудь пѣвучей и руладной знаменитости. — Фигуры и всякой родъ украшеній можно допустить; но вмѣстѣ съ тѣмъ, пусть не изгоняются драматическія формы, которымъ часто не достаетъ только пѣнія болѣе легкаго и болѣе изящнаго. Не должно размножать речитативъ; но не должно забывать также, что одна *Глюковская фраза* имѣетъ дѣйствія гораздо-больше, нежели *сто* италіянскихъ *кадансовъ*. Послѣ всего этого понятно, какъ далеко распространилась область французскаго пѣвца, отъ соединенія прежнихъ формъ съ формами пѣнія италіянскаго, и до какой степени искусство его сдѣлалось трудно. Образцомъ совершенства этихъ соединенныхъ родовъ былъ дивный пѣвецъ Гарà. Теперь великимъ французскимъ пѣвцомъ сдѣлается тотъ, кто будетъ имѣть его издаваніе голоса, его гибкость, его вѣрность; кто будетъ фразировать, переводить дыханіе, произносить, какъ Гарà; кто будетъ имѣть его вкусъ, его плодовитость въ украшеніяхъ и, особенно, кого природа одаритъ такимъ-же глубокимъ и истиннымъ чувствомъ...

Пьеръ-Жанъ-Гарà родился въ небольшомъ городкѣ Нижне-Рейнскаго Департамента, Устаритцѣ (Ustaritz), 25-го апрѣля 1764-го года, и былъ первымъ и лучшимъ пѣвцомъ между всѣми, какихъ только имѣла Франція. Отецъ Гарà былъ славный, своего времени, адвокатъ, почему Пьеръ и не былъ назначаемъ съ самаго дѣтства къ званію артиста; но руководимый непреодолимымъ влеченіемъ, онъ сдѣлался музыкантомъ по призванію, почти отъ самаго рожденія. Начало его музыкальному образованію положила уроками своими мать его, которая обладала прекраснымъ голосомъ и пѣла очень-хорошо, во вкусѣ стараго стиля. — Потомъ Пьеръ научился правиламъ вокализаціи у одного италіянскаго учителя *Ламберти*, который жилъ въ Байоннѣ. Но только со времени переселенія семейства Гарà въ Бордо, ему представилась возможность развить тотъ удивительный и чрезвычайный талантъ, которымъ надѣлила его природа. Францъ *Бекъ*, замѣчательный композиторъ и директоръ оркестра большаго Бордосскаго театра, услышавъ молодаго Гарà, тот-

часъ понялъ, чего можно было ожидать отъ подобной организаціи. Онъ съ удовольствіемъ началъ давать ему уроки, и старался, сколь возможно лучше, развить необыкновенно-счастливыя способности своего ученика, обращалъ вниманіе преимущественно на образованіе въ немъ врожденнаго вкуса и чувства изящнаго. Этому-то опытному наставнику Гарà обязанъ былъ, какъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ, такъ равно и тѣмъ направленіемъ, какое Бекъ сообщилъ его занятіямъ, для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній въ искусствѣ.

Къ-сожалѣнію, Гарà не могъ вполнѣ и свободно предаваться страсти своей къ музыкѣ. Направленіе врожденнаго его таланта встрѣтило сильную оппозицію со стороны отца, который не хотѣлъ знать музыки;—онъ желалъ, чтобы сынъ его былъ такимъ-же адвокатомъ, какъ и онъ, почему молодой Гарà долженъ былъ проходить курсы наукъ, чтобы приготовиться къ предназначенному ему званію. Только тайкомъ или при посредствѣ маленькихъ хитростей своей матери, Пьеръ могъ удѣлять нѣкоторое время для своего любимаго занятія. Когда минуло ему шествадцать лѣтъ, его отправили въ Парижъ, для изученія юриспруденціи; но весьма-естественно, что увидя себя на свободѣ, онъ и не думалъ терять время на изученіе Дигеста и его коментаторовъ. Вскорѣ потомъ, войдя въ сношеніе съ лучшими артистами и аматёрами столицы, особенно съ славнымъ *кавалеромъ Сенъ-Жоржемъ*, Пьеръ началъ изучать одно только искусство, для котораго былъ одаренъ удивительно-счастливыми способностями. Время это было самое благопріятное для развитія его рѣдкаго таланта. Борьба «Глюкистовъ» и «Пиччинистовъ» сдѣлала изъ музыки занятіе модное. Къ какой-бы партіи ни принадлежали спорившіе, но все-же они говорили о музыкѣ съ энтузіазмомъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ пылкому воображенію молодаго Гарà. Потомъ прибытіе въ Парижъ славныхъ пѣвицъ *Тоди* и *Мара*, ихъ соперничество и совершенство разнородныхъ талантовъ ихъ, началò занимать публику точно также, какъ прежде Глюкъ и Пиччини, и произвело на Гарà сильное впечатлѣніе. Онъ въ первый разъ получилъ понятіе о пѣніи чистомъ, изящномъ и правильномъ; о вокализаціи совершенной, исполненной выразительности, и естественной, безъ натяжекъ и крика. И съ-этихъ-поръ талантъ Гарà началъ вполнѣ развиваться.

Между-тѣмъ, изученіе правъ было совершенно оставлено молодымъ артистомъ. Отецъ его, человѣкъ строгій, мало цѣнившій музыку, увидѣлъ наконецъ, что воля его не выполняется, и сначала, какъ водится, дѣлалъ сыну, въ письмахъ, сильные выговоры и упреки, потомъ лишилъ его средствъ къ содержанію, такъ, что онъ могъ даже

остаться безъ куска хлѣба, если-бы счастливый случай не явился къ нему на подмогу. При томъ-же Гара привыкъ къ свободѣ и довольству избраннаго общества, которое посѣщалъ онъ, почему лишеніе средствъ удовлетворять своимъ потребностямъ, уже само-по-себѣ, было для него слишкомъ-тягостно. Однако-жъ судьба поблагопріятствовала артисту, и вскорѣ, полученное имъ мѣсто частнаго секретаря у графа д'Артуа, сдѣлало состояніе его гораздо-лучше прежняго. Но тутъ еще было не все. Надобно-же было случиться именно такъ: восхищенный талантами своего секретаря, графъ доложилъ объ немъ королевѣ, которая, послушавъ Гара, осталась чрезвычайно-довольна его пѣніемъ, даже удостоила потомъ чести пѣть вмѣстѣ съ нею. Понятно, какое дѣйствіе произвело подобное счастіе на воображеніе пылкаго молодаго человѣка. Въ полномъ восторгѣ отъ своихъ успѣховъ, Пьеръ рѣшился написать своему отцу, что теперь, какъ онъ долженъ видѣть, чрезъ занятіе искусствами, можно составить себѣ столько-же почотное имя и состояніе, какъ и посредствомъ юриспруденціи. Вскорѣ онъ получилъ отъ отца слѣдующій отвѣтъ: «Не зналъ я, что въ развращенномъ Римѣ шуты и скоморохи были фаворитами императоровъ».— Послѣ этого всѣ сношенія между сыномъ и отцомъ прекратились совершенно. Между-тѣмъ графъ д'Артуа предпринялъ поѣздку въ Бордо; секретарь его находился при немъ. Прибывъ въ городъ, молодой Гара употребилъ все вліяніе друзей своего семейства, чтобы войти опять въ милость къ отцу; но всѣ усилія и хлопоты были напрасны,— его не хотѣли принять. Старый наставникъ его Бекъ находился въ это время въ весьма-незавидномъ состояніи. Нѣсколько артистовъ и музыкантовъ условились дать въ его пользу концертъ, въ которомъ Гара долженъ былъ пѣть; на участіе Пьера въ этомъ концертѣ не надѣялись получить отъ отца его дозволенія, однакожъ ошиблись. «Если талантъ моего сына», говорилъ старикъ: «стоилъ ему почотнаго званія и дружбы отца, то пускай-же онъ служитъ ему, покрайней-мѣрѣ, для добрыхъ дѣлъ». Не-смотря на отвращеніе отъ всего, что только хотя нѣсколько напоминало старику причину его горя, онъ пошолъ въ концертъ, въ которомъ Гара, можно сказать, превзошолъ самого себя, и все это кончилось тѣмъ, что Пьеръ умилостивилъ отца, который до-сихъ-поръ не хотѣлъ простить его. Отецъ обнялъ сына, и только послѣ совершеннаго примиренія разстался съ нимъ.

По возвращеніи въ Парижъ, вскорѣ представился случай Гара для выполненія единственнаго его желанія — усовершенствовать свой вкусъ. Славные *комедіанты*, извѣстные подъ названіемъ *Королевской труппы* (troupe de Monsieur) дебютировали тамъ въ 1789 году. Въ этой труппѣ, можетъ-быть, совершеннѣйшей изъ всѣхъ,

когда-либо бывшихъ, находились знаменитые пѣвцы: *Мандини*, *Виганони* и пѣвицы *Морикелли* и *Банти*, артисты удивительнѣйшіе школы, въ наше время забытой. Гарà лучше всякаго другаго могъ оцѣнить достоинства этихъ виртуозовъ. Дѣйствительно, они произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что даже въ послѣднее время своей жизни онъ не переставалъ удивляться имъ и зналъ наизустъ не только пѣтыя ими піесы, но всѣ измѣненія и фіоритуры каждой фразы. Память его, относительно всего, касающагося музыки, была по-истинѣ невѣроятна. При помощи-то своей удивительнѣйшей памяти, независимо отъ еги неистощимой способности украшать и разнообразить пѣніе, онъ тотчасъ-же и навсегда овладѣвалъ всѣмъ, что только слышалъ лучшаго и изящнѣйшаго у другихъ пѣвцовъ.

До революціи, Гарà пользовался своимъ талантомъ только какъ амаѳёръ; но послѣ того, какъ эта страшная катастрофа ввергла и его въ несчастія и лишенія, Пьеръ нашолся вынужденнымъ подумать о томъ, какъ-бы при посредствѣ таланта своего упрочить свое существованіе. Между-тѣмъ 1793 и 1794 годы, время ужаснаго правленія, извѣстнаго подъ названіемъ *терроризма*, вовсе не благопріятствовали процвѣтанію искусствъ во Франціи. Знаменитый скрипачъ *Роде* вознамѣрился переселиться въ Англію и склонилъ Гарà послѣдовать его примѣру. Наконецъ они отправились; но корабль, на которомъ находились они, противными вѣтрами отнесло къ берегамъ Германіи, почему оба артиста принуждены были предпринять поѣздку въ Гамбургъ. Въ этомъ богатомъ, торговомъ городѣ было тогда многочисленное стеченіе французскихъ эмигрантовъ. Всевозможныя удовольствія сосредоточивались тамъ. Спектакли и прекрасные концерты доставляли пособіе аматёрамъ. Оба виртуоза были приняты съ энтузіазмомъ. Между-тѣмъ, страшась, чтобы слишкомъ-продолжительное пребываніе ихъ въ чужомъ краѣ, не подало правительству повода считать ихъ за эмигрантовъ, Роде и Гарà нашлись вынужденными возвратиться во-Францію еще до конца 1794-го года. Въ слѣдующемъ году начались славные *концерты театра Фейдо*, и въ нихъ-то Гарà въ первый разъ явился передъ публикою Парижа. Невозможно составить себѣ понятія о произведенномъ имъ тогда впечатлѣніи! Удивительнѣе всего было то, что онъ пѣлъ съ одинаковымъ совершенствомъ *сцены* изъ музыки Глюка, серьёзныя итальянскія *аріи* и комическія *піесы* той-же школы, и за все, даже за *романсъ*, собиралъ единодушныя, восторженныя рукоплесканія и навсегда упрочилъ свою славу. Однимъ-словомъ, имя Гарà сдѣлалось тогда синонимомъ совершенства въ пѣніи.

Въ томъ-же году (1795) была учреждена *Парижская консерваторія музыки* и Гарà, назначенный туда профессоромъ пѣнія, успѣлъ образовать цѣлый рядъ учениковъ, изъ числа которыхъ вышли многіе замѣчательные артисты, блиставшіе не только на разныхъ французскихъ театрахъ, но даже и на иностранныхъ. Одаренный увлекательнымъ жаромъ и чрезвычайно-рѣдкою способностію сообщать другимъ свои собственныя ощущенія, онъ, лучше другихъ учителей, умѣлъ возбудить между своими учениками соревнованіе, породить въ нихъ чувство изящнаго и внушить имъ увѣренность въ талантѣ. Качества эти у профессоровъ встрѣчаются гораздо-рѣже, чѣмъ совершеннѣйшее знаніе механизма пѣнія, и потому можно смѣло утверждать, что въ этомъ отношеніи Гарà превзошолъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Важнѣйшіе образованные имъ пѣвцы были слѣдующіе: г-жи *Барбье Вальбоннъ*, *Браншю*, (прежде дѣвица *Шсвалье*), *Филлисъ*, *Дюре*, *Буланже*, *Риго* и г-да *Роландъ*, *Нурри* (старшій) *Десперамонъ*, *Поншаръ*, *Левассёръ*, *Мартенъ*. Сверхъ того, подъ руководствомъ его образовалось множество другихъ артистовъ, которые обязаны ему бо́льшею частію своихъ успѣховъ. Словомъ, Гарà далъ Франціи то̀, чего она еще не имѣла—пѣвцовъ, которые умѣли пѣть!.. Такой профессоръ, какъ Гарà, составляетъ нѣчто чудесное, выходящее изъ общаго порядка вещей, какое-то необычайное усиліе природы, а потому-то и до-сихъ-поръ его никто еще не замѣнилъ и, быть-можетъ, никогда не замѣнитъ. Трудно представить себѣ, до какихъ-бы результатовъ дошолъ Гарà въ искусствѣ пѣнія, если-бы техническая часть его искусства составляла съ самаго дѣтства основу его вокальнаго воспитанія; но, по-несчастію, знаніе его въ этомъ дѣлѣ не превосходило его инстинкта.

Концерты Клерійской улицы, наступившіе въ слѣдъ за концертами театра Фейдо, въ 1800 году, были послѣдними, въ которыхъ Гарà пѣлъ публично. Достоинства, на которые дядя его, графъ Гарà, былъ возведенъ, послѣдовательно, во время Консульства и Имперіи, принудили его къ нѣкотораго рода уединенію, за что̀, какъ говорятъ, славный пѣвецъ былъ вознагражденъ значительнымъ пенсіономъ. Нѣсколько избранныхъ салоновъ сдѣлались теперь тѣснымъ поприщемъ его успѣховъ. Число слушателей его ограничивалось небольшимъ кругомъ артистовъ и извѣстнѣйшихъ аматёровъ, и хотя было немногочисленно, за то апплодисманы ихъ, которые сыпались кстати и по убѣжденію, были для Гарà несравненно лестнѣе тѣхъ, какія вырываются часто по прихоти у невѣжественной толпы. Почти до пятидесятаго года своей жизни, Гарà возбуждалъ всеобщее удивленіе и восторгъ. Извѣстнѣйшіе иностранные артисты от-

кровенно признавались, что соединеніе столькихъ превосходныхъ качествъ у одного пѣвца было удивительнѣе всего, что только случалось имъ слышать. Таково было мнѣніе знаменитыхъ артистовъ-пѣвцовъ *Маркези* и *Крешентини*; композиторы *Пиччини* и *Саккини* раздѣляли это мнѣніе. Будучи надѣленъ обширнѣйшимъ и единственнымъ органомъ (теноромъ), соединяя совершенно регистры груднаго и горловаго голосовъ; владѣя съ одинаковою гибкостію во всемъ протяженіи голоса; одаренный неистощимою плодовитостію для фіоритуръ, которыя онъ производилъ всегда съ изяществомъ и примѣнялъ къ характеру музыки; наконецъ, обладая единственнымъ произношеніемъ и удивительнѣйшимъ жаромъ и чувствительностію, Гарà съ одинаковымъ совершенствомъ выполнялъ музыку всевозможныхъ стилей. Никто не могъ лучше его передать Глюка; никто не былъ болѣе увлекательнымъ въ патетическомъ, болѣе изящнымъ въ полухарактерномъ, болѣе комическимъ въ буффскомъ родѣ. Кто слышалъ его въ полномъ блескѣ, тотъ не станетъ сомнѣваться въ совершенствѣ, съ какимъ можно спѣть даже романсъ. Гарà самъ сочинилъ нѣсколько прелестныхъ романсовъ, которые, въ свое время, были въ большой славѣ. Таковы, на-примѣръ: *Велизарій*, *Менестрель*, *Je t'aime tant* и другіе. Часто говорили, что Гарà не былъ музыкантомъ! Правда, съ-разу онъ не могъ читать нотъ съ легкостію, и ему нужно было тихо разбирать прежде самому на фортепьяно или хотя разъ прослушать піесу, о которой онъ желалъ составить идею; но такова уже была его воспріимчивость, что въ минуту онъ уловлялъ характеръ и размѣры піесы, и пѣлъ ее съ такою окончательностію, съ такимъ совершенствомъ, что на исполненіе его нельзя было смотрѣть иначе, какъ на плодъ долгаго и тщательнаго изученія. Притомъ-же важнѣйшими принадлежностями музыкантовъ, вѣрностію слуха и тактомъ, онъ одаренъ былъ въ высшей степени. —Какая досада, сказалъ однажды Легросъ, что Гарà поетъ безъ музыки!—Безъ музыки!», воскликнулъ Саккини: «помилуйте, да Гарà самъ по себѣ музыка.»

Въ послѣдніе годы своей жизни Гарà потерялъ голосъ. Несчастіе это сильно огорчило его. Воспоминаніе о славѣ, вмѣсто того, чтобы услаждать его на закатѣ дней его жизни, служило ему только источникомъ страданій, потому-что онъ жаждалъ еще тѣхъ похвалъ, которыхъ уже не могъ больше собирать. Онъ старался обмануть самого себя и продолжалъ еще пѣть, но былъ только тѣнью прежняго Гарà и дряхлость такого чуднаго таланта внушала друзьямъ его одну жалость. Гарà вскорѣ замѣтилъ это, а убѣжденіе, что для него уже все кончено, истощивъ его здоровье, причинило са-

мую смерть. Онъ умеръ 1-го марта 1823-го года, на 59 году отъ роду. Такъ сошолъ въ могилу пѣвецъ, чудный по организаціи и дивный по таланту. Онъ не былъ руководимъ, при самомъ началѣ, тѣмъ прочнымъ образованіемъ, какое получали пѣвцы, въ прежнее время, въ школахъ италіянскихъ; но обязанъ своей славой только самобытному генію, собственнымъ наблюденіямъ и самой необыкновенной музыкальной воспріимчивости. Имя Гара навсегда сохранится въ лѣтописяхъ музыкальнаго искусства Европы; а во Франціи оно должно составлять эпоху, отъ которой французская школа пѣнія будетъ вести свое начало.

С. К.

=

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Душный вечеръ, зимній вечеръ;
Все окно заволокло,
Нагорѣли тускло свѣчи,
Не свѣтло и не темно...
Брось *Дебаты*, ради Бога!
Брось заморское!.. Давно
Въ *М.....нъ* престрого
О Содомѣ рѣшено.
Слушай лучше... Тономъ выше
Тянетъ пѣсню самоваръ,
И морозъ трещитъ на крышѣ, –
Оба, право, божій даръ
Въ зимній вечеръ, въ душный вечеръ...
А и вечеръ нуженъ намъ,
Чтобъ, безъ мысли и безъ рѣчи,
Вѣрный счотъ вести часамъ.

1. 4.

НИЗАМСКАЯ ВОЙНА.

РОМАНЪ.

Сочиненіе г. Мери (*).

БАЛЪ ВЪ СМИРНѢ.

На сѣверъ отъ Смирны, при устьѣ Гермуса и на берегахъ залива, находится загородный домъ, выстроенный въ итальянскомъ

(*) Мери, авторъ предлагаемаго романа, есть одинъ изъ даровитыхъ и наиболѣе добросовѣстныхъ литераторовъ французскихъ. Редакція журнала, въ которомъ печатался романъ его «Низамская война», оцѣнивъ достоинство этого произведенія, являвшагося по частямъ въ фельетонахъ, и увлекшаго вниманіе всей образованной публики, предложила автору увеличить плату за его трудъ, противъ цѣны, за которую онъ первоначально продалъ свое сочиненіе. Благородный Мери отказался отъ этого, говоря, что онъ *литераторъ*, а не *торгашъ*. Черта рѣдкая и не въ одной французской литературѣ! Впрочемъ редакція журнала все таки не хотѣла остаться не благодарною: вмѣсто денегъ редакторы подарили автору «Низамской войны» богатую чернилицу, украшенную драгоцѣнными каменьями. Отъ такого подарка Мери не могъ уже отказаться. *Ред.*

вкусѣ и, въ особенности, напоминающій легкій стиль генуэзской архитектуры, въ которомъ столько отличались Карлъ Фонтàна и Тальафико. Это граціозное зданіе было свидѣтелемъ многихъ празднествъ. Природой образованная оухта служитъ ему портомъ; тамъ пристаютъ городскія лодки, цѣпляясь за корни мастиковаго дерева и высаживая пассажировъ на тропинку, усѣянную бѣлыми и жолтыми золотоòками и ведущую къ обширному перистилю изъ колоннокъ чистѣйшаго іоническаго мрамора. Тамъ хозяинъ собираетъ лучшее общество Смирны, прозванной «Парижемъ Востока».

Въ одинъ іюньскій вечеръ 183... года, въ этомъ домѣ былъ балъ, въ честь предстоящаго брака полковника Дугласа Стеффорда съ молодою Гречанкою, пріобрѣтшею извѣстность черезъ славную смерть ея отца и черезъ стихи, написанные въ честь ея лордомъ Байрономъ.

Судя по живости танцевъ, даже четыре часа спустя послѣ начала бала, можно было предполагать, что балъ продолжится непремѣнно до полудня. Изнѣженная Іонія, столько воспѣтая изнѣженными-же поэтами, казалось, покинула въ эту ночь берега Гермуса.

Оркестръ заигралъ галопадъ Обера, и толпа танцующихъ, ослѣпительная цвѣтами и драгоцѣнными каменьями, не довольствуясь обширной колоннадой, вырвалась, какъ стая птичекъ изъ клѣтки, и увеличила бальную залу до самыхъ береговъ залива. Ни одинъ цвѣтокъ не уцѣлѣлъ на душистой тропинкѣ; веселый вихрь галопада уничтожилъ все; тысячи растеній, дѣтей моря и солнца, погибли въ одно мгновеніе подъ легкими ножками смирнскихъ красавицъ, при звукахъ музыки, при очаровательномъ журчаніи легкихъ волнъ и при гармоніи отрывистыхъ словъ и дѣтски-нѣжнаго смѣха.

Четверть часа галопада побѣждаетъ силу мужчины и даже слабость женщины. Грустно признаться, что бальное счастіе длится не болѣе пятнадцати минутъ.

По притоптанной тропинкѣ, молодые люди, за минуту увлекавшіе танцовщицъ въ вихрѣ галопада, возвращались съ ними въ почтительномъ спокойствіи въ галерею. Безумная веселость унизилась до благоразумія.

Только одна группа не послѣдовала за танцорами. Это отступленіе, по малочисленности своей, не могло быть замѣчено хозяевами. Трое молодыхъ мужчинъ и одна дама составляли эту группу. Молодая женщина сидѣла въ павильйонѣ, открытомъ на заливъ и вступила съ кавалерами своими въ одинъ изъ разговоровъ, не

имѣющихъ послѣдовательности и раждающихся въ бальномъ восторгѣ, когда изъ высоко-поднимающейся груди вырываются отдѣльныя слова, свидѣтельствующія о безпорядкѣ мыслей.

— Какъ здѣсь прохладно, свѣжо, сказала она, стараясь привесть одной рукой въ порядокъ безпорядочно-разсыпавшіеся локоны: здѣсь пріятно отдохнуть. Вы пожертвуете мнѣ одною кадрилью, не правда-ли, господа?

— Мы пожертвуемъ для васъ всѣмъ баломъ, сударыня, сказалъ молодой человѣкъ, съ волненіемъ, причиненнымъ не танцами.

— Мосьё Эрнестъ де-Люсй, сказала молодая дама, слегка поклонившись: вы великодушны, какъ настоящій артистъ.

— Я хочу быть еще великодушнѣе, графиня; я готовъ пожертвовать для васъ всѣми балами нынѣшняго сезона, сказалъ другой молодой человѣкъ. старавшійся умѣрять пылкость словъ своихъ дипломатическою воздержностью.

— О, мосьё Эдгаръ де-Баньери! ваше великодушіе не обманетъ меня. Вы мѣтите въ посланники, и о каждомъ балѣ, на которомъ вы присутствуете, доносятъ въ вашу канцелярію, какъ о преступленіи противъ важности, необходимой для вступленія въ такую значительную должность; съ каждымъ па на бальномъ паркетѣ вы болѣе и болѣе удаляетесь отъ дорòги посланниковъ... А вы, графъ Жиль дель-Пиларъ, будете-ли вы также великодушны, какъ эти господа?

— Извините, сударыня, отвѣчалъ молодой испанскій графъ: я такъ несчастливъ, что не могу ничѣмъ пожертвовать вамъ въ эту минуту.

— Точно, точно! сказала графиня улыбнувшись: мы застали графа здѣсь, восхищавшагося моремъ; онъ удаляется отъ бала...

— Позволите-ли вы мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ, графиня? сказалъ Испанецъ, приблизившись къ графинѣ. — Вы уже нѣсколько лѣтъ живете въ Смирнѣ...

— Со смерти моего мужа, графа де-Верзона... теперь четыре года.

— Простите мнѣ нескромность мою, графиня. Кажется, вы лѣтомъ живете въ загородномъ домѣ, близъ моста Карабановъ?

— Точно, графъ, въ домѣ, который я чрезвычайно-люблю и который продамъ въ будущую зиму; подписывая купчую, я, вѣроятно, буду плакать.

— Какъ! вы продаете эту изумрудную игрушку! вскричалъ

Эдгаръ де-Баньери. Подождите, по-крайней-мѣрѣ, моего назначенія: я куплю этотъ домъ.

— Извините, мосьё Эдгаръ; вѣроятно, графъ не кончилъ еще...

— Еще одно, сударыня, сказалъ молодой Испанецъ: пройдетъ-ли здѣсь, въ эту ночь, Метелинскій караванъ?

— Въ эту ночь... постойте... Теперь половина іюня... Метелинскій караванъ пройдетъ здѣсь не ранѣе, какъ черезъ три дня.

Графъ сдѣлалъ движеніе, значенія котораго никто не понялъ.

— Ужъ не хотите-ли вы, графъ, вступить въ караванъ? спросила графиня.

— Можетъ-быть.

— Не по принужденію? Изъ прихоти, не такъ-ли?

— Такъ, графиня, изъ прихоти... мнѣ только жаль, что караванъ пройдетъ слишкомъ-поздно.

— Да, я понимаю эту прихоть... въ ней скрывается идея, которая мнѣ нравится; я понимаю васъ, графъ... послѣ плѣнительнаго, обворожительнаго бала, вы хотите вступить въ степь, въ общество кочующихъ полудикарей и верблюдовъ. Этотъ контрастъ исполненъ поэзіи... Какъ вы думаете, господа?

— Я думаю, что послѣ бала можно найдти болѣе пріятное занятіе, отвѣчалъ Эдгаръ.

— Какое?..

— Идти тотчасъ-же на другой балъ.

— Только съ вами, графиня, прибавилъ Эрнестъ де-Люсй.

— Графъ не раздѣляетъ вашего мнѣнія, господа; онъ пришолъ на балъ только для того, чтобы отказомъ не огорчить хозяевъ...

Графъ печально улыбнулся.

— Между-тѣмъ, прибавила графиня: сегодняшній балъ очарователенъ. Онъ мнѣ напоминаетъ мою свадьбу, въ парижѣ... Конечно, графъ, можно любить дикарей и верблюдовъ, но я предпочитаю имъ этотъ балъ.

— Не правда-ли, сударыня, сказалъ Эдгаръ, что свадебный балъ подаетъ охоту жениться?

— Такъ-что на другой день всѣ молодые люди, несвязанные еще брачными узами, должны-бъ заботиться о пріисканіи невѣстъ, сказала, смѣясь, графиня.

— Такая брачная эпидемія была-бы впрочемъ неопасна, замѣтилъ Эрнестъ.

— Ахъ! сказала графиня: если-бъ всѣ молодыя дѣвушки походили на прелестную нашу Гречанку Амалію, то нашлось-бы много Дугласовъ; никто не бѣжалъ-бы отъ эпидеміи.

— Исключая меня, сказалъ Эдгаръ.

— И меня, сказалъ Эрнестъ.

— О! ваше мнѣніе о супружествѣ извѣстно у насъ во всей Малой-Азіи. Артисты и будущіе дипломаты пріѣзжаютъ на Востокъ только въ надеждѣ жениться на какомъ-нибудь гаремѣ, распущенномъ послѣ несостоятельности какого-нибудь паши.

— Постарайтесь, графиня, сказалъ Эдгаръ, обратить на путь истинный этихъ западныхъ Турокъ; покажите примѣръ; бросьте брачный платокъ одному изъ крещоныхъ мусульманъ; здѣсь болѣе двадцати прелестныхъ Парижанокъ; онѣ послѣдуютъ вашему примѣру; обычаи Востока, благодаря вамъ, измѣнятся, и впредь, послѣ несостоятельности пашей, гаремы будутъ продаваться съ значительною уступкой степнымъ жителямъ.

— Отъ меня обществу уже требовать нечего; — я исполнила долгъ свой. Если я вдова, такъ это не моя вина; я не для того вышла за̀-мужъ.

— Надо начать съ-изнова, графиня...

— О, ка̀къ вы легко судите о бракѣ, мосьё Эдгаръ... Для васъ это все равно, что случайно-прерванная игра въ вистъ... по вашему, игру супружества можно начать съ однимъ партнеромъ и кончить съ другимъ... Мосьё Эдгаръ, вы никогда не будете имѣть важности, необходимой посланнику. Скажите, ради Бога, чему же вы учитесь?

— Учусь, ка̀къ жениться.

— Вы сидите еще на азбукѣ, мосьё Эдгаръ.

— Я и не хочу еще выдерживать экзамена. Въ двадцать-пять лѣтъ можно еще ждать; никакое духовное условіе не принудитъ меня произнести у алтаря завѣтное *да*!

— А! мосьё Эдгаръ, сказала графиня, съ весьма-натуральнымъ, по-видимому, упрекомъ: вашъ намекъ, можетъ-быть, кстати, но въ немъ не достаетъ французской деликатности.

— Это не совсѣмъ ясно, сказалъ Эрнестъ де-Люси.

Графъ дель Пиларъ, не желавшій, по-видимому, принимать участія въ разговорѣ, приблизился по знаку графини.

— Графъ, помогите мнѣ защитить полковника Дугла̀са, сказала графиня. Слышали ли вы, что̀ сказалъ мосье Эдгаръ де-Баньерѝ? Съ весьма-искуснымъ коварствомъ онъ намѣкнулъ, что будто-бы полковникъ Дугла̀съ женится по принужденію.

— Полковнику, отвѣчалъ графъ, не нужна ничья защита; на лицѣ его выражается все блаженство счастливаго любовника.

— Впрочемъ, сказалъ Эдгаръ, я только повторилъ тихонько то, о чомъ вся Смирна говоритъ въ-слухъ.

— Будьте искренны, мосьё Эдгаръ, сказала графиня: неужели вы думаете, что необходимо какое-нибудь духовное условіе, чтобы заставить человѣка согласиться на счастіе—быть мужемъ молодой подруги моей, прелестной Гречанки Амаліи?

— Будьте жъ и вы, графиня, искренны: существуетъ-ли это духовное условіе? Хотите-ли, я повторю вамъ стихи Байрона, воспѣвающіе обрученіе ребенка Амаліи съ Дугласомъ Стеффордомъ? Вы знаете не хуже меня, сударыня, что лордъ Байронъ взялъ подъ свое могущественное покровительство маленькую сиротку изъ Миссолонги и что, въ-слѣдствіе брака съ полковникомъ, она получаетъ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Это много для того, у кого ничего нѣтъ.

— Все это правда, сказала графиня: но согласитесь, по-крайней-мѣрѣ, что полковникъ Дугласъ находится въ необыкновенномъ положеніи человѣка, котораго принуждаютъ быть счастливымъ.

— Все-таки это принужденіе.

— Вы разсуждаете что-то не по лѣтамъ, мосье Эдгаръ.

— Послушайте, графиня; я видѣлъ прошлаго года полковника Дугласа, когда онъ воротился изъ Индіи, и увѣряю васъ, что на лицѣ его былъ оттѣнокъ глубокой меланхоліи, подъ тройнымъ слоемъ солнечнаго загара: можно было подумать, что его насильно тащили къ свадебному контракту.

— Это весьма-легко объяснить: полковникъ страстно привязанъ къ индійской войнѣ. Онъ командовалъ, хоть не по званію, но на дѣлѣ, англійской арміей въ Низамской провинціи. Онъ ожидалъ уже высокихъ обѣщанныхъ наградъ за тяжкую и славную службу, когда его вдругъ позвали въ Уайтъ-Галль, чтобы получить отъ него изустныя объясненія таинственной войны, разоряющей Низамъ. Очень-понятна досада молодаго тридцати-лѣтняго офицера, теряющаго пятнадцать мѣсяцевъ молодости своей на пустыя объясненія, ничего необъясняющія, и которыя надо дать министрамъ, на другомъ концѣ свѣта. Съ другой стороны опекунъ прелестной греческой сиротки овладѣлъ полковникомъ при проѣздѣ его; опекунъ хлопоталъ только о двѣнадцати-тысячахъ фунтахъ стерлиновъ. Я не стану спорить, что сначала всѣ эти непріятности весьма надоѣдали полковнику; онъ, вѣроятно, не разъ проклиналъ и министровъ, и опекуновъ, и лорда Байрона; но прелесть и красота Амаліи имѣли на него неизбѣжное вліяніе. Полковникъ сдался, забылъ Низамъ, благословилъ лорда Байрона,

вручилъ банкиру Леману двѣнадцать тысячъ на имя невѣсты и увѣнчалъ все тѣмъ, что до свадьбы влюбился въ свою будущую жену.

— Графиня Октавія де-Верзонъ знаетъ всѣ подробности исторіи обручонныхъ, сказалъ Эрнестъ де-Люсѝ; противъ этого ничего нельзя сказать.

— Я ничего и не говорю, сказалъ Эдгаръ.

— Да, но за васъ говоритъ весьма-выразительная и многозначущая улыбка, мосьё Эдгаръ.

— Э, графиня! Неужели нельзя и улыбаться?.. Извините, я повѣрю всему, что̀ вы разсказали, исключая однакожъ любви полковника Дугла̀са.

— О, мужчины! они никогда не хотятъ вѣрить въ любовь... Я увѣрена, что графъ, неразвращонный еще правилами французской молодежи, въ глубинѣ сердца, одного со мною мнѣнія.

— Но, графиня, сказалъ Эдгаръ: съ вашими идеями о любви, вы готовите большое разочарованіе тому человѣку, который осмѣлился-бъ изъясниться вамъ въ любви?

— Э, Боже мой! всѣ молодые люди Малой-Азіи готовы изъясняться всѣмъ и каждой въ любви! Неужели должно вѣрить любви этихъ господъ?.. Послушайте ихъ, и вы увидите, что всѣ они любятъ одинаково пламенно. Съ самаго начала бала всѣ танцоры напѣваютъ мнѣ о любви. Любовь не разказывается, а доказывается. Вотъ чего вы не знаете, господа.

— Графиня, сказалъ Эрнестъ де-Люсѝ: предсвадебный балъ позволяетъ намъ быть нѣсколько вольнѣе или, если хотите, откровеннѣе. Подобные случаи рѣдки. Завтра мы увидимъ васъ въ строгомъ величіи вседневнаго, свѣтскаго костюма; завтра мы можемъ только поклониться и идти дальше. Но теперь вы доступны, какъ обыкновенная смертная. Для бала Олимпъ сошолъ на берега Гермуса, гдѣ онъ нѣкогда былъ созданъ. Мы можемъ говорить съ вами прямо, какъ будто равные вамъ. Вы молоды, сударыня, прелестны, богаты, обожаемы. При первомъ знакѣ руки вашей, всѣ должны преклонить предъ вами колѣна. Какихъ-же доказательствъ потребуете вы отъ того, кого соблаговолите возвесть изъ ничтожества до себя?

— Это довольно-нескромный вопросъ, мосьё де-Люси; но вы правы, бальная свобода многое извиняетъ, а потому я соглашусь дать вамъ отвѣтъ... Я люблю путешествія, сильныя, неожиданныя впечатлѣнія и шумную жизнь. Одинокая женщина должна покориться однообразію затворнической жизни и скукамъ безполезнаго

богатства, остающагося безъ употребленія. Слѣдовательно, чтобъ жить согласно вкусамъ моимъ, я должна выдти второй разъ замужъ. Однакожъ я назначила себѣ два года сроку. Вторичное вступленіе въ супружество гораздо-важнѣе перваго, потому-что вдова очень-хорошо знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Человѣкъ, котораго я изберу, долженъ начертать на брачномъ кольцѣ неизгладимое воспоминаніе о подвигѣ, великомъ или незначительномъ, но изобрѣтенномъ, чтобы понравиться мнѣ и выполненномъ для меня. Въ грустные дни, когда сомнѣніе овладѣваетъ сердцемъ, когда любовь теряетъ нѣкоторые изъ очаровательныхъ призраковъ, это воспоминаніе будетъ служить мнѣ моральнымъ лекарствомъ, которое будетъ переносить меня въ дни медоваго мѣсяца. Воспоминаніе о подвигѣ, бывшемъ неоспоримымъ доказательствомъ любви, будетъ неразлучно съ супругомъ моимъ. Несчастіе вдовства имѣетъ свою полезную сторону: оно научаетъ молодыхъ женщинъ быть осторожнѣе; онѣ не рискуютъ болѣе, подобно молодымъ пансіонеркамъ, спокойствіемъ всей жизни въ пользу перваго встрѣчнаго вѣтренника, которому только наканунѣ пятое дѣйствіе какой-нибудь комедіи внушило мысль жениться и который является въ сопровожденіи нотаріуса и родныхъ. Я хочу воспользоваться своими преимуществами, и вотъ на что̀ рѣшилась... Было время во Франціи, когда влюбленные не осмѣливались изъяснять страсти своей, не доказавъ ее на турнирѣ, въ битвѣ или походѣ. Это былъ нашъ золотой вѣкъ. Мужчины сдѣлали нарочно противъ насъ революцію. Мы стали вашими покорными рабами. Надобно-же, чтобы иногда какая-нибудь смѣлая женщина возставала и противъ васъ, господа!.. Примѣръ нѣкоторыхъ избранныхъ подѣйствуетъ на массу и, можетъ быть, мы со временемъ вступимъ опять въ прежнія наши права.

— Главная вина ваша та, графиня, сказалъ де-Люсй, что вы вѣчно правы; невозможно...

— О! мосьё ле-Люси, избавьте меня отъ комплиментовъ, сказала молодая вдова, граціозно пожавъ плечами: мужчины очень ошибаются, если думаютъ, что замѣнили турниры и походы пустыми фразами и комплиментами; впрочемъ для нихъ это гораздоудобнѣе. Мосьё де-Люси, дайте мнѣ руку, мы пропустили одну кадриль... потеря невозвратная! Не будемъ увеличивать ее; воротимтесь на балъ. Мосьё Эдгаръ, вы проводите насъ, не правда ли?.. Вотъ тамъ, на морѣ, мнѣ представляется уже нѣчто черное, устрашающее меня... О! не пугайтесь, господа... Это моя лодка. Слуги мои, вѣроятно, находятъ, что балъ длится слишкомъ-долго,

и ѣдутъ за мною... имъ скучно, бѣднякамъ, ждать; вѣдь они не танцуютъ; изъ сожалѣнія къ нимъ, я должна буду раньше всѣхъ оставить балъ, на которомъ мнѣ весело... Неправда-ли, какъ ужасно быть рабомъ своихъ слугъ?.. Надо посовѣтовать филантропамъ, чтобы они предложили на судъ всего человѣчества освобожденіе господъ отъ ига слугъ. Однако я рѣшилась не уѣзжать отсюда до восхода солнечнаго. Ночью мой загородный домъ рѣшительно необитаемъ; это замокъ безсонницы, потому-то я и продаю его; въ немъ невозможно уснуть; всю ночь слышится самый ужасный болотный концертъ, несносное кваканье достигаетъ до моего алькова. Я-бы желала отправляться каждый день послѣ солнечнаго заката на балъ и оставаться тамъ до зари... Графъ, вы, кажется, не расположены слѣдовать за нами въ бальную залу..? Позвольте-жъ обратиться къ вамъ съ просьбой: когда слуги мои пристанутъ къ берегу, потрудитесь сказать имъ, что они свободны на пять часовъ. Я буду имъ очень-благодарна, если они позволятъ мнѣ остаться здѣсь до зари... Мосьё де-Люси, вы не забыли, что намъ скоро придется пѣть дуо изъ Танкреда.

Жиль дель-Пиларъ отвѣчалъ только знаками, и вскорѣ остался одинъ на берегу моря.

Лодка, замѣченная въ отдаленіи, приближалась съ изумительною быстротою, слѣдовательно, нельзя было предполагать, что ею управляли только двое слугъ графини Октавіи де-Верзо́нъ. Двѣнадцать веселъ разсѣкали волны...

Между-тѣмъ графъ сошолъ на всякій случай къ пристани, и тотчасъ-же удостовѣрился, что подъѣзжавшая лодка принадлежала не графинѣ.

Мужчина высокаго росту, величественной осанки, одѣтый съ крайнею щеголеватостью, выскочилъ изъ лодки и встрѣтился лицомъ къ лицу съ графомъ. Черты незнакомца, освѣщонныя свѣтомъ звѣздъ, имѣли выраженіе кростости, мужества и благородства.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, обратившись къ графу: я надѣюсь, что не ошибся; здѣсь пристань загороднаго дома консула?

— Здѣсь.

— Консулъ даетъ балъ по случаю свадьбы полковника Дугла́са?

— Точно.

— Я не былъ ещѣ представленъ консулу и, слѣдовательно, не приглашонъ, но мнѣ необходимо надо поговорить съ полковникомъ Дугла́сомъ; могу-ли я надѣяться, что вы не откажетесь вру-

чить ему эту карточку? Вы окажете мнѣ этимъ важную услугу, за которую я буду вамъ крайне-благодаренъ.

Графъ взялъ карточку и съ особеннымъ вниманіемъ сталъ осматривать лодку.

Незнакомецъ сдѣлалъ движеніе, выражавшее нетерпѣніе его.

— Вы можете слышать отсюда звуки оркестра, отвѣчалъ графъ: сейчасъ началась кадриль и я могу говорить съ полковникомъ только послѣ танца; слѣдовательно, мы можемъ помѣняться нѣсколькими словами. Вамъ ли принадлежитъ эта лодка?

— Это лодка пароваго пакетбота *Цейлонъ*.

— Чтобы имѣть право на вашу довѣренность, я скажу вамъ свое имя. Я графъ Жиль дель-Пиларъ, мадритскій изгнанникъ; имя отца моего, вѣроятно, извѣстно вамъ изъ послѣдней нашей войны за независимость; я былъ адъютантомъ его, когда онъ командовалъ арміей въ Баскскихъ провинціяхъ, гдѣ Господь не позволилъ мнѣ умереть со своими.

Незнакомецъ съ живостію сжалъ руки графа и сказалъ:

— Имя мое не заслужило такой извѣстности, какъ ваше: я сэръ Эдуардъ Клербсъ, гражданинъ міра и другъ изгнанниковъ и несчастныхъ.

— Сэръ Эдуардъ, долго-ли пробудетъ *Цейлонъ* въ Смирнѣ?

— Онъ отправляется завтра, до солнечнаго восхода, въ Александрію.

— Завтра!... это милость Провидѣнія!... сэръ Эдуардъ, если вы другъ изгнанниковъ и несчастныхъ, то вамъ, вѣроятно, не разъ случалось оказывать услуги...

— Прибѣгать къ помощи моей, значитъ, оказывать мнѣ услугу. Говорите, графъ.

— Сэръ Эдуардъ, я надѣялся отправиться въ эту ночь съ Метелинскимъ каравановъ, но онъ пройдетъ здѣсь не ранѣе, какъ черезъ три дня. Я не могу долго ждать. Завтрашнее солнце должно убить меня. Въ какихъ отношеніяхъ вы къ капитану *Цейлона*?

— Онъ мой искренній другъ.

— Въ такомъ случаѣ выпросите у него мѣстечко для меня на вашемъ пакетботѣ.

— Только-то?

— Я прошу у васъ жизни, сэръ Эдуардъ.

— Я уступаю вамъ собственную каюту.

— Сэръ Эдуардъ, будьте вполнѣ великодушны; я не хочу возвращаться на балъ. Напишите два слова капитану: я тотчасъ-же уѣду. Въ двадцать минутъ лодка ваша успѣетъ отвезть меня и вернуться.

— Но, графъ, вы забываете, что вы мнѣ нужны для того, чтобы передать карточку полковнику Дуглàсу...

— Простите, простите! сэръ Эдуардъ. Простите... Голова моя горитъ... я забываю все... все, исключая одной вещи, убивающей меня... Да, я отдамъ вашу карточку полковнику Дуглàсу и...

— И тогда я одолжу вамъ лодку на двадцать минутъ. Когда вы воротитесь, записка къ капитану будетъ готова. Услуга за услугу, графъ.

— Та, которую я вамъ оказываю, незначительна; она ни кому не спасетъ жизнь...

— Кто знаетъ?..

— Прощайте, сэръ Эдуардъ; до свиланія. Кадриль сейчасъ кончится.

— Осторожность и скромность, графъ дель-Пиларъ.

Когда молодой изгнанникъ вступилъ въ залу, балъ былъ во всемъ разгарѣ. Кадриль, въ которой танцовала прелестная невѣста, была окружена тройнымъ поясомъ зрителей всѣхъ націй, между которыми особенно замѣтны были молодые моряки французскаго и англійскаго флота. Взоры, съ досадно-внимательнымъ любопытствомъ, переходили отъ жениха къ молодой Гречанкѣ, невѣстѣ.

Графиня Октавія танцовала съ полковникомъ, и не-смотря на присутствіе героини праздника, красота ея возбуждала еще восторженный ропотъ. Не трудно было замѣтить, что видъ благородной и прелестной вдовы пробуждалъ пылкія, пламенныя страсти въ груди нѣкоторыхъ молодыхъ людей, для которыхъ она была царицей и единственной женщиной бала.

Октавія съ чудесною опытностію женщины, приближающейся къ тридцатому году, схватывала мельчайшія подробности взгляловъ и мыслей, носившихся около нея въ быстромъ вихрѣ бала. Искуснѣйшіе наблюдатели не могли-бы прочесть эту быстроту сивиллическаго взгляда, въ чорныхъ глазахъ графини, блиставшихъ дѣтскою радостію и наивною безпечностью; на лицѣ ея, увѣнчанномъ граціей и цвѣтами; во всей наружности этой очаровательной женщины, внимавшей только звукамъ оркестра и смотрѣвшей, по-видимому, только на себя, въ высокихъ зеркалахъ, мимо которыхъ она порхала. Между-тѣмъ ничто не ускользало отъ проницательности Октавіи, которая, въ шумѣ ногъ, голосовъ, инструментовъ, различала мрачныя или восторженныя мысли, скрывавшіяся въ глубинѣ сердецъ окружавшихъ ее. Тутъ были дипломаты, будущіе посланники, секретари посольствъ, глубокіе политики, всѣ европей-

скіе консулы... и никто изъ нихъ не замѣчалъ глухой печали, скрывавшейся подъ веселіемъ, тучи, подымавшейся на лазоревомъ горизонтѣ бала...

— У невѣсты лицо не совсѣмъ брачное! говорилъ консулъ.

— О, женщины въ эти лѣта изумительны! восклицалъ дипломатъ: надо ихъ знать. Онѣ умѣютъ скрывать внутреннюю радость, какъ пятидесятилѣтнія кокетки. Жена моя плакала на своемъ свадебномъ балу; да, плакала, а между-тѣмъ выходила за меня по любви!

— У полковника Дугласа видъ не совсѣмъ согласуется съ назначеніемъ этого бала. Онъ точно будто-бы замышляетъ спуститься въ какое-нибудь низамское подземелье, говорилъ ученый мужъ.

— Да, возразилъ одинъ изъ людей, въ рукахъ котораго была судьба цѣлаго государства: да, полковникъ кажется мнѣ однимъ изъ тѣхъ военныхъ, которые не отступаютъ предъ непріятелямъ, но которые бѣгутъ отъ счастія. Невѣста очаровательна; она обладаетъ всѣмъ, что плѣняетъ насъ въ Гречанкахъ. Это Венера Медицейская, со всею прелестію новѣйшей чувственности, которая гораздо-выше сухости формъ богини. Я очень-хорошо понимаю, что человѣкъ, которому судьба даритъ такое сокровище, самъ пугается своего счастія. Когда невѣста слишкомъ-хороша, женихи не рѣдко трепещутъ. Молодая Амалія еще лѣтъ тридцать будетъ красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Сколько заботъ бѣдному мужу!

Графиня Октавія была далека отъ учености и дипломатіи этихъ важныхъ мужей, а между-тѣмъ, взоръ ея проникъ мракъ тяжолой тайны, тяготѣвшей надъ обручонными.

По окончаніи кадриля, она оставила руку Дугласа, и не ускоривъ шаговъ и идя впередъ безъ цѣли, прошла черезъ группы, и какъ-бы случайно останавилась предъ графомъ дель Пиларомъ.

— Графъ, сказала она ему: что съ вами? Боже мой! вы блѣдны какъ человѣкъ, зимою претерпѣвшій кораблекрушеніе.

— Графиня, отвѣчалъ графъ едва-слышнымъ голосомъ: я исполнилъ приказаніе ваше; я ждалъ вашихъ слугъ, но то была не ваша лодка. Позвольте мнѣ оставить васъ на минуту... мнѣ надо сказать два слова полковнику Дуглассу.

— Я именно хотѣла просить васъ пройдтись со мною по террасѣ... О, какой ужасъ объялъ васъ, графъ!... Понимаю... вы отказываете мнѣ... вы либо мечтаете на берегу моря, либо имѣете какія-нибудь важныя дѣла.

— Простите, графиня... послѣ... я вамъ объясню...

— Графъ, я ангажирую васъ на слѣдующую кадриль... Опять отказъ!... О, это непостижимо!...

— Ради Бога, сударыня, позвольте мнѣ оставить васъ на минуту...

— Одно слово, графъ. Я ни на минуту не теряла васъ изъ виду, во все продолженіе послѣдней кадрили. Губы ваши дрожали, глаза сверкали местью и ненавистью... Взоръ вашъ устремился на полковника и не сходилъ съ него... Графъ, я поняла васъ; вы затѣваете что-то ужасное... запрещаю вамъ говорить съ полковникомъ Дугла́сомъ... надѣюсь, что вы, благородный испанскій графъ, повинуетесь благородной французской графинѣ?...

Эта маленькая сцена, сыгранная двумя лицами, въ отдаленномъ углу перистиля, не была замѣчена посреди шума праздника. Чтобы обмануть ревнивые взоры нѣкоторыхъ молодыхъ поклонниковъ своихъ, графиня Октавія притворялась веселой, и прилавала всѣмъ жестамъ своимъ безпечность, противуположную словамъ ея. Графъ, неумѣющій скрывать ощущеній своихъ, былъ похожъ на привидѣніе, внимающее радостнымъ шуткамъ хорошенькой женщины за нѣсколько минутъ до полуночи, когда пробьетъ роковой часъ возвращенія въ могилу.

Графиня, сказалъ онъ: обѣщаюсь повиноваться вамъ и не скажу ни слова полковнику Дугласу.

— Ни сегодня, ни завтра, графъ.

— Ни сегодня, ни завтра... однакожъ я долженъ вручить ему эту карточку; мнѣ поручили...

Графиня съ живостію схватила карточку сэръ Эдуарда и не читая, разорвала ее; потомъ произнесла глухимъ, недовольнымъ голосомъ:

— Графъ, вы поступаете противу законовъ гостепріимства; эта карточка вызовъ. Съ самаго начала бала я не спускаю съ васъ глазъ, и угадала ваши намѣренія. О, вы не обманете взгляда женщины! Графъ, вы вызываете на дуэль полковника Дугла́са; это недостойно васъ! Я давно читаю въ глубинѣ вашего сердца, и скажу вамъ все, что́ происходитъ въ немъ... Вы любите женщину, которая завтра должна выдти за́-мужъ за другаго... Эта любовь убиваетъ васъ и вы хотите спастись отчаяннымъ поступкомъ. Угадала-ли я? Отвѣчайте. Вы отвѣчаете молчаніемъ. Слѣдовательно, я не ошиблась.

Въ это время оркестръ сыгралъ прелюдію. Полковникъ Дугла́съ подошолъ къ графинѣ Октавіи, подалъ ей руку и повелъ ее

на другой конецъ залы, къ пюпитру, у котораго она должна была спѣть дуо изъ Танкреда.

Молодой Эдгаръ де Баньерй занялъ уже первое мѣсто между слушателями. Графиня развернула ноты и какъ-бы показывая ихъ сосѣду, шепнула ему:

— Мосьё Эдгаръ, хотите-ли оказать мнѣ услугу? Удалитесь отсюда и наблюдайте до самой зари за графомъ Жиль-дель-Пила́ромъ.

Глубокая тишина водворилась въ обширной залѣ; гости усѣлись по скамьямъ, такъ, что середина залы осталась пустою. Тѣ, которымъ не удалось сѣсть, заняли мѣста между колоннами. Графиня Октавія и Эрнестъ де-Люсй готовились начать дуо, когда англійскій консулъ скорыми шагами перешолъ черезъ залу и сталъ говорить съ хозяиномъ, который знаками выразилъ крайне-неожиданное удовольствіе и шепнулъ нѣсколько словъ на-ухо полковнику Дугла́су.

Воспользовавшись неожиданнымъ движеніемъ, произведеннымъ въ залѣ этимъ обстоятельствомъ, Эдгаръ Баньерй кивнулъ графинѣ головою и занялъ мѣсто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графа дель Пила́ра.

На лицѣ полковника выразилось минутное неудовольствіе. Графиня, граціозно откинувъ назадъ голову, взяла руку полковника и сказала ему:

— Можемъ-ли мы начать наше дуо? Если я должна буду просидѣть еще пять минутъ въ этомъ положеніи, какъ статуя, то не отвѣчаю за голосъ свой.

— Графиня, возразилъ Дугла́съ съ принужденной улыбкой: благородный иностранецъ проситъ, именемъ своего консула, позволенія явиться сюда.

— Слѣдовательно, мы должны ждать этого благороднаго иностранца?

— Только нѣсколько минутъ... но вотъ онъ.

Сэръ Эдуардъ прошолъ залу во всю длину ея и представился хозяевамъ. Едва имя знаменитаго путешественника по Индіи сдѣлалось извѣстнымъ, какъ между гостями пронесся почтительный ропотъ.

Дуо изъ Танкреда началось, но слушатели были разсѣянны. Всѣ взоры были обращены на благороднаго иностранца и въ разныхъ углахъ разсказывали какую-нибудь черту его героическаго таинственнаго существованія, избравшаго отчизной весь міръ. Сэръ Эдуардъ стоялъ въ положеніи, исполненномъ благородства и про-

стоты; на лицѣ его не было ни гордости, ни изумленія, ни смущенія; ни однимъ благосклоннымъ взглядомъ онъ не отвѣчалъ на восторженное любопытство толпы; онъ выслушалъ дуо съ притворнымъ или настоящимъ вниманіемъ, доказывавшимъ тонкое чувство приличій. По окончаніи пѣнія, онъ похвалилъ таланты артистовъ любителей, и сказалъ полковнику Дугласу:

— Я недавно разстался въ Лондонѣ, въ Королевскомъ-театрѣ, съ Пастой, но здѣсь опять слышу ея голосъ.

— О, мы давно знаемъ, сказала графиня Октавія, что сэръ Эдуардъ любезенъ, какъ Французъ.

— Извините, сударыня, отвѣчалъ сэръ Эдуардъ: я не хотѣлъ, чтобы вы слышали меня. Это отнимаетъ всю цѣну у любезности, которую вы во мнѣ предполагаете. Остается одна искренность похвалы.

— Сэръ Эдуардъ, я должна-бы сердиться на васъ...

— За что, графиня?

— Ваше появленіе разрушило весь эффектъ моего дуэта. Вы одни имѣете право явиться на балъ къ самому концу, потому-что вы всегда налетаете съ другаго конца свѣта и хозяева извиняютъ вамъ неаккуратность по причинѣ дальняго пути. Зачѣмъ не пришли вы четвертью часа позже? Дуэтъ мой имѣлъ-бы огромный успѣхъ.

— Вы были очаровательны, графиня; точно такъ какъ на концертѣ, который вы дали намъ, прошлаго года, въ прелестномъ вашемъ домѣ, въ улицѣ Розъ. Я никогда не забуду этого бала. Въ тотъ разъ я пріѣхалъ изъ Индіи; но сегодня я прямо изъ Лондона.

— Сэръ Эдуардъ, мосье Эрнестъ де Люсй желаетъ быть представленъ вамъ. Онъ, какъ вы слышали, неизмѣнный товарищъ мой въ дуэтахъ.

Эрнестъ де-Люсй и сэръ Эдуардъ вѣжливо поклонились другъ-другу.

— По истинѣ, графиня, сказалъ сэръ Эдуардъ, обращаясь къ Октавіи и Эрнесту: мнѣ крайне-грустно, что я въ послѣдній разъ слышу вашъ дуэтъ...

— Отчего?... сказала графиня: завтра-же въ загородномъ моемъ домѣ, мы споемъ вамъ его еще разъ, послѣ бракосочетанія полковника Дугласа и милой моей Амаліи...

— Графиня, когда взойдетъ солнце, я буду уже далеко отсюда...

— О, вы несносны, сэръ Эдуардъ!... Вы употребляете во зло способность перемѣнять мѣсто!... Зачѣмъ-же вы прибыли сюда

ровно въ полночь, точно привидѣніе изъ какого-нибудь романа вашей Анны Радклифъ?

— Какъ! вы не угадываете, прелестная графиня? шутливо воскликнулъ Эдуардъ: я ѣхалъ въ Индію; вдругъ мнѣ сказали, что графиня Октавія будетъ пѣть дуэтъ Россини, на берегу залива; я немедленно велѣлъ бросить якорь и поспѣшилъ на берегъ, чтобы услышать васъ и протанцовать съ вами.

— Нѣтъ, сэръ Эдуардъ, поговоримте серьёзно, пока еще не танцуютъ. Васъ привело сюда важное дѣло; о, меня трудно обмануть! Входя въ залу, вы вручили консулу вашему огромный пакетъ. Вы сдѣлали это очень-искусно, но я уже сказала вамъ, что все вижу.

— А! преклоняюсь предъ вашей проницательностью. Глаза ваши опасны не одною прелестью своею. Коли вы все видѣли, то мнѣ отпираться уже нельзя. Министръ далъ мнѣ нѣкоторыя депеши къ здѣшнему консулу: вотъ цѣль и причина моего пріѣзда.

— И, по-видимому, депеши эти чрезвычайно-важны, потому-что консулъ вашъ оставилъ балъ вмѣстѣ съ полковникомъ Дугласомъ.

— Вѣроятно.

— Сэръ Эдуардъ, не проникъ-ли проницательный взоръ вашъ чрезъ министерскій конвертъ?

— О, графиня, я уважаю государственныя тайны.

— Но, при случаѣ, вы умѣете угадывать ихъ?

— Нѣтъ, сударыня, я стараюсь угадывать ихъ не прежде, пока онѣ сдѣлаются всѣмъ извѣстны. Тогда-то именно онѣ становятся загадочнѣе.

— Разговоръ о депешахъ длится слишкомъ долго межлу вашимъ консуломъ и полковникомъ. Прелестная невѣста начинаетъ безпокоиться; но вотъ, по-счастію, ее ангажируютъ на кадриль. Сэръ Эдуардъ, если вамъ есть время, согласитесь-ли вы быть моимъ кавалеромъ?

— Я, по привычкѣ, забываю отказать. Для перваго приказанія, которое получаю отъ васъ, я неизмѣню привычкамъ своимъ.

Сэръ Эдуардъ и графиня Октавія стали въ кадриль; въ промежуткахъ между фигурами, разговоръ продолжался.

— Какъ вамъ нравится невѣста, Сэръ Эдуардъ? спросила графиня: вѣдь вы пріѣхали изъ Ланкастера, гдѣ красота женщинъ замѣняетъ отсутствіе солнца.

— Графиня, возразилъ Сэръ Эдуардъ: отвѣтъ мой заключается въ самомъ вопросѣ вашемъ. Молодая невѣста, очаровательная

Гречанка, не имѣетъ, по-счастію, классической красоты своей родины, и граціозный очеркъ лица ея не имѣетъ холодно-правильнаго греческаго профиля. Блестящіе и ясные глаза невѣсты каждымъ взглядомъ выражаютъ глубокую мысль; они живы и нѣжны, и обѣщаютъ будущность, исполненную тишины или грозы— это будетъ зависѣть отъ мужа. На всемъ Паросѣ нѣтъ мрамора бѣлѣе и чище цвѣта тѣла ея. Можно сказать, что для нея сочиненъ греческій напѣвъ: «Женщина, сбрось съ себя покрывало и требуй жертвенниковъ»! Впрочемъ, можно подумать, что она не только другъ, но сестра ваша.

— А, сэръ Эдуардъ! Вы прекрасно знаете греческія сочиненія...

— И, подъ конецъ, какъ вы видите, перевожу ихъ на французскій ладъ.

— Да, вы привыкли быть любезнымъ, сэръ Эдуардъ...

— Я привыкъ къ этому въ африканскихъ и азіятскихъ степяхъ. По-истинѣ, графиня, вы несправедливы и поступаете со мною, какъ съ Европейцомъ. Вы находите меня любезнымъ, какъ какого нибудь денди или льва! Я провелъ одну половину жизни съ матросами, а другую съ тиграми и слонами. Въ подобномъ обществѣ трудно научиться любезности!

— О! сэръ Эдуардъ, не прикидывайтесь Робинзономъ Крузоэ! Мы знаемъ всю кротость вашихъ дикихъ нравовъ. Въ Лондонѣ были изданы описанія тайныхъ приключеній вашихъ. Вы укрощали бѣлокурыхъ тигрицъ...

— Графиня, я всегда жилъ подъ открытымъ небомъ, на солнцѣ, и приключенія мои чисты и ясны, какъ день. Если-бъ я съумѣлъ укротить тигрицу, то она была-бы теперь со мною и называлась-бы моимъ именемъ!..

— Съ какимъ мрачнымъ видомъ вы это говорите, сэръ Эдуардъ!

— Грустная идея, которую, впрочемъ, музыка кадрили уже разсѣяла... Но вы пугаете меня, графиня; взоръ вашъ схватываетъ на лету молнію!.. Вамъ опасно было-бъ ввѣрить депешу, подъ печатью льва и единорога; конвертъ изъ министерскаго пергамента былъ-бы для васъ прозраченъ, какъ китайскій крепъ.

— Сэръ Эдуардъ, мнѣ кажется, что мы хотимъ побѣдить другъ друга хитростію.

— Я давно побѣжденъ, графиня.

— Любите-ли вы танцовать, сэръ Эдуардъ?..

— Къ чему этотъ вопросъ?..

— Такъ... вы знаете, что во-время танцовъ, не возможно вести послѣдовательный разговоръ... надо говорить урывками... я ужъ забыла, о чомъ спрашивала.

— Вотъ отвѣтъ на вопросъ, забытый вами: я люблю танцовать на балу.

— Не привыкли-ли вы и къ этому въ вашемъ степномъ обществѣ?

— По истинѣ, вашъ языкъ и ваши глаза говорятъ въ одно время, выражая однако-жъ совершенно-различныя мысли; я смотрю только на ваши глаза и не понимаю ихъ...

— Вы очень-хорошо понимаете ихъ, сэръ Эдуардъ! сказала графиня, внезапно измѣнивъ шутливый тонъ и принявъ серьёзный видъ. — Послушайте, сэръ Эдуардъ, и вы увидите, умѣю-ли я угадывать... Въ эту минуту вы не танцоръ, но стражъ мой... о! улыбайтесь и поднимайте глаза къ плафону, какъ-бы отыскивая объясненія загадки... это ничего не значитъ, вы очень-хорошо меня понимаете... что-то адское затѣвается противъ молодой подруги моей, Амаліи... А она беззаботно танцуетъ!.. И я танцую вмѣсто того, чтобъ быть тамъ, гдѣ надо защищать ее!

— Графиня, сказалъ Эдуардъ съ достоинствомъ: потрудитесь воздержаться еще нѣсколько минутъ; всѣ взоры съ безпокойствомъ обращены на насъ; подумаютъ, что я васъ обидѣлъ.

— О! теперь все ясно, сказала графиня; замѣчаете-ли вы суматоху въ сосѣдней залѣ?.. видите-ли вы, какъ суетятся слуги полковника Дугласа... сэръ Эдуардъ, вы рѣшились быть участникомъ въ мрачномъ заговорѣ... вы, дворянинъ!.. это низко!

Шумъ танцевъ, говоръ гостей, звуки оркестра заглушали голосъ графини Октавіи; слова ея слышалъ только Эдуардъ. На лицѣ молодой вдовы выражался гнѣвъ, обращенный на кавалера ея; но съ неимовѣрною быстротою гнѣвное выраженіе уступало мѣсто принужденной улыбкѣ. Сэръ Эдуардъ, котораго никакой голосъ, ни человѣка, ни дикаго звѣря, ни громъ небесный, ни ревъ морской, не могли устрашить, трепеталъ при звукахъ этого женскаго голоса, который даже въ выраженіи гнѣва сохранялъ мелодію граціи и любви.

По окончаніи кадриля, сэръ Эдуардъ отвелъ графиню къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Амалія, и дорогой, онъ проговорилъ, съ смущеніемъ преступника:

— Графиня, если-бъ слова ваши были яснѣе, то я могъ-бы дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ; я неспособенъ на неблагородный поступокъ. Обстоятельства сами оправдаютъ меня.

— Да, въ Индіи... сказала Октавія.

Она поклонилась сэру Эдуарду, и скорыми шагами пройдя черезъ толпу, подошла къ Эдгару де Баньери, чтобы узнать результаты даннаго ему порученія.

— Вотъ что я видѣлъ, графиня, сказалъ Эдгаръ: графъ дель-Пилàръ былъ въ сильномъ волненіи, котораго однако-жъ никто не примѣчалъ; всѣ взоры были обращены на васъ и сэръ Эдуарда. Онъ вышелъ на террасу, чтобы освѣжиться, потому-что лицо его горѣло... человѣкъ съ смуглымъ лицомъ и огненными глазами подошолъ къ нему и вручилъ ему записку. Они разговаривали не долго, но съ живостію. Казалось, они на что-то рѣшились и, сошедъ съ террассы, направили шаги къ морю. Я послѣдовалъ за ними. Графъ сѣлъ въ шлюпку англійскаго пакетбота. Теперь онъ, вѣроятно, въ Смирнѣ, гдѣ я его могу найдти послѣ солнечнаго восхода—если вы прикажете.

— Я увижу. Благодарю васъ, сказала графиня мрачно.

Она пошла въ верхніе покои, гдѣ былъ полковникъ Дуглàсъ, продолжительное отсутствіе котораго оправдывало тягостныя предчувствія ея.

Полковникъ, англійскій консулъ и опекунъ Амаліи прохаживались скорыми шагами по галереѣ, когда графиня внезапно появилась между ними.

— Громовый ударъ, графиня! вскричалъ полковникъ, прижавъ руки ко лбу.

— Ожиданный громовой ударъ, отвѣчала графиня рѣзкимъ голосомъ.

— Ожиданный, сударыня? О, вы несправедливы!.. Возможно-ли предвидѣть приказъ министра? Читайте, графиня, депешу...

— Я читала ее, полковникъ, прежде министра, написавшаго ее...

— Графиня, служба...

— Служба, полковникъ, требуетъ васъ не ранѣе, какъ черезъ недѣлю, а вы уѣдете сегодня, я въ томъ увѣрена... не такъ-ли?

Настало минутное молчаніе.

Опекунъ Амаліи сказалъ съ спокойнымъ видомъ:

— Интересъ мадмоазель Амаліи обезпеченъ.

— О! подобныя слова можетъ произнесть только опекунъ! сказала графиня съ презрительной улыбкой: кажется, будто вы приданнымъ хотите выкупить свободу жениха!..

— Но ради-Бога, сударыня, вскричалъ полковникъ: прочтите депешу... Вотъ оправданіе мое... Приказъ министра положителенъ, ясенъ... онъ не даетъ мнѣ ни одного часу отдыха... знаете-ли вы, сударыня, что одинъ потерянный часъ можетъ подвер-

гнуть опасности десять тысячь солдатъ? Вся Низамская провинція возмутилась. Лучшіе офицеры наши погибли. Голкондская армія не имѣетъ предводителя. Несчастныя извѣстія достигли до министерства иностранныхъ дѣлъ. Меня сочли, въ этомъ случаѣ, человѣкомъ нужнымъ, и я долженъ оправдать довѣренность своего короля. Я долженъ ѣхать на эту страшную войну, въ которой погибло уже столько благородныхъ молодыхъ людей. Неужели вы хотите, чтобы я, идя почти на вѣрную смерть, согласился жениться на молодой дѣвушкѣ? Неужели вы хотите, чтобы я взялъ ее съ собою, въ страну отчаянія и смерти? Неужели вы хотите, чтобы завтра отъ меня ей осталось только одно имя? Будьте справедливы, Октавія, и если вы, въ-самомъ-дѣлѣ, любите Амалію, то покоритесь ужасной необходимости и ожидайте съ терпѣніемъ, что̀ готовитъ намъ будущее!

Графиня Октавія скрестила руки на высоко-поднимавшейся груди, склонила нѣсколько голову на лѣвое плечо и, устремивъ на полковника взоръ, сказала съ горечью:

— Полковникъ, вы не любите Амаліи; вотъ что̀ доказываютъ всѣ ваши фразы.

— Графиня, говорите, что̀ хотите; я самъ теперь не знаю, что̀ люблю, что̀ ненавижу; я знаю, что долгъ, неизбѣжный ужасный долгъ велитъ мнѣ спѣшить въ другую часть свѣта и что руки мои должны быть свободны отъ всѣхъ узъ, чтобы имъ легче было извлечь мечъ изъ ноженъ, на защиту отчизны!..

Съ этими словами, полковникъ почтительно поклонился и вмѣстѣ съ консуломъ удалился въ сосѣднюю комнату.

Опекунъ Амаліи подошолъ къ графинѣ и сказалъ ей:

— Впрочемъ, графиня, интересъ невѣсты обезпеченъ...

— Ахъ, не стыдно-ли вамъ повторять эти слова! съ неудовольствіемъ воскликнула Октавія.

Она сошла въ бальную залу, произнося отрывистыя слова, въ которыхъ таилась угроза и, быть-можетъ, энергическая рѣшимость.

Большая часть музыкантовъ разошлась; нѣкоторые гости послѣдовали за музыкантами; балъ оканчивался не постепенно, но внезапно, разомъ.

Амалія спокойно разговаривала въ группѣ короткихъ знакомыхъ. По спокойствію молодой невѣсты можно было подумать, что она еще ничего не знала, и что никто изъ окружавшихъ не осмѣливался объявить ей ужасную новость.

По первому знаку графини, Амалія отдѣлилась отъ группы, и обнявшись, подруги вышли на террассу.

— Я все знаю, милая Октавія, сказала Амалія очень-равнодушно: я все знаю.

— Какъ ты спокойна! съ изумленіемъ произнесла Октавія; не можетъ-быть, мой ангелъ, ты не все знаешь. Сказали-ли тебѣ, что полковникъ уѣзжаетъ до зари?

— Да.

— До свадьбы?

— Да.

— Что онъ ѣдетъ на войну, въ Индію?

— Да.

— Что онъ не женится на тебѣ?

— Да.

— Да, да, да, да, это непостижимо!.. вскричала графиня, слегка поклонившись Амаліи. Это чисто-греческая философія, которую я не понимаю.

— Подайте-жъ мнѣ совѣтъ, милая Октавія, что-бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

— Я не отпустила-бъ полковника. Слава Богу, въ Смирнѣ есть судъ, какъ и вездѣ.

— Вы-бы затѣяли процессъ съ человѣкомъ, чтобы насильно заставить его жениться?

— Въ подобномъ случаѣ? Непремѣнно. Я обратилась-бы къ его консулу и требовала-бъ удовлетворенія.

— О, какой позоръ! Но, милая Октавія, вы не подумали...

— Амалія, говорила графиня съ возраставшимъ жаромъ: Амалія, я безпокоюсь не о томъ, что ты лишаешься мужа; въ твои лѣта, при твоей красотѣ, можно найти мужа на каждомъ балу, а сегодняшній всегда лучше вчерашняго. Я хочу избѣгнуть ужасныхъ, убійственныхъ насмѣшекъ. Завтра ты будешь басней цѣлаго города; у всѣхъ консуловъ будутъ насмѣхаться надъ тобою; за смѣхомъ послѣдуетъ злословіе; за злословіемъ клевета. Клевета! слышишь-ли, другъ мой!.. Ты еще ребенокъ и, вѣроятно, думаешь что свѣтъ разсказываетъ вещи такъ, какъ онѣ суть?.. Это было-бъ не занимательно—свѣтъ не довольствуется истиной, ему надобна ложь. Завтра свѣтъ обезславитъ тебя.

— Покоряюсь, милая Октавія, свѣту, какъ онъ есть. Тѣмъ болѣе, что я-же не измѣню обычаевъ его. Полковникъ Дугласъ не связанъ никакимъ обязательствомъ; я не скажу ни одного слова, не сдѣлаю ни одного шага, чтобы удержать его.

— Развѣ ты его не любишь?

— Какой вопросъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, Октавія, я не узнаю тебя; можно подумать, что полковникъ покидаетъ не меня, а тебя...

— Развѣ ты его не любишь?

— Я такъ мало знакома съ нимъ... я хотѣла сперва сдѣлаться его женой, а потомъ уже полюбить...

— Какое непростительное равнодушіе!.. Это невыносимо!

Графиня нѣсколько удалилась, потомъ, скоро воротившись къ подругѣ, сказала:

— Ангелъ мой, ты справедлива и я поздравляю тебя съ благоразумною покорностью. Невозможно веселѣе и беззаботнѣе принять громовый ударъ...

Она прелестно улыбнулась и, взявъ руки Амаліи, прибавила:

— Какъ я безразсудна!.. въ цѣломъ домѣ всѣ очень-спокойны; ты сама подаешь примѣръ стоической покорности; я одна горячусь очень не кстати за другихъ... Это нелѣпо!.. Амалія, вотъ твой опекунъ; я оставляю тебя съ нимъ, но не на долго; я сейчасъ ворочусь за тобой и возьму тебя съ собою въ мой загородный домъ, гдѣ мы вмѣстѣ проведемъ лѣто... Мнѣ надо проститься съ сэромъ Эдуардомъ, намѣревающимся, какъ кажется, изчезнуть.

Не-смотря на искусство скрывать направленіе своихъ шаговъ, сэръ Эдуардъ не могъ ускользнуть отъ графини Октавіи.

— Я, можетъ-быть, слишкомъ самолюбива, сэръ Эдуардъ, сказала она съ милою граціозностью: думая, что вы ищете графиню Октавію, чтобы проститься съ нею?

— Графиня, вы угадываете всѣ мои мысли; а потому я при васъ не буду больше думать; я буду только говорить.

— Сэръ Эдуардъ, вы не сердитесь на меня за маленькую сцену, которую я вамъ сдѣлала? Разлука есть нѣчто въ родѣ смерти, а слѣдовательно, должна имѣть и привиллегіи ея; прощаясь, надо мириться.

— Я никогда не прощу себѣ, графиня, что могъ спокойно выслушать оправданіе ваше въ воображаемомъ проступкѣ.

— Дайте мнѣ на минуту вашу руку, сэръ Эдуардъ, я хочу чтобы всѣ видѣли, что мы разстаемся добрыми друзьями... Не шутя, сэръ Эдуардъ, вы ѣдете до зари?.. Какъ вы смотрите на меня... О! не бойтесь, я не повторю драматической сцены... я сама стыжусь глупаго гнѣва, овладѣвавшаго мною нѣсколько минутъ тому назадъ... И такъ вы ѣдете!

— Графиня, каждая минута, потерянная здѣсь, стоитъ, въ Индіи, жизни двадцати солдатамъ!..

— Вы преувеличиваете важность полковника Дугласа. На этомъ свѣтѣ нѣтъ необходимыхъ людей; не исключая даже васъ, сэръ

Эдуардъ. Неужели вся Англійская Индія должна-бъ погибнуть, если-бъ не было полковника Дугласа? Подобныя вещи возможны только въ романахъ.

— Но полковнику извѣстны мрачнѣйшія тайны Низамской войны, онъ...

— Ахъ! оставимте этотъ разговоръ, сэръ Эдуардъ; мы не убѣдимъ другъ-друга. Поговоримъ о чомъ-нибудь другомъ... Когда мы опять увидимся въ Смирнѣ, сэръ Эдуардъ?.. Вы, кажется, на звѣздахъ хотите прочесть отвѣтъ?..

— Судьба рѣдко позволяетъ мнѣ нѣсколько разъ видѣть однѣхъ и тѣхъ-же особъ...

— Э, Боже мой! Такъ измѣните судьбу свою. Свиданіе болѣе нежели удовольствіе—это блаженство, счастіе.

— Я боюсь счастія, сударыня, какъ невѣдомаго врага.

— За чѣмъ-же вы рыскаете по свѣту?

— За несчастіемъ. Мнѣ нравится то, что можно легче найдти.

Графиня граціозно подняла голову; чорные локоны откинулись назадъ, открывъ бѣлый лобъ; во взорѣ ея, обращенномъ на лицо Эдуарда, былъ нѣжный, обворожительный пламень. Голосомъ, исполненнымъ сладчайшихъ звуковъ, сказала она:

— Напрасно вы такъ далеко бѣгаете за несчастіемъ, когда счастіе, котораго вы не ищете, находится близъ васъ! Вездѣ есть благородныя сердца, понимающія благородныя души; великодушіе вездѣ встрѣтитъ друзей, свѣтъ солнца, лучи любви, цвѣты подъ ногами, тѣнь для головы, мелодіи для слуха, очаровательные виды для зрѣнія... Посмотрите, какъ эта страна прекрасна! Здѣсь живешь съ восторгомъ. Васъ окружаетъ здѣсь вѣчный праздникъ, образуемый изъ прелестныхъ вещей природы, изъ всѣхъ прихотей, порождаемыхъ ею. Эти деревья, холмы, этотъ берегъ и заливъ имѣютъ тысячи радостныхъ звуковъ, нашептывающихъ о безконечной любви, о счастіи. Человѣкъ, ступающій по этимъ цвѣтамъ, при свѣтѣ звѣздъ, и думающій о томъ, чтобы бѣжать отсюда—преступникъ!.. Онъ не благодаренъ, какъ падшій ангелъ; онъ унижаетъ званіе человѣка, оскорбляетъ небо!..

Эдуардъ опустилъ голову, съ видомъ человѣка, соглашавшагося съ мнѣніемъ графини, но непонимавшаго, съ какою цѣлію она ему это говорила. Графиня съ боку устремила на него нѣжный, вопросительный взоръ.

Будучи принужденъ отвѣчать, Эдуардъ съ вѣжливостію сказалъ графинѣ:

— Въ двадцать лѣтъ я самъ имѣлъ эти идеи о жизни. По не-

счастію я жилъ, путешествовалъ и разочаровался. Старѣясь, мы пріобрѣтаемъ два недостатка: во-первыхъ уже тотъ, что старѣемся, а во-вторыхъ тотъ, что становимся благоразумнѣе. Мы пріобрѣтаемъ способность вѣрнѣе смотрѣть на предметы этого міра только тогда, когда зрѣніе наше начинаетъ слабѣть.

— Ахъ, сэръ Эдуардъ! сказала Октавія съ ангельскимъ выраженіемъ, которое смягчило-бъ демона: ахъ, мой бѣдный философъ, вы разсуждаете какъ человѣкъ, неимѣющій терпѣнія дожлаться слѣдующаго дня! Счастіе не скоро дается. Вы слишкомъ спѣшите; счастіе не можетъ догнать васъ—оно хромаетъ. Испытайте когда-нибудь остановиться на дорогѣ; забудьте потребовать коня или сѣсть на корабль; ждите... сэръ Эдуардъ, опытность ваша велика; я это знаю... однако-жъ, повѣрьте, въ глубокомъ знаніи вашемъ есть темный уголокъ, закрытый покрываломъ невѣдѣнія... Если-бъ, напримѣръ, женщина, влюбленная въ чудесное и прельщонная блескомъ и странностію вашихъ похожденій, ждала-бъ одного слова, чтобы отдать вамъ сердце—вы-бъ не угадали, не поняли ея. Необыкновенные люди всѣ таковы. Люди посредственные, напротивъ, дерзки, но за-то, бо́льшею частію, они обманываются въ слишкомъ смѣлыхъ надеждахъ своихъ!.. Притомъ-же вы гордитесь своимъ несчастіемъ и рыскаете по свѣту, оскорбляя жизнь горькими насмѣшками. Вы несправедливы, сэръ Эдуардъ, Жизнь невыносимый трудъ — для того, кому не съ кѣмъ раздѣлить ее. Жить надо вдвоемъ... Испытайте сэръ Эдуардъ, и вы увидите!

— Опыты мои всегда были неудачны, графиня, сказалъ сэръ Эдуардъ съ милой улыбкой и шутливымъ тономъ, которымъ хотѣлъ скрыть внезапное смущеніе, произведенное въ немъ странными словами Октавіи.

— Тѣмъ лучше, сэръ Эдуардъ! возразила графиня: случай благоразумнѣе васъ: онъ отложилъ успѣхи ваши съ тѣмъ, чтобы они были блестящѣе.

— Графиня, сказалъ Эдуардъ, голосомъ, въ которомъ проявлялось внутреннее волненіе: во всякомъ другомъ случаѣ я постарался-бъ продлить до солнечнаго восхода разговоръ, имѣющій особую прелесть для меня; но я вижу у берега приготовленія къ нашему отъѣзду... только важное порученіе, возложенное на меня, можетъ заставить меня думать о чомъ-либо другомъ, когда вы, графиня, стоите передо мной во всей граціи и красотѣ вашей, со словами, гармонія которыхъ проникаетъ въ сердце... Ради самаго Неба,

сударыня, закройте уста и глаза; позвольте мнѣ бѣжать отъ васъ. Простите, графиня, простите навсегда!

— Нѣтъ, сэръ Эдуардъ, я не прощаюсь съ вами. Вы не уѣдете, сказала графиня голосомъ, выражавшимъ вмѣстѣ и ненависть и нѣжность: вы не уѣдете до свадьбы полковника Дугласа.

— Потребуйте отъ меня жизни, сударыня, и я буду благословлять сульбу свою; но оставьте мнѣ честь. Полковникъ долженъ ѣхать сейчасъ-же и я долженъ послѣдовать за нимъ въ Индію.

Сэръ Эдуардъ съ живостію оставилъ руку Октавіи, въ глазахъ которой сверкала месть.

— Сэръ Эдуардъ, сказала она глухимъ, мрачнымъ голосомъ: вы желаете моей ненависти? Извольте! Я буду ненавидѣть васъ досмерти.

— Графиня, да будетъ воля Неба!

И твердымъ шагомъ онъ пошолъ къ берегу.

Вѣрный Индѣецъ Низамъ ждалъ сэра Эдуарда.

— Низамъ, спросилъ его послѣдній: молодой графъ дель-Пиларъ на кораблѣ?

— Приказанія ваши исполнены, сэръ Эдуардъ, я отвелъ его въ вашу каюту. По желанію капитана, до прибытія нашего въ Египетъ, графу можно будетъ выходить на палубу только ночью; днемъ онъ долженъ оставаться въ каютѣ. Я буду смотрѣть за нимъ.

— Хорошо, сказалъ Эдуардъ.

Графиня Октавія осталась неподвижна на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оставилъ ее Эдуардъ. Судорожный трепетъ, пробѣгавшій по членамъ ея, служилъ доказательствомъ сильнаго отчаянія. По сверкавшимъ взорамъ, по безпорядку волосъ, по грозному величію лица и по движенію полуобнаженной, прелестной руки, можно было сравнить ее съ молодой жрицей Гомера, созывающей души героевъ на берега Гермуса.

Опекунъ Амаліи вывелъ Октавію изъ мрачныхъ размышленій.

— А! вскричалъ онъ: наконецъ—то я нашолъ васъ... Все устроилось какъ нельзя лучше. Невѣста выслушала ужасную новость съ благоразуміемъ, несвойственнымъ даже лѣтамъ ея. Впрочемъ бѣды и нѣтъ! Банкиръ Леманъ долженъ намъ двѣнадцать тысячь фунтовъ стерлинговъ. Интересъ Амаліи обезпеченъ...

— Прекрасно! вскричала графиня задыхающимся голосомъ.—Господинъ опекунъ, я не хочу слышать вашихъ бездушныхъ фразъ, а потому прошу не повторять ихъ. Дайте мнѣ вашу руку и пойдемте къ Амаліи.

II.

ВЪ ГОЛКОНДѢ. (*)

Большая Докдійская площадь, въ Голкондѣ, имѣетъ прелестный видъ; ее можно сравнить съ *Piazza bel campo*, въ Сіеаѣ, въ особенности по эффекту, производимому строеніями изъ краснаго кирпича, между подвижными тѣнями деревъ и ослѣпительнымъ блескомъ солнечныхъ лучей. Двѣ пагоды съ коническими крышами, три мечети, съ округленными куполами, и нѣсколько домовъ набобовъ, съ балконами, кіосками, прелестно окружаютъ эту площадь и придаютъ ей тотъ первобытный индѣйскій характеръ, который мало-по-малу исчезаетъ съ населеніемъ запада. Одно только зданіе напоминаетъ Европу, не вредя, впрочемъ, общему эффекту картины, потому-что оно почти закрыто сѣтью тамариндовыхъ деревъ и только чрезъ искусно-расположенную просѣку можно прочесть на фасадѣ, на вывѣскѣ: *Вестъ-Индійская гостинница*. Въ этой европейской гостинницѣ всегда большое стеченіе иностранцевъ,

---

(*) Гидрабадъ, подъ именемъ Голконды, былъ нѣкогда столицей Телинганскаго королевства. Мы называемъ его здѣсь старинымъ именемъ. Маленькій сосѣдній городъ, считающійся какъ-бы цитаделью Гидрабада, понынѣ называется Голкондой. Въ этомъ городѣ составилось въ 1812 году, общество *Тоговъ*. Это было послѣ побѣды лорда Корнвалиса; нѣкоторые англійскіе писатели полагаютъ, что цѣль этой секты и въ особенности начальника ея, была болѣе политическая, нежели религіозная. Хотѣли уничтожить побѣдителей и Индѣйцевъ-ренегатовъ. Время основанія общества Тоговъ оправдываетъ нѣкоторымъ образомъ это мнѣніе. Время это опредѣлительно означено въ сочиненіи, изданномъ капитаномъ Телоромъ въ 1840 году, подъ названіемъ: *Confessions of a Thug*, съ эпиграфомъ слѣдующаго содержанія:

«*Я слыхалъ и читалъ много чудовищныхъ сказокъ; но то, о чемъ я буду писать, превосходитъ все, что только вообразить можно.* (*Law of Lombardy*).

Г. Телоръ разсказалъ мнѣ, въ Марсели, нѣкоторыя обстоятельства этой войны, и одолжилъ мнѣ чрезвычайно-любопытный альбомъ, въ которомъ были собраны различныя виды Низамской провинціи и сцены войны, опустошавшей ее. Такъ-какъ цѣль моя не есть разсказать длинную исторію этой войны, но только нѣкоторые эпизоды окончанія ея, то я болѣе пользовался разсказами главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ, нежели рѣдкими статьями, появлявшимися въ англійскихъ журналахъ.

Прим. Сочинителя.

Она выстроена по образцу Адельфійской гостинницы въ Ливерпулѣ, и въ ней можно найдти блюда англійской кухни и странныя индійскія и китайскія кушанья: на картѣ выставленъ супъ изъ черепахи, и супъ изъ птичьихъ гнѣздъ; колосальный ростбифъ и невинное блюдо изъ ясневыхъ почекъ и корней кубышечки. Лендлордъ или метръ-дотель разодѣтъ, какъ на балъ, и всѣ пальцы украшены перстнями съ голкондскими алмазами; лакеи одѣты какъ хозяинъ, за исключеніемъ алмазовъ; комнаты украшены мебелью изъ краснаго дерева, блестящаго, какъ зеркало; около стѣнъ расположены кровати, диваны, ковры, койки; тутъ-же можно найдти полный ассортиментъ духовъ и мыла. Окна и кіоски защищены легкими шторами, колеблющимися при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра.

На площади было празднество, въ честь Дурги, индійской богини разрушенія. Идолъ, украшенный грозными аттрибутами, возвышался на пьедесталѣ, окруженномъ страшными, неподвижными, какъ статуи, факирами. Рѣзкій концертъ, составленный изъ всѣхъ инструментовъ, придуманныхъ Индѣйцами, чтобы раздирать слухъ людей и боговъ, наполнялъ воздухъ. Молодые *балоки* танцовали съ прелестными *рамъ-дженисами* національную *натчу* съ неимовѣрною быстротою и бѣшеною живостію, при звукахъ *бдики*, бенгальской трубы и *бансы*, бамбуковой флейты; въ то-же время *сарада-карены* воспѣвали, съ аккомпаньементомъ рѣзкаго *ситара*, преступную любовь *Кистна* и освобожденіе прелестной *Ситы*, похищенной цейланскимъ чудовищемъ.

Огромная толпа, со свистомъ, подобнымъ змѣиному шипѣнію, рукоплескала концерту мѣдныхъ инструментовъ и демонскихъ голосовъ, штукамъ фокусниковъ, взбиравшихся на вершины деревъ, плескамъ оргіи, всему адскому зрѣлищу, представляемому въ честь богини разрушенія.

Группы европейскихъ путешественниковъ вмѣшивались въ толпу; молодыя креолки, небрежно опустивъ зонтикъ на голыя плечи, отдѣлялись ослѣпительной бѣлизной тѣла отъ толпы темномѣднаго цвѣта; со всѣхъ сторонъ виднѣлись *могаффы*, паланкины богатыхъ женщинъ, за отдернутыми шелковыми зановѣсками которыхъ сидѣли во всемъ блескѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ и роскошныхъ тканей дочери, жены, наложницы набобовъ. Кіоски, баконы, портики изъ кипарисоваго дерева, террассы, были усѣяны зрителями: подвижная мозаика эта была составлена изъ людей всѣхъ цвѣтовъ и костюмовъ всего міра, между которыми колыхались широкія крылья *панкасовъ*, покачиваемыхъ тысячами невольниковъ и

распространявшихъ искусственную свѣжесть въ самые жаркіе часы полудня.

Вниманіе европейскихъ зрителей, прогуливавшихся по площади, было преимущественно обращено съ страннымъ любопытствомъ на балконъ великолѣпнаго дома, смежнаго съ гостинницей *Вестъ-Индіи*. Это было жилище Набо́ба Сура-Берда́ра, богатѣйшаго торговца драгоцѣнными каменьями Голконды, города алмазовъ и брилліантовъ. Этотъ набо́бъ, для сохраненія рудниковъ своихъ, не поколебался отречься отъ поклоненія Сиву, послѣ побѣдъ лорда Корнваллійскаго. Онъ сдѣлался другомъ побѣдителей; городскіе и загородные дома его нерѣдко служили пристанищемъ путешественникамъ и Цинайскимъ офицерамъ. Однако-жъ, не-смотря на его брилліанты и отступничество отъ вѣры, толпа смотрѣла не на него. Набо́бъ, небрежно растянувшись на диванѣ, курилъ свою *гургургуку* и разсѣянно глядѣлъ на праздникъ индійской богини. Возлѣ него, на ангельскомъ личикѣ, позлащенномъ палящимъ солнцемъ, блестѣли большіе, чорные глаза; на дѣвственной, пятнадцати-лѣтней груди искрились съ ослѣпительнымъ блескомъ три ряда бусъ изъ драгоцѣннѣйшихъ каменьевъ. Стройный станъ съ очаровательною полутаинственностію рисовался подъ прозрачнымъ *сари*, покрываломъ съ шитой бахрамой и шалью изъ китайскаго крепа, усѣяннаго шитыми-же цвѣточками и птичками; изъ-подъ крепа сквозила золотистая нагота роскошныхъ плечъ. Ропотъ восторга, образованный изъ всѣхъ европейскихъ нарѣчій, возносился какъ ѳиміамъ съ площади къ балкону набо́ба, и прелестная индіанка, чувствительная къ этому восторгу, небесными улыбками и бархатными, ясными взглядами отвѣчала на энтузіазмъ невольныхъ поклонниковъ своихъ. Казалось, что Господь, создавшій столькихъ различныхъ женщинъ, создалъ еще одну—новую, одаренную невѣдомыми еще прелестями, чтобы отнять поклонниковъ и опрокинуть жертвенникъ богини Дурги.

Цивилизація и побѣды производятъ ежедневно странныя чудеса! Молодая дѣвушка, которая въ прошедшее столѣтіе обожала-бъ Сиву и носила-бъ на лбу бѣлый знакъ людей, принадлежащихъ къ этой сектѣ, была, немного позже 1830 года, такъ-же хорошо воспитана, какъ европейская герцогиня; она получила, въ Калькуттѣ, самое блистательное воспитаніе, во дворцѣ сэра Вилліама Бентинка, откуда набо́бъ, отецъ ея, взялъ ее, когда ей минуло тринадцать лѣтъ.

Въ группѣ Европейцевъ, находившихся на балконѣ, вмѣстѣ съ набо́бомъ и дочерью его, мы отличимъ только троихъ, которыхъ

мы узнаемъ, подслушавъ разговоръ ихъ. Эти три человѣка одѣты въ скромный, бѣлый костюмъ страны солнца; но по благородству наружности ихъ, по ловкимъ, граціознымъ манерамъ, легко узнать, что они принадлежатъ къ лучшему обществу сѣвера.

— Сэръ Эдуардъ, говорилъ младшій изъ этихъ людей: я не понимаю, съ какою цѣлію англійская политика терпитъ эти индійскія вакханаліи.

— Графъ дель-Пиларъ, вы слишкомъ взыскательны. Что̀ дѣлать бѣднымъ Индѣйцамъ? Англія не хочетъ мѣшаться въ удовольствія ихъ; она мѣшается только въ ихъ дѣла—а это главное. Неужели вы хотите, чтобы лордъ Базеретъ послалъ въ Индію колекцію англійскихъ Каллигулъ, Нероновъ и Діонисіевъ, чтобы завесть здѣсь пытку?

— Нѣтъ, сэръ Эдуардъ; но мнѣ кажется, что, терпя этотъ бѣшеный фанатизмъ, Англія сама подвергается опасности.

— Что̀ дѣлать, графъ? Англія носитъ въ Индіи бархатную перчатку на желѣзной рукѣ; кто не хочетъ прикасаться къ перчаткѣ, по-неволѣ долженъ почувствовать давленіе руки.

— Сэръ Эдуардъ, полковникъ Дугла̀съ, по-видимому, не одного съ вами мнѣнія.

— Графъ, возразилъ полковникъ: вчера я раздѣлялъ мнѣніе сэръ Эдуарда.

— А, полковникъ! сказалъ Эдуардъ: мнѣ очень-жаль, что я произнесъ мнѣніе свое не вчера.

— Сэръ Эдуардъ, возразилъ Дугла̀съ: завтра вы будете одного со мною мнѣнія.

— Охотно, если вы убѣдите меня.

— Я представлю вамъ факты, сэръ Эдуардъ.

— О! я всегда преклоняюсь предъ фактами.

— Сэръ Эдуардъ, сказалъ полковникъ, послѣ краткаго молчанія: я ищу въ толпѣ храбраго и вѣрнаго вашего Низама, но не вижу его; вѣдь онъ, кажется, пріѣхалъ съ нами въ Голконду?

— Да, полковникъ; я послалъ его въ Агоасской бухтѣ, когда мы пристали къ *Кэпъ-Тбуну*. Онъ видѣлся съ нашими флоридскими друзьями и воротился въ Голконду.

— Трудно опредѣлить, сэръ Эдуардъ, отношенія Низама къ вамъ.

— Точно, трудно; тѣмъ болѣе, что эти отношенія суть нѣчто среднее между отношеніями слуги и друга. Слуга и другъ часто обманываютъ насъ; среднее-же между ними вѣрно, какъ смерть.

— Вы мнѣ часто говаривали, что онъ уже учавствовалъ въ Низамской войнѣ.

— Прозвище служитъ тому доказательствомъ.

— Онъ можетъ быть намъ полезенъ, не правда-ли, сэръ Эдуардъ?

— Полковникъ, добрый Низамъ не ждетъ, чтобы просили объ услугахъ; и онъ услуживаетъ тѣмъ, которые даже не ждутъ того.

— Знаетъ-ли онъ домъ набоба Сура-Бердара, на границѣ англійскихъ владѣній?

— Низамъ знаетъ все или ничего;—это зависитъ отъ меня.

— Сэръ Эдуаръ, вы говорите сегодня загадками.

— Справедливо, полковникъ. Я согласуюсь съ обстоятельствами; теперь все необъяснимо вокругъ меня. Намъ сказали, что Низамская провинція возмутилась. Мы пріѣзжаемъ въ Бомбай; насъ увѣряютъ, что въ провинціи все тихо и спокойно. Первая непостижимость! Замѣтьте, что вы для защиты страны упустили или отложили рѣдкій, превосходный бракъ. Вчера я являюсь по вашему приказанію; пріѣзжаю въ Гидрабадъ, называемый вами Голкондой; думаю, что мы вступимъ наконецъ въ рѣшительный бой съ Тогами. Слогъ письма вашего былъ самый воинственный— пріѣзжаю въ Гидрабадъ или Голконду, и застаю всѣхъ въ удовольствіяхъ индійскаго празднества. Непостижимость увеличивается. Еще болѣе—вы объявляете, что англійскій правитель и вообще всѣ Европейцы, приглашены на празднество Дурги повелителемъ Гидрабада. Слѣдовательно, вы поняли, что намъ не угрожала ни малѣйшая опасность, коли рѣшилась вступить безоружные и беззащитные въ городъ, въ которомъ теперь болѣе ста тысячъ этихъ бронзированныхъ разбойниковъ. Все это болѣе, нежели непостижимо. Наконецъ, я предположилъ, и весьма-натурально, что вы остановились во дворцѣ британскаго резидента, на которомъ развивается флагъ только въ дни празднествъ Дурги, Кисна или Сивы — а между-тѣмъ нахожу васъ въ пріятельскомъ обществѣ, въ этомъ домѣ, у набоба Сура-Бердара, торгующаго драгоцѣнными каменьями и выставляющаго у дверей своей конторы на показъ дочь. Тутъ ужъ я рѣшительно ничего не постигаю, и яркое солнце только усиливаетъ слѣпоту мою.

— Подождите ночи, сэръ Эдуардъ, слѣпота ваша пройдетъ.

— А, вы пускаетесь на шуточки, полковникъ. По-истинѣ, я удивляюсь вамъ. Ради васъ, я на смерть поссорился съ прелестной графиней Октавіей, оставилъ Смирну, гдѣ хотѣлъ отдохнуть какъ

нѣкогда Римляне въ Капуѣ, по-крайней-мѣрѣ, на цѣлую недѣлю; принялъ на себя половину проклятій, которыми Малая-Азія проводила нашъ пакетботъ; скучалъ шестьдесятъ-пять дней въ Бомбаѣ, съ Арабами и Китайцами! И вотъ награда моя: вы приглашаете меня на празднество Дýрги и задаете загадки на балконѣ набо́ба.

Полковникъ кивалъ слегка головою сэръ Эдуарду, и какъ-бы безъ намѣренія удалился въ самый отдаленный уголъ балкона, откуда никто не могъ слышать словъ его. Графъ дель Пила́ръ разговаривалъ съ набобомъ и дочерью его.

— Сэръ Эдуардъ, сказалъ полковникъ, опираясь на балконъ съ видомъ безпечнаго зрителя: сэръ Эдуардъ, вы хотите, чтобы я заговорилъ до времени; извольте-жъ! я буду говорить...

— Ненадо, полковникъ. Я довольствуюсь пріятельскимъ намѣреніемъ вашимъ. Я все знаю — вы не откроете мнѣ ничего новаго. Я знаю причину, заставившую васъ прервать бракъ въ Смирнѣ; я зналъ, что въ Низамской провинціи все было спокойно, когда я оставилъ Лондонъ съ депешами, которыя вы сами выхлопотали съ помощію могущественныхъ друзей при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; я знаю, что невольнымъ образомъ помогалъ вашимъ намѣреніямъ; знаю также, что война То́говъ снова возжигается отъ Гидрабада до Мизора; что это празднество есть праздникъ кровопролитія, смерти; что эта площадь покрыта Индѣйцами-фанатиками, непримиримыми нашими врагами, и что волшебная сѣкира богини Деэры точится въ эту минуту на камнѣ Гидеръ-Аллаха, *Божьяго Льва*. Вы видите, полковникъ, что намъ нѣзачѣмъ продолжать нашего разговора. Вы видите, что мои шпіоны не хуже вашихъ.

Полковникъ взялъ сэръ Эдуарда подъ-руку, и выпрямившись, какъ-бы послѣ утомительнаго положенія, пошолъ къ набо́бу съ весьма-натуральною безпечностію.

— Набо́бъ Сура́-Бердáръ, сказалъ онъ, въ которомъ часу приказали вы придти носильщикамъ вашего паланкина?

Набо́бъ выпустилъ янтарь трубки изо рта, посмотрѣлъ на небо и отвѣчалъ:

— Послѣ солнечнаго заката, полковникъ Дугла́съ.

— Мы проводимъ васъ до Нербуддскаго вашего жилища, набо́бъ.

— Дни опасности прошли, полковникъ, сказалъ старый Индѣецъ, съ видомъ человѣка, недовѣряющаго собственнымъ словамъ своимъ.

— О, я очень-хорошо знаю, что нынче намъ отъ Тòговъ страшиться нечего. Эти ночные демоны воротились въ преисподнюю... Но тамъ, на поляхъ, близъ берега рѣки, все еще обитаютъ тигры; мы не хотимъ, чтобы какія-нибудь дерзкія когти разодрали занавѣсы палакина миссъ Аринды.

Голосъ, имѣвшій гораздо-болѣе гармоніи, нежели инструментъ, именемъ котораго называлась молодая дѣвушка, послышался на балконѣ. Аринда спрятала маленькія нагія ножки свои въ сандаліи, и, слѣлавъ граціозное движеніе головою, сказала:

— Полковникъ Дугла̀съ, ваши идеи всегда прекрасны. Мракъ не устрашаетъ меня, но я люблю брать предосторожности. Съ конвоемъ ста сипаевъ, избранныхъ вами, нечего бояться ни дикихъ людей, ни хищныхъ звѣрей—съ вами ночь превращается въ день. Вашъ Гидрабадъ не обитаемъ: сколько хотите называйте его Голкондой, онъ все-таки останется Гидрабадомъ. Лишь только поднимется вечерній вѣтерокъ, намъ надо будетъ ѣхать.

Повелительный голосъ, которымъ были произнесены послѣднія слова молодой дѣвушки, смягчался очаровательнымъ выраженіемъ лица, которое можно было назвать золотой улыбкой.

— Миссъ Аринда, сказалъ полковникъ, съ едва замѣтнымъ волненіемъ: я отдамъ приказанія, которыя немедленно будутъ въ точности исполнены.

Полковникъ Дугла̀съ и сэръ Эдуардъ сошли на площадь и разстались, помѣнявшись нѣсколькими словами и назначивъ часъ отъѣзда. Къ сэру Эдуарду, секунду спустя, подошолъ Низамъ, давно уже слѣдившій за всѣми движеніями особъ, находившихся на балконѣ.

Сэръ Эдуардъ и Низамъ такъ привыкли жить и мыслить вмѣстѣ, что могли-бъ обойтись безъ словъ, чтобъ ввѣрить другъ-другу взаимныя размышленія. Они не нуждались даже въ знакахъ, языкѣ нѣмыхъ. Впрочемъ, это самый нескромный языкъ, особенно въ обществѣ, составленномъ изъ враговъ, наблюдающихъ за вами.

Ставъ возлѣ Низама, передъ группой танцовавшихъ, Эдуардъ бросилъ вокругъ себя разсѣянный взглядъ, который только какъ-бы случайно встрѣтившись со взглядомъ Индѣйца, принялъ вопросительное выраженіе.

Низамъ, не спуская глазъ съ танцоровъ, громко засмѣялся; это означало, что опасность была велика; потомъ Индѣецъ, какъ-бы желая защититься отъ солнца, приложилъ руку ко лбу, надъ самыми глазами; быстрымъ взглядомъ окинулъ толпу, всю площадь и обратилъ на секунду глаза къ горизонту горъ и степей. Эду-

ардъ съ выраженіемъ изумленія и удовольствія сталъ апплодировать танцорамъ.

Разговоръ этотъ продолжался не болѣе минуты, и былъ понятъ съ обѣихъ сторонъ.

Мрачные и отвратительные Индѣйцы, факиры, похожіе на обезьянъ, подобные нагимъ и безволосымъ привидѣніямъ, съ бронзовыми лицами, татуированными бѣлыми знаками, проходили по разнымъ направленіямъ въ толпѣ. Едва замѣтное движеніе на спокойномъ лицѣ Эдуарда, обращенномъ къ плясунамъ, замѣняло слѣдующій вопросъ:

— Это Тогъ?

— Да, отвѣчалъ Низамъ, утвердительно покачавъ головой, какъ-бы въ тактъ музыкѣ.

— А этотъ? продолжалъ сэръ Эдуардъ, обративъ лицо къ другому, проходившему Индѣйцу.

— Тоже.

— Этотъ продавецъ риса?

— Тоже.

— Играющій на *ситорѣ*?

— Тоже.

— Этотъ факиръ?

— Тоже.

Сэръ Эдуардъ сложилъ руки на груди и склонилъ голову. Низамъ вздохнулъ.

Между-тѣмъ праздникъ клонился къ концу съ приближеніемъ солнечнаго заката. Идолъ Дурги пошевельнулся на пьедесталѣ, и бѣшеные крики раздались по всему городу съ такою силой, что древніе дома Гидрабада, полуразрушенные уже вліяніемъ вѣтра и солнца, потряслись на глиняныхъ основаніяхъ. Двадцать факировъ подняли уродливую статую богини разрушенія и понесли ее къ западнымъ вратамъ города, по узкимъ, мрачнымъ, зачумленнымъ переулкамъ. За нею слѣдовали сто-тысячь Индѣйцевъ, и волканы цѣлаго міра, соединенные на одной точкѣ земнаго шара, и разразившись въ одно время, не могли-бы заглушить не выразимаго шума, производимаго бѣшеной толпой и адской музыкой. Народъ подошолъ къ могилѣ, назначенной богинѣ; то была мрачная пропасть, въ которой встрѣчались и бушевали два водопада: идолъ былъ брошенъ туда при дикихъ воплякъ всего Гидрабада; факиры бросали восторженные взгляды къ голубому своду небесъ или слѣдили за паденіемъ богини въ пропасть, прыгая между густымъ бамбуковымъ

тростникомъ, въ облакѣ пѣны, поднимавшемся надъ свирѣпѣвшими водопадами...

Смеркалось. Молчаливая толпа возвращалась въ городъ. Повременамъ, люди, подобно тѣнямъ, отдѣлялись отъ толпы и направляли шаги по тропинкамъ, ведшимъ не къ Гидрабаду. По наружности этихъ людей можно было видѣть, что они были не земледѣльцы и не рисовые торгаши, трудолюбивые населенцы плодотворныхъ окрестностей Голконды; въ походкѣ людей, отдѣлявшихся отъ толпы, было нѣчто торжественное, таинственное, и когда лица ихъ освѣщались свѣтомъ блестящихъ звѣздъ, то на нихъ можно было прочесть неземной восторгъ; они были обращены къ небу, какъ-бы прося вдохновенія въ страшный часъ опасности или смерти.

На концѣ Гидрабадской поляны, таинственные Индѣйцы, прибывшіе отдѣльно по разнымъ тропинкамъ, соединились и стали разговаривать такъ тихо, что слышенъ былъ только шопотъ, подобный дыханію. По знаку начальника, они всѣ, какъ стая демоновъ, бросились къ западнымъ горамъ.

Караванъ Индѣйцевъ и Европейцевъ слѣдовалъ между-тѣмъ, потому-же направленію, но только по большой дорогѣ, вымощенной кирпичомъ и обсаженной красивыми деревьями, подобно всѣмъ бенгальскимъ столбовымъ дорогамъ. На большихъ небесныхъ часахъ созвѣздія обозначали полночь. Прелестный вѣтерокъ несся отъ рѣки и нѣжно колыхалъ занавѣски паланкиновъ. Сипайскіе солдаты весело шли впередъ при ночной свѣжести и при свѣтѣ звѣздъ. Два всадника ѣхали въ нѣкоторомъ отдаленіи и разговаривали между-собою тихимъ голосомъ, не желая нарушить покоя молодой путницы, спавшей въ подвижномъ альковѣ, въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

— Да, сэръ Эдуардъ, говорилъ полковникъ Дугла́съ: вы сами видите, что есть торжественныя минуты, въ которыя мы готовы открыть всю свою душу. Самыя звѣзды какъ-бы побуждаютъ насъ къ нескромности.

— Полковникъ, если мы ночью не спимъ, то вынуждены разговаривать; а разговаривая съ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, невольно дѣлаешься нескромнымъ.

— Впрочемъ, сэръ Эдуардъ, намъ угрожаетъ смертельная опасность; сойдя съ лошади, мы, можетъ-быть, будемъ задушены фуляромъ какого-нибудь То́га; это обстоятельство заставляетъ меня объяснить вамъ мое поведеніе, чтобы, въ случаѣ смерти, вы могли оправдать меня.

— А если вы живы выйдете изъ этой войны, о чомъ молю Бо-

га, неужели тогда, полковникъ, вамъ не нужно будетъ оправдываться?

— Я понимаю васъ, сэръ Эдуардъ. Въ Лондонѣ враги мои скажутъ, что я женился не на Аринде, а на бриллiантахъ отца ея.

— И друзья ваши подтвердятъ это мнѣніе.

— Но въ Лондонѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о красотѣ бенгальскихъ женщинъ...

— Въ Лондонѣ, любезный полковникъ, всѣ, въ продолженіе тридцати уже лѣтъ, имѣютъ предъ глазами зеленое и вялое лицо сына Типо-Саиба, и думаютъ, что у мизорскихъ красавицъ лица такого-жъ зеленаго цвѣта... Скажутъ, что вы покинули Амалію, чтобы жениться на алмазной рудѣ.

— О! Я готовъ отдать всѣ алмазы Голконды за этотъ солнечный лучъ, превращенный въ женщину и покоющійся въ этомъ паланкинѣ!

— Вамъ не повѣрятъ, милый полковникъ. Свѣтъ уже таковъ. Если-бъ вы и въ-самомъ-дѣлѣ могли отдать за Аринду всѣ голкондскіе алмазы, то свѣтъ скажетъ, что, вѣроятно, алмазы фальшивые.

— Что-же мнѣ дѣлать, сэръ Эдуардъ?

— Презрѣть мнѣніемъ свѣта и жениться на молодой дѣвушкѣ, вопреки всѣмъ алмазамъ ея; точно такъ, какъ люди женятся на любимой женщинѣ, не взирая на всѣ ея недостатки.

— Сэръ Эдуардъ, на моемъ мѣстѣ, женились-ли-бы вы на дочери набоба?

— Женился-бъ.

— Не разсуждая?..

— Нѣтъ, разсудивъ. Я женился-бъ на ней, чтобы утвердить примѣромъ своимъ систему смѣшенія породъ. Я женился-бъ на ней, чтобы сдѣлать вещь, несогласную съ мнѣніями Лондона. Я женился-бъ на ней, наконецъ, чтобы произвесть алмазный дождь въ пользу людей, нуждающихся въ хлѣбѣ... вы видите, что я поступилъ-бы разсудительно.

— Притомъ-же я люблю ее — люблю уже два года!.. Любовь эта устояла предъ обольщеніями Лондона и заставила меня хитростью, быть-можетъ, неблагородною, прервать насильственный бракъ въ Смирнѣ.

Въ это время, занавѣски паланкина открылись со стороны противуположной той, съ которой дулъ ночной вѣтеръ, и два прелестные глаза сверкнули во тмѣ ночной.

— Полковникъ Дугла̀съ, произнесъ тихій голосъ: гдѣ мы теперь?

— Передъ развалинами Дженійской па̀годы, на большой Мундесурской дорогѣ, на берегу рѣки Мозѐ.

— Ахъ! мы ушли не далеко!.. Мнѣ послышался ревъ тигра... Это было во снѣ, не правда-ли полковникъ?

— Двѣсти человѣкъ окружаютъ вашъ паланкинъ, миссъ Аринда, а тигръ сперва сочтетъ враговъ, а потомъ зарычитъ.

— Тигръ остороженъ... мнѣ кажется, что вы ѣхали рядомъ съ сэръ Эдуардомъ?

— Точно, миссъ Аринда.

— Я не вижу графа день Пила̀ра, вашего молодаго друга.

— Графъ дель-Пиларъ въ пятидесяти шагахъ отсюда, передъ паланкиномъ вашего отца.

— Полковникъ, позаботьтесь, чтобы солдаты ваши ни въ чомъ не нуждались. У насъ провизіи на тысячу человѣкъ.

— Миссъ Аринда, вы знаете, что я всегда повинуюсь приказаніямъ вашего сердца.

Во-время этого разговора, сэръ Эдуардъ незамѣтнымъ образомъ отдалился отъ полковника и ѣхалъ возлѣ деревъ, находившихся по сторонамъ дороги. Едва замѣтный свистъ, подобный пѣнію стрекозы, пробѣжалъ по рву, заросшему густой травой, и въ тоже мгновеніе человѣкъ, съ ловкостью тигра, бросился на спину лошади, обхватилъ всадника, шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо и исчезъ.

Сэръ Эдуардъ нисколько не смутился; полковникъ Дугла̀съ, разставшись съ Ариндой и приблизившись къ нему, не замѣтилъ ни малѣйшаго замѣшательства или волненія въ голосѣ мужественнаго своего спутника.

Незнакомецъ былъ Низамъ. Онъ шепнулъ сэру Эдуарду на ухо слѣдующія страшныя слова:

— Изрубленная змѣя собрала всѣ части свои; летаетъ и ползаетъ; до восхода солнечнаго солдаты, находящіеся на постоѣ въ Мундесурѣ, будутъ перерѣзаны.

Низамъ остригъ прекрасные чорные волосы, онъ бросилъ въ рѣку красивый креольскій костюмъ, купленный въ Лондонѣ. Нагой отъ головы до ногъ, надушоный всѣми ароматами Индіи, согнувъ пальцы на ногахъ, на подобіе когтей коршуна, удерживая дыханіе, какъ утопленникъ въ пучинѣ морской, онъ слѣдилъ за То̀гами. Онъ наблюдалъ за направленіемъ взглядовъ ихъ, присматривался къ жестамъ, угадывалъ мысли; онъ понялъ наконецъ,

что священная война должна была опять возгорѣться отъ Голконды до Мизора и что мракъ настоящей ночи долженъ былъ прикрыть таинственныя убійства, страшное кровопролитіе.

— Сэръ Эдуардъ, сказалъ полковникъ Дугласъ: зачѣмъ вы отдалились? У меня съ миссъ Ариндой нѣтъ никакихъ тайнъ... увы! Я не достигъ еще той степени короткости, которая позволяетъ повѣрять другъ-другу тайны, при свѣтѣ звѣздъ... вы могли-бъ слышать, безъ нескромности, весь нашъ разговоръ.

— Полковникъ, отвѣчалъ сэръ Эдуардъ: я поворотилъ лошадь свою къ краю дороги, чтобы вблизи разсмотрѣть развалины этой пагоды: ночью, онѣ удивительно эффектны.

— Прошлаго года эти развалины были гнѣздомъ Тоговъ, сэръ Эдуардъ.

— Вы знаете, полковникъ, что хищныя бенгальскія птицы возвращаются къ своимъ гнѣздамъ.

— Лошадь моя спокойна; уши ея опущены на гриву... и я не безпокоюсь, потому-что она за версту чуетъ Тога.

— Я увѣренъ, полковникъ, что въ ваше отсутствіе лошадь измѣнила вамъ и сама вступила въ секту Тоговъ.

— Развѣ вы замѣтили въ этой сторонѣ обритую голову, сэръ Эдуардъ?

— Да.

Это *да* было сопровождаемо прелестной улыбкой, которая привела-бъ въ ужасъ офицера, не столь храбраго, какъ Дугласъ. Пустой слогъ, подкрѣпляемый улыбкой, можетъ сдѣлаться ужаснымъ, страшнымъ, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ онъ произнесенъ.

— Полковникъ, сказалъ Эдуардъ серьёзно: великъ ли у васъ постой въ Мундесурѣ?

— Пятьдесятъ человѣкъ, подъ командой храбраго капитана Рейнольдса.

— Ожидаютъ-ли они нападенія въ эту ночь?

— Вѣроятно, нѣтъ.

— На нихъ нападутъ.

— Почему вы знаете?

— Полковникъ, ихъ перерѣжутъ, — прибавилъ сэръ Эдуардъ твердымъ, холоднымъ голосомъ.

Занавѣски паланкина миссъ Аринды вторично раскрылись, и прелестная ручка, украшенная браслетомъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, высунулась изъ паланкина, и стала пристегивать зана-

вѣски, чтобы ночная свѣжесть могла проникнуть въ дорожный альковъ.

— Полковникъ, сказалъ Эдуардъ, ступайте пѣшкомъ за палankиномъ; отдайте лошадь вѣрнѣйшему и смышленѣйшему изъ вашихъ солдатъ, онъ проводитъ меня до Мундесура. Мы прискачемъ къ угрожаемому посту прежде Тòговъ.

— Не теряйте ни минуты, сказалъ полковникъ, поспѣшно сходя съ лошади.

Минуту спустя, Эдуардъ и проводникъ его летѣли къ быстротою паровой машины по дорогѣ къ Мундесуру.

III.

ДОМЪ ВЪ НЕРБУДДѢ.

Всадники прискакали четыре часа спустя къ Мундесуру. За тысячу шаговъ до города, они сошли съ лошадей, привязали ихъ къ дереву и пошли пѣшкомъ, со всѣми предосторожностями, которыя были необходимы въ эту страшную войну нечаянныхъ нападеній и адскихъ хитростей, обыкновенно оканчивавшихся убійствами. Эдуардъ и проводникъ его ползли, какъ змѣи, въ густой травѣ, стараясь удерживать дыханіе и пользуясь порывами ночнаго вѣтра, которому можно-бъ было приписать шелестъ листьевъ, между которыми они пробирались. Они дошли такимъ-образомъ до Мундесурскаго блокъ-гауза, на границу англійскихъ владѣній.

Эдуардъ закрылъ обнаженную голову цвѣтами тюльпаннаго дерева, сдѣлалъ себѣ маску изъ широкаго акантоваго листа, прокололъ для глазъ двѣ дырочки и, скрывшись, такимъ-образомъ, приподнялъ голову и сталъ смотрѣть на крѣпостцу и окрестности ея.

Печальная тишина служила грустнымъ предзнаменованіемъ. Все свидѣтельствовало о томъ, что постъ лишился своихъ защитниковъ... только знамя, слегка колеблемое вѣтромъ, уныло висѣло надъ карнизомъ крѣпостцы, между рельефными украшеніями единорога и слона. Передъ блокъ-гаузомъ былъ фонтанъ... журчанье воды наводило ужасъ, потому-что оно не было прерываемо въ печальномъ однообразіи своемъ руками или губами солдата, утоляющаго жажду въ жаркой странѣ, гдѣ текучая вода служитъ другомъ-утѣшителемъ, смягчающимъ страданія...

Прошолъ цѣлый часъ — невозможно было болѣе сомнѣваться.

Ужасное предположеніе превратилось въ еще болѣе ужасное убѣжденіе.

Однако сэръ Эдуардъ не рѣшался показаться до солнечнаго восхода въ непріятельской странѣ, куда, вѣроятно, онъ опоздалъ цѣлымъ часомъ. Дневной свѣтъ открылъ тайны ночи; вокругъ крѣпостцы не видно было на травѣ ни одной капли крови, но на деревьяхъ и высокихъ листвянныхъ растеніяхъ были слѣды отчаяннаго сопротивленія. Очевидно было, что маленькій гарнизонъ, не ожидая возобновленія таинственныхъ военныхъ дѣйствій, предался неосторожному покою и былъ похищенъ дикой шайкой Тòговъ.

Сэръ Эдуардъ бросилъ печальный взглядъ на югъ, къ горизонту высокихъ каменныхъ горъ, пещеры и ущелья которыхъ скрывали, вѣроятно, и трупы жертвъ и шайки убійцъ. Это былъ прощальный взглядъ съ погибшими товарищами.

Эдуардъ и проводникъ воротились на дорогу, гдѣ оставили лошадей, и поскакали къ Нербудскому жилищу набòба.

Полковникъ Дуглàсъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и взглянувъ на лицо Эдуарда, медленно приблизился и съ душевной тоской пожалъ ему руку.

— Не говори ни кому ни слова о томъ, что̀ видѣлъ, сказалъ Эдуардъ проводнику, отдавая ему лошадь; потомъ обратившись съ милой улыбкой къ Дуглàсу, онъ продолжалъ: любезный полковникъ, я заблудился; впрочемъ это моя вина — вы дали мнѣ проводника. Здоровы-ли хозяинъ и прелестная дочь его, мисъ Аринда?

— Сэръ Эдуардъ, сказалъ полковникъ: говорите прямо, никто не можетъ услышать насъ. Всѣ собрались къ завтраку. Говорите скорѣе, что̀ случилось. Улыбка ваша предвѣщаетъ несчастіе...

— Улыбка моя не лжетъ; все погибло. Мы опоздали цѣлымъ часомъ.

— Всѣ убиты?

— Всѣ!.. и ни одной капли крови, полковникъ!

— Да, таковъ обычай ихъ. Тòги боятся крови человѣческой; они душатъ своихъ враговъ... О! неужели эта ужасная война никогда не кончится!.. Я буду писать къ сэру Вилліаму Бентинку.

— Полковникъ, сэръ Вилліамъ теперь въ Калькуттѣ, а вамъ завтра-же нужно войско.

— Я соберу сосѣдніе гарнизоны; этого достаточно на три мѣсяца; но война приметъ свирѣпое направленіе и распространится по всей внутренности полуострова... Это проклятое празднество бо-

гинн Дýрги возбудило прежній фанатизмъ!.. Вотъ послѣдствія Уайтъ-Галльской системы!.. Кротость, вѣротерпимость, миролюбивое разселеніе!.. Съ разбойниками, убійцами!.. Посмотрѣлъ-бы я на господъ членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, проповѣдующихъ въ Низамской провинціи теорію кротости и терпимости этимъ демонамъ, Тòгамъ!.. Легко быть филантропомъ, имѣя предъ глазами Уайтъ-Галльскій садъ и статую Якова II!.. Боже мой! есть гораздо-простѣйшая система кротости; стóитъ только оставить Индію и идти торговать въ Лондонѣ у Кенсингтонъ-Гардена! Пусть себѣ Тòги забавляются съ своей богиней, Дýргой!.. Въ 1812 году, лейтенанту Монселю тоже приказывали наблюдать вѣротерпимость. Желая кротостью убѣдить Тòговъ, имъ посылали Библіи, а Тòги, радуясь случаю, душили тѣхъ, которые привозили имъ Библіи!.. И двадцать лѣтъ опытности никого не исправили!.. Все-равно, мы должны исполнять солдатскій долгъ нашъ безъ ропота, неусыпно, и въ героической неизвѣстности, сражаться при свѣтѣ звѣздъ и отдыхать днемъ.

— Полковникъ, сказалъ сэръ Эдуардъ: все, что̀ вы говорите, очень-благоразумно; но члены и начальники министерства не могутъ слышать насъ, а потому мы сами должны на что̀-нибудь рѣшиться. Мы здѣсь, кажется, въ самомъ центрѣ войны?

— Точно, сэръ Эдуардъ.

— Вы основали главную квартиру въ Нербуддѣ, у Набòба?

— Да.

— Набòбъ ни о чомъ не долженъ знать, не правда-ли?

— О! ни о чомъ, сэръ Эдуардъ.

— Странная-жъ предстоитъ намъ жизнь. Только, кажется, въ Бенгаліи и можно жить такимъ образомъ. Днемъ мы будемъ вести жизнь счастливыхъ, беззаботныхъ сельскихъ жителей, много, часто и долго кушать, изучать индійскую флору, разбирать ноты, чертить пейзажи, воспитывать и дрессировать птицъ для рыбной ловли. Я съ своей стороны, благодарю Бога, что онъ довелъ меня до этой жизни постепенно. Сначала, я посвятилъ себя вполнѣ одному другу, потомъ семьѣ, и наконецъ цѣлой арміи. На поприщѣ услужливости только первый шагъ труденъ. Теперь я исполняю назначеніе свое въ бóльшемъ размѣрѣ и желаю найдти болѣе подражателей.

— Прошу у васъ совѣта, сэръ Эдуардъ, на какой ногѣ должны мы жить съ графомъ дель-Пилàромъ?—спросилъ полковникъ, пожимая руки товарищу своему. — Признайтесь, что онъ очень-страненъ.

— Графъ будетъ раздѣлять нашу жизнь; онъ самъ виноватъ, если она не понравится ему. Онъ тайно уѣхалъ съ нами изъ Смирны, въ особенности скрываясь отъ васъ, чтобы избѣгнуть какого-то несчастія, тайну котораго онъ намъ не открылъ. Какъ изгнанникъ онъ вездѣ дома, всякая страна замѣнитъ ему отечество; всякую опасность онъ готовъ раздѣлить. Онъ храбръ, рѣшителенъ, мраченъ и неразговорчивъ — слѣдовательно, какъ-бы созданъ для ночныхъ битвъ. Мы завербуемъ его. Я отвѣчаю за графа дель Пилара.

— Этого достаточно, сэръ Эдуардъ. Войдемте въ домъ.

Нербуддское жилище подаетъ Европейцу высокую идею о роскоши набобовъ. Оно выстроено изъ бѣлаго камня; стѣны его толсты, какъ крѣпостныя стѣны; не-смотря на то, архитектура его не лишена ни легкости, ни граціи. Массивность зданія скрыта скульптурными украшеніями, сквозными карнизами и воздушными балконами съ балюстрадомъ изъ кипарисоваго дерева. Крыша имѣетъ форму конуса; четыре ряда колоннокъ отдѣляютъ ее отъ самого зданія, оставляя большое пространство для свободнаго движенія воздуха; этимъ способомъ верхніе этажи защищены отъ вертикальнаго вліянія солнечныхъ лучей, падающихъ на необитаемую крышу, служащую какъ-бы щитомъ отъ палящаго зноя. Изъ нижняго этажа изгнана всякая тяжолая, удушливая мебель; дорогому дереву приданы самыя замысловатыя, прихотливыя формы, и на немъ отдыхаютъ обитатели дома. Струи бьющихъ фонтановъ, рѣшотчатыя ставни у оконъ и балконовъ, крылья колыхающихся *панкасовъ*, поддерживаютъ безпрестанную свѣжесть, при полусвѣтѣ, исполненномъ нѣги.

Полковникъ Дугласъ и сэръ Эдуардъ съ веселыми лицами вошли въ залу нижняго этажа и сѣли къ столу набоба.

— Мистеръ Сура-Бердаръ, сказалъ Эдуардъ, принимая тарелку съ рисомъ *бенафули*: я хотѣлъ осмотрѣть развалины *Думара-Лейнасскаго* храма и заблудился.

— Развалины эти, отвѣчалъ старый набобъ, находятся въ горахъ, въ сорока миляхъ отъ Нербудды. Вы поступили очень-неосторожно, сэръ Эдуардъ, увѣряю васъ; тѣмъ-болѣе, что проводникъ вашъ, цейлонскій ципай, не знаетъ нашихъ дорогъ.

— Развѣ необходимо, для безопасности, имѣть съ собою конвой, чтобы путешествовать въ вашей странѣ?—спросилъ Эдуардъ весьма-равнодушно.

— Конечно, сэръ Эдуардъ.

— Чтобы не попасться въ когти тиграмъ?..

— Во-первыхъ, сэръ Эдуардъ, чтобы не попасться въ когти тиграмъ...

— О! тигры давнишніе пріятели мои...

— Это прекрасно, сэръ Эдуардъ, сказала миссъ Аринда, сложивъ нагія ручки съ прелестною граціозностію, на столѣ: но въ горахъ есть еще другіе звѣри... давнишніе непріятели ваши.

— Будто-бы! вскричалъ Эдуардъ, изумившись и продолжая ловить вилкой рисъ, съ ловкостью настоящаго Китайца.

— По вашему *будто-бы*, сейчасъ видно, что вы недавно изъ Лондона, продолжала молодая Индіянка насмѣшливо: посмотрите, знаете-ли вы этого четвероногаго... вотъ тамъ... тамъ...

Эдуардъ посмотрѣлъ по направленію пальца Аринды и увидѣлъ на стѣнѣ англійскую гравюру, извѣстную въ Лондонѣ, и изображавшую Тòга. Онъ смотрѣлъ долго, какъ-бы припоминая названіе чему-то знакомому.

— Не узнаете, сэръ Эдуардъ? спросила молодая дѣвушка, скрестивъ миленькія ручки, походившія на позолоченную слоновую кость.

— Это, кажется, *sea-bishop* (*морской епископъ*), сказалъ Эдуардъ, какъ нельзя натуральнѣе.

Миссъ Аринда отвѣчала громкимъ, веселымъ смѣхомъ, звуки котораго вполнѣ согласовались съ миловидностью молодой Индіянки... они подобны были каскаду перловъ, стремящемуся по золотымъ полосамъ...

Эдуардъ поспѣшно всталъ, чтобы вблизи разсмотрѣть гравюру.

— Впрочемъ, ошибка сэръ Эдуарда не удивляетъ меня, сказалъ полковникъ Дýгласъ. Этотъ Тóгъ, съ своимъ мистическимъ видомъ, съ головой обритой въ видѣ митры и съ сѣкирой Деэры, издали точно похожъ на морскаго-епископа.

— А! такъ это Тóгъ!—вскричалъ Эдуардъ, ударивъ себя по лбу; въ Лондонѣ много говорили о Тòгахъ. На Адельфійскомъ театрѣ я даже видѣлъ какую-то драму, гдѣ главную роль занималъ Тòгъ. Дѣйствіе происходило въ Индіи, во времена Александра-Великаго, за нѣсколько столѣтій до Рождества-Христова. Потомъ, обратившись къ хозяину, онъ прибавилъ небрежно: мистеръ набòбъ, бенафулійскій рисъ лучшій во всей Индіи: я предпочитаю его мангалорскому рису, котораго сѣмяна однакожъ крупнѣе... Извините, миссъ Аринда; слѣдовательно, вы полагаете, что въ Думàръ-Лейнасскихъ горахъ есть еще Тòги?

— Конечно.

— Вѣроятно допотопные, ископаемые Тóги?

— Живые Тòги, сэръ Эдуардъ.

— Да... конечно... можно полагать, сказалъ небрежно полковникъ Дýгласъ, что послѣ послѣдней войны тамъ поселились какіе-нибудь отшельники.

— Батюшка подтвердитъ вамъ, сказала миссъ Аринда, вперивъ большіе глаза свои на спокойное лицо Эдуарда, что не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, два путешественника были задушены на Мацулипатнамской дорогѣ.

— Тòгами? спросилъ Эдуардъ.

— Кѣмъ-же больше?..

— Миссъ Аринда, сказалъ сэръ Эдуардъ, слегка поклонившись: не смѣю противорѣчить вамъ! Я вѣрю въ существованіе Тóговъ и ни за что не рѣшусь ѣхать безъ конвоя въ Думаръ-Лейну или Мацулипатнамъ.

— Мнѣ всю ночь снились эти чудовища, сказала Аринда съ трепетомъ: это доказываетъ, что они существуютъ.

— Точно, это неоспоримо, сказалъ Эдуардъ. Меня однако-жъ увѣряли, что война эта давно кончилась.

— Конечно, сэръ Эдуардъ, война кончилась; но старый Сингъ живъ еще. Слѣдовательно, каждую минуту война можетъ возобновиться; и если она возобновится, то я ни за что не останусь въ Нербуддѣ, и уѣду съ батюшкой на Малабарскій или Коромандельскій берегъ; ни одной ночи не останусь здѣсь, въ этомъ жилищѣ.

— Не безпокойтесь, миссъ Аринда, сказалъ Дугла̀съ: мы защитимъ васъ. Здѣсь также безопасно, какъ въ Трангвеборѣ или Бомбаѣ. У насъ три полка, сформированные на британской землѣ. Если Тòги и существуютъ, то побоятся тронуться.

Послѣ завтрака, всѣ собесѣдники сошли на террассу и тамъ каждый могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ. Слуги разложили ковры на полу бесѣдки съ кленовыми колонками, гдѣ можно было насладиться прохладительною свѣжестью и прелестными видами.

Впереди взоръ останавливался на небольшомъ прудкѣ, покрытомъ арабесками изъ бѣлыхъ кубышечекъ и усѣянномъ по берегу желтыми нарциссами и красивыми вахтами. На противоположномъ берегу возвышались прямые стволы кокосовыхъ деревъ, вершинки которыхъ ниспадали граціозными вѣтвями; между просвѣтами этого растительнаго перистиля, видѣнъ былъ ландшафтъ, простиравшійся далеко, сливавшійся съ голубымъ горизонтомъ и покрытый кустарникомъ горчичника, яркая зелень котораго прекрасно отдѣлялась отъ бѣлоснѣжныхъ оттѣнковъ бенгальскаго хлопчат-

ника. Потоки свѣта обливали эту дивную природу и какъ-бы заставляли ее трепетать жизнію подъ огненными своими ласками...

Это была Бенгалія во всемъ ослѣпительномъ блескѣ и съ яркимъ солнцемъ, дающимъ жизнь и смерть, разливающимъ любовь въ сердце человѣка и сыплющимъ алмазы во внутрь горъ.

Молодая дочь набо́ба, лежа на коврѣ въ бесѣдкѣ, играла съ дикими тюльпанами, пробивавшимися между щелями кипарисnаго пола, и черезъ голову бросала ихъ къ отцу, спокойно курившему трубку. Эдуардъ и графъ Жиль собирали травы и цвѣты на берегу пруда. Толпа слугъ, столь-же безпечныхъ и лѣнивыхъ, какъ господа, сидѣла на ступеняхъ къ бесѣдкѣ, въ полудремотѣ, исполненной нѣги, дочери индійскаго неба.

Полковникъ Дугла́съ, прислонившись къ одной изъ колоннокъ, разговаривалъ съ молодой Индіянкой.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что послѣ разговора о То́гахъ, вы, миссъ Аринда, нѣсколько призадумались.

— Полковникъ, отвѣчала Аринда, хотите-ли мнѣ сдѣлать къ свадьбѣ подарокъ?

— Говорите, миссъ Аринда.

— Принесите мнѣ стараго Синга въ клѣткѣ.

— Аринда, вы днемъ и ночью только и думаете объ этихъ несносныхъ То́гахъ. Я начинаю ревновать и... берегитесь!.. самъ сдѣлаюсь То́гомъ... Я приготовилъ уже вамъ, прелестная Аринда, другой подарочекъ, который ожидаю съ первымъ кораблемъ, съ которымъ получимъ письма изъ Бомбая. Я выбралъ жемчужный уборъ для вашихъ шолковистыхъ волосъ... для васъ, богатѣйшей и прелестнѣйшей дѣвушки во всей Индіи, подарокъ этотъ весьма-незначителенъ, но онъ имѣетъ другое достоинство. Я самъ, Аринда, досталъ этотъ жемчугъ со дна морскаго, въ Цейлонѣ; я самъ вручилъ его для обдѣлки Хе́млету, первому лондонскому бриллiантщику. Хемлетъ съ любовію принялся за это дѣло; онъ ухаживалъ за перлами, какъ мать ухаживаетъ за первороженнымъ, и выгравировалъ на аграфѣ свое имя, Хе́млетъ, съ слѣдующими словами, столь трогательными, когда Датскій принцъ говоритъ ихъ Офеліи: *Позвольте мнѣ отдохнуть на вашихъ колѣняхъ**...

— Ахъ, это очень-мило! сказала Аринда, откинувъ головку назадъ и взглянувъ на полковника.

---

* Shall J lie in your lap. — *Hamlet.*

Въ горизонтальномъ положеніи головки, шелковистыя кудри молодой Индіянки достигали до полу и коралловыя уста ея, полураскрытыя улыбкой, обрамливали два ряда чистѣйшихъ перловъ. Аринда походила такимъ образомъ на новый бенгальскій цвѣтокъ, созданный въ полдень могущественною прихотью солнца и благодарящій небеснаго Творца своего пламеннымъ взглядомъ.

— Вы теперь представляетесь мнѣ очаровательнѣйшей мечтой, миссъ Аринда сказалъ полковникъ Дуглàсъ. О, я готовъ боготворить васъ! Вы прелестны, какъ цвѣтокъ земной и лучъ небесный. Повѣрите-ли... повѣрите-ли, что я сожалѣю о васъ, потому-что вы не можете въ эту минуту видѣть и любить себя такъ, какъ я вижу и люблю васъ!

— Полковникъ, сказала Аринда, съ граціознымъ кокетствомъ, принадлежностью всѣхъ женщинъ, безъ различія страны, націи и цвѣта тѣла: — когда вы подарите мнѣ жемчужный уборъ, то я причешусь какъ Сидонія, дочь сэра Вилліама. У нея такіе-же волосы, какъ у меня: если сжать ихъ, то они умѣстятся въ рукѣ; если распустить ихъ, то они разсыпятся и обхватятъ всю талью, какъ вдовье покрывало. Если перлы драгоцѣнны, то ихъ можно вплесть въ волосы и связать вѣточкой на косѣ; съ подобнымъ уборомъ Сидонія была очаровательна на одномъ балу... У меня же были одни брилльянты — это слишкомъ обыкновенно. Благодарю васъ, полковникъ — вы угадали мой вкусъ.

— Я-бъ желалъ угадывать ваши мысли, миссъ Аринда...

— А!.. это труднѣе, полковникъ!

Аринда поймала бабочку, спустившуюся къ ней на колѣни, посмотрѣла на нее и отпустила.

— Полковникъ Дуглàсъ, продолжала молодая дѣвушка: я повѣрила этой бабочкѣ мысль свою — угадайте ее.

— Могу-ли я подумать?

— Нѣтъ, я приказываю вамъ угадать ее сейчасъ-же... бабочка перелетѣла черезъ прудъ... она опустилась на цвѣтокъ... тѣмъ хуже! Мысль моя подтверждается... Угадали-ли вы, полковникъ?

— Простите, прелестная Аринда, я не изучалъ обычаевъ и нравовъ бабочекъ.

— Полковникъ, я говорю не шутя; не шутите-жъ и вы.

— Миссъ Аринда, я сяду на ступени этой лѣстницы и буду неподвиженъ, терпѣливъ, нѣмъ, какъ факиръ; въ каждыя десять лѣтъ проходите одинъ разъ передо мною, и когда, въ глубокомъ размышленіи и одиночествѣ, я переберу всѣ человѣческія мысли, то, быть-можетъ, угадаю и скажу и вамъ вашу мысль.

— Полковникъ, сказала Аринда, склонивъ головку на плеча и ласково грозя указательнымъ пальцемъ правой руки: полковникъ, если-бъ я захотѣла испытать васъ, такъ вы не выдержали-бъ и одного дня... Да, да, устремляйте на меня темно-голубые глаза... увидимъ, будете-ли вы откровенны... Я нарочно выжидала случай, чтобы поразспросить васъ. . Скажите, полковникъ, зачѣмъ вы ѣздили въ Лондонъ?.. видите, какъ вы поблѣднѣли!

— Вѣдь вы очень-хорошо знаете, миссъ Аринда... Меня потребовало министерство иностранныхъ дѣлъ для отчота въ войнѣ съ Тогами... которая теперь, къ-счастію, кончена.

— А зачѣмъ вы поблѣднѣли? Зачѣмъ вы смутились?

— Увѣряю васъ, прелестная Аринда, что я спокоенъ, какъ нельзя болѣе.

— Какъ вы дрожите!

— Миссъ Аринда, отецъ вашъ въ десяти шагахъ; онъ можетъ услышать насъ...

— Вотъ такъ! Теперь вы страшитесь отца моего!.. Какой вы трусъ, полковникъ. Въ-самомъ-дѣлѣ вы должны называть окончаніе войны счастіемъ.

— Миссъ Аринда, сказалъ Дуглась тихимъ голосомъ, но такъ выразительно, что молодая Индіянка не проронила ни одного слова: миссъ Аринда, вотъ уже два года, какъ я васъ люблю; вся любовь, которою дышетъ эта огненная земля, эти роскошныя сады, это палящее солнце, вся любовь кипитъ во мнѣ, и для васъ, Я люблю васъ не за то, что вы богаты, что васъ прозвали алмазомъ Индіи, что вы достойны занять мѣсто на престолѣ Бенгаліи, возлѣ солнца, вашего супруга; я люблю васъ — потому-что таинственная, непобѣдимая, непостижимая сила приковала меня къ стопамъ вашимъ съ той минуты, когда я впервые увидѣлъ васъ, сходящихъ съ корабля на пески Коромандельскіе... то была одна изъ тѣхъ минутъ восторга, которыя составляютъ цѣлую жизнь человѣка... Послѣ того, какъ вамъ извѣстно, я велъ кровавую войну, проводилъ страшныя ночи, оплакалъ сердцемъ лучшихъ друзей; сердце мое подвергалось столькимъ жестокимъ испытаніямъ, что я наконецъ сталъ думать, что достигъ той благодѣтельной нечувствительности, которая достается въ удѣлъ людямъ, много страдавшимъ. И что-же! любовь моя прошла весь кровавый мракъ, весь хаосъ горести, отчаянія, и сохранила къ вамъ всю энергію первой зари своей!.. Въ адскомъ ураганѣ, разразившемся надъ моею головою, все угасло во мнѣ, исключая пламени любви моей къ вамъ! Осмѣльтесь теперь, миссъ Аринда, осмѣльтесь еще гово-

тить со мною холоднымъ, принужденнымъ тономъ, съ оскорбительною недовѣрчивостью, недостойною ни васъ, ни меня!.. если-бъ я провинился предъ вами, то былъ-бы преступникъ — обвините-же меня и остріе этого кинжала отомститъ за васъ!..

Кинжалъ блеснулъ изъ-за кушака полковника.

Въ истинной страсти есть неподражаемые звуки, которыхъ легко понимаетъ даже самое непривычное ухо. Женщины обладаютъ чудесною понятливостью на все, что̀ выходитъ изъ сердца: тѣ-же, которыхъ можно обмануть пародіей этихъ звуковъ, недостойны чести, быть женщинами.

Аринда утерла слезу раскаянія, и сорвавъ дикій тюльпанъ, сказала съ небесной улыбкой:

— Полковникъ, помѣняемтесь... дайте мнѣ вашъ кинжалъ и возьмите этотъ цвѣтокъ .. Повинуйтесь-же... хорошо, я довольна вами... вѣдь я знаю, что вы меня любите, полковникъ... хотите-ли я вамъ сосчитаю всѣхъ жениховъ, которымъ я отказала?.. Мистеръ Левисъ Вейятъ, агентъ Индійской Компаніи; Баретто, сынъ Компаньона Джона Пальмера; мистеръ Ріоу, у котораго пятнадцать кораблей въ Суратѣ; маіоръ Флемстидъ, племянникъ сэра Вилліама... человѣкъ двадцать будетъ. Отчего-жъ я отказала имъ? Оттого, что знаю, что вы *меня* любите, а не алмазы моего отца... Теперь, полковникъ, обратимтесь опять къ началу нашего разговора, только прошу не сердиться... Знаете-ли, что̀ мнѣ сказали въ Гидрабадѣ? Это-то я и хотѣла заставить васъ угадать, когда гнѣвъ вашъ дошолъ до кинжала... Мнѣ сказали, что въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ, вы хотѣли жениться въ Европѣ...

— Вѣроятно, сказалъ Дугласъ очень-хладнокровно: это сказалъ одинъ изъ жениховъ, которымъ вы отказали?

— Именно. Мистеръ Ріоу.

Мистеръ Ріоу солгалъ. Клянусь честію, что я никогда не имѣлъ намѣренія жениться въ Европѣ.

— Я вѣрю вамъ, полковникъ.

— Аринда, клянусь, что никогда не полюблю другой женщины... Сегодня-же я переговорю съ вашимъ отцомъ, мы назначимъ день свадьбы въ первой половинѣ будущаго мѣсяца... Я долженъ сперва осмотрѣть нѣкоторые сосѣдніе посты... Такъ, для формы. Теперь, слава Богу, все спокойно. По окончаніи служебныхъ дѣлъ я, какъ супругъ, буду у ногъ вашихъ, милая Аринда.

— Полковникъ, возвращаю вамъ кинжалъ.

— Аринда, надѣюсь, что и вы немножко полюбите меня...

— Я слишкомъ богата, чтобы подавать милостыню. Я обогащаю.

Улыбка восторга и невыразимаго блаженства блеснула на лицѣ полковника.

Молодая Индіянка встала и сошла со ступеней бесѣдки, чтобы оставить наединѣ набоба и полковника. Сэръ Эдардъ, прогуливавшійся съ графомъ дель Пиларомъ, сказалъ ему:

— Миссъ Аринда сходитъ въ садъ, чтобы набрать цвѣтовъ для украшенія своихъ японскихъ вазъ. Графъ, вы нелюдимъ — въ Индіи это не позволительно. Предложите руку юной царицѣ бенгальскихъ розъ. Этой вѣжливостью вы обязаны дочери хозяина.

— Сэръ Эдуардъ, возразилъ Жиль, улыбаясь: мнѣ кажется, что вы могли-бъ это принять на себя.

— Когда дѣло идетъ объ удовольствіи, то я всегда забочусь прежде о друзьяхъ. Въ непріятномъ-же дѣлѣ напротивъ; испытайте меня.

Графъ кивнулъ головою и пошолъ на встрѣчу къ миссъ Ариндѣ.

Оставшись одинъ, Эдуардъ осторожно оглянулся, какъ-бы для того, чтобы удостовѣриться, не присматриваетъ-ли кто-нибудь за нимъ. Потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, противоположную той, куда намѣревался итти; на берегу пруда, нарвалъ нѣсколько нарциссовъ и дикихъ тюльпановъ; потомъ осторожно и безъ малѣйшаго изумленія вынулъ изъ воды свернутый листокъ бумаги, походившій на бѣлую кубышечку. Онъ развернулъ бумажку, удалился за кустарникъ и поспѣшно прочолъ написанныя на ней слова, между тѣмъ-какъ на лицѣ его выражалось спокойное вниманіе ботаниста, разсматривающаго цвѣтокъ.

Вотъ что заключалось въ запискѣ:

«Сэръ Эдуардъ,

«Вы опоздали въ Мундесуръ; это моя вина; я бѣжалъ — надо «было летѣть.

«Я присутствовалъ на послѣднемъ совѣщаніи въ Думаръ-Лей-«насскихъ развалинахъ. Я знаю, куда пойдетъ старый Сингъ. Ска-«жите полковнику Дуглàсу, чтобы онъ завтра усилилъ пòсты ме-«жду деревнями Буджа и Сарiехъ, въ двухъ миляхъ отъ Нербуд-«ды. Выдумайте какую-нибудь причину, чтобы запереть ворота «Нербулдскаго жилища въ два часа послѣ солнечнаго заката. Ста-«рый Сингъ произнесъ имя набòба Сура-Бердара. Да хранитъ «васъ Господь. Я дѣйствую.

«Низамъ.»

Храбрый слуга пробрался до прудка, ползая, какъ змѣя въ высокой травѣ и не будучи никѣмъ замѣченъ. Онъ спустился въ воду, скрывъ голову между листьями водяныхъ растеній и свиснулъ условленнымъ между имъ и Эдуардомъ образомъ. Послѣдній различилъ этотъ свистъ отъ всѣхъ неясныхъ звуковъ, раздающихся на водѣ, въ горахъ и лѣсахъ этой могущественной страны, изобилующей жизнію—гдѣ птички, насѣкомыя, даже растенія неумолкаемо перешептываются со звѣздами и солнцемъ.

Графъ и молодая дочь набо́ба подошли къ сэру Эдуарду, успѣвшему уже скрыть записку.

— Миссъ Аринда, сказалъ онъ: жаль, что красивѣйшіе букеты обыкновенно такъ тяжелы. Я набралъ этотъ букетъ для васъ, но оставлю его пока у себя. Вечеромъ вы увидите его передъ собою, на столѣ.

— Благодарю васъ, сэръ Эдуардъ, разсѣянно и съ безпокойствомъ отвѣчала Аринда: вы прекрасно умѣете составлять букеты... Сэръ Эдуардъ, у васъ глазъ и ухо привычны, какъ у индѣйца; замѣтили-ли вы движеніе, тамъ... въ-травѣ и бамбуковомъ тростникѣ? Я видѣла движущуюся полосу въ травѣ, отъ самого пруда до первыхъ деревъ лѣса.

— По направленію вѣтра? равнодушно спросилъ Эдуардъ.

— Напротивъ, сэръ Эдуардъ; это-то меня и безпокоитъ.

— Миссъ Аринда, возразилъ Эдуардъ съ утѣшительнымъ спокойствіемъ: невозможно предположить, чтобы хищный звѣрь осмѣлился придти пить къ пруду, находящемуся въ двухъ шагахъ отъ жилища, и среди бѣлаго дня. Я знаю здѣшнихъ звѣрей — это несогласно съ ихъ обычаями и нравами. Не угодно-ли вамъ поохотиться въ той сторонѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ Эдуаръ... Если это былъ тигръ, то онъ уже далекъ; а если змѣя, такъ не стóитъ безпокоиться.

— Должно быть змѣя, миссъ Аринда. Этимъ пресмыкающимся животнымъ весьма несправедливо приписываютъ столько хитрости и лукавства. Змѣя также безтолкова и глупа, какъ натуралистъ прошлаго столѣтія.

Эта зоологическая диссертація была прервана внезапнымъ появленіемъ полковника Дугла́са. Съ лицомъ, блиставшимъ радостію, онъ сошолъ съ лѣстницы бесѣдки, и пожавъ руки Эдуарду и графу, сказалъ:

— Господа, приглашаю васъ быть свидѣтелями при заключеніи моего свадебнаго контракта. Набо́бъ самъ назначилъ день брака;

дней черезъ двадцать я женюсь на миссъ Аринде, въ деревнѣ Буджа...

Лучъ необыкновенной радости, подобно молніи, освѣтилъ лицо графа. Казалось, что мрачный и молчаливый молодой человѣкъ, ожилъ новою жизнію. Никто не замѣтилъ внезапнаго превращенія

— Полковникъ, вскричалъ Эдуардъ съ восторгомъ эта новость меня крайне радуетъ. Мнѣ кажется, что будто-бы я самъ женюсь. Система моя торжествуетъ. Запалъ женится на Востокѣ; старая кровь древней Англіи помолодѣетъ отъ прикосновенія бенгальской свѣжей крови. Разумъ и сила человѣческая не погибнутъ... Графъ дель Пиларъ, вы должны-бъ послѣдовать этому прекрасному примѣру. Вы молоды, здоровы, сильны; мы вамъ пріищемъ дочь какого-нибудь набоба... Э, полноте! довольно плакать объ несчастіяхъ отчизны! Никто, кромѣ Бога, не знаетъ причинъ паденія великихъ государствъ и королевъ... Начинается отливъ океана человѣчества. Сѣверу надоѣло быть сѣверомъ. Мы возвращаемся въ нашу колыбель-колыбель солнца. Теперь французскія пушки громятъ Атласъ; американскіе поселенцы Агоасской губы и новые французскіе колонисты встрѣтятся, съ плугомъ въ рукахъ, въ невѣдомыхъ доселѣ странахъ, и обнимутся по братски!.. Придетъ время, и увидятъ, какое новое могущественное поколѣніе выйдетъ изъ нѣдръ Африки и Бенгаліи, этихъ плодотворныхъ странъ, вскармливающихъ теперь тигровъ, львовъ, слоновъ и въ продолженіи шести тысячъ лѣтъ ожидающихъ къ себѣ людей!

— Сэръ Эдуардъ, сказалъ графъ: я оживаю. Вы будете довольны мною. Все имѣетъ конецъ въ этомъ мірѣ; даже горе.

— Итакъ до вечера, господа, сказалъ полковникъ Дугласъ. Позвольте мнѣ проводить миссъ Аринду къ отцу ея.

— Сэръ Эдуардъ, сказала молодая лѣвушка; не забудьте моего букета.

— Теперь, когда онъ превратился въ свадебный букетъ я менѣе, нежели когда-либо, дерзну забыть его, миссъ Аринда.

Когда сэръ Эдуардъ и графъ остались одни, послѣдній заговорилъ съ живостію:

— Сэръ Эдуардъ, теперь я могу говорить; я могу все открыть вамъ, потому-что благородное сердце ваше заслуживаетъ всякое довѣріе. Знаете-ли, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Бенгалію?

— Не знаю.

— Я бѣжалъ отъ страшнаго искушенія... я бѣжалъ отъ полковника Дугласа... вообразите жъ себѣ мое мое изумленіе, когда, прибывъ въ Александрію, я встрѣтился съ полковникомъ!.. Первое мо-

ею мыслію было то, что онъ не женился на Амаліи!... Съ робостію и смущеніемъ я обратился къ вамъ съ вопросомъ... вы отвѣчали, не подозрѣвая, какъ важно было для меня каждое ваше слово... Бракъ не былъ заключонъ... Тогда я предпринялъ странное намѣреніе... при званіи изгнанника, оправдывающемъ всѣ отважныя путешествія по свѣту, я рѣшился всюду слѣдовать за полковникомъ Дугласомъ. Я самъ не могъ дать себѣ отчота въ томъ, какія выгоды извлеку изъ этого намѣренія, но оно какъ-бы облегчало мою горесть... это было уже утѣшеніе... Понимаете-ли вы, сэръ Эдуардъ, радость, которою наполнилось сердце мое, когда полковникъ объявилъ намъ о своемъ бракѣ съ дочерью набоба? Радость не убиваетъ, потому-что я живъ... теперь судьба моя измѣнилась. Я не могу долѣе оставаться въ Бенгаліи... душа моя рвется въ другую страну, и тѣло должно послѣдовать за нею.

— Графъ, сказалъ Эдуардъ: въ словахъ вашихъ не достаетъ одного; вы заставляете меня угадывать...

— Я увѣренъ, что вы угадали, сэръ Эдуардъ.

— Вы любите молодую Гречанку Амалію?... Молчаніе ваше служитъ отвѣтомъ... и, вѣроятно, Амалія любитъ васъ?... Хорошо! и я, въ свою очередь, промолчу... Наконецъ-то всѣ эти европейскія и азіятскія тайны становятся понятными... благородный Кастиланецъ, дочь несчастной Греціи, двѣ сироты, въ-слѣдствіе двухъ славныхъ войнъ!... Эта любовь неизбѣжна и весьма-естественна.... Любовь хитрѣе лорда П***, не-смотря на то, что послѣдній прозвалъ себя *Купидономъ*... Чѣмъ-же я могу быть вамъ полезенъ, любезный графъ?

— Вы, сэръ Эдуардъ, болѣе Индѣецъ, нежели самъ Брама...

— Браво, графъ! вы быстро выздоравливаете... вотъ первая шутка, которую я слышу отъ васъ... продолжайте...

— Вы должны найдти мнѣ корабль, на которомъ-бы я могъ уѣхать отсюда...

— Я найду вамъ цѣлый флотъ... но прежде того вы, разсѣянный графъ, должны присутствовать на свадьбѣ полковника... вы приглашены офиціально...

— Непремѣнно! я выздоровѣю совершенно только тогда, когда услышу завѣтное *да*, произнесенное молодыми супругами.

— Я не ожидалъ подобнаго благоразумія отъ влюбленнаго. На другой день послѣ свадьбы я достану вамъ трехмачтовый корабль.

— Вы привыкли услуживать пріятелямъ, а потому я не буду благодарить васъ за привычку.

— Справедливо, графъ. Я привыкъ жить жизнію другихъ; та-

кимъ-образомъ я какъ-бы расширяю собственное существо; это эгоистическій разсчотъ. Я открылъ тайну жить долѣе Маѳусаила.

— Неужели вы, сэръ Эдуардъ, рожденные быть добрымъ мужемъ, отказались отъ супружества? Какъ начальникъ секты, вы должны-бъ показать примѣръ смѣшенія племенъ. Ученики и послѣдователи ваши упрекнутъ васъ въ этомъ упущеніи.

— Графъ, не будемъ говорить объ этомъ обстоятельствѣ моей жизни. Мы-бы не кончили до зари... мнѣ тридцать-восемъ лѣтъ и я не женатъ; теперь мнѣ не трудно продолжать мою систему — вѣдь только начало трудновато... чтобы отплатить вамъ довѣренностью за довѣренность, я долженъ признаться, что обыкновенно имѣю нѣкоторую склонность къ женщинамъ, на которыхъ другіе женятся. Это фатализмъ! .. прибывъ въ Гидрадабъ я полюбилъ миссъ Аринду... Къ-счастію полковникъ открылъ мнѣ свою тайну. . въ Смирнѣ, въ-теченіе одного года Господь спасъ меня два раза... Вы знали графиню Октавію?... Какая женщина! Мнѣ бы очень-хотѣлось знать, ангелъ она или демонъ?-.. О! чтобы спастись отъ этой Гермусской Цирцеи, этой Іонической Сирены, я долженъ былъ заткнуть уши воскомъ... но воскъ таетъ... я долженъ былъ улетѣть на паровомъ облакѣ и отдѣлиться отъ нея двумя тропиками и двумя океанами!... Я увѣренъ, что графиня Октавія теперь за́-мужемъ, потому-что я чуть не влюбился въ нее... желаю двухъ ангеловъ-хранителей мужу ея!... Графъ, чтобы совершенно успокоить миссъ Аринду, которой показалось, что трава шевелилась, я прилягу въ самомъ этомъ мѣстѣ, на берегу пруда. Скажите это ей... Когда она удостоитъ меня взглядомъ прелестныхъ глазъ своихъ— я буду уже спать. Надѣюсь, что это успокоитъ ее.

IV.

ПИСЬМА.

За ужиномъ разговаривали о предстоящемъ бракѣ полковника Дугла́са и миссъ Аринды. Сэръ Эдуардъ хранилъ мрачное молчаніе.

— Сэръ Эдуардъ, спросила его миссъ Аринда: вы что-то молчаливы; можно подумать, что вы провинились и какъ-бы молчаніемъ испрашиваете прощенія у вашихъ собесѣдниковъ. Скажите, сэръ Эдуардъ, что́ у васъ на совѣсти?

— Миссъ Аринда, сказалъ Эдуардъ: я обыкновенно бываю задумчивъ, когда разговариваютъ о свадьбѣ...

— Это вамъ напоминаетъ, вѣроятно, какую-нибудь измѣну?

— Нѣтъ, миссъ Аринда, это напоминаетъ мнѣ то, что я по-сіюпору забывалъ жениться.

— О, вы еще что-то забыли... гдѣ мой свадебный букетъ?

Эдуардъ вскочилъ съ такимъ натуральнымъ движеніемъ досады, которое могло обмануть всякаго.

— Простите, ради Бога, миссъ Аринда, вскричалъ онъ, ударивъ себя рукою по лбу: я уснулъ на берегу пруда, положивъ голову на вашъ букетъ и оставилъ — подушку на постели. Черезъ пять минутъ я вамъ принесу его.

И онъ выбѣжалъ на террассу.

Звѣзды блистали на небѣ. Вся природа была полна таинственныхъ гармоній южной ночи.

Эдуардъ вскорѣ возвратился съ букетомъ въ рукахъ и положилъ его предъ миссъ Ариндой.

— Мистеръ набобъ, сказалъ онъ, садясь за столъ, голосомъ, казавшимся взволнованнымъ, прикажите слугамъ не выходить изъ дому.

— Вы видѣли что-нибудь страшное? спросила миссъ Аринда, сложивъ ручки и смотря на него со страхомъ.

— Страшное?... Нѣтъ. Но пожалуста, мистеръ, прикажите людямъ не выходить. Они такъ не осторожны, что готовы играть съ тиграми, какъ съ кошками.

Приказаніе было отдано.

— Вы видѣли тигра? спросила Аринда.

— Чернаго.

— Чернаго тигра?

— Онъ прекрасно отдѣлялся отъ бѣлизны хлопчатниковъ.

Полковникъ Дугласъ и графъ дель Пиларъ бросились къ карабинамъ. Эдуардъ всталъ, остановилъ ихъ и ловко ввернулъ въ руку полковника записку Низама.

— Неужели вы думаете, что тигръ будетъ спокойно ждать, чтобы вамъ угодно было всадить ему пулю въ лобъ? спросилъ Эдуардъ. Вы не знаете здѣшнихъ чорныхъ тигровъ: они вмѣстѣ съ Китайцами изобрѣли порохъ и чутьемъ узнаютъ запахъ за-версту. До прибытія лорда Корнваллійскаго въ Бенгалію, тигры были еще невинны, но съ-тѣхъ-поръ, какъ они издали видѣли Мизарскія войны, они знаютъ, лучше всякаго Бирмингамскаго оружейника, далеко ли достаетъ пуля изъ карабина. Теперь чорный тигръ

сдѣлался мародеромъ; онъ разсудилъ, что выгоднѣе доставать добычу, нежели доставаться въ добычу. Ночью онъ рыскаетъ около жилищъ, чтобы напасть на какого-нибудь перипатетика, философствующаго при свѣтѣ звѣздъ или задушить мечтающаго любовни, ка. Всѣмъ извѣстна исторія бѣднаго Дерàна...

— Ваши исторіи всегда наводятъ страхъ, сэръ Эдуардъ, прервала Аринда, обнявъ одною рукою шею отца.

— Исторіи мои наводятъ на васъ страхъ? Тѣмъ-лучше! значитъ исторіи мои заставляютъ быть осторожнымъ, исторіи мои заставляютъ запирать ворота жилищъ; исторіи мои спасаютъ изъ пасти тигровъ молодыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ, готовящихся выйти за-мужъ.

— Такъ разскажите-жъ намъ исторію бѣднаго Дерàна, сказала Аринда: ее здѣсь никто не знаетъ.

— Эта исторія теперь кстати, миссъ Аринда; въ бенгальскія вечеринки нѣтъ ничего занимательнѣе исторій о тиграхъ, особенно если мы вполнѣ защищены отъ нападеній ихъ. Родственникъ мой, поэтъ Тземсъ, натуралистъ, дурно оцѣненный людьми, но весьма-уважаемый животными, написалъ въ поэмѣ своей Типоо, прозопопею въ честь Дерàна.

— Извините, сэръ Эдуардъ, сказалъ полковникъ, сдѣлавъ едва замѣтный знакъ: извините, что я лишаю васъ одного слушателя. Мнѣ надо дать кой-какія приказанія капитану Моссу, и написать коротенькую записку; я долженъ отослать ее до восхода солнечнаго... Къ тому-же я знаю исторію Дерàна.

— Не выходите изъ дому, вскричала Аринда, умоляющимъ голосомъ: ради-Бога, не выходите, полковникъ!

— Миссъ Аринда, я пойду на-верхъ, отвѣчалъ полковникъ: выслушайте исторію Дерàна и вы сами увидите, могу-ли я выйдти.

Полковникъ удалился, а сэръ Эдуардъ сталъ разсказывать.

— Другъ мой, путешественникъ Дерàнъ, любилъ Индію за всѣ очаровательныя прелести ея. Онъ любилъ огромный полуостровъ, орошаемый океаномъ и широкимъ, лазоревымъ Гангесомъ. Но увы!.. въ этой дивной сторонѣ, подъ широкими листьями алоя скрывается тигръ, наводящій по ночамъ ужасъ на жителей. Дерàнъ избралъ себѣ подругу между прекрасными Индіянками и сочетался съ нею законными узами... Всѣ были веселы, радостны въ домѣ Дерàна...Гости танцовали при звукахъ индѣйскаго оркестра. Полный сладчайшихъ надеждъ и ожиданій, молодой супругъ вышелъ на чистый воздухъ, чтобы помечтать наединѣ о любви своей. Мечтая, онъ нѣсколько удалился отъ дому и, поднявъ глаза, увидѣлъ предъ

собою два глаза, горѣвшіе какъ раскаленная мѣдь... о ужасъ! это былъ чорный тигръ, искавшій пищи дѣтямъ своимъ... очень-натурально, что онъ не упустилъ удобный случай и — бѣдный Дераѝнъ не возвращался къ молодой женѣ!..

— Ахъ Боже мой! да это ужасно! вскричала миссъ Аринда: неужели это несчастіе, въ самомъ-дѣлѣ, случилось съ г. Дераѝномъ.

— Въ первую ночь брака.

— Что-же вдова его?

— Вдова твердо рѣшалась сжечь себя на одномъ кострѣ съ мужемъ; но такъ-какъ ей очень-справедливо замѣтили, что мужа не возможно сжечь, потому-что его съѣли тигрёнки, то она героически покорилась судьбѣ и — вступила фавориткой въ гаремъ Гидрабадскаго султана. Нравоученіе этой исторіи слѣдующее: мы живемъ въ прекрасной странѣ, вдали отъ городовъ, которые можно назвать кладбищами живыхъ людей; мы вдыхаемъ воздухъ, полный жизни и силы; мы наслаждаемся свѣжестью и прохладой, при солнечномъ свѣтѣ, и изобиліемъ, безъ урагановъ; растенія и деревья покрыты здѣсь плодами, благоуханіями и птицами. Мѣстоположеніе величественное; есть свѣтъ и тѣнь; долины, мягкія и нѣжныя, какъ тѣло женщины; большія и малыя озера—словомъ, мы имѣемъ всевозможныя средства насладиться всѣми удовольствіями земноводной жизни, уснуть философомъ и проснуться рыбой. Мы имѣемъ все, что Господь даровалъ первымъ людамъ, которые не знали еще искусства превращать въ душныя, грязныя улицы ароматныя нивы... Не-смотря на все это, мы не вполнѣ счастливы; день принадлежитъ намъ вполнѣ — ночь въ-половину. Страшныя животныя, которыя такъ долго стерегли дѣвственность Бенгаліи, бѣжали при нашествіи человѣка-побѣдителя; но они не забыли порученія, возложеннаго на нихъ Господомъ, и во мракѣ ночи приближаются, и съ огненнымъ, сверкающимъ взоромъ, съ заостренными когтями, рыскаютъ около жилища незаконнаго владѣтеля.

— Боже мой! вскричала Аринда съ ужасомъ: какимъ тономъ вы это говорите... вы правы... а батюшка уснулъ... полковникъ Дуглàсъ обыкновенно скорѣе оканчиваетъ дѣла...

Эдуардъ хотѣлъ отвѣчать, но миссъ Аринда сдѣлала ему съ живостію знакъ, чтобы онъ молчалъ.

Въ то время послышался снаружи странный шумъ, походившій на звукъ мѣдныхъ листовъ, поспѣшно ударяемыхъ одинъ о другой.

— Это Телингà, бомбайская почта, сказалъ сэръ Эдуардъ.

— Несчастный! вскричала миссъ Арнида: онъ, можетъ-быть, зоветъ на помощь.

Эдуардъ бросился уже къ двери, которая въ тоже мгновеніе отворилась. Индійскій почтальйонъ бросилъ въ комнату жестяной ящикъ, въ которомъ заключались депеши и спросилъ воды и рису.

Полковникъ скоро сошолъ внизъ, взялъ ящикъ и открылъ его

Эта суматоха разбудила стараго набоба.

— Господа, сказалъ онъ въ-просонкахъ: вы, кажется, получили порядочное количество депешей; теперь поздно, и мы оставляемъ васъ. Вѣроятно, вы желаете сегодня-же прочесть письма, а потому мы пожелаемъ вамъ доброй ночи.

Нѣсколько минутъ спустя, полковникъ и сэръ Эдуардъ были одни въ залѣ и разговаривали тихимъ голосомъ такъ, что губы говорившаго почти всегда касались уха слушавшаго.

— Сэръ Эдуардъ, говорилъ полковникъ: эти депеши слишкомъ длинны, а между тѣмъ время дорого...

— Отложите ихъ до завтра, полковникъ.

— Депеша изъ Уайтъ-Галля...

— Въ эту минуту у васъ есть депеша гораздо-важнѣйшая...

— Какая, сэръ Эдуардъ?

— Депеша Низама.

— Знаю, Боже мой! знаю... но позвольте мнѣ наскоро пробѣжать нѣкоторыя письма... я хочу только взглянуть на подписи... а читать будемъ завтра, сэръ Эдуардъ... ахъ! вотъ что́ любопытно!.. длинное, предлинное посланіе отъ графини Октавіи... вы кажется, знаете эту прелестную даму, которая улыбается, какъ ангелъ, и поетъ, какъ Паста...

— Графиня Октавія!.. Вотъ удивительно!.. Графиня Октавія пишетъ... къ вамъ, полковникъ?

— Посмотрите сами, сэръ Эдуардъ, вотъ ея подпись... десять страницъ, испачканныхъ съ судорожною яростію когтей тигрицы... Вы, кажется, танцовали съ нею, въ Смирнѣ?

— Еще-бы!.. На бѣду мою... Я танцовалъ съ этимъ бѣло-атласнымъ демономъ!.. Такъ она преслѣдуетъ насъ и въ Индіи?.. Полковникъ, считаете-ли вы меня трусомъ?

— О, нѣтъ сэръ Эдуардъ.

— Однако я дрожу въ эту минуту, какъ осиновый листъ... Эта подпись поразила меня въ самое сердце, какъ ножъ Малайца... Полковникъ, надо сжечь это письмо не читая... повѣрьте, въ немъ, вѣрно, нѣтъ ничего добраго... Длинныя письма женщинъ всегда убійственны для мужчинъ... Когда женщины хотятъ извѣстить

васъ о какомъ-нибудь счастіи, то имъ довольно трехъ словъ; три строки возвѣщаютъ вамъ что-либо непріятное, три страницы—несчастіе; три листка—смерть!

— О, любезный Эдуардъ, я готовъ биться объ закладъ, что знаю содержаніе этого письма... для этого не надо быть колдуномъ... я не страшусь катастрофы... Амалія очень-равнодушно выходила за меня за мужъ... Казалось, она повиновались приговору суда... Въ-слѣдствіе этого, мнѣ не трудно было уѣхать. Я понималъ, что Амаліи было очень-пріятно овдовѣть до замужства... Я увѣренъ, что графиня убѣждаетъ меня воротиться къ ногамъ милой Гречанки и произнесть роковое *да*.. Она была внѣ-себя по случаю моего отъѣзда. . Это длинное письмо есть не что-иное, какъ дополненіе краткаго проклятія, которымъ она проводила меня на корабль... Завтра прочтемъ, если будемъ живы.

— Будемъ живы, полковникъ. Я за это ручаюсь. Я знаю обычаи смерти. Она охотно дастъ вамъ отсрочку, если у васъ есть какая-нибудь, болѣе или менѣе тяжкая обязанность, какъ напримѣръ, прочесть или разорвать письмо женщины.

— Рѣшено—прочтемъ завтра.

— Впередъ, полковникъ... надо дѣйствовать.

— И такъ, сэръ Эдуардъ, вы не шутя остаетесь на службѣ при нашей экспедиціи?

— Что-же мнѣ здѣсь больше дѣлать?.. Если-бъ вы вели войну европейскую, регулярную, то я, можетъ-быть, мѣшалъ-бы вамъ; но я могу очень-хорошо стать въ ряды ваши, какъ любитель, не разстроивая вашей стратегіи... я былъ уже такимъ-образомъ въ двадцати кампаніяхъ, противу тигровъ, львовъ и слоновъ; Тоги той-же породы, хотя натуралисты и позабыли упомянуть объ нихъ.

Полковникъ улыбнулся дружески и сдѣлалъ сэръ Эдуарду знакъ, чтобы тотъ послѣдовалъ за нимъ.

Они взошли на верхъ.

Полковникъ открылъ окно на западъ и передъ которымъ былъ балконъ, какъ-бы висѣвшій надъ зеленою, цвѣточною пропастью. Вѣтви большихъ деревъ ударялись объ стѣну, и листья играли съ рѣшотками ставень. Веревочная лѣстница была прицѣплена къ балкону. Дугласъ и сэръ Эдуардъ спустились съ проворствомъ и смѣлостью людей, привыкшихъ взлѣзать на верхушки пальмовыхъ деревъ и корабельныхъ мачтъ.

Высокая, мягкая трава заглушала шумъ шаговъ полковника и

Эдуарда. Друзья, войдя въ лѣсъ, пустились бѣжать, какъ-бы стараясь перегнать другъ-друга, чтобы выиграть пари.

Полковникъ бѣжалъ по знакомымъ мѣстамъ; всѣ таинственныя и дикія тропинки были ему такъ хорошо извѣстны, какъ широкая лондонская улица. Послѣ двухъ часовъ постояннаго бѣга, онъ остановился у опушки лѣса, на берегу озерка.

— Звѣзда Лёби не поднялась еще надъ Саріехской горой, сказалъ онъ Эдуарду. Тоги сидятъ еще въ ущельяхъ, изъ которыхъ ни за что не выйдутъ до появленія этой звѣзды.

Онъ посмотрѣлъ на долину, слабо освѣщенную большими индійскими созвѣздіями и сказалъ:

— Приказанія мои исполнены; капитанъ Моссъ здѣсь. Я это вижу по пальмовому дереву, служащему намъ телеграфомъ; для этого мы обыкновенно выбираемъ самыя высокія деревья.

V.

ТОГИ.

Костюмъ Эдуарда и полковника былъ очень-близокъ къ костюму первыхъ людей. Въ этой странной войнѣ, платье было вещью излишнею. У Дугла́са и Эдуарда были за поясомъ пистолеты и кинжалы, выкрашенные темной краской.

На берегу озерка, у котораго они остановились, возвышались мрачныя развалины Міэсурской пагоды, заросшія мохомъ, молочаемъ, дрòкомъ и алоями; мѣстами изъ кучи камней виднѣлись огромныя головы и туловища индійскихъ боговъ, на металлическомъ гранитѣ которыхъ вѣка не могли произвесть растительности; при блѣдномъ свѣтѣ звѣздъ, страшныя головы этихъ идоловъ, казалось, выходили изъ могилъ, подобно великанамъ индійской Раванаской Иліады, для возобновленія Цейлонской войны. Подобные унылые пейзажи часто оживляются появленіемъ чорнаго тигра, пріискивающаго удобное мѣсто, ложащагося на какомъ-нибудь камнѣ въ положеніи сфинкса и подгибающаго къ пасти, съ женскою граціею, правую лапу, которую лижетъ мокрымъ, шероховатымъ языкомъ, чтобы возвратить ей лоскъ, на минуту исчезнувшій послѣ кровавой или любовной оргіи.

— Въ эту войну, шепнулъ полковникъ на ухо сэру Эдуарду: все

служитъ намъ сигналомъ. Даже хищные звѣри помогаютъ намъ. У васъ хорошіе глаза, сэръ Эдуардъ, вы проницаете мракъ ночи... посмотрите на развалины... въ ту сторону... шагахъ въ пятистахъ отъ насъ. Что̀ вы видите?

— Постойте, отвѣчалъ Эдуардъ, небрежно опершись на высокій пень и приложивъ обѣ руки къ кушаку: постойте, Дугла̀съ... Что̀ я вижу?.. Прекрасныя развалины... весьма-живописныя... въ характерѣ разрушеннаго Брамба̀насскаго храма, въ Явѣ, возвышавшагося у подножія волкана, называемаго *Мара Апи* (гнѣвъ огня)... Индѣйцы большіе поэты въ названіяхъ, которыя они даютъ окружающимъ ихъ предметамъ... они, вѣрно, не назовутъ волканъ Этной или Везувіемъ... ничего невыражающими именами... Мнѣ чрезвычайно нравится эта древняя индійская архитектура. Однако, я предпочитаю этимъ развалинамъ, храмъ Сукў, на Явѣ, въ построеніи котораго видна цивилизація выше греческой или римской; потому-что, по моему мнѣнію, величіе народа проявляется въ архитектуурѣ его. Слѣдовательно, Индѣйцы...

— Любезный Эдуардъ, сказалъ полковникъ, закрывая ему ротъ: я удивляюсь спокойствію вашему! Неужели вы думаете, что я привелъ васъ сюда, чтобы выслушать курсъ индѣйской архитектуры?.. Полойдите поближе; спрячьтесь за кустарникомъ; раздвиньте тихонько вѣтьви и смотрите, что̀ происходитъ между статуей Индры и туловищемъ Иравалти... Отвѣчайте шопотомъ.

— Ага!.. такъ... такъ... какъ онъ красивъ въ этомъ положеніи... славный чорный тигръ... чистѣйшей породы..! Натуралистъ Славерсъ прозвалъ эту породу Нерономъ... его недостаетъ въ лондонскомъ звѣринцѣ... посмотрите, какъ онъ граціозно моется и приглаживаетъ шерсть... на Явѣ этихъ тигровъ продаютъ за 500 фунтовъ стерлинговъ... Если-бъ онъ согласился продать себя, я-бъ охотно отсчиталъ ему деньги... Дугла̀съ, позвольте мнѣ приблизиться на пятьдесятъ шаговъ и купить этого тигра свинцовой пулей?

— Берегитесь! этотъ тигръ мой шпіонъ.

— Какимъ образомъ?

— Погодите минуту и вы увидите.

Тигръ продолжалъ мыться и приглаживать шерсть съ заботливостью и спокойствіемъ чистой совѣсти. Съ граціозными движеніями головы онъ мочилъ лапу слюной и распространялъ послѣднюю по всей головѣ, до самыхъ ноздрей. Вдругъ по всей спинѣ животнаго пробѣжала дрожъ и изъ шерсти его сверкнули искры. Лапа внезапно остановилась близъ праваго глаза; уши опустились на

виски; ноздри зашевелились и раздувались. Послышалось глухое, продолжительное хрипѣніе, подобное звукамъ органа, по внутренности котораго пробѣжитъ ночной вѣтеръ. Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько граціознѣйшихъ прыжковъ по развалинамъ и исчезъ въ лѣсу.

— Теперь пойдемте впередъ, сказалъ полковникъ: капитанъ Моссъ приближается съ противоположной стороны.

— Пойдемте, возразилъ Эдуардъ.

Странное зрѣлище поразило внезапно Эдуарда. Во всѣхъ трещинахъ развалинъ, зашевелилась вершинка высокой травы, какъ будто-бъ въ ней прошло множество испуганныхъ пресмыкающихся... Нѣсколько отрядовъ цинаевъ вступили въ развалины пагоды. Впереди ползъ капитанъ Моссъ, молодой двадцати-двухъ-лѣтній человѣкъ, но уже состарѣвшійся въ этой таинственной войнѣ; онъ дважды спасался отъ петлей Тѣговъ, какъ неизловимая ящерица проскользнувъ между руками ихъ.

Не было слышно ни словъ, ни даже дыханія... не-смотря на то, отрядъ дѣйствовалъ съ изумительнымъ согласіемъ. Каждый солдатъ, казалось, угадывалъ мысли начальника и слѣдовалъ общему вдохновенію свыше.

При каждомъ возобновленіи военныхъ дѣйствій, надо было отказаться отъ запаса прежнихъ хитростей и придумывать новую тактику. Нельзя было дважды обмануть одною стратегіею Тѣговъ, которые сами придумали себѣ названіе, означающее по-индѣйски *обманывать*.

Каждый Цинай принесъ съ собою грубо и наскоро отесанный брусокъ кленоваго дерева, который, въ половину скрытый мракомъ, развалинами, густою, высокою травою, и прикрытый киверомъ, издали походилъ на солдата, спрятавшагося съ боязливою осторожностію. Однакожъ недостаточно было обмануть зрѣніе Тѣговъ, надо было обмануть еще тонкое чутьё ихъ. Цинаи разложили на обнаженной землѣ или тамъ, гдѣ трава была не такъ высока, на вѣтру, тяжолые мундиры, напитанные испариной послѣ скорой и продолжительной ходьбы. Потомъ они переплыли черезъ озеро и на противоположномъ берегу вымазали тѣло мазью изъ благовонныхъ травъ. Оттуда они прошли въ лѣсъ, на тысячу шаговъ отъ развалинъ, расположились тамъ въ высокой травѣ, въ двѣ линіи, и спокойно ожидали сигнала полковника Дугласа.

Тѣги выходили изъ убѣжищъ своихъ не прежде покровительствовавшей имъ звѣзды Лѣби; однако-жъ это было не только по религіозной причинѣ, но болѣе потому, что такъ-какъ звѣзда эта появляется въ первый часъ утра, то они надѣялись утомить не-

пріятелей долгимъ ожиданіемъ и безсонницей, а потомъ уже напасть на нихъ.

Шайка Тòговъ, долженствовавшая, по приказанію стараго Синга, напасть въ эту ночь на пòсты селенія Буджа, направлялась къ развалинамъ Міэссурской пагоды. Факиръ Суніяки велъ хищныхъ разбойниковъ. Онъ былъ страшенъ, какъ идолъ похитителя Ситы. Чорные волосы его разсыпались по костлявымъ плечамъ, исхудавшимъ отъ продолжительныхъ постòвъ; тѣло его было странно татуировано и размалевано; верхняя часть лица имѣла матовый бѣлый цвѣтъ; четыре круга, того-жъ цвѣта, украшали голыя руки его подобно браслетамъ; старческая борода опускалась на груди; но блескъ глазъ, судорожныя движенія ноздрей и мускуловъ шеи, измѣняли цвѣту бороды, служа доказательствомъ мощной, энергической юности. Суніяки одинъ шолъ прямо; въ походкѣ и во взглядѣ его было нѣчто мистическое, торжественное, составлявшее самый рѣзкій контрастъ съ странной татуировкой тѣла его. Факиръ весь былъ покрытъ знаками и красками; онъ походилъ на гигантскую обезьяну мандриль, сдѣлавшуюся анахоретомъ и выходившую изъ отшельническаго убѣжища, чтобы помечтать при блѣдномъ мерцаніи ночныхъ свѣтилъ.

Страшная шайка, ползая въ травѣ, какъ стадо змѣй, слѣдовала за привидѣніемъ—Суніяки.

Вдругъ Факиръ остановился... ноздри его вздувались... онъ чутьемъ узналъ близость человѣка... взглянувъ на развалины, онъ тоже исчезъ въ травѣ... Съ этой минуты, человѣческій глазъ внимательно обращенный на темно-зеленую поляну, не угадалъ-бы, что толпа фанатиковъ-разбойниковъ скоро приближалась... легкое колыханіе густой травы можно было приписать вѣтру. Хищные звѣри, испуганные этимъ живымъ потокомъ, изъ логовищъ своихъ бросались съ бѣшеными прыжками изъ стороны въ сторону...

Изъ послѣдняго обстоятельства Дугла́съ, Эдуардъ, офицеры и солдаты угадали приближеніе непріятеля.

Тигры, поражонные печаяннымъ ужасомъ, изумительно-высокими и далекими прыжками бросались въ ту сторону, гдѣ скрывались солдаты, которые, сохраняя горизонтальную неподвижность, выказывали дивный героизмъ... во мракѣ ночи и лѣса имъ угрожали острые зубы тигровъ и страшныя петли Тòговъ.

Наступила минуты, когда ползущіе Тòги вступили въ пространство, образованое двумя рядами солдатъ Дугласа. Раздался пронзительный свистъ, который повторился эхомъ озера и развалинъ. По этому сигналу полковника поднялись триста человѣкъ съ кинжа-

лами и пистолетами въ рукахъ... въ тоже мгновеніе поднялись и Тоги съ дикимъ воплемъ, какъ-бы выходившимъ изъ нѣдръ волкана...

Завязалась страшная борьба, которую не освѣщали даже звѣзды небесныя, потому-что она происходила въ самой чащѣ лѣса, въ густомъ мрачномъ кустарникѣ. Опомнившись послѣ перваго невольнаго смущенія, произведеннаго неожиданнымъ нападеніемъ, Тоги съ отчаяніемъ ринулись на непріятелей, чтобы задушить ихъ въ желѣзныхъ объятіяхъ, острыми зубами прогрызть имъ черепъ и не умирать, не испивъ крови вражеской...

Тоги сохранили обычаи и дикіе нравы первобытныхъ племенъ Индіи. Дряхлость Бенгаліи не смягчила ни души, ни тѣла ихъ. Они, достойные сыны гигантовъ, сдвигавшихъ горы. Костлявые руки ихъ, обхватывавшія шеи непріятелей, сдавливали ихъ какъ въ желѣзномъ капканѣ, и жертвы, ослабѣвая подъ убійственнымъ давленіемъ, чувствовали на лицѣ горячее дыханіе, видѣли чудовищныя улыбки, слышали адскій смѣхъ этихъ демоновъ...

Посреди этого вихря адскихъ поединковъ, Эдуардъ и Дуглассъ, привыкшіе съ дѣтства къ борьбамъ, сильные и ловкіе, не теряли ни одного удара мощныхъ кулаковъ или острой стали кинжаловъ своихъ; чудовища, нападавшія на нихъ, падали; нѣкоторые однакожъ приподнимались, но только для того, чтобы вторично упасть и уже не вставать. Это свирѣпое побоище происходило въ мрачномъ молчаніи, непрерываемомъ даже стономъ умирающихъ. Одинъ голосъ, одинъ только крикъ раздавался подъ лиственнымъ сводомъ; этотъ неподражаемый и ни съ чѣмъ несравнимый крикъ было восклицаніе, которымъ изрѣдка Факиръ Суніяки ободрялъ и поощрялъ фанатиковъ-душителей.

Когда Тоги, на мгновеніе ослабѣвавшіе, слышали этотъ голосъ, то, скрежеща зубами, натянувъ мускулы рукъ и ногъ и потрясая чорными волосами, бросались съ бо́льшимъ остервенѣніемъ на непріятеля; убійцы, поражонные въ грудь ударомъ кинжала и валявшіеся на травѣ, какъ на части изрубленныя змѣи, оживали при голосѣ Факира, окровавленными, холодѣвшими руками сжимали еще ноги солдатъ и умирали, вырывая послѣднимъ сжатіемъ челюстей, куски мяса изъ ногъ враговъ.

Вдругъ голосъ Факира умолкъ... онъ послышался еще разъ, но вдали, слабый и умирающій, какъ-бы выходившій изъ могилы. Тоги отвѣчали на вопль начальника отчаяннымъ крикомъ, и точно будто-бъ непостижимое бѣгство Факира лишило ихъ силы и мужества, они съ быстротою стрѣлы пустились по слѣдамъ Суніяки.

VI,

письмо.

Скука, этотъ бичъ всѣхъ разсказовъ, порождается подробностями, часто, однакожъ, необходимыми. Отступленія убиваютъ интересъ разсказа. Отступленій нѣтъ въ природѣ. Стремящійся потокъ, низвергающійся водопадъ, поражающая гроза не останавливаются, чтобы поговорить съ нами о водѣ, каменьяхъ или Франклинѣ. Будемъ подражать природѣ—увы! сколько возможно—какъ четыре травки соединяются, чтобы получить нѣкоторое сходство съ пальмовымъ деревомъ!

Полковникъ Дугласъ приказалъ уничтожить малѣйшіе слѣды кровавой драмы и хранить въ-тайнѣ ужасы прошедшей ночи; офицеры и солдаты смыли съ себя слѣды крови. Чтобы не навесть ужасъ на жителей сосѣднихъ селеній, надобно было вести страшную войну ночью, а днемъ казаться спокойными и наслаждающимися миромъ.

Дугласъ и Эдуардъ также тайно воротились въ Нербудду, какъ вышли изъ нея. Никто не замѣтилъ отсутствія ихъ.

Часъ спустя, солнце встало, какъ по обыкновенію, съ ясною, свѣтлою безпечностью, равно улыбающееся преступленію и добродѣтели и не вѣдающее кровавыхъ ужасовъ, какъ-бы порожденныхъ мракомъ ночи. Вершины деревъ весело качались, какъ въ первобытныя времена, когда густота ихъ защищала отъ зноя пастуховъ, столь-же невинныхъ, какъ и стада ихъ. Вся природа сіяла дѣвственною веселостью, непозволяющею подозрѣвать міръ и людей въ чомъ-либо преступномъ, и совѣтующею пользоваться новымъ днемъ, какъ божественнымъ даромъ, вышедшимъ изъ небесной сокровищницы.

Террасса Нербуддскаго жилища была оживлена граціознымъ движеніемъ, обыкновенно сопровождающимъ утренніе часы.

Слуги поднимаютъ маркизы нижнихъ этажей; птички весело поютъ въ клѣткахъ; лошади и волы выходятъ изъ конюшенъ; садовники набираютъ любимые цвѣты молодой Аринды; странствующіе пѣвцы, прибывшіе съ вечера, оставляютъ гостепріимный домъ и идутъ доставать хлѣбъ насущный въ сосѣднее селеніе. Старый набобъ присматриваетъ за начатіемъ работъ съ привы-

чной печалью и скукой, порождаемой обладаніемъ сокровищъ, и ждетъ дочь, чтобы позволить улыбкѣ появиться на неизмѣнномъ металлическомъ лицѣ своемъ.

Къ первому завтраку Аринда сходитъ на террассу и, оглядываясь съ безпокойствомъ, удивляется, что она первая явилась на утреннее семейное собраніе. Но сэръ Эдуардъ слишкомъ-остороженъ, чтобы подать поводъ къ подозрѣнію продолжительнымъ сномъ. Скрываясь за высокими деревьями, онъ удаляется отъ дому и съ противуположной стороны возвращается къ террассѣ съ безпечнымъ видомъ человѣка, оканчивающаго утреннюю прогулку.

— Миссъ Аринда, сказалъ онъ, поклонившись: позволите-ли вы мнѣ подать вамъ добрый совѣтъ?

— Говорите, сэръ Эдуардъ, отвѣчала молодая дѣвушка, протянувъ къ нему руку: я отъ добраго совѣта никогда не отказываюсь.

— За городомъ надо всегда вставать въ одно время съ солнцемъ. При этой привычкѣ можно прожить сто лѣтъ.

— Мнѣ кажется, что вы сегодня сами не послѣдовали этому совѣту?

— Я! Помилуйте, миссъ Аринда, да я обвинилъ-бы себя въ невѣжествѣ, если-бъ разъ пропустилъ случай привѣтствовать солнце при самомъ восходѣ его. Я собиралъ травы у пруда.

— Одни?

— Съ полковникомъ. Мы даже поступили довольно-неосторожно, вышедъ изъ жилища до зари. Дуглáсъ воротился къ себѣ, чтобы написать нѣсколько писемъ.

— Странно, какъ вашъ тоалетъ сегодня свѣжъ и изысканъ. Трудно повѣрить, чтобы вы собирали травы...

— О, миссъ Аринда, въ Индіи утренняя роса не страшна. Я увѣренъ, что съ нѣкоторыми предосторожностями пройду всю Бенгалію въ бальномъ нарядѣ, въ которомъ буду танцовать у полковника Фенерана, на концѣ Коромандельскаго берега... Любите-ли вы сны, миссъ Аринда?

— Да, когда они хороши; но въ прошлую ночь мнѣ снились разные ужасы; все вы виноваты съ вашими тиграми—вы ужасно напугали меня!

— Ничего, миссъ Аринда, это полезный страхъ, это хорошій урокъ. Я увѣренъ, что теперь, часъ спустя послѣ солнечнаго восхода, батюшка вашъ будетъ приказывать запирать всѣ ворота... но возвратимся къ моему сну: онъ очарователенъ; я видѣлъ его

отъ полуночи до двухъ часовъ утра. Мнѣ снилось, что я женюсь.

— Вотъ милый сонъ! А на комъ, сэръ Эдуардъ?

— На миссъ Сидоніи, вашей пріятельницѣ, и будто-бы Вилліамъ Бентинкъ далъ мнѣ въ приданое городъ Калькутту на серебряномъ подносѣ. Проснувшись я почувствовалъ внезапную любовь къ миссъ Сидоніи, и когда вы выйдете за полковника Дугласа, то мы всѣ трое вмѣстѣ отправимся просить у сэра Вилліама руки дочери его для меня. Надо, чтобы сонъ мой оправдался.

— Но вѣдь вы не знаете миссъ Сидоніи!

— Потому-то я и долженъ жениться на ней. Мнѣ болѣе ничего не осталось, какъ жениться на дѣвушкѣ, которую не знаю. Надо все испытать.

Пока миссъ Аринда отвѣчала, Эдуардъ обратилъ голову къ дому съ тою принужденною безпечностью, которою онъ всегда старался скрыть какую-нибудь идею. Окинувъ балконы и двери однимъ изъ быстрыхъ взглядовъ, заключавшихъ у него грустную мысль, онъ опять придалъ лицу своему обычную ясность.

— Сэръ Эдуардъ, вы лицемѣрите, говорила Аринда. Если молодой человѣкъ имѣетъ серьёзное желаніе жениться, то всегда найдетъ себѣ приличную партію; особенно въ Калькуттѣ, гдѣ на одномъ изъ послѣднихъ баловъ мы насчитали двѣсти дѣвицъ и сорокъ молодыхъ вдовъ... А, вотъ отецъ мой! Позвольте мнѣ оставить васъ на минуту, чтобы поздороваться съ батюшкой.

Въ тоже мгновеніе, полковникъ Дугласъ вышелъ изъ дому; онъ былъ одѣтъ также тщательно, какъ Эдуардъ, и невидно было ни малѣйшаго слѣда когтей Тоговъ. Только лицо его было покрыто устрашительною блѣдностью. Эдуардъ подбѣжалъ къ нему.

— Идите скорѣй, любезный Дугласъ, сказалъ онъ ему: медлительность ваша большая неосторожность. Чтобы занять миссъ Аринду, я заговорилъ о женитьбѣ; это единственный разговоръ, которымъ можно развлечь женщинъ обоихъ полушарій и заставить ихъ все забыть, даже мужей своихъ. Но еще четверть часа.

— Эдуардъ, возразилъ полковникъ: счастливы храбрые солдаты, павшіе въ эту ночь, исполняя долгъ свой.

— Счастливы тѣ, которые остались живы, любезный Дугласъ. Если смерть счастіе, то оно изъ такихъ, которыми мы всегда располагать можемъ.

— Счастливы мертвые! любезный Эдуардъ. Позвольте скрыть тяжкую грусть подъ улыбкой... мнѣ надо поздороваться съ набобомъ и дочерью его... Вы, Эдуардъ, удалитесь въ уединенное мѣ-

сто, въ чащу лѣса и прочтите это письмо, безъ свидѣтелей... я буду ждать васъ.

Эдуардъ взялъ письмо; смялъ его въ рукахъ и тихими шагами пошолъ къ лѣсу, находившемуся за жилищемъ. Вотъ-что онъ прочолъ:

«Графиня Октавія полковнику Дугласъ».

«Подъ однимъ конвертомъ вы получите, любезный полковникъ, и мое письмо и депешу министра; вы поймете причину соединенія ихъ.

«Вы насильственнымъ образомъ прервали бракъ вашъ съ Амаліей; вы сдѣлали вещь, неслыханную въ исторіи браковъ; вы думали избавиться отъ угрызеній совѣсти, обезпечивъ интересъ молодой дѣвушки, какъ говоритъ опекунъ ея; съ спокойною совѣстью уѣзжаете въ Индію, деретесь съ дикими, воюете въ Бенгаліи, добиваетесь почестей, извѣстности; вы живете, наслаждаетесь, забываете. Я позаботилась прислать вамъ *громовой ударъ* въ этомъ пакетѣ.

«Какъ и вообще всѣ люди, привыкшіе жить съ дикарями, вы не знаете обычаевъ просвѣщеннаго міра, любезный полковникъ; это для васъ туманный, неизвѣстный міръ, который ждетъ и не дождется своего Христофора Колумба.

«А между-тѣмъ, этотъ міръ прелестенъ; онъ наряжается въ атласъ, спитъ на шолкѣ и ходитъ по бархату; онъ говоритъ языкомъ сладкимъ, какъ молоко и медъ; въ немъ всѣ предметы потеряли угловатость и округлились для осязанія и зрѣнія. Познакомьтесь съ этимъ міромъ и испытайте однажды идти противу законовъ его—тогда вы узнаете змѣиное жало его! Теперь вы въ Бенгаліи, любезный полковникъ; въ странѣ, населенной невинными свирѣпыми животными, которыя, можетъ-быть, никому зла не дѣлали, не-смотря на страшную репутацію свою. Бѣдный Дугласъ, говорятъ здѣсь про васъ; дай Богъ, чтобы онъ не попался въ когти какому-нибудь льву или леопарду!... Какое замысловатое соболѣзнованіе!... У насъ, въ большихъ городахъ, подъ люстрами нашихъ салоновъ, въ тѣни нашихъ садовъ, есть два чорныхъ тигра, неупомянутыхъ въ исторіи Бюффона и пожирающихъ человѣчество съ самаго основанія обществъ: поищите въ лексиконѣ и вы найдете названіе этихъ тигровъ: злословіе и клевета. Человѣческая кровь, которую эти два чудовища пролили, окрасила-бъ море, черезъ которое Моисей перешолъ прежде васъ... Не-смотря на все это, сожалѣютъ только объ *васъ*!

«Надо было, чтобы моему громовому удару предшествовала молнія. Это введеніе и есть молнія.

«Недѣлю спустя послѣ вашего отъѣзда изъ Смирны, мадамъ Н** открыла загородный домъ свой здѣшнему праздному и роскошному обществу. Было условлено, что прошлогоднія приглашенія могутъ служить и въ нынѣшнемъ году, безъ всякаго измѣненія или исключенія. Вотъ, по словамъ свидѣтеля, достойнаго вѣры, разговоръ, завязавшійся между нѣкоторыми гостями до начатія бала.

«Одна изъ недоброжелательницъ нашихъ, сорокъ лѣтъ уже оплакивающая потерянную молодость, приложила опахало къ верхней губѣ и, смотря изъ подлобья, сказала сосѣду своему:

— «Надо признаться, что съ нами въ жизнь не приключалось ничего отвратительнѣе. Насъ пригласили не на частный балъ, но на публичное позорище.

«Старый господинъ, сосѣдъ ея, принялъ сострадательный видъ, несогласовавшійся ни съ совинымъ носомъ, ни съ ястребиными глазами его, и отвѣчалъ плачевнымъ голосомъ:

— «Это ужасно для бѣдной дѣвушки, если она, въ чомъ я сомнѣваюсь, невинна.

— «Амалія, сказалъ ученый путешественникъ, изучающій развалины Карѳагена: всегда казалась мнѣ романическою восторженною вѣтренницею, избалованною поэмами Байрона. Какъ человѣкъ, изучавшій женщинъ, я не позволилъ-бы ни женѣ, ни сестрѣ своей, имѣть сношеніе съ *мамзель* Амаліей.

— «Неужели слухи вѣрны? спросилъ одинъ изъ гостей, отъ нечего дѣлать.

— «Э, Боже мой! сказалъ ученый: я слышалъ всю исторію отъ обоихъ консуловъ. Впрочемъ, это теперь древняя исторія. Мамзель Амалія находилась, въ-продолженіе шести мѣсяцовъ, въ преступной и постыдной интригѣ съ молодымъ испанскимъ графомъ... забылъ, какъ его зовутъ...

— «Графъ Жиль дель Пилáръ, вскричали четыре голоса.

— «Именно! графъ Жиль. Имя его у меня на языкѣ вертѣлось... продолжалъ ученый сплетникъ. Вдругъ случайно пріѣзжаетъ изъ Лондона... или Индіи, не знаю хорошенько, добрый пріятель полковника; высокій мужчина... брюнетъ... кажется, Англичанинъ... да, именно, Англичанинъ, потому-что его зовутъ сэръ Эдуардомъ. Этотъ открылъ глаза Дуглáсу. Онъ сказалъ ему: любезный другъ, вотъ тó и тò; надо прервать бракъ; тебя обманываютъ до женитьбы. Бѣдный Дуглáсъ требуетъ доказательствъ. Ему показываютъ любовную переписку. Вся эта сцена происхо-

дила на верху, у консула, который сказалъ мнѣ, что ему это было крайне непріятно. Дугласъ безъ-ума былъ влюбленъ въ Гречанку; но доказательства были очевидны, неопровержимы. Графиня Октавія, знавшая всю интригу, хотѣла защитить честь Амаліи. Ей зажали ротъ, показавъ переписку. Вы знаете графиню. Это демонъ въ женскомъ платьѣ!... Она поджидала сэра Эдуарда на террассѣ; хотѣла уговорить его, даже, говорятъ, угрожала ему страшными проклятіями. Сэръ Эдуардъ сказалъ: «Сударыня, вы не сдѣлаете чернаго бѣлымъ. Прощайте». Три лакея слышали эти слова. Чтобы отомстить за себя, Дугласъ хотѣлъ проучить графа. Не тутъ-то было. Почтенный Испанецъ почуялъ, видно, запахъ пороха и исчезъ. Никто не видалъ его съ-тѣхъ-поръ. Говорятъ, будто бы онъ скрывается въ домѣ графини Октавіи. Вотъ вся исторія. Она непріятна, грязна, но справедлива. Я, благодаря Бога, не клеветникъ и разсказываю то, что вамъ всѣмъ очень-хорошо извѣстно.

— «О! это какъ нельзя болѣе вѣрно! вскричали хоромъ нѣсколько старухъ.

«Вотъ, полковникъ, разговоры нашихъ пріятелей; разговоры эти должны были имѣть и имѣли самый плачевный результатъ, какъ вы сейчасъ увидите.

«Гости собирались; зала блистала огнемъ люстръ; музыка играла; танцовали.

«Я преодолѣла сопротивленіе Амаліи, и чтобы нѣсколько разсѣять ее, насильно увлекла ее съ собою на балъ. Мы условились, что она не будетъ танцовать. Насъ сопровождали опекунъ и два родственника Амаліи. Эрнестъ де-Люсй вызвался быть кавалеромъ Амаліи, а Эдгаръ де-Баньерй моимъ. Мы подъѣхали къ рѣшоткѣ, вышли изъ экипажа... лакей преградилъ намъ дорогу и дерзкимъ голосомъ — по приказанію господъ — спросилъ у насъ пригласительныя карточки.

— «Мы были приглашены прошлаго года, отвѣчалъ Эрнестъ де-Люсй.

—«Не приказано впускать безъ билетовъ, отвѣчалъ лакей, вставъ передъ дверью, въ позиціи Цербера.

«Я мигомъ все поняла.

— «Не будемъ подвергаться новымъ оскорбленіямъ, сказала я Эрнесту; пойдемте.

«Молодой человѣкъ промолчалъ и повиновался.

«Въ это время прибыли новые гости. Обѣ половинки двери растворились предъ ними. У нихъ не спрашивали пригласитель-

пыхъ билетовъ!.. О! никакая пытка не можетъ сравниться съ мученіями моими въ ту ужасную минуту!.. Выдти изъ кареты, въ бальномъ костюмѣ, чтобы подвергнуться дерзкимъ оскорбленіямъ лакея, видѣть ироническіе взгляды дамъ, весело входящихъ съ кавалерами своими! Неронъ женщинъ не придумалъ-бы ничего ужаснѣйшаго!.. Деликатность, тактъ и присутствіе духа нашихъ молодыхъ кавалеровъ были изумительны. Простите моей національной гордости, но должно признаться, что молодые Французы никогда не растеряются въ затруднительную минуту.

— «Этотъ лакей глупъ, но смѣлъ, сказалъ де-Баньери съ граціозной улыбкой: нельзя-же намъ спорить съ нимъ. Это одно недоразумѣніе. Мы лишаемся бала. Завтра все объяснится...

«— Конечно, завтра все объяснится, прибавилъ де Люсй съ милымъ спокойствіемъ: этотъ лакей, вѣроятно, недавно у мадамъ де-Н***; я бываю у нея часто и никогда не замѣчалъ его.

«Мы притворились будто-бы повѣрили этимъ объясненіямъ и старались принять участіе въ принужденной веселости молодыхъ людей.

«На другой день, къ вечеру, распространилось по всему городу ужасное извѣстіе. Эдгаръ де-Баньери и Эрнестъ де-Люсй стрѣлялись съ двумя ближайшими родственниками мадамъ де-Н***. Всѣ четверо были опасно ранены. Не стану описывать вамъ нашей горести; избавлю васъ отъ всѣхъ подробностей.

«Это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе на консульство и достигло даже до министерства иностранныхъ дѣлъ. Я сама должна была писать въ Лондонъ, ради нашей чести и чести Амаліи. Я энергически защищала и васъ и ее. Но это оправданіе, написанное въ самомъ пылу оскорбленнаго самолюбія, имѣло неожиданныя послѣдствія. Оно обратилось противъ васъ. Я надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за эту ошибку—если это ошибка. Сердце ваше слишкомъ-великодушно, чтобы обвинить меня въ поступкѣ, доставляющемъ вамъ случай выказать все благородство вашей души, любезный полковникъ.

«Если-бъ я была менѣе откровенна и прямодушна, то скрыла-бъ, можетъ-быть, отъ васъ вмѣшательство мое въ это дѣло, но я не умѣю скрывать ни мыслей, ни дѣйствій своихъ. Я нашла секретъ настоящей дипломатіи, т. е., говорить всегда правду.

«Я увѣрена, что вы не поколеблетесь ни на минуту, чтобы возвратить доброе имя молодой, беззащитной сиротѣ; доброе имя, запятнанное внезапнымъ и необъяснимымъ отъѣздомъ вашимъ. Депеша министра написана съ слишкомъ офиціальнымъ негодова-

віемъ и угрозами, вовсе ненужными, по моему мнѣнію. Въ этомъ тонѣ какъ-бы скрывается сомнѣніе, а для человѣка благонамѣреннаго, сомнѣніе равно обидѣ. Вамъ отдаютъ въ законныхъ, официальныхъ формахъ приказаніе, которое гораздо-яснѣе можно перевести слѣдующими словами:

«Полковникъ, получивъ эту депешу, передайте начальство капитану Моссу, оставьте вашъ постъ, хоть-бы наканунѣ битвы; спѣшите сюда и женитесь на Амаліи. Въ депешѣ также упомянуто имя Байрона. Уайтъ-Галль впервые, можетъ-быть, произноситъ имя великаго поэта. По всему видно, что онъ уже умеръ.

«Вы видите, любезный полковникъ, что женщина обладаетъ большою силою воли, когда дѣло идетъ о возстановленіи невинно-оскорбленной чести молодой дѣвушки. Я желала-бъ, чтобы полковникъ Дугласъ женился на Амаліи до прочтенія министерской депеши. Это зависитъ отъ доброй воли его.

«Но самое удивительное еще впереди; на-примѣръ, вы никакъ не ожидаете насъ. Мы пріѣдемъ къ вамъ сами, съ первымъ пакетботомъ. Радуйтесь, любезный полковникъ, радуйтесь!

«Итакъ мы ѣдемъ. Амалія вступила подъ покровительство консульства, и новый опекунъ ея, мистеръ Тоуэръ, человѣкъ честный и благородный, вызвался быть нашимъ спутникомъ въ дальнемъ путешествіи. Амалія готовится къ отъѣзду съ поспѣшностью, похожею на радость; она такъ печальна съ нѣкотораго времени, что первая улыбка ея показалась мнѣ зарей будущаго счастія. Я сама спѣшу оставить городъ, въ которомъ мы столько страдали отъ клеветы и гдѣ столько благородной крови было пролито за насъ. Ничто не удерживаетъ меня въ этой странѣ; я продала все имѣніе свое, какъ-бы по предчувствію какого-то несчастія. Теперь мнѣ вездѣ будетъ хорошо, лишь-бы моя Амалія была счастлива.

«Молодые защитники наши выздоровѣли и призваны во Францію, одинъ министромъ, другой родными. Эти молодые Французы подали вамъ, любезный полковникъ, прекрасный примѣръ великодушія. Я надѣюсь, что вы не уступите имъ.

«Мы приняли всѣ возможныя мѣры; пристанемъ къ Малабарскому берегу и оттуда съ конвоемъ отправимся до селенія Руджа́, въ центръ англійскихъ владѣній, гдѣ и остановимся. Въ Руджа́ есть гражданскій судъ, двѣ церкви и пять протестантскихъ священниковъ. При помощи всего этого можно сохранить и постъ свой и честь.

«Искренно преданная вамъ

«Графиня Октавія де В.»

«P. S. Пріятели наши, какъ я уже вамъ писала, утверждали, будто-бы я дала убѣжище въ своемъ домѣ молодому графу дель Пилару. Графъ, точно, исчезъ на другой день послѣ несчастнаго бала, на которомъ мы въ послѣдній разъ видѣлись; не извѣстно, куда онъ дѣвался; я полагаю, что онъ отправился съ Метелинскимъ каравановъ ко Святымъ-Мѣстамъ. Бѣдный молодой человѣкъ!»

Читая это письмо, Эдуардъ сопровождалъ каждую строку монологомъ коментаріевъ; прочитавъ его, онъ опустилъ руки съ отчаяніемъ. Этотъ безстрашный человѣкъ, смѣло боровшійся съ арміей индійскихъ демоновъ, ночью, въ развалинахъ, окруженный тиграми, дрожалъ, какъ листокъ, при чтеніи письма женщины. Потомъ, по обычаю душъ сильныхъ, энергическихъ, онъ преодолѣлъ боязнь и безпокойство, и, какъ-бы для того, чтобы придать себѣ болѣе твердости и мужества, воскликнулъ:

— Надо помочь бѣдному Дугласу!

Набо́бъ, дочь его, полковникъ Дугла́съ и графъ Жиль садились уже за столъ, когда вошолъ Эдуардъ; онъ поклонился всѣмъ съ самой милой улыбкой и сѣлъ.

— Мы дожидались васъ, сэръ Эдуардъ, сказала Аринда; вы опоздали цѣлою четвертью часа.

— Часы мои отстаютъ, миссъ Аринда...

— Получили-ли вы письма изъ Лондона, съ послѣднимъ пакетботомъ? прервала его молодая Индіянка.

— О! я давно уже отказался отъ писемъ; они сокращаютъ жизнь. Мы проводимъ всю жизнь во ожиданіи писемъ, и получаемъ ихъ только тогда, когда не ждемъ. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Лондона, я случайно присутствовалъ при отправкѣ почты. Мнѣ стало грустно, когда я подумалъ объ огромномъ количествѣ ошибокъ правописанія, которые почта развозила во всѣ пять частей свѣта, и твердо рѣшился никогда не посылать свои письма въ такомъ дурномъ обществѣ. *Письмо убиваетъ*, говоритъ мудрость— и она справедлива. Люди охотнѣе распространяютъ дурныя вѣсти, нежели хорошія. Если-бъ я былъ министромъ, то устроилъ-бы себѣ весьма-любопытное зрѣлище. Я созвалъ-бы всѣхъ жителей Лондона, ожидающихъ писемъ, на большой Гемпстидской площади и велѣлъ-бы раздавать имъ письма. Тогда поднялись-бы плачъ, вопль, смѣхъ, радостные крики, отчаяніе, вздохи, рыданія... Я увѣренъ, что изъ человѣколюбія, парламентъ на другой-же день уничтожилъ-бы почту.

Полковникъ Дугла́съ смѣялся тѣмъ притворнымъ голосомъ, ко-

торый можетъ принудить повиноваться себѣ всѣ части лица, исключая глазъ. Взоръ остается грустенъ.

— А я до-сихъ-поръ получила только одно письмо, и то сегодня утромъ, сказала Аринда: но оно наполнило сердце мое радостью. Нашъ управляющій пишетъ мнѣ изъ Руджа̀, что получилъ мое фортепіано, и какое фортепіано! Мастерское произведеніе Бродвѹда, этого славнаго англійскаго инструментальнаго мастера, прибавившаго цѣлую октаву къ прежнимъ клавикордамъ!.. Я одолжена этимъ подаркомъ любезности полковника Дугла̀са, прибавила она съ очаровательной улыбкой: и душевно признательна ему за это.

Смертельная блѣдность покрывала лицо Дугла̀са. Эдуардъ съ такимъ изумленіемъ и такою силою опустилъ руки на столъ, что тотъ задрожалъ.

— Фортепіано Бродвѹда! вскричалъ онъ: фортепіано въ Нербудѣ! въ центрѣ Бенгаліи! О Бра́ма!.. Міръ долженъ просвѣтиться пѣніемъ и танцами. Когда всѣ пять частей свѣта будутъ играть музыку Россини, Мейербэра, Галеви, Адана и Обе́ра, тогда не слышно будетъ пушечныхъ выстрѣловъ. Пушки ужасно фальшивятъ, битвы исполнены разнообразнѣйшихъ и несогласнѣйшихъ звуковъ—все это уничтожится, когда всѣ будутъ музыкантами. Однако, знаете-ли, миссъ Аринда, что мы будемъ вести прекрасную жизнь, благодаря Бродвѹдскому фортепіано? Мы будемъ играть съ утра до вечера. Есть-ли у васъ сосѣди?

— Есть, только на разстояніи цѣлой мили отъ насъ.

— Въ Индіи это близкіе сосѣди. Мы пригласимъ ихъ и будемъ танцовать.

— Браво, сэръ Эдуардъ! вскричала молодая Индіянка, радостно вскочивъ. Мы будемъ танцовать! О, я хочу, чтобы свадебный балъ мой былъ великолѣпенъ. Не такъ-ли, полковникъ?

— Конечно... такъ... отвѣчалъ Дугла́съ, принужденно улыбаясь.

— Мы пригласимъ голландскую семью Фанъ-Мейлена: у нихъ три дѣвицы и двое молодыхъ дюлей, ростомъ съ васъ, сэръ Эдуардъ. Младшему нѣтъ еще двадцати лѣтъ. Мы пригласимъ португальскую фамилію Маньа́до;—ихъ десять человѣкъ; англійскую фамилію Кларке; шесть дѣвицъ и два сына... оба рыжіе...

— Ты забываешь ближайшихъ сосѣдей нашихъ, сказалъ набо́бъ: американскихъ поселенцовъ, Валлесовъ...

— Да, правда, я забыла ихъ, потому-что они очень-скучны. Говорятъ будто они квакеры. Прошлаго года мы провели только

пять дней въ Нербудѣ; не-смотря на то, мы сдѣлали имъ визитъ, котораго они намъ не отдали.

— Но ты забываешь, дитя мое, проложилъ Набобъ, что прошлаго года Нербудское жилище, не-смотря на стоявшій въ немъ гарнизонъ, не было безопасно, по причинѣ войны. Нынче совсѣмъ другое дѣло. Тоги исчезли и сосѣди будутъ навѣщать насъ.

— Вамъ, полковникъ, сказала Аринда, обязаны мы спокойствіемъ, которымъ теперь наслаждаемся. Вы жертвуете собою съ скромнымъ героизмомъ, какъ говоритъ сэръ Вилліамъ Бентинкъ. Вы оказали важныя услуги нашей странѣ... окажите-жъ и мнѣ одну услугу,—прибавила она весело.

— Какую?

— Такъ-какъ война кончена, то свезите меня послѣ свадьбы въ Лондонъ и Парижъ. Папенька отпуститъ насъ на годъ. Мнѣ говорили, что Лондонъ больше Калькутты.

— Лондонъ! вскричалъ Эдуардъ громкимъ звучнымъ голосомъ, чтобы отвлечь взоры собесѣдниковъ отъ блѣднаго лица полковника: Лондонъ не городъ; это планета, цѣлая часть свѣта; это городъ, неимѣющій ни начала, ни конца; Калькутта только индійское предмѣстье его. Между ими протекаетъ ручеекъ—Океанъ! Но я не люблю ни Калькутты, ни Лондона; если-бъ мнѣ предоставленъ былъ выборъ, то я избралъ-бы ручёкъ.

— И я также! вскричалъ невольно полковникъ.

— Я слышу шумъ подъѣзжающаго экипажа, сказала Аринда, всплеснувъ весело руками: это нашъ фургонъ возвращается изъ Руджà съ моимъ фортепіано!

И она выбѣжала изъ комнаты, какъ легкая серна.

Набобъ взялъ подъ-руку графа и пошолъ съ нимъ на-верхъ, чтобы съ бельведера показать ему огромное свое имѣніе.

Эдуардъ и Дуглàсъ остались одни.

Они скрестили руки на груди и нѣсколько минутъ смотрѣли въ молчаніи другъ на друга. Полковникъ заговорилъ первый.

— Эдуардъ, сказалъ онъ, вы говорили вчера: *Я-бы желалъ знать, ангелъ-ли графиня Октавія, или демонъ?* Знаете-ли вы теперь, что она?

— Вторая часть предложенія моего слишкомъ слаба для графини, любезный Дуглàсъ; она больше, нежели демонъ... Теперь я дышу свободнѣе. Первое впечатлѣніе прошло. Я сейчасъ притворялся веселымъ, мнѣ даже кажется, что я смѣялся... Чтобы жить въ этомъ свѣтѣ, надо быть твердымъ, любезный Дуглàсъ, а вы измѣняете себѣ, какъ ребенокъ.

— Но представили-ли вы себѣ весь ужасъ моего положенія, любезный Эдуардъ?

— Представилъ.

— Во всѣхъ подробностяхъ?

— Во всѣхъ.

— Неужели-же вы думаете, Эдуардъ, что въ человѣческомъ сердцѣ можетъ быть столько мужества, чтобы перенести подобный ударъ?

— А мнѣ развѣ легче вашего? Бѣлая тигрица идетъ пожрать меня...

— А кто мѣшаетъ вамъ бѣжать, Эдуардъ? Вы не военный, слѣдовательно, ничѣмъ не рискуете.

— Я столько-же дорожу гражданской честью, сколько вы военной... Я не могу бѣжать сегодня, потому-что мы дрались вчера. Что̀ скажутъ ваши молодые офицеры? Что̀ скажетъ мой храбрый Низамъ и—что̀ скажу я самъ? Я не хочу обезчестить себя въ собственныхъ глазахъ.

— Впрочемъ, чего-же вамъ страшиться отъ графини Октавіи? Мнѣ кажется, что, ожидая ее здѣсь, вы не оказываете большаго героизма, любезный Эдуардъ.

— А! вамъ кажется, Дугла́съ?.. Я-же вамъ скажу, что вы ошибаетесь. Я буду ждать ее—нечего дѣлать! Но этимъ самымъ я стою выше Регула и Курція... Вы видите, что я улыбаюсь и думаете, что я веселъ. Улыбка моя лжетъ. Притворяйтесь и вы веселымъ—все пойдетъ лучше!

— Но что̀-же я дѣлаю?.. Знаете-ли, Эдуардъ, что я ужасно страдаю! Сегодня утромъ, въ первомъ припадкѣ отчаянія, я трижды приставлялъ остріе кинжала къ груди... Не-смотря на то, я былъ веселъ...

— Не довольно, Дугла́съ.

— О, Эдуардъ, я вижу, что вы не понимаете или не хотите понять весь ужасъ моего положенія! Прінщите приличное названіе ужасному несчастію, настигающему меня; придумайте средство, извлечь меня изъ пропасти, въ которую письмо графини ввергло меня... Я даже не имѣю права прибѣгнуть къ самоубійству. Жизнь моя принадлежитъ моимъ солдатамъ. Чтобы сберечь ихъ жизнь, я долженъ щадить свою.

— Полковникъ, самоубійство подобно постыдному бѣгству, а не забывайте, что вы въ непріятельской странѣ.

— Эдуардъ! вскричалъ Дугла́съ глухимъ голосомъ, подобнымъ стону раненаго: Эдуардъ, голова моя горитъ; я чувствую, что

разсудокъ измѣняетъ мнѣ... Я долженъ завтра отвѣчать министру... непремѣнно... но что̀ отвѣчать?

— Что вы подаете въ отставку...

— Не возможно!

— Такъ женитесь на Амаліи...

— Ни за что въ мірѣ!

— Знаю, Дугла́съ, очень-хорошо знаю, что это дѣло невозможное.

— Однакожъ надо отвѣчать.

— Нѣтъ-ли у васъ самихъ какого-нибудь средства?

— Никакого, Эдуардъ.

— Надо придумать.

— Но вѣдь нѣтъ никакого средства!

— Я знаю; если-бъ было, такъ не зачѣмъ-бы и придумывать.

— Я рѣшительно отказываюсь отъ всякой надежды.

— Я никогда и ни отъ чего не отказываюсь.

— Слѣдовательно, Эдуардъ, вы надѣетесь найдти?..

— Поищу; чтобы найдти, надо искать... То́, что̀ я вамъ сейчасъ скажу, сущая правда, хотя о томъ повѣствуетъ исторія. Христофору Колумбу говорили: Вы путешествовали по Европѣ, Азіи и Африкѣ, — больше не гдѣ...

— Онъ сталъ искать Америку...

— И нашолъ ее.

— Эдуардъ, это по моему мнѣнію, было легче.

— О, любезный Дугла́съ, я только теперь примѣчаю, что вы очень-самонадѣянны и горды! Я скромнѣе васъ. Если-бъ дѣло шло объ открытіи міра, я, можетъ-быть, и отказался-бы; но въ вашемъ дѣлѣ сто̀итъ только открыть три слова. Все спасеніе ваше заключается въ словарѣ... Тамъ мы найдемъ его... Дугла́съ, не хмурьтеся!.. Миссъ Аринда идетъ къ намъ...

— Эдуардъ, я теперь не въ состояніи произнести слова... помогите мнѣ!

— Вотъ сила и мужество мужчины!.. Слабая женщина уничтожила все нѣсколькими словами... и я таковъ-же!.. Стыдно!

— Полковникъ, сказала Аринда, подойдя къ разговаривавшимъ: дайте мнѣ вашу руку,—я хочу, чтобы вы сами поблагодарили настройщика, котораго пригласили изъ Руджа̀. Это будетъ пріятно этому доброму человѣку. Онъ мнѣ сейчасъ сказалъ: О! если-бъ я могъ услышать малѣйшую похвалу отъ самаго полковника Дугла́са, то былъ-бы осчастливленъ на всю жизнь! Надо вамъ сказать, что онъ не беретъ отъ меня денегъ.

— Вотъ удивительно! вскричалъ Эдуардъ. Какъ! у насъ даже будетъ настройщикъ! Бенгалія рѣшительно преобразуется.

— Настройщикъ Индѣецъ! сказала Аринда: землякъ мой! Посмотрѣли-бы вы, съ какою ловкостью и граціею онъ пробѣгалъ по клавишамъ.

— Индійскій настройщикъ! вскричалъ Дугла̀съ: на этотъ феноменъ сто́итъ посмотрѣть... Вы не хотите идти съ нами, сэръ Эдуардъ?

— Я сейчасъ догоню васъ.

— Не мѣшкайте, Эдуардъ...

— Нѣтъ, я обойду два раза прудокъ, открою Америку и ворочусь къ вамъ.

— Эдуардъ, откройте секретъ, при помощи котораго я могъ-бы прожить еще двѣ недѣли; тамъ, послѣ... мы увидимъ...

— Дугла̀съ, проживете двѣ недѣли

VII.

ИНДѢЙСКАЯ БАСНЯ.

— Полковникъ Дугла̀съ, сказала Аринда, входя въ залу: рекомендую вамъ добраго, почтеннаго человѣка, любящаго и уважающаго васъ всею душою.

Съ перваго взгляда Дугла̀съ узналъ Низама въ настройщикѣ.

— Миссъ Аринда, сказалъ онъ; очень-хвалитъ ваше искусство... какъ васъ зовутъ?

— Та̀ули, полковникъ, отвѣчалъ Низамъ съ милымъ добродушіемъ.

— Гдѣ вы научились вашему искусству?

— На Цейлонѣ, у полковника Фенерана.

— Онъ мой добрый пріятель... вы живете въ Руджа̀?

— Да, полковникъ; оттуда я хожу въ жилища и сосѣднія селенія —куда позовутъ...

— Возьметесь-ли вы доставить капитану Моссу письмо?

— Я готовъ исполнять всѣ ваши порученія, полковникъ. И надѣюсь, что вы будете довольны мною.

— Извините, Миссъ Аринда, сказалъ полковникъ: я схожу къ себѣ на-верхъ, чтобы написать письмо. Пойдемте со мною, Та̀ули.

Когда Низамъ былъ наединѣ съ полковникомъ, послѣдній сказалъ ему:

— Мы одни. Мнѣ кажется, что ты имѣешь надобность ко мнѣ; говори.

— Полковникъ, я не хотѣлъ войдти сюда безъ какой-нибудь натуральной причины. Я воспользовался пересылкой фортепіано; если-бъ этого случая не было, я пріискалъ-бы другой; за этимъ дѣло не станетъ. Вотъ что̀ мнѣ надо сказать: Вамъ, вѣроятно, показывали на празднествѣ Дурги факира Суніяки?

— Мнѣ показывали многихъ, разноцвѣтныхъ факировъ; но я ни одного изъ нихъ не знаю по имени.

— Въ прошлую ночь, факиръ Суніяки предводительствовалъ шайкой То́говъ. Онъ молодой, тридцатилѣтній старикъ, хитрый, смышленый, но ослабленный постами и ослѣпленный фанатизмомъ. То̀ги повинуются ему, какъ голубому богу. Я зналъ Суніяки еще ребенкомъ, въ Гидрабадѣ, и потому не убилъ его въ прошлую ночь, хотя кинжалъ мой былъ уже на его груди...

— Развѣ ты былъ съ нами, въ прошлую ночь?

— Былъ и не былъ, полковникъ. Теперь вы видите меня въ костюмѣ поселенца; я похожъ на бронзированнаго джентльмана; въ прошлую-же ночь я былъ То́гомъ. Нѣсколько дней тому назадъ я обрилъ голову и почти ничего не ѣмъ, чтобы похудѣть. Волосы на головѣ моей накладные. Слѣдовательно, я не хотѣлъ, въ прошлую ночь, подвергнуться опасности быть убитымъ вами или сэръ Эдуардомъ. Я только наблюдалъ за факиромъ Суніяки; онъ не принималъ участія въ борьбѣ, потому-что его, бѣдняка, можно свалить однимъ толчкомъ; онъ не человѣкъ, а духъ. Онъ кричитъ, но не дерется. Пользуясь удобной минутой, я схватилъ его, взбросилъ на плечо, какъ банановый листъ, и убѣжалъ...

— Слѣдовательно, факиръ въ плѣну, храбрый Низамъ?

— Онъ принадлежитъ мнѣ и вамъ, полковникъ. Я похитилъ его, чтобы прекратить битву.

— Но никто не видалъ твоего плѣнника?

— О, полковникъ! Показать его, значитъ сдѣлать войну гласною. Я спряталъ его въ лѣсу, въ вѣрномъ мѣстѣ. Позволите-ли вы мнѣ, полковникъ, сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ?

— Говори, мой добрый Низамъ.

— Что̀ мнѣ дѣлать съ плѣнникомъ? Надо вамъ признаться, что я нахожусь въ затрудненіи.

— Въ будущую-же ночь, отведи его къ капитану Моссу, въ Руджа̀. Надобно беречь его; онъ можетъ намъ пригодиться.

— Будетъ исполнено.

— Когда-же ты, Низамъ, поселишься съ нами въ Нербуддѣ?

— Не скоро еще, полковникъ; у меня теперь другая квартира.

— Можно узнать гдѣ?

— Отъ васъ я ничего не скрою, полковникъ. Я живу въ барельефѣ, въ подземельи Думаръ-Лейнасскихъ развалинъ. Этотъ барельефъ очень-хорошъ; на немъ изображена казнь Равана, похитителя прекрасной Ситы. Я сплю на плечѣ великана, за волосами красавицы. Такимъ образомъ я присутствую на всѣхъ совѣщаніяхъ Тòговъ, предсѣдательствуемыхъ старымъ Сингомъ. Я истолокъ кусокъ граниту, составилъ изъ порошка тѣсто, цвѣту гранита и вымазываю себѣ имъ все тѣло. Понимаете? Я не шевелюсь, закрываю глаза, но наостряю уши.

Улыбка пробѣжала по лицу полковника Дуглàса. При другихъ обстоятельствахъ, онъ-бы громко засмѣялся.

— Ты вѣрный, преданный слуга, добрый Низамъ, сказалъ Дуглàсъ, и когда наступитъ часъ награжденій, мы тебя не забудемъ. Какую странную ведемъ мы войну! Изъ опасенія пробудить вокругъ насъ, въ этихъ спокойныхъ, мирныхъ селеніяхъ, страхъ и подозрѣнія, мы не можемъ даже награждать великія, благородныя заслуги, подобныя твоимъ.

— Полковникъ, спросите сэръ Эдуарда, гонюсь-ли я за награжденіемъ? Если мнѣ удается какое-нибудь предпріятіе, и сэръ Эдуардъ скажетъ: «хорошо, Низамъ!» такъ я и награжденъ. Въ Лондонѣ я видѣлъ дворецъ герцога Нортумберлендскаго, видѣлъ также дворецъ герцога Соммерсетскаго, и если-бъ вы мнѣ сказали: «Низамъ, похить стараго Синга и въ вознагражденіе я тебѣ дамъ эти два дворца,» я похитилъ-бы стараго Синга и не взялъ-бы вашихъ дворцовъ... Позвольте мнѣ еще, полковникъ, подать вамъ два чрезвычайно-важные совѣта, за которые я могъ-бы требовать отъ васъ вознагражденія. Не хочу ничего, даже предложенія награды не нужно. Я даже хочу отнять у себя гордость, отказать вамъ.

Мрачная задумчивость полковника на минуту разсѣялась; мѣсто ея заступили на-минуту военныя заботы.

— Выслушайте меня, полковникъ, продолжалъ Низамъ. Тòги скрываются на южномъ склонѣ Саріехской горы; предшественникъ вашъ, полковникъ Слиманъ подозрѣвалъ это, но не былъ счастливъ въ своихъ поискахъ. Я-же знаю все вѣрно и подробно. Надобно нанесть рѣшительный ударъ. Полковникъ, можете-ли вы располагать большими силами?

— Увы! нѣтъ, мой добрый Низамъ; насъ хотятъ заставить дѣлать великія дѣла съ малыми средствами. Это столичная тактика.

Если-бъ, въ началѣ войны была сосредоточена въ одномъ пунктѣ сотая часть тѣхъ силъ, которыя, мало-по-малу, истощились въ теченіе десяти лѣтъ, то все было-бы давно кончено. Но никто не хотѣлъ этого понять. Спрашиваютъ: сколько вамъ надо полковъ? Имъ отвѣчаютъ: четыре. Они присылаютъ два.—Сколько надо денегъ?—Тысячу фунтовъ стерлинговъ.—Присылаютъ пятьсотъ.—Такимъ образомъ не возможно ничего сдѣлать, какъ только напрасно пролить много крови и истратить много денегъ. Если-бъ они поступили иначе и въ самомъ началѣ прислали-бъ вдвое противъ требуемаго, то все было-бы подавлено съ перваго разу... Но вся досада моя напрасна: ни одна изъ палатъ не слышитъ словъ моихъ. Подумаемъ лучше о настоящемъ, Низамъ; будемъ стараться съ малымъ дѣлать многое.

— Постараемся, полковникъ... Надо уничтожить главныхъ Тѣговъ и взять въ плѣнъ стараго Синга, душу войны. Намъ предстоятъ нѣсколько дней отдыха. Непріятели получили вчера хорошій урокъ—но они имъ не воспользуются. Опомнившись, они опять примутся за старое. Тогда мы нанесемъ имъ рѣшительный ударъ. Дайте мнѣ, пожалуста, письмо къ капитану Моссу, чтобы онъ снабдилъ меня необходимымъ для нашей экспедиціи. Сэръ Эдуардъ скажетъ вамъ, полковникъ, что вы можете положиться на меня.

— О! я не нуждаюсь въ ручательствѣ сэра Эдуарда; я тебя знаю, добрый Низамъ... и сейчасъ напишу письмо къ капитану Моссу.

— Полковникъ, продолжалъ Низамъ, пока Дугласъ писалъ: вы знаете, что Нербудда окружена шпіонами. Сейчасъ еще, сопровождая фурговъ и фортепіано, я встрѣтилъ подозрительныя физіономіи. Я встрѣтилъ мнимыхъ *берандженовъ*, очень-неловко управлявшихъ плугомъ и старавшихся спрятать лысыя головы подъ банановыми листьями. Я видѣлъ факира, просившаго милостыню, въ довольно-далекомъ разстояніи отъ насъ. По-счастію у меня хороши глаза; Низамъ хитеръ; когда мы поровнялись съ факиромъ, я бросилъ ему милостыню, для того, чтобы видѣть лицо его; я узналъ въ немъ стараго Тѣга, который въ 1829 году, чуть не задушилъ храбраго маіора Хенлея. Полковникъ, надо перехитрить этихъ хитрецовъ. Наканунѣ нашей рѣшительной экспедиціи надо устроить здѣсь, въ Нербуддѣ, если возможно, балъ, охоту, созвать гостей. Тѣги не должны имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія. Мы заставимъ ихъ думать, что находимся въ совершенной безпечности... Впрочемъ извините, полковникъ, что я осмѣливаюсь подавать совѣты...

— Напротивъ, добрый Низамъ, я очень-благодаренъ тебѣ, отвѣчалъ полковникъ, окончивъ письмо и вставая. Начальникъ, находящійся въ положеніи, подобномъ моему, не долженъ пренебрегать ничьими совѣтами... тѣмъ болѣе твоими, Низамъ. Вотъ письмо къ капитану Моссу. Онъ исполнитъ все, что̀ ты потребуешь.

— Другихъ приказаній не будетъ, полковникъ?

— Нѣтъ... только позаботься о плѣнникѣ своемъ, факирѣ Суніяки... если только въ отсутствіе твое, онъ не попался въ когти тигру.

— Будьте покойны, полковникъ, тигры не трогаютъ скелетовъ.

Полковникъ ласково отпустилъ Низама. Военныя заботы на-минуту заглушили въ немъ преобладавшую мысль, которая жгла сердце его. Въ сильныхъ кризисахъ, въ душевныхъ болѣзняхъ, мы во всемъ стараемся найдти моральное лекарство, которое, по-крайней-мѣрѣ, позволило-бъ намъ перевесть духъ предъ новыми страданіями. Дуглàсъ впалъ въ прежнее уныніе, когда остался одинъ.

Во-время разговора полковника съ Низамомъ, другая сцена происходила подъ деревьями, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилища.

— Сэръ Эдуардъ, говорилъ графъ Жиль, подойдя къ Эдуарду, въ размышленіи прохаживавшемуся близъ опушки лѣса: вы одни и я пользуюсь этимъ счастливымъ случаемъ, чтобы поговорить съ вами.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ сэръ Эдуардъ съ улыбкой; говорите, я слушаю.

— Сэръ Эдуардъ, другіе могли-бъ то̀-же увидать, что̀ я видѣлъ; но другіе не стали-бъ, можетъ-быть, молчать. Въ прошедшую ночь, я сидѣлъ задумчиво на балконѣ. Я любовался ночью, звѣздами, лѣсомъ. Это за городомъ утѣшеніе, когда насъ мучитъ безсонница. Я слышалъ легкій шумъ, умѣряемый осторожностью, и въ тоже время двѣ тѣни спустились изъ оконъ верхняго этажа и исчезли въ лѣсу. Первою моею мыслію было бѣжать въ ваши покои и сообщить вамъ мое открытіе. Другая мысль удержала меня. Я могъ встревожить весь домъ, быть-можетъ, по пустякамъ, незаслуживающимъ вниманія. Очень-вѣроятно, что двое слугъ отправлялись на какое-нибудь ночное свиданіе. Я нарочно не отходилъ отъ окна, чтобы дождаться возвращенія этихъ людей. Повѣрьте, сэръ Эдуардъ, слухъ не обманулъ меня; средь самой ночи я услышалъ отдаленный крикъ, по-временамъ повторяемый; рѣзкій, пронзительный крикъ, неимѣвшій въ себѣ ничего человѣческаго. Нѣсколько часовъ спустя, когда звѣзды начинали угасать, я опять увидѣлъ тѣхъ-же людей; они взобрались вверхъ съ пен-

мовѣрною ловкостью, доказывающею индійское происхожденіе этихъ мародёровъ. Когда солнце взошло, ни на фасадѣ, ни на стѣнахъ не было слѣдовъ этой таинственной ночной сцены. Ка́къ вы думаете, сэръ Эдуардъ, открыть-ли мнѣ набо́бу...

— Боже васъ сохрани, графъ! сказалъ Эдуардъ, прервавъ молдаго Испанца: то́, что́ вы видѣли случайно, смертная тайна; впрочемъ не вѣрьте глазамъ вашимъ... то былъ обманъ воображенія, мечта, тяжкій сонъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ Эдуардъ...

— Я вижу, что вы не понимаете меня, графъ; это, можетъ-быть, моя вина. Слова мои также мрачны, какъ и ночь, о которой вы говорите. Этого требуетъ необходимость. Припомните-же, графъ: вы не слыхали того, что́ слышали. Понимаете-ли вы теперь?

— Понимаю, сэръ Эдуардъ, и буду молчать, коли вы не довѣряете моей скромности.

— Графъ, возразилъ Эдуардъ, пожавъ руку Испанцу: не дай Богъ, чтобы я оскорбилъ васъ недовѣрчивостью! Я сейчасъ-же объясню вамъ все дѣло; я не стану распространяться, потому-что каждую минуту ожидаю сюда Дугла́са.

Эдуардъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ужасную стычку прошлой ночи.

— При слѣдующей экспедиціи нашей, прибавилъ онъ: вѣроятно, изъ окна спустятся три тѣни? Не такъ-ли, графъ?

— Конечно, если только полковникъ позволитъ мнѣ...

— Полковникъ будетъ очень-радъ, тѣмъ-болѣе, что присутствіе ваше не помѣшаетъ никому; вѣдь вы никому не перебьете дороги. Вы можете взять на себя чинъ какой вамъ угодно; что́-же касается до мундира, то онъ весьма-простъ: это костюмъ тѣней, перебирающихся чрезъ Стиксъ. Вы увидите битвы совершенно новаго рода. Одинъ только пистолетный залпъ, не болѣе—чтобы не встрѣвожить сосѣднихъ жителей; а если услышатъ этотъ залпъ, то подумаютъ, что это громъ, въ разсѣянности разразившійся при чистомъ, ясномъ небѣ—это бываетъ въ Индіи. О! мы ведемъ войну, непохожую на нелѣпыя европейскія битвы, въ которыхъ сто тысячъ человѣкъ, въ красныхъ и голубыхъ мундирахъ, выстроятся въ двѣ линіи на двухъ горизонтахъ равнины и въ продолженіе десяти часовъ пускаютъ другъ въ друга ядрами, съ аккомпаньементомъ страшныхъ выстрѣловъ, трубныхъ звуковъ и варварскаго барабаннаго боя. О! вы увидите совсѣмъ другія вещи, которыя понравятся вамъ. Въ меланхолическомъ припадкѣ, владѣющемъ вами, наша поэтическая война расшевелитъ васъ... Теперь, графъ, довѣренность за довѣренность... Вы мнѣ говорили о любви ва-

шей къ молодой гречанкѣ Амаліи... Мы находимся въ нѣсколькихъ тысячахъ миль отъ нея... это разстояніе позоляетъ вамъ сдѣлать маленькую нескромность... Я страстный охотникъ до любовныхъ приключеній... впрочемъ любовь единственное благоразумное безразсудство на этомъ свѣтѣ... скажите мнѣ, любезный графъ, въ какихъ отношеніяхъ были вы къ Амаліи?

— Вопросъ вашъ, сэръ Эдуардъ, радуетъ меня, потому-что я могу дать вамъ искренній отвѣтъ, неподвергающій ни малѣйшему укору доброе имя Амаліи. Я могу признаться въ любви своей предъ цѣлымъ свѣтомъ, не вызвавъ ни малѣйшаго оттѣнка стыдливаго румянца на щекѣ Амаліи... Я любилъ ее самою невинною, чистою, священною любовію!

— Честное слово?

— Клянусь, сэръ Эдуардъ.

— Графъ, я обѣщалъ вамъ корабль для возвращенія въ Смирну. Я исполню обѣщаніе свое... какимъ-бы то ни было образомъ... но вы увидите Амалію... и я клянусь въ томъ, графъ... Теперь поговоримте о другомъ... Я требовалъ отъ васъ довѣренности за довѣренность; въ этомъ отношеніи мы квиты... но за вами есть другой долгъ и вы такъ честны, что, вѣрно, не откажетесь отъ уплаты.

— Какой-же долгъ?

— Его не трудно уплатить, графъ дель Пиларъ.

— Лишь-бы дѣло шло не о деньгахъ: только въ этомъ случаѣ я не въ состояніи разчитаться съ вами.

— Мнѣ посчастливилось, любезный графъ, оказать вамъ въ Смирнѣ незначительную услугу...

— Весьма-значительную, сэръ Эдуардъ.

— Вамъ судить о важности этой услуги — но такъ-какъ она мнѣ ничего не стоила, то я мало цѣню ее, и, слѣдовательно, сдѣлаюсь вашимъ должникомъ, потому-что услуга, которую я жду отъ васъ, весьма-важна.

— Тѣмъ-лучше, сэръ Эдуардъ.

— Она даже скучна и если-бъ вы потребовали ее отъ меня, я, можетъ-быть, отказалъ-бы вамъ.

— Я не откажусь.

— Прекрасно, графъ!... Если вы не боитесь скуки, то вы обладаете героизмомъ, предъ которымъ я склоняюсь... Слушайте, слушайте!... О, я въ восторгѣ!... Миссъ Аринда пробуетъ фортепіано. Музыка проникаетъ въ центръ Бенгаліи при звукахъ тріумфальнаго марша изъ *Фенеллы* Обера! Птички поютъ въ клѣткахъ и на деревьяхъ! Молодая Индіянка исполняетъ въ ан-

глійскихъ владѣніяхъ граціозныя мелодіи Франціи! Графъ, эта бездѣлица по моему мнѣнію выше Аустерлицкой и Трафальгарской побѣды.

Минутное молчаніе прервало разговоръ.

— Графъ, продолжалъ Эдуардъ, спокойнымъ голосомъ: мы можемъ еще побесѣдовать безъ свидѣтелей. Полковника позвали перевертывать листки партитуры, а набо̀бъ, какъ дикій, попрыгиваетъ отъ радости и удовольствія. Итакъ, пользуясь этимъ временемъ, я могу сказать вамъ прелестную здѣшнюю басню, переведенную другомъ моимъ, г. Бо̀зомъ, французскимъ путешественникомъ, составившимъ лучшій индійскій словарь. Эта басня теперь кстати.

Лѣсъ и Тигръ.

Басня.

«Лѣсъ и тигръ жили въ добромъ согласіи. Лѣсъ покровительствовалъ тигру; тигръ защищалъ лѣсъ: услуги была взаимны. Дровосѣки боялись рубить лѣсъ, изъ опасенія встрѣтиться съ тигромъ, а охотники никакъ не могли найдти тигра, въ густой и мрачной чащѣ лѣса. Однажды дикому звѣрю вздумалось покинуть своего покровителя и прогуляться, при солнечномъ свѣтѣ, на обширномъ рисовомъ полѣ. Охотники увидали тогда тигра и безъ труда убили его; дровосѣки, не боясь болѣе ни зубовъ, ни когтей тигра, срубили весь лѣсъ.»

— Нравоученіе этой басни состоитъ въ томъ, продолжалъ Эдуардъ, что за услугу надо платить услугой, особенно въ Бенгаліи, гдѣ мудрая басня эта придумана въ первые годы сотворенія міра.

— Чтобы услужить вамъ, сэръ Эдуардъ, я не нуждался въ этомъ нравоученіи; впрочемъ благодарю васъ, что вы познакомили съ баснею...

— Она наивна, какъ ска́зочка кормилицы или какъ истина... Вотъ о чомъ я хочу просить васъ, графъ. Вы отправитесь въ Руджа̀ сегодня-же утромъ... подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ... Набо̀бъ не дальновиденъ... вы остановитесь въ единственной гостинницѣ села и будете ждать прибытія мистера То́уэра.

— Кто это?

— Путешественникъ... человѣкъ честный и благородный...

— Вы знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ. Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ услугѣ, которую я прошу отъ васъ. И такъ вы дождетесь мистера То́уэра.

— Дождусь.

— Прекрасно. Но какъ вы будете ждать его?

— Какъ обыкновенно ждутъ...

— То-то и есть что нѣтъ. Ждать можно на сто различныхъ манеровъ. Полковникъ, вы храбры и опытны, какъ старый воинъ, но въ дѣлахъ жизни вы новичокъ. Выслушайте: я поучусь у васъ быть храбрымъ, а вы поучитесь у меня ждать. Вы должны открыть мистера Тоуэра въ ту самую минуту, когда онъ прибудетъ въ Руджà. Это село, какъ я узналъ, укрѣплено, какъ настоящая крѣпостца и имѣетъ четыре заставы. Если вы сговоритесь съ двумя пріятелями и будете караулить у трехъ заставъ, то можете быть увѣрены, что мистеръ Тоуэръ въѣдетъ въ четвертую. Жизнь безпрестанно подшучиваетъ надъ нами такимъ образомъ. Если вы будете ждать у гавани, къ которой непремѣнно долженъ пристать г. Тоуэръ, такъ какъ онъ ѣдетъ на кораблѣ, то, навѣрное, по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случаямъ онъ пріѣдетъ сухимъ путемъ, на зло всѣмъ вѣроятностямъ. Ждите г. Тоуэра въ единственной гостинницѣ села, и можете быть увѣрены, что онъ встрѣтится съ какимъ-нибудь пріятелемъ или-же услужливый туземецъ затащитъ его къ себѣ. Простите мнѣ это длинное введеніе, но дѣло въ томъ, что вы непремѣнно должны переговорить съ Тоуэромъ, лишь только онъ пріѣдетъ въ Руджà. Еще одно замѣчаніе. Путешественники пріѣзжаютъ въ село обыкновенно въ полдень. Не вѣрьте тому, что̀ будетъ говорить вамъ хозяинъ гостинницы, и ждите отъ восхода до заката солнечнаго. Будьте увѣрены, что если всѣ путешественники и прибудутъ въ полдень, такъ тотъ, котораго вы ждете, пріѣдетъ либо нѣсколькими часами раньше, либо позже. Я дамъ вамъ письмо отъ полковника Дугласа къ капитану Моссу. Съ этимъ письмомъ для васъ запрутъ три заставы, подъ предлогомъ опасенія тигровъ или другихъ хищныхъ звѣрей; останется отпертою одна застава, слѣдовательно, г. Тоуэру не миновать ее. Если вы издали увидите пыль отъ приближающагося экипажа, то вамъ не трудно будетъ подойти подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ мистеру Тоуэру и предложить ему, какъ иностранцу, ваши услуги...

— Но почему узнаю я этого мистера Тоуэра?

— Постойте! Какъ вы нетерпѣливы!... Постойте, я ничего не забуду. Я привыкъ играть въ шахматы съ судьбой; всегда стараюсь угадывать ея ходы и подготовливать свои. Вамъ не трудно будетъ узнать Тоуэра: онъ путешествуетъ съ двумя дамами удивительной красоты, что̀ вамъ, вѣроятно, облегчитъ нѣсколько тягость возлагаемой на васъ комиссіи...

— О! это до меня не касается...

— Не говорите, графъ; вы молоды, пылки, и чего добраго...

— Ради Бога, сэръ Эдуардъ, не шутите этимъ.

— Извольте, не буду шутить, благородный и вѣрный графъ! Дамы эти послужатъ вамъ только къ тому, чтобы узнать мистера Тоуэра. Не-смотря на всѣ шутки судьбы, нельзя-же предположить, чтобы и другой путешественникъ, въ одно и тоже время, прибылъ съ двумя другими дамами, одинаковой красоты. На дорогахъ бенгальскахъ вы не каждый день встрѣтите граціозныхъ красавицъ. Я кончилъ. При всей дальновидности своей я не могу предвидѣть, что̀ случится, когда взоры ваши встрѣтятся со взорами спутницъ мистера Тоуэра.

— Я не понимаю васъ, сэръ Эдуардъ ..

— Я и самъ себя не совсѣмъ понимаю... Вы увидите... Отличительная черта будущности та, что она не похожа на прошедшее... Во всякомъ случаѣ, любезный графъ, что̀-бы ни случилось въ это первое свиданіе, не забывайте того, что мистеръ Тоуэръ человѣкъ благородный; скажите ему, что въ настоящую минуту судьба Индіи въ рукахъ полковника Дугла̀са; что онъ не можетъ заняться теперь ничѣмъ, кромѣ дѣлъ службы; слышите? ничѣмъ... даже бракомъ съ брилліантовой рудой во образѣ Венеры Медицейской!.. Однакожъ, такъ-какъ мистеръ Тоуэръ пріѣхалъ въ Руджа̀ не для того, чтобы скучать въ гостинницѣ, то вы скажите ему, что полковникъ Дугла̀съ проситъ сроку двѣ недѣли — не болѣе. Эти двѣ недѣли, вы останетесь съ Тоуэромъ; старайтесь занять его; показывайте дамамъ описанія Индіи Реффльса и Сольуинса; въ обѣихъ книгахъ много картинокъ. Капитанъ Моссъ вамъ ихъ одолжитъ. Я знаю, что жестоко заставить васъ провесть двѣ недѣли съ красавицами, какихъ не бывало еще въ Бенгаліи, но надо покориться. Возьмите на себя и мистера Тоуэра и спутницъ его... Кто знаетъ!... мало-ли было примѣровъ... хоть я и увѣренъ въ вашемъ постоянствѣ, но...

— Перестаньте, сэръ Эдуардъ...

— Перестанъ. Кажется, я объяснилъ вамъ все дѣло, какъ нельзя лучше и надѣюсь...

— Извините, сэръ Эдуардъ, но вы забыли вещь весьма-важную...

— Какую?

— Если мистеръ Тоуэръ не послушается ни совѣтовъ, ни замѣчаній моихъ, что̀ тогда дѣлать?

— Я и это предвидѣлъ. Руджа̀ не имѣетъ ни шерифа, ни констеблей. Слѣдовательно, если мистеръ Тоуэръ заупрямится, то вы

дадите знать о томъ капитану Моссу, который подъ какимъ-нибудь предлогомъ велитъ запереть и четвертую заставу на двѣ недѣли. Впрочемъ я надѣюсь, что мистеръ Тоуэръ охотно согласится отдохнуть послѣ дороги, тѣмъ болѣе, что дамы примутъ вашу сторону — послѣднее зависитъ отъ васъ.

— Когда-же я долженъ ѣхать?

— Сейчасъ-же.

— А письма къ капитану Моссу?

— Вы получите ихъ сегодня вечеромъ. Добрый Низамъ мой вручитъ вамъ ихъ съ нѣкоторыми дополнительными инструкціями. Я знаю, что услуга, которую вы мнѣ оказываете, скучна, но если-бъ она была пріятна, то не была-бъ услугой. Вамъ сейчасъ осѣдлаютъ лошадь, и до солнечнаго заката вы будете въ Руджà, въ гостинницѣ... впрочемъ, какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что вы проведете время очень-пріятно.

— Вы неисправимы, сэръ Эдуардъ.

— Зачѣмъ исправляться отъ добродѣтелей?

— Судя по тону, которымъ вы даете серьёзныя порученія, можно подумать, что вы шутите.

— Э, Боже мой! не обращайте вниманіе на тонъ, вникайте въ смыслъ. Кáкъ! Я даю вамъ прескучное порученіе, и вы хотите, чтобы я прибавилъ къ нему еще скучнѣйшее предисловіе, въ родѣ рѣчи какого-нибудь депутата?... Графъ, въ прошедшую ночь, съ Тогами, я былъ серьёзенъ... Вы говорите, что въ сердцѣ вашемъ скрыта страсть, сильная и хроническая, отпечатывающая печаль на лицѣ вашемъ. Неужели вы думаете, что другіе незнакомы со страстями, потому-что они улыбаются и шутятъ? Сберегите горесть вашу въ душѣ, бесѣдуйте съ нею, когда вы одни; огорчайтесь сколько хотите, но не огорчайте вашихъ друзей; уважайте веселіе и безпечность ближняго! Графъ, вы видите, что я умѣю говорить серьёзно.

— Дайте мнѣ руку, сэръ Эдуардъ; вы всегда правы.

— Это единственная вина моя, въ отношеніи къ друзьямъ... Коли пошло на довѣренность, такъ я открою вамъ еще одну вещь. Только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы были со мною откровенны... Надѣетесь-ли вы когда-нибудь увидѣться съ молодою и прелестною Гречанкой, Амаліей?

— Безъ сомнѣнія.

— Когда она будетъ за-мужемъ?

— За-мужемъ? О нѣтъ, тогда я не захочу видѣть ее.

— Понимаю. Желали-ли бы вы увидѣться съ нею теперь?

Графъ поднялъ глаза къ небу и вздохнулъ.

— Скажите мнѣ еще одно: пріятно-ли будетъ Амаліи увидѣться съ вами?

— Я думаю... если только она свободна.

— Слѣдовательно, разница въ положеніяхъ нашихъ весьма-велика. Я люблю женщину, какъ бы созданную для меня. Она обладаетъ тремя добродѣтелями любви: красотой, граціей и умомъ. Она обладаетъ чувственными прелестями, облагороженными высокимъ разумомъ. Она одарена пагубною или дивною плѣнительностью, заставляющею поклонниковъ ея думать, что весь міръ не что-иное, какъ песчинка, которую она попираетъ ногами... Графъ, я увѣренъ, что эта женщина молитъ Бога, чтобы небесный громъ разразился надо мною. А я... выслушайте хорошенько, графъ... я поклялся, что никогда не скажу этой женщинѣ: *Я люблю васъ*! хотя-бы громъ, который она призываетъ на меня, превратился въ улыбку лица ея... Я поклялся. Я умѣю держать клятвы свои и не хочу болѣе играть съ любовію. Два раза въ жизни, сердце мое было жестоко ранено!... Вы видите, графъ, легко-ли мнѣ придавать шуточный тонъ словамъ, вызывать улыбку на уста и радость на лицо мое! Скажите, кто изъ насъ тверже и мужественнѣе? Тотъ-ли, который разсказываетъ всѣмъ о горести своей, или тотъ, который скрываетъ страданія даже отъ ближайшихъ друзей?

— Сэръ Эдуардъ, благодарю васъ за урокъ, сказалъ Жиль съ внутреннимъ волненіемъ: я воспользуюсь имъ. Вы справедливы. Малодушіе порокъ. Въ Руджà, въ ожиданіи мистера Тòуэра, я буду имѣть время обдумать ваши слова.

— Прекрасно, любезный графъ, теперь мнѣ не такъ грустно разставаться съ вами. Надѣюсь, что отсутствіе ваше будетъ не слишкомъ продолжительно. Уѣзжайте скорѣе, чтобы скорѣе воротиться.

Послѣ этого разговора, Эдуардъ занялся приготовленіями къ отъѣзду графа. Онъ далъ подписать Дуглàсу два письма къ капитану Моссу и проводилъ молодаго Испанца до границъ Нербудскаго имѣнія.

Дуглàсъ съ лихорадочною боязнію ожидалъ возвращенія Эдуарда. Когда друзья сошлись, полковникъ спросилъ трепещущимъ голосомъ:

— Что̀, Эдуардъ? жить мнѣ или умирать?

— Вы просили двѣ недѣли отсрочки; я устроилъ это.

— А послѣ?

— Послѣ увидимъ. Теперь-же пойдемте слушать игру миссъ Аринды.

VIII.

РУДЖА́.

Прибывъ въ Руджа́, графъ Жиль дель Пиларъ въ точности исполнилъ порученія сэра Эдуарда. Онъ помѣстился въ тѣни широколиственной акаціи, у единственной отпертой заставы селенія, съ двумя слугами, готовыми исполнить всѣ приказанія его, и старался разсѣяться, перебирая листки книгъ Реффльса и Сольуйнса.

Лишь только показывалась пыль на большой дорогѣ, графъ подбѣгалъ къ заставѣ и присутствовалъ при проѣздѣ путешественниковъ, Индѣйцовъ и Европейцовъ, съ страннымъ волненіемъ, причину котораго онъ не могъ объяснить себѣ и которое пугало его иногда, какъ предчувствіе. Одного взгляда было ему достаточно, чтобы удостовѣриться, что тѣ, которыхъ онъ ожидалъ, не были въ числѣ проходившихъ и проѣзжавшихъ. За занавѣсками паланкиновъ, за шторами каретъ и подъ зонтиками, утвержденными на спинѣ слоновъ, виднѣлись только смуглыя, чорныя, бронзированныя лица, нисколько непоходившія на граціозные образы, описанные сэромъ Эдуардомъ.

Девять дней послѣ прибытія въ селеніе, графъ увидѣлъ на дорогѣ отрядъ ципаевъ, и сердце его забилось съ необыкновенной силой. Онъ медленно и какъ-бы съ боязнію вышелъ на дорогу... солдаты провожали великолѣпный паланкинъ, въ которомъ сидѣли двѣ женщины. За паланкиномъ ѣхалъ всадникъ. Графъ подошолъ къ послѣднему и, вѣжливо поклонившись, спросилъ:

— Не съ мистеромъ–ли Тоуэромъ имѣю я честь говорить?

Всадникъ пристально посмотрѣлъ на дель–Пилара и отвѣчалъ:

— Точно; а вы, вѣроятно, полковникъ Дуглáсъ?

— Нѣтъ; но по порученію его, я долженъ переговорить съ вами, мистеръ Тоуэръ, тотчасъ–же по прибытіи вашемъ въ Руджа́.

— Очень-хорошо. Мы не устали. Дамы спятъ теперь въ паланкинѣ, и какъ вы видите, мы медленно подвигаемся впередъ... гдѣ-же мы встрѣтимся?

— Я провожу васъ до гостинницы, въ которой вы должны будете остановиться, потому-что во всемъ селеніи другой нѣтъ.

— Я понимаю, что въ такомъ случаѣ выбирать не изъ чего.

Графъ проводилъ паланкинъ до гостинницы, у дверей которой онъ однакожъ нѣсколько отошолъ въ сторону, чтобы нескромнымъ любопытствомъ не обидѣть дамъ; но едва онѣ вошли въ гостин-

ницу, какъ молодой графъ бросился на Тóуэра, какъ на добычу, и въ общей залѣ завязался между ними слѣдующей разговоръ:

— Присутствіе дамъ, вѣроятно, излишне при нашихъ переговорахъ, сказалъ Тóуэръ: онѣ удалились въ отведенную имъ комнату и мы одни.

Жиль исполнилъ возложенное на него порученіе съ такою ревностью, что изъ требуемой отсрочки не исключилъ даже девяти прошедшихъ уже дней.

Мистеръ Тóуэръ выслушалъ графа съ большимъ вниманіемъ, ни разу не прерывая его. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, что вы рѣшительно не знаете причины пріѣзда моего въ Бенгалію?

— Не знаю. Я слѣпо исполняю дружеское порученіе.

— Зачѣмъ-же полковникъ Дуглáсъ хочетъ, чтобы я потерялъ двѣ недѣли?... Я могъ-бы объяснить себѣ эту отсрочку, если-бъ въ Низамской провинціи была прежняя война: но теперь, слава Богу, все спокойно, и о Тóгахъ нѣтъ ни малѣйшаго слуха. Полковникъ совершенно свободенъ. Мнѣ совѣтовали, въ Лондонѣ, не пускаться во внутренность Бенгаліи, и лучше вызвать полковника въ какой-нибудь портъ. По-счастію собранныя мною свѣдѣнія успокоили меня. Теперь, отъ морскаго берега до Рулжà, можно путешествовать также безопасно, какъ отъ Лондона до Кембриджа. Я взялъ конвой только для формы; онъ стóилъ мнѣ весьма-дорого и не послужилъ ни въ чему...

— Онъ, вѣроятно, успокоилъ вашихъ дамъ, мистеръ Тóуэръ.

— Моихъ дамъ! ба! по всему видно, что вы не знаете этихъ безстрашныхъ амазонокъ! Я представлю васъ имъ... за обѣдомъ... теперь-же мнѣ невозможно дать вамъ рѣшительный отвѣтъ на требованіе полковника... вы отобѣдаете съ нами и мы поговоримъ... до того времени я пообдумаю... Извольте видѣть, я имѣю офиціальное приказаніе отъ министра, и долженъ переговорить съ полковникомъ сегодня-же вечеромъ... или завтра утромъ... Извините, сказалъ Тóуэръ, вставая: но я, право, не могу теперь рѣшиться... мы увидимся черезъ часъ... мнѣ нужно не болѣе часу, чтобы переодѣться и подумать... жду васъ къ обѣду.

Графъ поклонился мистеру Тóуэру и вышелъ изъ общей залы, но не изъ гостинницы.

По первому зову слуги, Жиль явился въ столовой, гдѣ уже былъ мистеръ Тóуэръ.

— Милостивый государь, заговорилъ послѣдній: я подумалъ и посовѣтовался съ особой, принимающей живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что мы рѣшили: мы согласны ждать двѣ недѣли...

— Даже цѣлый мѣсяцъ произнесъ мелодическій голосъ. Не правда-ли, мистеръ Тоуэръ?...

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ молодою и прелестною дѣвушкой, вошедшей въ залу; она застегивала браслетъ и потому не съ разу замѣтила графа дель-Пилара. Но поднявъ глаза, она судорожно вздрогнула, и по высоко-поднявшейся груди, можно было угадать энергическое усиліе, съ которымъ она удержала крикъ изумленія. Графъ, приближавшійся, чтобы поклониться прелестной незнакомкѣ, едва удержался на ногахъ; кровь съ силою бросилась ему въ голову и, секунду спустя, лицо его покрылось смертельною блѣдностью.

Молодая дѣвушка была Гречанка Амалія.

Мистеръ Тоуэръ, честный и благоразумный опекунъ ея, принадлежалъ къ тому многочисленному разряду людей, которые влюбляются, безъ разбору, во всѣхъ женщинъ. Онъ былъ рѣшительно неспособенъ употребить во зло опекунскія отношенія; но дорогой, отъ Смирны до Индіи, онъ весьма-невиннымъ образомъ влюбился въ невѣсту, которую везъ къ жениху. Эта безпорочная страсть не доставила ему другихъ выгодъ, кромѣ удовольствія слѣпо повиноваться всѣмъ желаніямъ Амаліи.

Когда молодая дѣвушка была поражена неожиданной встрѣчей съ графомъ, мистеръ Тоуэръ не могъ ничего замѣтить, потому-что почтительно кланялся вошедшей.

— Миссъ, сказалъ онъ, выпрямившись; такъ-какъ полковникъ проситъ не болѣе двухъ недѣль отсрочки, то, по моему мнѣнію, невѣжливо было-бъ назначить ему мѣсяцъ... Миссъ, честь имѣю представить... Извините, милостивый государь, я не имѣю удовольствія знать вашего имени...

— Графъ Жиль дель-Пиларъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ невнятнымъ голосомъ.

— Честь имѣю представить вамъ графа, продолжалъ опекунъ, друга будущаго супруга вашего... судя по фамиліи, я полагаю, что вы...

— Испанецъ, по душѣ и сердцу отвѣчалъ графъ съ усиліемъ.

Мистеръ Тоуэръ былъ также изъ тѣхъ людей, которые провели всю жизнь въ поклоненіи и обожаніи собственной особы своей, и которые, по этой привычкѣ, потеряли способность внѣшняго наблюденія; онъ не обращалъ вниманіи ни на что, выходившее изъ окружности милаго ему *я*, только зеркало удостоивалось, и довольно-

часто, благосклоннаго его взгляда. Онъ былъ красивый мужчина, въ матеріальномъ значеніи этого слова, но склонный къ тяжолой веселости, наводящей грусть на людей умныхъ. Подобно всѣмъ красавцамъ, и онъ могъ-бы имѣть любовныя приключенія, если-бъ не скупился удѣлять, даже женщинамъ, частицу той эгоистической любви, которую питалъ къ себѣ. Если-бъ онъ могъ встрѣтить свой двойникъ, въ видѣ женщины, то женился-бъ на немъ, не разсуждая. Слѣдовательно, не будемъ удивляться, что отъ взора его ускользало смущеніе молодыхъ людей. Мистеръ Тóуэръ думаетъ, что на немъ сосредоточиваются всѣ привязанности и зависти людскія. Женщины, по мнѣнію его, любятъ или сожалѣютъ о томъ, что не могутъ любить его; мужчины завидуютъ ему, но онъ побѣждаетъ ихъ умомъ и любезностью. Изумленіе, вздохи, улыбки, все относится къ нему, иначе и быть не можетъ.

Движеніе, сдѣланное графиней Октавіей при видѣ Жиля, было замѣчено опекуномъ, но онъ объяснилъ его въ свою пользу; это движеніе, по мнѣнію Тóуэра означало:

— Конечно, этотъ незнакомецъ не дуренъ; но мистеръ Тóуэръ гораздо-лучше его!

На театрѣ изумумленіе выражается, обыкновенно, слѣдующими восклицаніями:

— Что я вижу!—Небо! — Вы здѣсь! — Вѣрить-ли глазамъ!— Немечта-ли это!

Въ дѣйствительной жизни, сильнѣйшія ощущенія не выражаются звуками, сопровождаемыми восклицательными знаками.

Графиня Октавія не произнесла ни одного слова, узнавъ дель-Пилара;но минутная грусть, подобно молніи посреди дня, выразилась на прекрасномъ лицѣ ея. Графъ Жиль, Октавія и Амалія находились въ такихъ странныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что невольно должны были притворяться незнакомыми, особенно въ присутствіи мистера Тóуэра.

— Честь имѣю представить вамъ графа, сказалъ опекунъ: молодаго Испанца, графиня, друга друзей вашихъ... Сядемте-жъ за столъ, графиня... Ого! обѣдъ недуренъ... любите-ли вы супъ изъ черепахи... и дичь, кажется, преаппетитная... Я не ожидалъ, что можно достать такой хорошій обѣдъ въ... какъ называется это селеніе, графъ?

— Руджá.

— Руджá!.. турецкое названіе. Не прикажете-ли еще тарелочку графиня?.. Но здѣсь, какъ я замѣчаю, не знаютъ французской кухни... Не прикажете-ли?

Графиня вздохнула свободнѣе, какъ-бы пришедъ въ себя.

— Благодарю, отвѣчала она, пристально взглянувъ на графа.

Мистеръ Тоуэръ съ гордой улыбкой поднялъ голову и подалъ тарелку графинѣ, округливъ руку, чтобы придать ей болѣе граціозности, но не достигая цѣли своей.

— Мистеръ Тоуэръ, сказала Октавія шуточнымъ тономъ, въ которомъ уже не замѣтно было ни малѣйшаго смущенія: читаете-ли вы романы?

— Гра...фи....ня.... отвѣчалъ Тоуэръ протяжно, придумывая остроумный отвѣтъ: я читаю романы за городомъ, чтобы убить два или три часа... Люди, имѣющіе важныя дѣла, не любятъ заниматься бездѣлушками... впрочемъ тому, кто самъ былъ героемъ столькихъ романическихъ происшествій, не интересно...

— Вѣрите-ли вы, мистеръ, прервала его графиня, въ чудесныя, необъяснимыя, невозможныя встрѣчи?

— Конечно... случается... отчего-же не вѣрить?

— Именно!.. Я сама начинаю думать, что въ мірѣ нѣтъ ничего невозможнаго...

— Для васъ, графиня; замѣтилъ съ любезностью опекунъ: но, позвольте узнать, по какому случаю сдѣлали вы мнѣ этотъ вопросъ?

— Ни по какому... въ путешествіи мысль ссорится съ логикой... особенно въ Бенгаліи... солнце ослѣпляетъ зрѣніе и помрачаетъ разсудокъ.

— Графиня, я долженъ вамъ объявить, что мы дали полковнику Дугласу двѣ недѣли отсрочки.

— Я не понимаю васъ, мистеръ, возразила графиня, бросивъ грозный взглядъ на дель-Пилара.

— Мы пробудемъ двѣ недѣли въ Руджа, отвѣчалъ Тоуэръ, сладко улыбаясь.

— Двѣ недѣли въ этомъ скучномъ гнѣздѣ!.. Какая идея!.. Мнѣ кажется, что жениться не нужно болѣе одного дня, не такъ-ли, графъ?

— Но, графиня, свадьба будетъ не ранѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, сказалъ опекунъ.

— А! понимаю... чрезъ двѣ недѣли... понимаю... хитро придумано....

Графиня бросила презрительный взглядъ на Жиля и Амалію.

— Графиня, продолжалъ Тоуэръ, нельзя-же въ-расплохъ напасть на полковника...

— Да, да, надо дать ему время приготовиться къ своему счастію... радость иногда убійственна.... Я полагаю, что отсрочка придумана вами, графъ?

— Нѣтъ, графиня; отвѣчалъ Жиль, слабымъ голосомъ: не мною.

— Хотите-ли я разсмѣшу васъ до слезъ, графиня? спросилъ Тоуэръ, смѣясь съ нестерпимою безсмысленностію: знаете-ли, что миссъ Амалія хотѣла продлить эту отсрочку на цѣлый мѣсяцъ.

— Точно, это очень-смѣшно, сказала графиня съ устрашительно-серьёзнымъ видомъ.

— Графиня, позаботьтесь о миссъ Амаліи, сказалъ опекунъ: она кушаетъ, какъ птичка...

— За обѣдомъ каждый долженъ заботиться о себѣ, сухо твѣчала Октавія. А господа! такъ въ мое отсутствіе вы дѣлаете заговоры?

— Именно, именно! вскричалъ Тоуэръ, громко смѣясь: заговоры! ха, ха, ха!

— Вы смѣетесь, мистеръ Тоуэръ?.. Но отчего графъ дель-Пиларъ не смѣется?.. Я подозрѣваю, что весь этотъ заговоръ устроенъ сэръ Эдуардомъ...

При послѣднемъ словѣ, полусонный Индѣецъ, прислуживавшій за столомъ и ожидавшій приказаній, сдѣлалъ незамѣтное движеніе и съ безпечнымъ видомъ приблизился къ столу.

Это былъ Низамъ, превратившійся въ слугу и исполнявшій должность свою съ видомъ приверженца Сивы, недумающаго о мірскихъ дѣлахъ и выжидающаго удобный случай, чтобы сдѣлаться факиромъ.

— Я не имѣю чести лично знать сэръ Эдуарда, сказалъ опекунъ. Говорятъ, онъ довольно-красивый, любезный мужчина, но неловокъ съ дамами.

— Я увѣрена, что онъ затѣваетъ что-нибудь низкое! вскричала графиня, удерживая кипѣвшій въ груди ея гнѣвъ.

— О, могу васъ увѣрить, что...

— Не увѣряйте, мистеръ Тоуэръ, сказала Октавія съ презрѣніемъ:—сэръ Эдуардъ здѣсь... въ Руджа! Онъ, быть-можетъ, въ сосѣдней комнатѣ, подслушиваетъ разговоръ нашъ... о, тѣмъ лучше! — вскричала она съ устрашительной улыбкой — Я-бы желала, чтобы онъ слышалъ, что чувства мои къ нему не измѣнились.... Вѣдь я знала, что онъ здѣсь... и нарочно пріѣхала повидаться съ нимъ...

— Странно! сказалъ Тоуэръ: со мной однажды приключилась точно такая-же исторія.... Одна калькуттская дама, мистриссъ... извините, скромность не позволяетъ мнѣ назвать ее... Эта дама пріѣхала въ Лондонъ, въ 1825 или 26 году, единственно для того, чтобы повидаться со мною...

— Хотите-ли биться со мною объ закладъ, мистеръ? прервала его графиня.

— Объ закладъ? Извольте, только надо знать...

— Я готова прозакладовать голову, что полковникъ Дугласъ рѣшительно не знаетъ объ этой продѣлкѣ?..

— О, графиня, какъ-бы я желалъ выиграть!

— Онъ ничего не знаетъ, повторяю вамъ. Тотъ, кому-бы слѣдовало теперь отвѣчать, молчитъ...

— Это относится ко мнѣ, графиня, сказалъ Жиль.

— Ошибаетесь, графъ, сказалъ Тоуеръ: развѣ вы не видите, что графиня споритъ со мною?

— Не прерывайте графа, мистеръ Тоуэръ, сказала Октавія.

— Я не знаю, полковникъ-ли проситъ объ этой отсрочкѣ... началъ графъ.

— Слѣдовательно, вы дѣйствуете по порученію сэръ Эдуарда, а не Дугласа?.. Отвѣчайте-же.

— Вы удивительно строги, отвѣчалъ графъ: я, право, не знаю, что отвѣчать...

Амалія поспѣшно встала, не будучи болѣе въ состояніи бороться съ одолѣвавшими ее невыносимыми страданіями и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

— Что это? вскричалъ опе кунъ: миссъ Амаліи, кажется, дурно?.. или она разсердилась?.. я, кажется, не сказалъ ничего оскорбительнаго... Извините, графиня, но я обязанъ заботиться о миссъ Амаліи. Надо послать къ ней горничную. Она, вѣроятно, обидѣлась тѣмъ, что во все продолженіе обѣда я не сказалъ ей ни слова... О! я знаю женщинъ! Онѣ всѣ таковы.

Мистеръ Тоуэръ поспѣшно вышелъ изъ залы; графъ, страшась остаться наединѣ съ Октавіей, скоро всталъ, поклонился и удалился въ другую дверь.

Графиня осталась одна съ Низамомъ, который, по-видимому, дремалъ, но не проронилъ ни одного слова изъ всего предшествовавшаго разговора.

— О, нѣтъ никакого сомнѣнія! вскричала Октавія: надо открыть этотъ низкій заговоръ бѣдному Дугласу; надо отомстить этому

демону сэру Эдуарду... а я еще была расположена къ этому испанскому графу!..

Она встала и прошла нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ сильномъ волненіи.

Низамъ все дремалъ, прислонившись къ стѣнѣ. Графиня остановилась передъ нимъ и осмотрѣла его съ головы до ногъ.

— Посмотримъ, проговорила она, знаетъ-ли это чудовище какое-нибудь человѣческое нарѣчіе...

Низамъ въ половину открылъ глаза, посмотрѣлъ на графиню и выпрямился, какъ-бы ожидая приказаній.

— Какъ тебя зовутъ? спросила его Октавія по-англійски.

— Та́ули, отвѣчалъ Низамъ съ безсмысленнымъ видомъ.

— Знакома-ли тебѣ, Та́ули, здѣшняя сторона?

— Знакома.

— Можно-ли доѣхать до солнечнаго заката до Нербудды, жилища полковника Дугла́са?

— На доброй лошади я доѣду туда до ночи.

— Слѣдовательно, ты можешь быть моимъ проводникомъ, Та́ули.

— Я, сударыня этимъ дѣломъ не занимаюсь... однакожъ...

— Понимаю... за хорошую плату ты согласишься проводить меня... Я угадала. О люди! одно корыстолюбіе управляетъ всѣми дѣйствіями ихъ!.. Та́ули, можешь-ли ты достать пару хорошихъ лошадей?

— Если вы хорошо заплатите?..

— Конечно, конечно!

— Четыре фунта стерлинговъ за пару на день.

— Я согласна.

— Да одинъ фунтъ проводнику.

— Охотно.

— Вы должны сверхъ того накормить и проводника, и лошадей!..

— Согласна, согласна на все!.. Какое индѣйское хладнокровіе! Они хуже Лапландцевъ!.. Ты будешь доволенъ мною, Та́ули.

— Извольте видѣть, сударыня, сказалъ добродушно Низамъ: надняхъ я провожалъ въ Нербудду англійскаго путешественника и получилъ отъ него только полкроны.

— О! я увѣрена, что это былъ не кто иной, какъ сэръ Эдуардъ! Онъ на все способенъ... не бойся Та́ули; ты будешь доволенъ мною... вотъ тебѣ задатокъ:

— Три соверена! вскричалъ Низамъ съ притворною радостью: черезъ пять минутъ, сударыня, все будетъ готово.

— Я сейчасъ одѣнусь, Та́ули.

— Черезъ четверть часа вы будете готовы?

— Да... Только никому не говори о моемъ намѣреніи. Коли тебя станутъ распрашивать, скажи, что мы ѣдемъ осматривать окрестности.

— Слушаю, сударыня.

Низамъ воспользовался удобной минутой, когда передъ гостинницей никого не было и подвелъ лошадей. Подслушавъ разговоръ за обѣдомъ, вѣрный слуга разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

— Графиня Октавія отъявленная непріятельница сэра Эдуарда. Я не знаю, что́ они тамъ придумали, въ Нербуддѣ, но вѣрно только то́, что имъ необходимо, чтобы миссъ Амалія и мистеръ Тоуеръ не выѣзжали двѣ недѣли изъ Руджа́ и чтобы никто въ Нербуддѣ не зналъ о пріѣздѣ ихъ въ Бенгалію. Если я откажусь проводить графиню Октавію въ Нербудду, она найдетъ другаго проводника; если запрутъ заставу, она подниметъ такой шумъ, что возмутитъ всѣхъ жителей мирнаго селенія. Слѣдовательно, я долженъ исполнить свой планъ. Онъ немножко рѣшителенъ, но положеніе наше таково, что надобно прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Такъ разсуждалъ преданный Низамъ, который былъ-бы готовъ поджечь всю Бенгалію, чтобы избавить сэра Эдуарда отъ какой-нибудь непріятности. Люди жаркихъ странъ доводятъ и пороки и добродѣтели свои до крайности.

Жители Руджа́ отдыхали въ самый жаркій часъ дня.

Только солдаты, стоявшіе на часахъ у заставы, замѣтили граціозную и смѣлую амазонку, во весь галопъ скакавшую за городъ. Низамъ предшествовалъ ей.

Онъ снялъ съ себя одежду слуги, и бронзированное туловище его, ярко лоснившееся и какъ-бы облитое палящими лучами солнца, походило на статуи, украшающія преддверія пагодъ. Графиня Октавія, скакавшая на красивомъ конѣ, вслѣдъ за проводникомъ, походила на ангела, увлекаемаго за демономъ въ пропасть ада. Вѣтеръ игралъ роскошными складками бѣлаго платья ея; прекрасные чорные волосы разсыпались кудрями по шеѣ и плечамъ.

Уединенныя деревья, мрачные лѣса, темныя долины, широкія рѣки съ быстротою мелькали предъ глазами и исчезали, какъ-бы поглощаемыя землею. Вскорѣ обработанныя нивы прекратились; наступили сумерки, и грозная природа развилась предъ глазами Октавіи; узенькая дорога проходила то между пустынными равнинами, то между скалами, покрытыми кое-гдѣ, кустарникомъ; эхо печально вторило галопу двухъ коней. На вершинахъ горъ отражался еще послѣдній лучъ солнца, но ночь омрачала уже долины и

рѣки, придавая страшныя формы растеніямъ, скаламъ, пещерамъ, всей декораціи этой дикой природы.

Исчезъ послѣдній лучь солнца. Стало темно. Низамъ остановился. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ безпокойствомъ и покачивалъ головой, какъ-бы стараясь припомнить дорогу.

— Что, Таули? спросила графиня: ты сбился съ дороги?

— Кажется, сударыня, отвѣчалъ Низамъ: вмѣсто того, чтобъ взять на-лѣво, я поворотилъ на-право. Это обыкновенно такъ бываетъ: чѣмъ болѣе мы спѣшимъ къ цѣли, тѣмъ менѣе достигаемъ ее...

— Надобно однако-же рѣшиться на что-нибудь... нельзя-же намъ переночевать въ этомъ ужасномъ мѣстѣ...

— Можетъ-быть...

— Какъ! можетъ-быть!

— Позвольте мнѣ, сударыня, хорошенько припомнить, гдѣ мы теперь находимся... точно, точно... мы отдѣлены густымъ лѣсомъ отъ Нербуддскаго жилища.

— Такъ проѣдемъ черезъ лѣсъ.

— Верхомъ невозможно, сударыня. И пѣшкомъ едва-едва можно пройдти.

— Нашла-же я себѣ проводника!—сказазала графиня съ досадой и безпокойствомъ.

— Лучшій проводникъ можетъ сбиться съ дороги; впрочемъ, сударыня, я готовъ возвратить вамъ ваши три гинеи.

— Развѣ мнѣ будетъ легче, когда я возьму обратно задатокъ... Таули, я тебѣ прибавлю двадцать фунтовъ стерлинговъ, если ты сейчасъ-же проводишь меня въ Нербудду... Я поняла тебя, Таули; не можетъ быть, чтобы ты заблудился... Это спекуляція; я готова согласиться на выкупъ... Что тебѣ надо?

— Сударыня, хоть-бы дали мнѣ всѣ алмазы Голконды, я не могу теперь попасть на настоящую дорогу.

— Неужели, Таули, ты хочешь, чтобы я провела здѣсь ночь?

— Что-же дѣлать, сударыня?

— Ѣхать дальше...

— Если мы поѣдемъ дальше, то дня черезъ два пріѣдемъ въ Мацулипатнамъ.

— Негодный Индѣецъ!

— Хотите-ли послѣдовать моему совѣту, сударыня? сойдемте съ лошадей и пріищемъ какое-нибудь безопасное убѣжище на ночь. Завтра, послѣ солнечнаго восхода, опасность минуетъ, и мы, вѣроятно, найдемъ дорогу въ Нербудду.

— Но вѣдь ты съ величайшимъ хладнокровіемъ предлагаешь мнѣ ужасное средство!

— Я отъ-души желалъ-бы предложить вамъ какое-нибудь болѣе пріятное средство, но не возможно,—надо покориться.

— О! я понимаю... это сдѣлано съ адскимъ умысломъ! вскричала графиня, закрывъ лицо руками.

— Говорите тише, сударыня, говорите тише... насъ, можетъ-быть, подслушиваютъ мохнатыя уши. Время нехорошее... лошади дрожатъ, поднимаютъ уши... въ воздухѣ носятся жалобные звуки... это нехорошій знакъ.

Низамъ произносилъ эти слова съ устрашительнымъ спокойствіемъ, и большіе глаза его, устремленные на молодую женщину, свѣтились, какъ уголья. Вялый, полусонный старикъ превратился въ могучаго мужчину. Наклонивъ голову къ плечу, гордо скрестивъ руки на груди и выставивъ правую ногу нѣсколько впередъ, Низамъ походилъ на демона. Безстрашная амазонка, ухватившись судорожно сжатыми пальцами за гриву лошади, не могла отвесть глазъ отъ взора Индѣйца и трепетала при мысли, попасться въ когти этому ночному демону. Бѣжать было невозможно. Проворство, съ которымъ Низамъ соскочилъ съ лошади, доказывало, что онъ также проворно могъ вскочить на нее при первой попыткѣ графини обратиться въ бѣгство, и настигнуть ее въ какой-нибудь мрачной долинѣ, гдѣ вопль отчаянія могъ быть услышанъ только тиграми...

Графиня Октавія рѣшилась на крайность, которую Господь всегда внушаетъ женщинѣ, когда уже нѣтъ другихъ средствъ къ спасенію. Она соскочила съ лошади и, подойдя къ Индѣйцу, сказала самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Таули, ты не похожъ на дикихъ соотечественниковъ своихъ; въ словахъ твоихъ виденъ умъ, въ голосѣ твоемъ есть мелодическіе звуки. Я увѣрена, что у тебя доброе, сострадательное сердце. Ты не способенъ на преступленіе. Не покидай, не оскорбляй, а защити меня; не забудь, какъ ты завтра будешь счастливъ - послѣ добраго, великодушнаго поступка!

Выраженіе голоса Октавіи было плѣнительно. Низамъ поднесъ руку къ глазамъ, чтобы утереть слезинку, которая текла по бронзовой щекѣ его... Левъ, услышавъ этотъ голосъ, подогнулъ-бы когти подъ бархатъ лапы, протянутой уже къ добычѣ...

— Сударыня, отвѣчалъ Низамъ: вы не ошиблись; вамъ нечего бояться меня; я не имѣю ни одной преступной мысли. Вы здѣсь не по моей волѣ — но вы находитесь подъ моимъ покровительствомъ...

— Чья-же воля, Таули, заставляетъ тебя не повиноваться голосу сердца твоего и удерживать меня здѣсь, въ этой ужасной пустынѣ?

— Вы узнаете все, сударыня, и простите мнѣ.

— Таули, я поняла... ты дѣйствуешь по волѣ жестокаго, неумолимаго человѣка; ты исполнитель ужасныхъ прихотей сэръ Эдуарда... Ты молчишь?.. Я угадала.

— Я не исполняю ничьихъ приказаній, сударыня; клянусь звѣздами небесными.

— Въ такомъ случаѣ возврати мнѣ свободу; проводи меня къ жилищу полковника Дугласа. Будь не демономъ преслѣдователемъ, но будь хранителемъ моимъ!

— Сударыня, вы требуете невозможнаго. Не распрашивайте болѣе, я не могу отвѣчать вамъ. Я исполнилъ долгъ, возложенный на меня не лицомъ, но обстоятельствами. Вашъ голосъ трогаетъ, восхищаетъ, плѣняетъ меня, сударыня; но, хоть-бы я увидѣлъ васъ на колѣняхъ предъ собою — васъ, прелестнѣйшую изъ женщинъ, хоть-бы вы еще говорили мнѣ этимъ музыкальнымъ, нѣжнымъ голосомъ, очаровывающимъ бѣднаго сына Бенгаліи, я закрою уши, глаза и сердце, и долженъ буду сказать вамъ: Встаньте, сударыня, и покоритесь!

— Боже, Боже! спаси меня! вскричала графиня, съ отчаяніемъ ломая руки. О, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія! Я завлечена сюда по приказанію сэра Эдуарда!

— Нѣтъ, сударыня, клянусь вамъ—нѣтъ. Сэръ Эдуардъ ничего не приказывалъ мнѣ... я исполняю только долгъ свой... наступаетъ ужасная минута. Пустыня скоро оживится ночною жизнію; намъ надо найдти убѣжище; пойдемте за мною.

Низамъ сдѣлалъ знакъ, проговорилъ нѣсколько словъ и въ тоже мгновеніе лошади, повинуясь ему, съ быстротою исчезли во мракѣ.

Октавія взглянула на небо, сложила руки, какъ-бы для мысленной молитвы и послѣдовала за таинственнымъ проводникомъ.

IX.

НОЧЬ ВЪ ЛѢСУ.

На лощинкѣ лѣса, посреди густой массы деревъ, возвышалась одна изъ большихъ хижинъ, въ которыя Индѣйцы складываютъ рисъ послѣ жатвы. Эти хижины походятъ на швейцарскіе домики; онѣ построены на сваяхъ, отдѣляющихъ полъ ихъ отъ земли и покры-

ты нѣсколькими слоями сухаго тростника. Къ единственному отверстію всходятъ по неуклюжей приставной лѣстницѣ.

Эта хижина, знакомая Низаму и часто служившая ему ночлегомъ, была давно покинута хозяевами, и молодой кустарникъ разрастался на сосѣднемъ полѣ, засѣянномъ нѣкогда рисомъ. Внутри была навалена куча сухихъ листьевъ и сквозь щели досокъ, разсохшихся отъ вліянія солнца и урагановъ, пробивался блѣдный свѣтъ звѣздъ.

Низамъ приставилъ лѣстницу къ отверзтію и знакомъ показалъ графинѣ, чтобы она взошла.

Молодая женщина, истощивъ всѣ средства, вооружилась героическою рѣшимостію и вступила въ убѣжище, въ которомъ она была, по-крайней мѣрѣ, защищена отъ когтей хищныхъ звѣрей, кровожадныя завыванія которыхъ слышались уже въ отдаленіи.

— Теперь, сударыня, сказалъ Низамъ, отдохните и не бойтесь— я не оставлю васъ.

— Я не боюсь, потому-что ввѣрилась Богу, отвѣчала Октавія. Если при появленіи первыхъ солнечныхъ лучей я буду еще жива, то ничто не удержитъ меня въ этой пустынѣ. Ничто, кромѣ смерти.

Низамъ изчезъ. Долго еще слышался шумъ шаговъ страннаго проводника, прочищавшаго себѣ дорогу въ чащѣ лѣсной. Потомъ его не стало болѣе слышно... пробудился голосъ и ропотъ дикихъ ночей Индіи. Плачевныя жалобы раздавались въ горахъ, мѣшаясь съ ужаснымъ ревомъ: то былъ предсмертный вопль жертвъ и крики кроваваго упоенія свирѣпыхъ обитателей страшной пустыни. Деревья и растенія, казалось, трепетали при этихъ звукахъ, проносимыхъ въ воздухѣ вѣтромъ и покрывавшихъ шумъ отдаленныхъ водопадовъ.

Октавія сидѣла у единственнаго отверзтія хижины и, подперевъ голову рукою, смотрѣла въ ту сторону, гдѣ исчезъ во мракѣ и чащѣ лѣсной проводникъ ея. Низамъ снялъ лѣстницу для того, чтобы лучше защитить молодую женщину отъ нападенія дикихъ звѣрей, издали чующихъ запахъ мяса...

Октавія провела три часа въ лихорадочномъ ожиданіи и нѣмомъ отчаяніи; вдругъ послышался шелестъ листьевъ и шумъ приближавшихся шаговъ. Сердце молодой женщины забилось съ силой и она устремила неподвижные глаза въ ту сторону, откуда слышался шумъ.

Человѣкъ, въ бѣломъ платьѣ, поспѣшно вышелъ изъ чащи и остановился у индѣйской хижины. Октавія съ ужасомъ отскочила въ самый темный уголъ: она узнала сэръ Эдуарда!

Эдуардъ нѣсколько минутъ со вниманіемъ разсматривалъ хижину, какъ-бы обдумывая, на что рѣшиться; потомъ приблизился, приставилъ лѣстницу къ отверстію, скоро взобрался по ней и, остановившись на послѣдней ступени, тихо произнесъ имя графини.

— Если-бъ я не захотѣла отвѣчать, то вы можете подумать, что я боюсь васъ, сказала графиня, не показываясь; выслушайте, что я вамъ скажу: вы низкій человѣкъ, сэръ Эдуардъ; то, что вы сдѣлали со мною, подло; вы обезчестили себя, обидѣвъ женщину. Продолжайте теперь; все, что вы сдѣлаете, будетъ вещью обыкновенною; вы уже не превзойдете себя въ преступной низости. Совѣтую вамъ, однако-жъ, не идти далѣе.

Этотъ голосъ, исполненный ядовитой иронiи и дребезжавшій во мракѣ ночномъ, достигалъ слуха Эдуарда, какъ обвиненіе, выходящее изъ глубины могилы.

— Вы раскаетесь въ словахъ вашихъ, графиня; я въ томъ увѣренъ, сказалъ Эдуардъ своимъ нѣжнымъ, пріятнымъ голосомъ. Вашъ проводникъ поступилъ съ вами неосторожно, отъ избытка преданности ко мнѣ; онъ не получалъ отъ меня никакого приказанія; клянусь, въ этотъ торжественный часъ и въ этой страшной пустынѣ, гдѣ меня, быть-можетъ, поджидаетъ уже смерть, клянусь, что я ни въ чомъ не виноватъ. Когда Индѣецъ разсказалъ мнѣ поступокъ свой, я вскричалъ: О! я обезчещенъ, если съ опасностію жизни не исправлю ошибки преданнаго слуги!.. И я пришолъ сюда, графиня, не желая никому ввѣрять заботы охранять васъ и защищать отъ ужасовъ ночи... хотите-ли послѣдовать за мною, въ Нербудду? Пойдемте, мы не болѣе, какъ въ трехъ льё отъ жилища. Я вооружонъ; всѣ тропинки этого лѣса мнѣ знакомы; съ опасностями я давно свыкся. Вамъ нечего опасаться.

— Э, Боже мой! Могу-ли я быть увѣрена, что вы не имѣете другаго дурнаго умысла? Могу-ли я положиться на ваши слова, въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, куда я завлечена, какъ вы сами признались, слугою, слишкомъ преданнымъ благородному сэръ Эдуарду?

— Графиня, прошу васъ, подумайте... развѣ вы не въ моей власти? Какой законъ можетъ теперь защитить васъ? Если-бъ я былъ человѣкъ низкій, какъ вы говорите, замышляющій разные ужасы противъ васъ, я, вѣрно, не подвергнулъ-бы жизнь свою опасности, ночью, въ этомъ лѣсу, чтобы поспѣшить къ вамъ на помощь; я не остановился-бъ почтительно на порогѣ вашего убѣжища. Самыя обвиненія ваши оправдываютъ меня... еще болѣе, графиня, минута эта такъ торжественна, что я долженъ сдѣлать вамъ признаніе, въ которомъ завтра, вѣроятно, раскаюсь...

— Какое признаніе?

— Графиня, я люблю васъ... Вы пугаетесь... Я понимаю вашъ страхъ; но выслушайте. Я люблю васъ безъ надежды, но страстною, пламенною любовію. Я человѣкъ низкій; я завлекъ васъ въ западню. Никто не будетъ свидѣтелемъ мщенія, преступленія, исключая тигра, которому въ этомъ случаѣ можетъ достаться трупъ! Я имѣю право рѣшиться на все, не боясь ничего! На моей сторонѣ оружіе, смѣлость, сила, страсть, низость, безнаказанность... графиня, вы не ошиблись во мнѣ: вы справедливы; вашъ страхъ не напрасенъ: я злодѣй!.. Возьмите-жъ оружіе мое... тутъ все... курки пистолетовъ повинуются самымъ слабымъ рукамъ.. теперь преимущества на вашей сторонѣ; жизнь моя въ вашихъ рукахъ. Грудь моя открытыта... я безоруженъ и жду!

— Сэръ Эдуардъ, сказала Октавія съ смущеніемъ: ночь и положеніе мое заставили меня быть мнительною... поспокъ и слова ваши благородны, сознаюсь, но...

— А! вы еще не совсѣмъ успокоились, графиня!.. Я, можетъ-быть, все еще слишкомъ близокъ къ вамъ... Постойте-жъ... Я сойду; сяду на травѣ и буду охранять васъ; а завтра созову сюда толпу слугъ и въ сопровожденіи ихъ вы торжественно вступите въ Нербудду!

— Сэръ Эдуардъ, вы искренни, я вамъ вѣрю; но не менѣе того поведеніе ваше необъяснимо для меня. Какой злобный геній научаетъ васъ идти на-перекоръ всѣмъ моимъ намѣреніямъ? Въ Смирнѣ на васъ не подѣйствовали ни просьбы мои, ни слова, которымъ я старалась придать всевозможную нѣжность. Я хотѣла подѣйствовать на сердце ваше, вы поспѣшно удалились. Вчера, вы употребили графа дель-Пилара и Индѣйца, слишкомъ вѣрнаго слугу вашего, чтобы вторично разстроить бракъ полковника Дугласа... По-истинѣ, сэръ Эдуардъ, можно подумать, что вы сами влюблены въ Амалію и что всѣ хитрости имѣютъ цѣлію разстроить бракъ ея въ пользу вашей страсти.

— Графиня, отвѣчалъ Эдуардъ, вы коснулись обстоятельства, которое должно остаться тайной, пока нескромное время не откроетъ вамъ его. Тайна эта не моя. Позвольте мнѣ только замѣтить вамъ, что я не имѣю никакихъ личныхъ причинъ противиться браку вашей молодой подруги. Если полковнику Дугласу заблагоразсудится завтра-же жениться на ней, пусть женится — я съ удовольствіемъ подпишу контрактъ. Вы упрекаете меня въ томъ, что я такъ поспѣшно удалился отъ васъ въ Смирнѣ. Я заслужилъ этотъ упрекъ. Да, графиня, я не былъ столько самолюбивъ, что-

бы повѣрить сладостнымъ обольщеніямъ глазъ и словъ вашихъ; вы были тѣмъ опаснѣе, что дали мнѣ почувствовать, до какой степени блаженства можетъ достигнуть человѣкъ, осчастливленный вашею любовью. Да, я удалился съ твердымъ намѣреніемъ, не встрѣчаться болѣе съ вами; я поклялся, что никогда болѣе не услышу плѣнительнаго вашего голоса... и не сдержалъ клятвы! Мнѣ сказали, что вы здѣсь, въ жалкой лачужкѣ, во мракѣ ночи, въ чащѣ лѣса, окруженные хищными звѣрями... о! могъ-ли я не сдѣлаться клятвопреступникомъ!.. Если-бъ вы меня видѣли въ ту минуту, когда я получилъ это извѣстіе, то рѣшились-бы, можетъ-быть, когда-нибудь полюбить меня. Я вооружился, съ быстротою стрѣлы поспѣшилъ черезъ рѣки и лѣса, чтобы защитить васъ. Я здѣсь—располагайте моею жизнію!

Наступила минута молчанія. Ропотъ лѣса былъ печаленъ и грозенъ. Вѣтеръ завывалъ, прорываясь между щелями индѣйской хижины, и сосѣднія деревья, увитыя ліанами, потрясали ими, какъ длинными волосами изъ тысячи змѣй, и покачивались съ жалобнымъ скрыпомъ; изъ черныхъ отверзтій пещеръ, тамъ и самъ, появлялись хищные звѣри и гады, которымъ мракъ ночи придавалъ чудовищныя формы. Ужасы лѣса, верхушки котораго были слабо освѣщены звѣздами, проявлялись ураганомъ криковъ, жалобъ, воплей...

Эдуардъ, все еще стоя на послѣдней ступенкѣ лѣстницы и скрестивъ руки на груди, спокойнымъ взоромъ смотрѣлъ на ужасы ночи и равнодушно внималъ страшному голосу ихъ.

— Сэръ Эдуардъ, произнесла графиня ласковымъ голосомъ: тамъ, изъ чащи лѣсной, могутъ увидѣть васъ вражескіе глаза...

— Эти глаза мнѣ не страшны, графиня.

— Но вѣдь вы здѣсь не одни; нѣсколько ступеней отдѣляютъ насъ отъ этого возмутившагося звѣринца; вы подвергаете не одну свою жизнь, но и мою.

— Противъ этого я не смѣю возражать. Чтобы повиноваться вамъ, я забываю уваженіе, которое рѣшился имѣть къ вамъ. Я переступилъ за порогъ; непріятельскіе глаза уже не могутъ увидать меня и въ то-же время я довольно удаленъ отъ васъ... Въ опасныхъ случаяхъ всегда должно повиноваться женщинамъ, прибавилъ Эдуардъ обыкновеннымъ шутливымъ тономъ своимъ: онѣ одарены способностію предчувствовать... Вы здѣсь, графиня, въ безопасности; притомъ-же вы одарены одною изъ тѣхъ организацій, которымъ страшно только начало опасности; слѣдовательно,

я могу сообщить вамъ открытіе свое—это не диковинка въ Бенгаліи.

Эдуардъ указалъ пальцомъ въ правую сторону, и Октавія, не трогаясь съ мѣста, посмотрѣла въ широкую скважину въ стѣнѣ, по направленію пальца Эдуарда.

Такъ-какъ весьма-естественныя обстоятельства поставили дѣйствующія лица наши въ странное положеніе, въ которомъ они находились, то не удивительно, что имъ представился случай видѣть зрѣлище, весьма-обыкновенное въ Бенгаліи.

Въ нашихъ европейскихъ лѣсахъ разговоръ графини съ Эдуардомъ могъ быть прерванъ лаемъ какой-нибудь дворовой собаки, охотниками или крестьянами, прибывшими рубить дрова. Читатели наши нашли-бъ это весьма натуральнымъ въ какомъ-нибудь разсказѣ.

Но въ центрѣ Бенгаліи дѣло совсѣмъ другое. Тамъ, гдѣ въ Европѣ вы рискуете подвергнуться только маленькой непріятности, въ Бенгаліи угрожаетъ вамъ опасность, смерть. Сэръ Эдуардъ очень-хорошо зналъ, что четвероногіе лѣсные мародёры почуютъ близость людей и подойдутъ къ лачужкѣ; онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ страшнымъ обстоятельствомъ, чтобы еще болѣе выказать страсть свою къ графинѣ.

Два тигра чистѣйшей породы какъ-бы нарочно выбрали эту ночь, чтобы дать дѣтямъ своимъ первый урокъ хищничества; тигренки были прелестны; они рѣзвились съ невинностію, согласной съ нѣжными лѣтами ихъ, и родители, забывая по-временамъ важность свою, вмѣшивались въ игры ихъ. При каждомъ порывѣ вѣтра, плоды падали съ деревъ и тигрёнки, округливъ спину, какъ котёнки, бочкомъ и прыжками бросались на игрушки, которыя дарила имъ щедрая природа, и валялись съ ними съ наивною яростью, граціозно изгибая хвосты.

Когда добрые родители замѣчали, что невинныя чада ихъ, убѣгая съ лощины, приближались къ мрачной опушкѣ лѣса, откуда какой-нибудь тигръ-холостякъ могъ выскочить и задушить малютокъ, то двумя граціозными прыжками бросались къ неосторожнымъ дѣтямъ и, играя, отгоняли ихъ обратно на лощину. Тогда нѣжная мать вспоминала, что и она была ребенкомъ и принималась рѣзвиться съ маленькими школьниками, широкой лапой обхватывала ихъ и покрывала ласками, облизыя ихъ длиннымъ шероховатымъ языкомъ своимъ.

Старый тигръ между-тѣмъ наблюдалъ за безопасностью своей семьи; прищуривъ глаза и шевеля ноздрями, онъ протягивалъ го-

лову къ самымъ тѣснымъ кустарникамъ; уши его выпрямлялись, какъ-бы для того, чтобы въ ночномъ ропотѣ различать звуки, изобличавшіе приближеніе непріятеля, и когда онъ удостовѣрялся въ безопасности семьи, то искоса и глазами, исполненными родительской нѣжности, поглядывалъ на счастливую мать, граціозно валявшуюся на травѣ съ драгоцѣнными его дѣтёнышами.

Вдругъ старый тигръ отогнулъ назадъ уши, подогнулъ хвостъ и испустилъ сквозь зубы протяжный, жалобный ревъ. Тигрица привстала, придавила лапой тигренковъ, тщетно старавшихся выбиться, чтобы продолжать игру, и, при второмъ знакѣ самца, бросилась къ скалѣ и унесла съ собою дѣтей своихъ. Минуту спустя, она воротилась къ тигру.

Мы, люди, воображаемъ, что одни обладаемъ даромъ слова; и животныя имѣютъ этотъ даръ—только они говорятъ меньше и понимаютъ другъ друга лучше.

Казалось, отецъ семьи сдѣлался смѣлѣе, увѣрившись, что дѣти его были въ безопасности. Не смотря на то, онъ не забывалъ однако-жъ осторожности, запечатлѣнной въ сердцѣ тигра самой природою и заставившей натуралистовъ обвинить его въ трусости. Тигръ обладаетъ храбростью въ одной степени съ дикимъ, всегда готовымъ вступить въ равный бой, но отступающимъ безъ стыда, когда не представляется средствъ къ побѣжденію врага.

Вытянувъ шею, подогнувъ лапы, тигръ подвигался впередъ, готовясь къ аттакѣ или бѣгству, смотря по силѣ ожидаемаго непріятеля. Увидѣвъ индѣйскую хижину, онъ совершенно опустился къ землѣ, страшно оскаливъ зубы; самка повторяла всѣ движенія его; подползши такимъ образомъ до самой лѣстницы, тигръ поднялъ нѣсколько голову и довольно долго обнюхивалъ первыя ступени, потомъ поставилъ на нихъ переднія лапы, какъ-бы желая увѣриться въ твердости лѣстницы. Безпокойная дрожь пробѣгала по всѣмъ членамъ тигрицы, прислушивавшейся, по-временамъ, къ отдаленному жалобному визгу дѣтей ея.

Эдуардъ лежалъ на полу, закрывъ голову сухими листьями.

— Ради Бога, опрокиньте лѣстницу! шепнула ему Октавія.

Эдуардъ сдѣлалъ ей знакъ рукою, чтобы она молчала и не безпокоилась.

Тигръ, разсудивъ, что непріятель былъ не страшенъ, сталъ взбираться по лѣстницѣ съ осторожностью, обнюхивая каждую ступень и цѣпляясь когтями за сваи, когда лѣстница гнулась подъ тяжестію его...

У отверзтія хижины показалась широкая, мохнатая морда страшнаго животнаго... уже слышалось тяжолое дыханіе его, когда Эдуардъ съ живостію схватившись однако рукою за конецъ лѣстницы, другою выхватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ, приложивъ дуло почти къ самой мордѣ чудовища, которое, вмѣстѣ съ лѣстницею, въ то-же мгновеніе полетѣло внизъ.

Тигрица испустила страшный ревъ и огромными прыжками бросилась къ пещерѣ, чтобы удостовѣриться, цѣлы-ли дѣти ея. Выстрѣлъ пробудилъ стаю птицъ, которыя поднялись въ воздухъ съ криками, мѣшавшимися съ дальнимъ ревомъ испуганныхъ хищныхъ звѣрей.

Эдуардъ медленно всталъ и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Жаль было разстроить счастіе такой прекрасной семьи; но иначе намъ не было спасенія.

Октавія, блѣдная, неподвижная отъ страха и изумленія, походила на мраморную статую.

— Вы, графиня, любите сильныя ощущенія, сказалъ Эдуардъ: слѣдовательно, должны-быть довольны. Вотъ наши бенгальскія идилліи: хижинка, и два сердца, приправленныя тиграми. Угодилъ-ли я вамъ?

— Вы поступили съ изумительнымъ мужествомъ, сэръ Эдуардъ, сказала графиня взволнованнымъ голосомъ: но мнѣ кажется, что вы допустили тигра слишкомъ-близко.

— Ваше замѣчаніе весьма-справедливо, графиня, отвѣчалъ Эдуардъ шуточнымъ тономъ. Но мнѣ пришла мысль... чисто англійская!

— Какая-же это мысль сэръ Эдуардъ?

— О! вы не поймете ее... мнѣ пришла мысль не защищаться и впустить сюда тигра.

— Помилуйте! но вѣдь мы погибли-бы оба...

— Именно... сладостная мысль погибнуть вмѣстѣ съ вами одною смертію, чуть не увлекла меня.

— Какой ужасъ!

— Ахъ! я, можетъ-быть раскаюсь, что упустилъ такой прекрасный случай, потому что врядъ-ли мнѣ представится въ другой разъ болѣе очаровательный родъ смерти!

— Слѣдовательно, вы могли-бъ принесть и меня въ жертву, безъ моего согласія? спросила Октавія, слегка улыбнувшись.

— Это самое обстоятельство и остановило меня.

— Прекрасно!.. Но скажите мнѣ, сэръ Эдуардъ, какъ мы выйдемъ отсюда?

— Это не трудно, графиня, не безпокойтесь; намъ надо только дождаться утра, тогда солнце разгонитъ ночныхъ страшилищъ. Впрочемъ звѣзды блѣднѣютъ уже на небѣ и маленькій *бенгали* просыпается на вершинахъ пальмовыхъ деревъ. Послѣ рева тигра, пѣніе бенгали. Индѣйская природа любитъ контрасты.

— На мѣстѣ ея, я уничтожила-бъ тигровъ и оставила-бъ однихъ бенгали.

— Вы сдѣлали-бы ошибку, графиня; безъ тигровъ въ Бенгаліи надо-бы было умереть со скуки: она походила-бъ на Лондонъ. Завтра, графиня, вы будете чрезвычайно-довольны приключеніями этой ночи, которыми мы обязаны тиграмъ. Знаете-ли, что теперь дѣлаютъ богатыя и знатныя знакомки ваши въ Парижѣ? Тамъ теперь день и онѣ разъѣзжаютъ между полузасохшими деревьями Буловьскаго лѣса и радуются эффекту, производимому модными экипажами и красивыми лошадьми ихъ. Но вѣдь подобныя радости не долговременны; ихъ замѣняетъ скука — несносная, убійственная скука, злѣйшій врагъ нашъ въ этой жизни! Недавно въ Лондонѣ какой-то чахоточный, голодный бѣднякъ издалъ книгу, научавшую бѣдныхъ людей быть счастливыми. Если бъ я не долженъ былъ ѣхать въ Смирну, то написалъ-бы книгу, болѣе вѣрную и важную, которая научала-бъ богачей быть счастливыми Что можетъ-быть скучнѣе, убійственнѣе жизни, которую ведутъ богачи въ столицахъ? Не лучше-ли, имѣя состояніе, рыскать по свѣту, подвергаться опасностямъ разнаго рода, кораблекрушеніямъ, битвамъ, тиграмъ, пожарамъ, знакомиться со всѣми ощущеніями и собрать тысячу воспоминаній, которыя подъ-старость утѣшительны, какъ ласки внучатъ!.. Господь даетъ ангеловъ-хранителей людямъ, которые смѣло идутъ на встрѣчу опасностямъ, чтобы имѣть средство изучить дивныя страницы сферическаго созданія его!

— Сэръ Эдуардъ, отвѣчала Октавія, я одного съ вами мнѣнія. Но вы забываете, что жизнь, полная опасностей и сильныхъ ощущеній, имѣетъ еще другія выгоды? Въ Смирнѣ я возненавидѣла и проклияла васъ; если-бъ мы жили въ Европѣ, то десяти лѣтъ было-бъ недостаточно, чтобы заставить меня позабыть поступокъ вашъ; здѣсь-же достаточно было одного часа, чтобы примирить меня съ вами... въ подобныхъ обстоятельствахъ мы скоро познаемъ людей...

— Извините, графиня, что я осмѣливаюсь прервать васъ, сказалъ Эдуардъ: но поговоримте лучше о чомъ-нибудь другомъ. Входя сюда, я долженъ былъ говорить о себѣ; того требовали обстоя-

тельства; но такъ-какъ вы уже удостоили меня нѣсколькихъ благосклонныхъ словъ, то я долженъ отложить до другаго времени личныя объясненія, которыя теперь были-бъ неумѣстны.

— Сэръ Эдуардъ, вы доводите деликатность до крайности. Теперь я понимаю, зачѣмъ вы произнесли такую длинную рѣчь о разности столичной жизни съ тою, которую мы ведемъ. Вы нарочно завели легкій разговоръ, чтобы уклониться отъ личныхъ объясненій, какъ вы говорите. Сверхъ-того, вы хотѣли развлечь меня послѣ ужасной сцены, которой я была свидѣтельницей и сократить скучное ожиданіе солнечнаго восхода. Это благородно и великодушно, сэръ Эдуардъ. Я позволяю вамъ приблизиться и пожать мнѣ руку.

— Графиня, я повинуюсь вамъ.

— Вотъ такъ, сэръ; вы заслужили дружбу мою; она будетъ продолжаться до тѣхъ-поръ, пока изъ ума моего не изгладится воспоминаніе объ этой ночи.

— Графиня, восточныя звѣзды начинаютъ блѣднѣть: въ здѣшнихъ странахъ нѣтъ зари; солнце внезапно появится за горами и освѣтитъ всю природу. Я ожидаю первыхъ лучей его, чтобы вамъ напомнить кое-о-чомъ.

— О чомъ, сэръ Эдуардъ?

— Солнце еще не взошло, графиня.

Наступило довольно-продолжительное молчаніе, которое молодая вдова прервала, вскричавъ съ восторгомъ:

— Сэръ Эдуардъ! вотъ солнце!..

— Графиня, въ одну ночь вы сказали въ Смирнѣ: «Я готова отдать руку и сердце человѣку, который исполнилъ-бы что-нибудь необыкновенное, изъ любви ко мнѣ»... Говорили-ли вы это, графиня?

— Сказала, сэръ Эдуардъ, отвѣчала Октавія голосомъ, выражавшимъ внутреннее волненіе; но васъ тамъ не было, когда я произнесла эти слова...

— Мнѣ сообщилъ ихъ графъ дель-Пиларъ.

Октавія опустила голову съ выраженіемъ глубокой грусти.

— Графъ Жиль, продолжалъ Эдуардъ, не забылъ этихъ словъ...

— Сэръ Эдуардъ, прервала его Октавія весело: мы съ вами весьма-неблагодарны; мы не привѣтствовали еще солнце. Стараясь не говорить о себѣ, мы вполнѣ занялись собою. Боже мой! Какъ пріятно взглянуть на солнце послѣ ужасной ночи!

Лишь только первый лучъ солнца освѣтилъ очаровательное ли-

цо молодой вдовы, Эдуардъ всталъ и почтительно поклонился, какъ бы входя къ ней въ гостиную, съ утреннимъ визитомъ.

— Графиня, сказалъ онъ: я не спрашиваю васъ, какъ вы изволили почивать, но увѣряю, что наступающій день будетъ вамъ пріятенъ...

— Сэръ Эдуардъ, хижина эта ужасна; однакожъ, если вы потребуете, чтобы я воротилась въ Руджу, то лучше соглашусь остаться здѣсь!

— Вы не воротитесь въ Руджу, графиня; вы отправитесь въ очаровательное жилище, полное англо-индѣйской роскоши; вамъ будутъ прислуживать молодыя Индіянки; вы будете ступать по цвѣтамъ, пѣніе красивыхъ птицъ будетъ услаждать слухъ вашъ...

— О, да это прелестно! вскричала радостно Октавія, протягивая руки къ сэръ Эдуарду. А скоро-ли отправимся мы въ этотъ земной рай?

— Скоро, графиня: человѣкъ, котораго я ожидаю, не замедлитъ явиться.

— Теперь, я думаю, намъ можно подойти къ крыльцу этого дворца и посмотрѣть на окрестности... я полагаю, сэръ Эдуардъ, что теперь опасности нѣтъ... мнѣ хочется видѣть слѣды вашего геройскаго подвига.

Октавія подошла къ отверзтію.

Весь ландшафтъ блестѣлъ утреннею радостію: деревья и цвѣты, казалось, трепетали отъ восторга при первыхъ ласкахъ солнца и росой смывали съ себя слѣды прикосновенія ночныхъ страшилищъ; воздухъ былъ наполненъ гармоническимъ пѣніемъ мелкихъ птицъ, воркованьемъ сизыхъ голубей и веселымъ журчаньемъ ручейка, пробѣгавшаго между тростникомъ и округленными каменьями. Вмѣстѣ съ ночью исчезъ и ураганъ... Рождавшемуся дню представлялась спокойная зелень равнинъ, яркій блескъ на цвѣтахъ, разсыпанныхъ по ландшафту, какъ изумруды, сафиры, топазы и рубины,—мелодическое пѣніе птицъ, свѣтлая, чистая лазурь неба, сливавшаяся къ горизонту съ золотою полосою...

Одинъ трупъ напоминалъ объ ужасахъ ночи; пораженный пулей въ лобъ, онъ лежалъ передъ хижиной, вытянувъ лапы, высунувъ опухшій, окровавленный языкъ и сохранивъ еще въ полураскрытыхъ глазахъ грозное выраженіе.

Октавія съ состраданіемъ взглянула на величественнаго, побѣжденнаго врага. Сердце женщины такъ богато благородными чувствами!

Шумъ скоро-скакавшихъ лошадей возвѣстилъ о приближеніи Низама.

— Это мой вчерашній проводникъ! — сказала графиня, узнавъ Индѣйца.

— Теперь онъ не собьется съ дороги, возразилъ Эдуардъ.

— О! я прощаю ему, сэръ Эдуардъ.

— Вы осчастливите его, если сами объявите ему о томъ.

Сказавъ эти слова, Эдуардъ схватился за крѣпкій сучокъ, доходившій до отверстія и въ одно мгновеніе опустился внизъ. Низамъ закрылъ тигра сухими листьями, счистилъ кровь съ лѣстницы, плотно приставилъ ее къ отверзтію, и отошолъ, чтобы молодая дама могла спокойно сойдти внизъ.

Между-тѣмъ-какъ она сходила, Низамъ сказалъ на ухо сэръ Эдуарду:

— Приказанія ваши исполнены.

Эдуардъ подошолъ къ Октавіи, подвелъ къ ней лошадь и, ставъ на одно колѣно, помогъ ей вскочить на лошадь; вскорѣ прелестная амазонка, веселая и радостная, какъ утренняя заря, скакала возлѣ безстрашнаго своего защитника.

Низамъ ѣхалъ впереди, прочищая дорогу.

X.

РАЗГАДКА.

Полковникъ Дугласъ ждалъ графиню Октавію и сэръ Эдуарда въ большой аллеѣ Нербуддскаго имѣнія; лишь только они показались, онъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу, помогъ молодой вдовѣ сойдти съ лошади и принялъ ее съ изъясненіями искреннѣйшей дружбы.

— Вы сбились съ дороги? спросилъ онъ, слегка засмѣявшись: мнѣ разсказали объ этомъ нѣсколько часовъ тому назадъ, въ то самое время, когда я собирался ѣхать въ Руджу́, повидаться съ вами. Я сначала испугался за васъ, но узнавъ, что вы находились подъ покровительствомъ сэръ Эдуарда, успокоился.

— Хотя, благодаря сэру Эдуарду, я не могу жаловаться на ночное приключеніе, сказала Октавія, взявъ руку полковника, однакожъ не желаю, чтобы оно повторилось. Надѣюсь, любезный полковникъ, что вы немедленно отдадите приказаніе, чтобы вещи мои сегодня-же были доставлены въ Нербудду. Я все оставила въ несносной деревнѣ, даже горничныхъ своихъ!.. Я такъ спѣшила вырваться изъ нея!.. Мнѣ совѣстно явиться въ этомъ неглиже́ хозяевамъ.

— Успокойтесь, графиня, отвѣчалъ полковникъ: хозяевъ нѣтъ дома; они поѣхали навѣстить нѣкоторыхъ сосѣдей.

— Весьма-отдаленныхъ сосѣдей, прибавилъ Эдуардъ, который, переговоривъ съ Низамомъ, подошолъ къ Октавіи.

— Это очень-кстати... слѣдовательно, мнѣ церемониться нечего... вы здѣсь одни, полковникъ?

— Одинъ, съ толпою слугъ.

— Къ чему вамъ всѣ эти люди?

— Они учатся у насъ ничего не дѣлать. отвѣчалъ Эдуардъ.

— Прекрасно! вскричала графиня: я уже пугалась мысли, быть въ зависимости отъ этого множества слугъ... Какъ-же вы проводите время въ этой пустынѣ?

— Очень-пріятно, отвѣчалъ Эдуардъ: мы охотимся, ловимъ рыбу, отдыхаемъ, ѣдимъ, гуляемъ, спимъ, читаемъ и занимаемся музыкой.

— Полковникъ, сказала графиня: я не удивляюсь, что при столькихъ занятіяхъ вамъ некогда жениться.

— Графиня, возразилъ Эдуардъ: полковникъ женится. Онъ далъ слово.

— Впрочемъ, сказала графиня: мы будемъ еще имѣть время поговорить о свальбѣ. Въ это время Октавія вышла изъ аллеи и весь фасадъ огромнаго дома набоба представился глазамъ ея.

— Да это настоящая цитадель, продолжала она: тутъ тигровъ бояться нечего... Кстати о тиграхъ: я слышала, что Тоги, непримиримые враги ваши, подали въ отставку?

— Это правда, отвѣчалъ Эдуардъ: объ нихъ ничего не слышно.

— Я читала о томъ въ индѣйской газетѣ...

— О! газетамъ всегда должно вѣрить, сказалъ Эдуардъ.

— Мирное время позволяетъ намъ заниматься образованіемъ туземцевъ, прибавилъ Дугласъ.

— Я иногда просиживаю цѣлыя ночи, изучая знаменитыхъ англійскихъ экономистовъ, сказалъ Эдуардъ

— Куда-же дѣвались теперь Тоги? спросила графиня.

— Тоги, отвѣчалъ Эдуардъ, воспитываютъ птицъ для рыбной ловли, жгутъ кирпичъ, молотятъ рисъ, читаютъ молитвы и учатъ дѣтей своихъ пѣть народный нашъ гимнъ «God save the King»... Мы очень-довольны ими: ихъ теперь узнать нельзя! Еще недавно мы съ полковникомъ встрѣтили въ темномъ лѣсу порядочную шайку Тоговъ, и что-же? они разбрелись безъ шуму, какъ овцы.

— Въ рапортѣ, который я сегодня отсылаю къ министру, сказалъ Дугласъ, я сообщаю ему весьма-пріятныя извѣстія.

— Ахъ, любезный полковникъ, не забудьте поблагодарить министра за выборъ мистера Тóуэра въ опекуны Амаліи, сказала Октавія.

— Боже мой, графиня, сказалъ сэръ Эдуардъ: чѣмъ мистеръ Тòуэръ заслужилъ особенное расположеніе ваше? Я знаю его, онъ человѣкъ весьма-обыкновенной.

— Ошибаетесь, сэръ Эдуардъ, возразила графиня: вы худо знаете Тòуэра. Онъ человѣкъ необыкновенный уже потому, что воображаетъ, будто-бы всѣ женщины влюблены въ него.

— Это очень-обыкновенно.

— Онъ гордъ, какъ колоссъ Родосскій, которому-бы вздумалось прогуляться по Архипелагу.

— И это я очень хорошо знаю. Однажды, проѣзжая съ нимъ въ челнокѣ, подъ аркой Лондонскаго-моста, я видѣлъ, какъ онъ наклонился, чтобы не удариться головою о каменный сводъ!..

— Знаете-ли, сэръ Эдуардъ, что онъ волочился за мною во все время нашего путешествія?

— И это дѣло весьма-обыкновенное.

— Но вѣдь онъ старъ!

— Не удивительно.

— Теперь онъ волочится за Амаліей!

— Это до меня не касается.

— А! вы злы Эдуардъ, сказалъ полковникъ... Графиня, вотъ вашъ дворецъ, вашъ садъ, вашъ паркъ. Вы, вѣроятно, желаете отдохнуть. Мы пришлемъ вамъ двухъ горничныхъ, Индіянокъ...

— Прелестныхъ, какъ мѣдь до изобрѣтенія золота, сказалъ Эдуардъ. Мы съ полковникомъ терпѣть не можемъ Индіянокъ...

— Сэръ Эдуардъ, сказала графиня: вы лицемѣрите; и мѣдь имѣетъ свою цѣнность; мнѣ разсказывали, что вы не разъ мѣняли червонцы изъ чистаго золота на эту мѣдь...

— Графиня, это клевета, противъ которой я могъ-бы сказать многое...

— Молодыя Индіянки мои ждутъ меня, прервала его Октавія: прощайте, господа, до свиданія... Извините, сэръ Эдуардъ, мнѣ надо сказать два слова полковнику... Любезный полковникъ, вы представите меня здѣшнему бѣлому обществу?

— Увы! графиня, отвѣчалъ полковникъ: въ Бенгаліи общество не отличается бѣлизной. Вы можете впрочемъ выбрать изъ общаго здѣшняго цвѣта тѣ оттѣнки, которые вамъ болѣе понравятся.

— Какъ матерію для платья... Полковникъ, мнѣ кажется, что

вы уже выбрали себѣ оттѣнокъ... вы разсѣянны... о! мужчины непостижимы!

— Изъ вѣжливости, мы стараемся походить на васъ.

— Но какъ можно предпочесть бенгальскія розы смирнскимъ?

— Всѣ розы прелестны, графиня.

— Впрочемъ, полковникъ, я уже не хочу мѣшаться въ ваши дѣла.

— Объясните мнѣ, графиня...

— Я устала, полковникъ; до свиданія!

И графиня скоро удалилась, граціозно кивнувъ головою сэръ Эдуарду.

Дугласъ подошолъ къ Эдуарду, и, скрестивъ руки, вскричалъ:

— Ради-Бога! объясните мнѣ, любезный Эдуардъ, что̀ все это значитъ? Я вышелъ на встрѣчу графинѣ, какъ къ непріятелю, смѣло, чтобы не быть убитымъ съ перваго разу; я ожидалъ, что она уничтожитъ меня—ничего не бывало,—все прошло какъ нельзя лучше... Она насмѣхалась надъ Тоуэромъ, котораго превозноситъ въ письмѣ; весьма-небрежно говорила объ Амаліи и свадьбѣ. Я не могу придти въ себя отъ изумленія.

— Это очень-счастливо для васъ, Дугласъ; вы только не можете придти въ себя, а я такъ, просто, съ ума схожу: есть женщины, которыя рождены для того, чтобы поставлять постояльцовъ въ дома сумасшедшихъ.

— Правда, Эдуардъ! она сегодня утромъ очаровательна...

— Очаровательна?.. Въ измятой амазанской шляпѣ, съ волосами, запутанными и покрытыми сухими листьями, въ разорванномъ, запыленномъ кисейномъ платьѣ, съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ безсонницы, глазами, окруженными синевою!.. Любезный Дугласъ, какъ вы счастливы, что влюблены и женитесь чрезъ двѣ недѣли!.

— Увы! кто знаетъ...

— Я знаю! Вы дали слово набо̀бу...

— Эдуардъ! вы забываете депешу министра?.. Прошедшая ночь лишила васъ ума и памяти!.. Ваша графиня причинила мнѣ много горя; она выхлопотала, чтобы министръ написалъ мнѣ эту депешу; она преслѣдовала меня съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто-бъ жизнь ея зависѣла отъ брака моего съ молодою Гречанкою Амаліей. Потомъ, когда она все перепутала своими миленькими пальчиками, она сама сбивается съ толку и перестаетъ заботиться о моемъ бракѣ, объ Амаліи и опекунѣ ея... Пойми послѣ этого женщину!

— Отчего-же нѣтъ? сказалъ Эдуардъ: полковникъ Дугла́съ, вы лучше знаете То́говъ, нежели женщинъ... Ка́къ! вы не поняли еще графини Октавіи?

— Будто-бъ вы ее поняли?

— Полковникъ, я краснѣю за васъ. Неужели я долженъ объяснять вамъ такую простую вещь? Изъ дружбы къ вамъ, я хочу, чтобы вы сами объяснили себѣ половину всего дѣла... знаете, какъ бываетъ въ оперныхъ дуэтахъ. . Дѣйствіе происходитъ въ Смирнѣ; графиня Октавія живетъ въ этомъ городѣ; у нея есть молодая подруга, которую зовутъ..?

— Амаліей.

— Прекрасно!.. Вы знаете, Дугла́съ, откуда прелестная графиня родомъ?

— Она Француженка.

— Болѣе, нежели Француженка, она Парижанка!.. Является молодой графъ Жиль...

— Испанецъ.

— Болѣе, нежели Испанецъ, — изгнанникъ!.. Графъ Жиль оказываетъ особенное вниманіе обѣимъ дамамъ, и молодой дѣвушкѣ, и прелестной вдовѣ... Въ одинъ прекресный день молодой графъ...

— Просыпается влюбленнымъ въ одну изъ дамъ.

— Хорошо, но въ которую?

— Въ графиню?

— Не угадали, Дугла́съ.

— Въ другую.

— Во второй разъ угадать не трудно... Очень-понятно, что это обстоятельство крайне разочаровало графиню. Она слишкомъ жива, слишкомъ вѣтренна, чтобы разбирать ощущенія свои и дать себѣ отчотъ въ маленькой досадѣ, которую она принимаетъ за горесть...

— Я начинаю понимать васъ, Эдуардъ. Октавія вообразила, что имѣетъ нѣжную привязанность къ молодому изгнаннику...

— Именно. Къ этому примѣшалось оскорбленное самолюбіе. Графиня слишкомъ женщина,—слѣдовательно, не пожертвуетъ собою въ пользу соперницы.

— Вотъ причина гнѣва, ревности, преслѣдованій ея; теперь я все понимаю, Эдуардъ... графиня Октавія не могла плѣнить графа Жиля, и слѣдовательно, изъ ревности не хотѣла, чтобы онъ женился на молодой Гречанкѣ; чтобы отомстить за себя, она старалась

поскорѣе женить меня на Амаліи. Точно, Эдуардъ, это совершенно въ характерѣ женщины.

— Женщины богатой, пылкой, живой и скучающей, любезный полковникъ. Октавія не могла и не должна была иначе поступить. Всякая женщина, на мѣстѣ ея, сдѣлала-бы тоже.

— Эдуардъ, я очень-хорошо понимаю начало, но конецъ все еще туманенъ, необъяснимъ для меня.

— Слушайте, Дугла́съ: женщина характера Октавіи не можетъ прожить полгода съ одною идеей. Довольно одного неожиданнаго обстоятельства, чтобы сбить ее съ толку и прогнать одну идею другою. Въ ней меня ничто не удивляетъ. Въ Смирнѣ, она увидала графа Жиля и полюбила его; въ Бенгаліи, она опять встрѣтилась съ нимъ, и возненавидѣла его. Океанъ протекъ между двумя эпохами; море вылечиваетъ всѣ земныя страданія. Измѣняется природа, измѣняется и любовь. Еще одно слово, Дугла́съ, и я оставлю васъ; мнѣ нуженъ отдыхъ... я усталъ... Любовь есть весьма-обыкновенная вещь, которую, однако-жъ, никто не понимаетъ; не потому, чтобы объ ней мало говорили, писали, пѣли; слово, книгопечатаніе и музыка изобрѣтены только для любви—а между-тѣмъ она все еще всемірная тайна. Прощайте, Дугла́съ.

— Нѣтъ, любезный Эдуардъ, я съ вами не прощаюсь; погодите еще минуту; вотъ идетъ почтальйонъ изъ Руджи́ съ письмами, и я отпущу васъ прежде, пока мы не распечатаемъ писемъ.

— Располагайте мною, полковникъ!

Дугла́съ взялъ письмо у почтальйона, распечаталъ и посмотрѣлъ на подпись.

— А! сказалъ онъ: отъ мистера То́уэра; мы прочтемъ вмѣстѣ, Эдуардъ.

— Чортъ-бы побралъ этого мистера То́уэра!

— За что́, Эдуардъ? Онъ пишетъ мнѣ, быть-можетъ, что-нибудь дѣльное. Вы сдѣлались большимъ эгоистомъ, Эдуардъ... ка́къ одна ночь можетъ измѣнить человѣка!

— Дугла́съ, мнѣ ужасно спать хочется; я засну, слушая это письмо.

— Эдуардъ, другъ мой, любовь есть вещь весьма-необыкновенная, которую, однако-жъ, всѣ понимаютъ.

— Не То́уэръ-ли говоритъ это въ своемъ письмѣ?

— Нѣтъ, Эдуардъ; вотъ-что́ онъ пишетъ...

— Боже мой! я могъ-бы уснуть и безъ письма мистера То́уэра, тѣмъ болѣе, что продажа и употребленіе опіума воспрещены на Малабарскомъ-берегу.

— Слушайте, Эдуардъ.

«Мистеръ Тоуэръ полковнику Дугласу.

«Руджа.

«Мы находимся въ большомъ затрудненіи, почтенный полковникъ. Миссъ Амалія, ваша будущая супруга, не сходитъ совсѣмъ въ общую залу; графъ Жиль, вашъ другъ и посланный, не отвѣчаетъ на вопросы мои, и я начинаю умирать со скуки въ странѣ, гдѣ встрѣчаю только загорѣвшихъ, смуглыхъ солдатъ и безобразныхъ женщинъ. Что мнѣ дѣлать? Приказанія министра положительны; я имѣю приказаніе остановиться не иначе, какъ въ домѣ, занимаемомъ полковникомъ Дугласомъ. Мнѣ кажется, что я поступилъ весьма-неосторожно, позволивъ себѣ пробыть двѣ недѣли въ Руджѣ; но я согласился на то изъ угожденія вамъ, полковникъ, и милой Амаліи, жаловавшейся на то, что цвѣтъ лица ея пострадалъ отъ морскаго воздуха и солнца; она надѣется, что послѣ двухъ недѣль отдыха будетъ въ состояніи представиться будущему супругу во всемъ блескѣ своей красоты. Вы видите, полковникъ, какъ хорошо я знаю женщинъ.

«Если-бъ графиня Октавія осталась съ нами, то положеніе мое было-бъ еще сносно. Она очень-любезна, остроумна, и я часто проводилъ съ нею весьма-пріятные вечера — надѣюсь, что и она осталась довольна мною. Но вы не можете представить себѣ, какъ эта Француженка легкомысленна и вѣтрена; она одного часу не можетъ пробыть спокойно на одномъ мѣстѣ. Она обидѣлась за предпочтеніе, которое я долженъ былъ оказывать молодой подругѣ ея, и тотчасъ-же послѣ обѣда нашего исчезла съ какимъ-то Индѣйцемъ. Пусть вѣдается, какъ сама знаетъ: я ей не опекунъ.

«Еще затрудненіе. Я хотѣлъ ѣхать одинъ въ Нербудду, чтобы инкогнито поговорить съ вами, но не могъ рѣшиться оставить одну молодую дѣвушку, ввѣренную попеченіямъ моимъ. Если-бъ я не такъ хорошо зналъ женщинъ, то могъ-бы подумать, что Амалія неравнодушна къ графу Жилю — но, скажите сами, возможное-ли это дѣло? Не-смотря на то, клевета воспользовалась-бы моимъ отсутствіемъ, чтобы очернить молодую дѣвушку.

«Полковникъ, на меня возложена важная обязанность, но я не хочу причинить неудовольствіе ни министру, ни Амаліи, ни вамъ, ни себѣ. Напишите мнѣ намѣренія ваши, и если они не противятся ни данной мнѣ инструкціи, ни идеямъ министра, то я подчинюся имъ. Ожидаю офиціальной записки, подписанной вашею рукою.

«Наконецъ, хотите-ли, чтобы я поговорилъ съ вами откровенно, полковникъ?

«Слушайте. Я знаю людей; я исполнилъ уже нѣсколько важныхъ дипломатическихъ порученій, а вы знаете, что министры наши ввѣряются только людямъ опытнымъ. Я старался изучить характеръ графа Жиля: какъ дипломатъ, я привыкъ изучать всѣ физіономіи, поражающія меня чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Впрочемъ, я радъ былъ случаю найдти какое-нибудь занятіе въ скучной вашей Руджѣ. Боже сохрани меня отъ того, чтобы я могъ подозрѣвать графа Жиля! Я считаю его благороднымъ человѣкомъ, но мнѣ кажется, что онъ носитъ въ груди зародышъ преступнаго намѣренія. Красота Амаліи, по видимому, произвела на него сильное впечатлѣніе. Мрачное молчаніе его, при первомъ нашемъ свиданіи, кажется мнѣ страшнымъ признакомъ пламенной страсти — и я рѣшился внимательно наблюдать за нимъ. Повѣрите-ли вы, что онъ цѣлую ночь прохаживался предъ окнами молодой Гречанки? Впрочемъ, я долженъ прибавить, что окна не были ни разу открыты. Я знаю женщинъ и увѣренъ, что Амалія слишкомъ уважаетъ меня, чтобы могла причинить мнѣ малѣйшее неудовольствіе.

«Сегодня утромъ, чтобы испытать графа Жиля, я предложилъ ему оставить это скучное селеніе и воротиться въ Нербулду.

— «О, нѣтъ! отвѣчалъ онъ: такъ-какъ мнѣ представляется случай прибыть здѣсь двѣ недѣли, то я хочу употребить это время съ пользой и изучить нравы и обычаи здѣшнихъ жителей.

«Замѣтьте, что онъ не отходилъ отъ гостинницы и что въ нашей улицѣ нѣтъ ни одного жителя, слѣдовательно, нечего и изучать. Я знаю людей: меня грубыми отговорками не проведешь.

«Я исполнилъ долгъ свой, полковникъ; ввѣряю письмо свое вашей осторожности и скромности.

«Тоуэръ».

— Ну что, Эдуардъ! спросилъ полковникъ, закрывая письмо: что прикажете отвѣчать этому безтолковому опекуну?

— Двѣ строки, не болѣе: «Мистеръ Тоуэръ, прошу васъ слѣдовать до новаго увѣдомленія совѣтамъ графа Жиля дель Пилара». — Любезный Дуглассъ, въ вашемъ положеніи, надо стараться выиграть время. Время лучшій помощникъ нашъ; оно устраиваетъ всѣ наши дѣла. Будемъ терпѣливо ждать, что оно рѣшитъ въ нашу пользу или противъ насъ.

— Но развѣ мы не должны помогать времени устроить дѣла въ нашу пользу?

— Любезный Дугласъ, все, что можно было сдѣлать, сдѣлано. Графиня Октавія готова слѣлаться нашей союзницей. Вы удалили сегодня, подъ весьма-благовиднымъ предлогомъ, набоба, дочь его и самыхъ смышленыхъ слугъ; они гостятъ у сосѣдей и приглаглашаютъ ихъ къ вашему браку. Все это прекрасно. А что дальше будетъ... мы увидимъ завтра или послѣ завтра.

— Слѣдовательно, мы устроили свои дѣла, а потому надо поговорить и о государственныхъ дѣлахъ. Изъ отдаленныхъ гарнизоновъ я получилъ хорошія извѣстія. Храбрый капитанъ Тѣлоръ уничтожилъ на-дняхъ шайку Тоговъ въ Нереббійскомъ ущеліи. Поселяне вездѣ очень-спокойны. Никто ничего не подозрѣваетъ... но что дѣлаетъ вашъ вѣрный слуга?

— Неутомимый Низамъ дѣйствуетъ; мы можемъ положиться на него; онъ заговоритъ, когда придетъ время.

— Я полагаюсь и на васъ, сэръ Эдуардъ...

— Можете; только позвольте мнѣ сперва выспаться... прощайте; боюсь, что графиня Октавія проснется прежде меня. Я первый-хочу привѣтствовать ее въ полдень. Эта мысль потревожитъ сонъ мой.

—Еще одно, и послѣднее слово... Скажите мнѣ, Эдуардъ, можно-ли надѣяться, что графъ дель Пиларъ не откроетъ Тоуэру нашихъ домашнихъ тайнъ, брака моего съ дочерью набоба?..

— Не безпокойтесь, Дугласъ. Я знаю графа. Онъ будетъ говорить только то, что я ему приказалъ—ни болѣе, ни менѣе. Если, случайно, въ Руджѣ зайдетъ разговоръ о непредвидѣнномъ мною обстоятельствѣ, то молодой графъ нашъ будетъ молчать.

Эдуардъ пожалъ руку Дугласу и медленно взошолъ на крыльцо Нербуддскаго жилища.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

ЦВѢТОКЪ.

Въ странѣ чужой она завянетъ незамѣтно:
Я розу нѣжную переселить боюсь.
Хоть грустно покидать цвѣтокъ души завѣтной,
Но унести его съ собою не рѣшусь.

Поникшій стебелекъ съ поблекшими листами
Смутилъ-бы душу мнѣ страданіемъ своимъ.
Я на него глядѣлъ-бы грустными очами,
Съ тоской напрасною, съ раскаяньемъ живымъ.

Окружена своей душистою семьею,
Въ своемъ краю родномъ пускай она живетъ.
Въ краю родномъ, хотя минутою одною,
Она, прекрасная, пусть позже отцвѣтетъ.

В. ЗОЛОТНИЦКІЙ.

ЕЩЕ ГЛАВА

ИЗЪ

«КУРСА ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Сен-Маркъ-Жирардена *.

—

О самоубійствѣ и ненависти къ жизни. — Дидона у Виргилія. — Эдипъ у Сенеки и у Софокла. — Стагиръ у Святаго Златоуста.

Я охотно допускаю мысль, что дабы дойдти до идеи самоубійства, необходимо нѣкоторое упражненіе въ мышленіи и извѣстное броженіе страсти. Люди, никогда ничего неизучавшіе, женщины, не читавшія романовъ, не прибѣгаютъ въ своихъ страданіяхъ къ самоубійству. Такъ, больше-ли бываетъ самоубійствъ у народовъ образованныхъ, чѣмъ у народовъ варварскихъ? Замѣчено, что на Востокѣ не было са-

* См. «Репертуара и Пантеона» книжку 9, стр. 504.

моубійствъ, до вліянія, принятаго имъ отъ европейскихъ идей. Человѣкъ самый несчастный, самый беззащитный, подвергнутый язвамъ Іова, такой человѣкъ, если онъ не вкусилъ немного древа познанія, если онъ не прибавляетъ къ своимъ страданіямъ мученіе мысли, такой человѣкъ не подумаетъ лишить себя жизни. Самоубійство не есть «болѣзнь простыхъ сердцемъ и умомъ»; это болѣзнь утонченныхъ философовъ... Увы! въ наше время ремесленники подвержены тоже этой болѣзни самоубійства; это происходитъ отъ того, что ихъ умъ безпрестанно напряженъ и раздраженъ познаніемъ и новою цивилизаціею.

Въ древности всѣ философскія секты, особенно въ Римѣ, имѣли манію самоубійства. Стоики умерщвляли себя, чтобы остаться свободными и независимыми; Эпикурейцы—потому, что свѣтъ представляетъ мало удовольствій и много заботъ. Стоики умирали съ нѣкотораго рода величіемъ и твердостію, которыя могутъ показаться театральными. Эпикурейцы умирали съ безпечностію и легкостію, которыя были во вкусѣ. «Зачѣмъ, говорили они, столько церемоній изъ такихъ пустяковъ?» Катонъ! къ чему тебѣ было философствовать передъ смертію, торжественно спорить за и противъ правъ, которыя человѣкъ имѣетъ надъ своею жизнію, къ чему это перечитываніе Федона, величественное приготовленіе шпаги?.. Для чего ты опечалилъ твой домъ и твое семейство похоронными приготовленіями? Оставь жизнь покойно; выходя изъ за стола, иди умереть вмѣсто того, чтобы идти спать; это также хорошо и очень-схоже. Не думай, что ты дѣлаешь что-нибудь великое и трудное.» Эпикурейцы, въ свою очередь, продлили безпечность, съ которою умирали, до крайности; они убивали себя для компаніи, между друзьями, на пирахъ, среди всѣхъ радостей жизни: другой родъ хвастовства, который, будучи противуположнѣе идеямъ, внушаемымъ смертію, не менѣе того ясно свидѣтельствуетъ, что смерть не можетъ ни для кого быть простымъ и обыкновеннымъ дѣломъ. Въ Александріи, при Антіохѣ и Клеопатрѣ, была даже академія *συναποθνησκόντων* или *соумирающихъ*, которыхъ обязанность была изчерпать всѣ удовольствія жизни до дня, въ который они назначали свою смерть. Клеопатра, принадлежавшая къ этой Академіи, старалась узнать, какіе яды умерщвляютъ человѣка съ мѣньшими страданіями; * всякой, чтобы умереть, усиливался, такъ сказать, избѣгать страданій, смотря по правиламъ секты, и искать удовольствія.

---

* Плутархъ. Жизнь Антонія. Глава XXXIX и LXXX.

Это окончательно показываетъ, что мысль о самоубійствѣ человѣкъ получилъ не отъ природы *, но отъ размышленія. Часто мода управляла видами самоубійства; я могу сказать такъ, потому-что въ древности, смотря по времени и по господствующей сектѣ, умирали то стоиками, то эпикурейцами. Даже въ наше дни самоубійство выкроено по образцу новыхъ драмъ: всѣ самоубійства восторженны, исполнены меланхоліи, негодованія на общество, словомъ, такія, какими ихъ представилъ новый театръ; ибо здѣсь не театръ заимствуетъ у общества его идеи и страсти, а общество печально подражаетъ театру.

Рядомъ съ этимъ самоубійствомъ, смѣшаннымъ съ философіею и страстію, происходящимъ или отъ древнихъ сектъ, или отъ вліянія новой литературы,—послѣднее есть самое обыкновенное самоубійство нашего времени,—существуетъ еще родъ самоубійства, который должно отличить, самоубійство менѣе тонкое и менѣе обдуманное, происходящее отъ заблужденія одной страсти, гдѣ философія ничего не можетъ. Объ этомъ послѣднемъ родѣ самоубійства болѣе всего трактуетъ древняя поэзія и древній театръ. Федра, Аяксъ, Дидона не разсуждаютъ о правахъ, которые человѣкъ думаетъ имѣтъ надъ своею собственною жизнію: они уступаютъ голосу отчаянія безъ доказательствъ, безъ мудрствованій, не впадая въ глубокую мечтательность Гамлета, не чувствуя болѣзненной тоски Вертера, не проклиная общества, подобно Чаттертону; ихъ смерть — порывъ отчаянія, а не результатъ философскаго или религіознаго разсужденія. Они не въ силахъ были переносить горести и въ минуту нетерпѣнія *откинули* жизнь.

. . . . . Lucemque perosi
Projecere animas.

(Энеида, VI, 435).

Но какъ скоро смерть исправила ихъ отъ этой ненависти къ жизни!... Какъ-бы желали они теперь видѣть этотъ сладкій свѣтъ дня, хотя-бы принуждены были переносить эти горести, которыя увы! они считали нестерпимыми.

. . . . . Quam vellent aethere in alto
Nunc et pauperiem et duros perferre labores!

---

* Deus mortem non fecit, nec laetatur in perditione viventem.

Fas obstat, tristique palus inamabilis unda
Alligat, et novies Styx interfusa coërcet.

(Энеида, VI, 436)

Итакъ ихъ наказаніе—страдать объ участи, которой они сами себя подвергли прежде времени; ибо далеко отъ того, чтобы одобрить самоубійство, Виргилій его осуждаетъ. Итакъ я скажу охотно, что примѣръ самоубійства, представляемый театромъ древнимъ, не опаснѣе примѣра убійствъ, котораго Виргилій не боится намъ представить. Человѣкъ, убивающій другихъ или убивающій самого себя, какъ бѣшеный, въ порывѣ свирѣпой страсти, не представляется намъ въ образецъ древнимъ театромъ. Древняя поэзія заставляетъ сожалѣть о самоубійствѣ или объ убійствѣ, но она не оправдываетъ убійства, она не заключаетъ отъ дѣйствія къ праву; изъ страсти она не создаетъ доктрину; она старается тронуть, но не добивается убѣдить наконецъ, она не представляетъ доказательствъ, какъ для того, чтобы убивать самого себя, такъ и для того, чтобы убивать своего ближняго; она заставляетъ только сожалѣть о Дидонѣ, которая не могла перенести отъѣзда Энеева, или объ Орестѣ, который мститъ своей матери за убійство отца. Это-то и составляетъ разницу между самоубійствомъ древняго и самоубійствами новаго театра. Герои древніе трогаютъ пришедшихъ видѣть ихъ смерть, герои новые научаютъ, даютъ наставленія. Изслѣдуемъ это различіе въ нѣкоторыхъ лицахъ, воспѣтыхъ древнею поэзіею.

Посмотрите на Дидону, которой измѣнилъ Эней. Святой-Августинъ упрекаетъ себя въ томъ, что онъ никогда не могъ читать безъ слезъ четвертой книги «Энеиды». Въ-самомъ-дѣлѣ, изображеніе любви Дидоны возбуждаетъ жалость, которая могла показаться опасною Святому-Августину. Но въ этой жалости нѣтъ ничего оправдывающаго самоубійства: Дидона не думаетъ, что она имѣетъ право убить себя; она умерщвляетъ себя потому, что побѣждена горестію; она и не думаетъ оправдывать свою страсть, зная, что это ея безуміе; она проситъ у Энея только небольшой отсрочки:

Tempus inane peto, requiem spatiumque furori.

(Энеида, V, 433).

Это-то и заставляетъ насъ оплакивать Дидону; въ этихъ словахъ и въ этихъ печальныхъ приготовленіяхъ къ смерти все дышетъ страстію и ничто не показываетъ размышленія, системы и философ-

скаго хвастовства. Въ эту ночь, исполненную тишины для всей природы и волненія для одной только Дидоны, Дидона не старается объяснить себѣ, имѣетъ-ли она право располагать своею жизнію, и что будетъ за предѣлами смерти; нѣтъ, ее терзаетъ одна любовь, любовь то разгнѣванная, то умоляющая, и когда уже она знаетъ, что ей нечего ожидать отъ Энея: — «Умремъ, говоритъ она: я это заслужила:»

Quin morere, ut merita es ... *)

Римлянинъ сказалъ-бы: «Умремъ, ибо я имѣю право умереть!» и эта смерть не была-бы оплакана Святымъ-Августиномъ. Наконецъ, когда Дидона уже на кострѣ, приготовленномъ по ея приказанію, она не употребляетъ своихъ послѣднихъ минутъ на то, чтобы прославить свой поступокъ и высказать нѣсколько сентенцій, которыми такъ дорожатъ умирающіе стоики; она беретъ мечъ Энея и, вынимая его изъ ноженъ, не говоритъ, какъ Катонъ, который, взявъ шпагу, сказалъ: «Теперь я господинъ самаго себя!» — Нѣтъ, мысли болѣе слабыя и болѣе сладкія занимаютъ ее: она думаетъ о томъ, кого считала своимъ супругомъ и который этимъ мечомъ долженъ былъ защищать ее противъ враговъ **; она бросаетъ взоръ на одежду, которую послалъ Эней, на все, что сохранила отъ него, на все, что отъ него осталось и что она хочетъ сжечь вмѣстѣ съ собою. «Залогъ любви, сколько позволено богами,—сказала, она—а теперь печальное наслѣдство...

---

* Nox erat, et placidum carpebant fessa soporem
Corpora per terras; silvaeque et saeva quierant
Aequora; quum medio volvuntur sidera lapsu;
Quum tacet omnis ager; pecudes, pictaeque volucres,
Quaeque lacus late luquidos, quaeque aspera dumis
Rura tenent, somno positae sub nocte silenti
Lenibant curas, et corda oblita laborum:
At non infelix animi Phoenissa....

(Энеида, IV, 522)

** .... Quae surgere regna
Conjugio tali!! Teucrum comitantibus armis,
Punica se quantis attollet gloria rebus!

(Энеида, IV, 47)

примите мою душу и освободите меня отъ страданій *)!... «Она ска-

Tum Juno omnipotens, longum miserata dolorem
Difficilesque obitus, Irim demisit Olympo,
Quae luctantem animam nexosque resolveret artus.
Nam, quia nec fato, merita nec morte, peribat,
Sed misera ante diem, subitoque accensa furore,
Nondum illi flavum Proserpina vertice crinem
Abstulerat, Stygioque caput damnaverat Orco.

(Энеида, IV, 693)

зала и поцѣловала въ послѣдній разъ ложе.... «Какъ умереть и неотмщенной! Да умремъ!... и пусть пламя моего костра заблеститъ на морѣ предъ глазами Троянцевъ, пусть моя смерть будетъ служить предзнаменованіемъ его бѣгства!»

Смерть Дидоны исполнена страсти, по этому-то она и драматична. Но вскорѣ въ Римѣ самоубійство приняло тонъ болѣе философскій и болѣе нравоучительный. Вмѣсто сцены страсти, вышелъ философскій тезисъ. *Въ Ѳиванахъ* Сенеки, Эдипъ и Антигона разбираютъ вмѣстѣ вопросъ о самоубійствѣ. Эдипъ хочетъ лишить себя жизни, не по тому-что онъ несчастливъ, но по тому, что онъ имѣетъ право:

«—Я, говоритъ онъ Антигонѣ: я имѣю право надъ своею жизнію и смертію; я безъ сожалѣнія сложилъ съ себя власть надъ Имперіею Ѳивскою, но сохранилъ власть надъ моею жизнію. Дочь моя, подай мнѣ шпагу; я рѣшился умереть и схоронить себя во мракѣ ада, ибо хотя я и слѣпъ, но ночь, въ которой нахожусь, недовольно скрываетъ меня; я хочу похоронить себя въ самой преисподней: никто не имѣетъ права отнять у меня смерть. Не хочешь-ли ты отказать мнѣ въ шпагѣ? Ты хочешь затруднить дорогу, ведущую въ бездну, но препятствія ничего не сдѣлаютъ; смерть повсюду... Такъ угодно было Богу въ его премудрости. Все можетъ отнять жизнь у человѣка, и ничто не можетъ отнять у него смерти....

Антигона въ своемъ возраженіи немногѣ нравоучительна. «Отецъ мой»,—говоритъ она,—«человѣку отважному, каковъ ты, неприлично уступать страданіямъ и бѣжать отъ золъ жизни. Добродѣтель не

---

* Должно замѣтить, что поэтъ, какъ-бы для того, чтобы протестовать противъ самоубійства, сдѣлалъ смерть Дидоны медленною и трудною.

боится жить: она сопротивляется всѣмъ несчастіямъ, она созерцаетъ ихъ лицомъ къ лицу; нѣтъ бо́льшаго презрѣнія къ смерти какъ не желать ея. Человѣкъ, достигшій крайняго предѣла несчастія, уже внѣ опасности: сами боги ничего не могутъ прибавить къ его несчастіямъ.

Вотъ Эдипъ и Антигона, такіе, какими ихъ сдѣлалъ римскій стоицизмъ; мы уже болѣе не съ Софокломъ, не въ Колонѣ, не въ священномъ лѣсу Фурій, божествъ таинственныхъ и ужасныхъ, которыхъ Эдипъ вызываетъ, какъ верховныхъ властителей его жребія, ибо онъ знаетъ, что его жребій въ рукахъ боговъ.... и что не ему принадлежитъ употребленіе его жизни. «Можетъ-ли только придти день,—говоритъ онъ,—въ который судьба назначила прекратить мои несчастія! Да ускорятъ могущественный Апполонъ и дочери мрака часъ моего избавленія»! Софоклъ понялъ, что изъ всѣхъ древнихъ миѳологическихъ лицъ, Эдипъ менѣе всѣхъ способенъ быть философомъ и резонёромъ. Отмѣченный при рожденіи печатью рока, Эдипъ съ давняго времени отказался понимать таинства своего назначенія; онъ уважаетъ въ самомъ себѣ жертву—орудіе Божіе, и считаетъ нечестнымъ посягнуть на свою жизнь.

Никогда въ трагедіи греческой самоубійство не разсматривается, какъ вопросъ философскій или естественное право; оно вездѣ дѣйствіе сильной страсти; самоубійство самого Аякса, болѣе другихъ совершенное съ размышленіемъ и обдуманностію, въ греческомъ театрѣ не имѣетъ ничего сентентическаго и декламаціоннаго. Въ припадкѣ безумія, Аяксъ перерѣзалъ станъ греческаго войска, думая убить Улисса и Атрида, своихъ враговъ; вскорѣ онъ увидѣлъ свое заблужденіе и, пристыженный и испуганный своимъ безуміемъ, онъ не хочетъ показатся на глаза Грекамъ и рѣшается умереть. Рѣшимость героя покойна и трогательна; но Софоклъ тщательно избѣгалъ того, чтобы не впасть въ философическую важность, исключающую драматическое движеніе, равно не допустить и припадка безумія: онъ хотѣлъ представить несчастнаго, рѣшившагося умереть, а не философа, добивающагося прекрасной смерти, или больнаго, умерщвляющаго себя въ припадкѣ горячки. Аяксъ, всегда молчаливый и важный, не тронулъ-бы насъ: также сожалѣетъ-ли онъ и о жизни, хотя и рѣшился ее оставить? Душа его волнуется тысячью различныхъ страстей и ненавистью къ Улиссу и Атриду, и любовью къ сыну своему Эврисаду, котораго онъ поручаетъ брату своему Тевсеру. Этимъ-то онъ насъ трогаетъ. Болѣе всего люблю я просьбы Тесмессы, супруги Аякса, особенно, когда я сравниваю ихъ съ нравоучительными утѣшеніями Антигоны у Сенеки. «Аяксъ,—говоритъ Тесмесса,—съ той минуты, когда я занимаю твое ложе, я не имѣла другой мысли, кромѣ тебя; закли-

наю тебя Юпитеромъ, покровителемъ домашней жизни, этимъ ложемъ, соединившимъ насъ, не покидай меня, не допусти, чтобы я перешла въ другія руки.... Сжалься надъ сыномъ, который, оставшись одинъ, лишонный тебя и помощи, необходимой дѣтству, выростетъ подъ суровой опекой. Какія несчастія приготовляетъ намъ твоя смерть! Послѣ тебя у меня нѣтъ подпоры»! Живая и трогательная просьба, исполненная въ тоже время утѣшенія, единственнаго утѣшенія, могущаго разжалобить Аякса. Въ-самомъ-дѣлѣ ничто такъ не утѣшаетъ несчастныхъ, какъ чувства быть полезнымъ еще-болѣе-несчастнымъ, и участіе, принимаемое нами въ несчастіяхъ другихъ, препятствуетъ заниматься своими собственными.

Стоицизмъ совершенно недраматиченъ. Желая насильственнымъ образомъ сдѣлать душу человѣка спокойною и твердою, онъ дѣлаетъ ее безчувственною, и эти герои, непредающіеся волненію, не могутъ разжалобить зрителя. Въ свѣтѣ или въ исторіи стоицизмъ, видѣнный издалека, производитъ эффектъ. Человѣкъ любитъ понимать представленіе этой строгой науки, по-видимому, долженствующей защитить его отъ всѣхъ тягостныхъ волненій, наука, которая въ одно время укрѣпляетъ и возвышаетъ его; ему пріятно видѣть этотъ твердый щитъ, котораго не пронзитъ ни одна стрѣла міра. Характеры тихіе и слабые болѣе всего любятъ зрѣлище этихъ людей, нечувствительныхъ ни къ страху, ни къ печали; всякой мысленно переносится подъ эту философскую броню и думаетъ на минуту, что нѣтъ ничего легче, какъ вооружиться такимъ образомъ съ ногъ до головы. Такъ стоицизмъ успѣваетъ больше всего въ то время, когда цивилизація смягчаетъ и ослабляетъ характеры. И какъ общество начинаетъ тогда чувствовать прикосновеніе слабости, которую оно хочетъ сбросить, то стоицизмъ нравится ему, какъ противоположность, какъ утѣшеніе, какъ надежда; большинству онъ нравится до искушенія, только небольшое число избѣгаетъ этого; но эти избранныѣйшіе находятъ только силы хорошо умереть: они не находятъ желанія и силъ облегчить несчастія человѣчества. Стоицизмъ даетъ имъ скорѣе самоотверженіе, нежели преданность, они всегда скорѣе готовы умереть, *нежели помочь или спасти другихъ*, *лишь-бы прославиться пожертвованіемъ жизни* Катонъ умерщвляетъ себя, чтобы не быть невольникомъ; Брутъ—потому, что онъ не вѣритъ въ добродѣтель; оба болѣе жертвуютъ собою чести, нежели свободѣ. Въ этомъ-то зло, въ томъ-то же скрывается слабость философіи стоической. Она возвышаетъ человѣка, но, кажется, возвышая его надъ міромъ, она отрѣшаетъ его отъ міра и дѣлаетъ безполезнымъ для людей. Это наслѣдіе безплоднаго героизма, это преданіе самоубійства чрезъ уваженіе самого-себя и

своего достоинства, въ Римѣ переходило отъ великихъ людей къ великимъ людямъ.

Ничтожные и безсильные въ свѣтѣ, стоики дѣйствуютъ неболѣе и на театрѣ. Стоицизмъ старается насъ улучшить, отнимая цѣну, которую мы даемъ печалямъ и удовольствіямъ, но эта цѣна есть связь, соединяющая насъ съ природой и человѣчествомъ. Чрезъ эту нечувствительность къ горестямъ и радостямъ, стоики становятся прекрасною мѣдною статуею. Какъ вы хотите, чтобъ я интересовался этою бронзою безъ краски и огня? Положу-ли руку на ея грудь,—тамъ ничего не бьется; беру-ли я ее за руку—и рука ея не отвѣчаетъ моей рукѣ. Такъ, не-смотря на прекрасные стихи Аддисона, смерть Катона на сценѣ никогда никого не тронула.

До-сихъ-поръ мы разсматривали самоубійство, рождающееся отъ страсти или отъ размышленія такимъ, какимъ намъ показываетъ его древняя исторія, театръ и философія. Есть еще родъ самоубійства, распространившагося въ наши дни, причиняемаго слабостями, нетерпѣніемъ души, болѣе, нежели силою страсти или заблужденіемъ системы. Видя этотъ родъ самоубійства, который кажется особеннымъ зломъ нашей эпохи, намъ иногда придетъ на мысль, что въ первый разъ человѣкъ почувствовалъ пораженіе этой болѣзни. Нѣтъ, была литература, выражавшая это состояніе болѣзни и безпокойства, чувствуемаго нами, которая изображала свѣтъ чахнущимъ посреди самыхъ оглушающихъ радостей и также ищущимъ въ самоубійствѣ болѣе конца, нежели пособія своимъ несчастіямъ. Эта литература есть литература Отцовъ церкви.

Я возьму предметомъ нашего изысканія новаго рода самоубійство—лицо, которое и нашолъ въ проповѣдяхъ Святаго Златоуста—Стагира, одержимаго демономъ.

Не будемъ касаться сверхъ-естественнаго, а посмотримъ, каковъ былъ демонъ, мучившій Стагира. Это былъ демонъ уныніе или лучше *атумія*, ибо греческое слово въ тысячу разъ вразумительнѣе французскаго: это недостатокъ энергіи, дѣйствующей силы, это слабость, утомленіе, или, точнѣе перевести, это негодность души. Вотъ демонъ Стагира. Стагиръ былъ одною изъ этихъ больныхъ и тревожныхъ душъ, которыя думаютъ принадлежать къ избраннымъ, потому-что не имѣютъ твердости душъ простыхъ, которыя создаютъ радости и печали особеннымъ отъ всего свѣта образомъ, и которыя, для послѣдней черты слабости и нетерпѣнія, презираютъ и скучаютъ въ одно время, простотою и спокойствіемъ тѣхъ, кототорыхъ онѣ называютъ людьми ничтожными. — Стагиръ, чтобъ освободить душу отъ этихъ тревогъ, пошолъ въ монастырь, но и тамъ не нашолъ онъ этого мира, этого

спокойствія сердца, котораго онъ вездѣ искалъ, ибо человѣкъ въ первые дни одиночества находитъ только то, что приноситъ съ собою. Стагиръ жаловался и его жалобы любопытны, потому-что они показываютъ, въ одно время, одно изъ лекарствъ болѣзни его мучившей, и показываютъ тоже, что Стагиръ, какъ многіе изъ больныхъ, не могъ перенести ни болѣзни ни лекарства. «Что болѣе всего мучитъ васъ, Стагиръ, сказалъ ему Святой Златоустъ: *) такъ это то, что вы видите многихъ людей, терзаемыхъ демономъ тоски, въ то время, когда они жили въ изобиліи и въ удовольствіяхъ, совершенно выздоровѣвшихъ, когда они вступали въ бракъ и имѣли дѣтей, тогда-какъ ни ваши пощенія, ни ваши бдѣнія, не могли утишить вашей болѣзни.» Это изрѣченіе исполнено полезнаго наставленія. Итакъ, когда люди впадаютъ во власть тоски, это не вина удовольствій и развлеченій. Тоска, какъ червь, проникала во всѣ удовольствія и радости римскаго міра. Такъ противъ демона Стагира не помогали ни прекрасныя невольницы, ни ихъ іоническіе танцы, ни великолѣпные пиры, ни бои гладіаторовъ, ни вольныя басни Миле, ни сладострастная живопись, которую были испещрены стѣны Геркуланума и Помпеи. Атумія отравляла все это, и демонъ властвовалъ всѣми безчинствами въ нѣдрахъ ихъ безчинствъ; но если, утомленные этими удовольствіями и этою тоскою, они начинаютъ вести регулярную и спокойную жизнь, если они женятся и имѣютъ дѣтей, то, какъ чудомъ, демонъ удаляется, семейная жизнь и ея покойныя наслажденія отгоняютъ безпокойство и нездоровье. Нѣтъ болѣе унынія, нѣтъ болѣе огорченія, душа оживаетъ, вырывается изъ-подъ ихъ власти, освѣжается и обновляется ласками дѣтей. Въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ демона, хотя-бы то былъ демонъ унынія, который-бы осмѣлился призирать близкое сосѣдство дѣтей; въ чистомъ, невинномъ и свѣжемъ дыханіи этихъ созданій есть что-то смертельное для злаго духа, и колыбель ребенка, качаемая матерью, есть вѣрный талисманъ отъ мыслей, выходящихъ изъ ада. Что-же нужно для души, чтобы избѣжать атуміи и изнеможенія? Надобно, чтобы она надѣялась, чтобы она имѣла бу-

*) Videtur itaque esse causa moereris tui... quod, quum plurimos noveris, dum delicate viverent hoc peste correptos, eos tamen parvo post tempore ita ea infirmitate liberatos, ut perfectae integritati restituti et uxores duxerint, et plurimos procreaverint liberos, omnibusque vitae praesentis commodis fruerentur, nihilique postmodum tale paterentur: contra, tu, cum tantum tempus in jejuniis ac pernoctationibus et reliqua vitae austeritate contriveris, nullam aerumnarum tuarum liberationem hactenus invenerit.

дущее... Надежда, то-есть, вѣра въ будущее, есть пища души; человѣкъ, чтобъ жить, имѣетъ нужду въ будущности, и въ противномъ случаѣ онъ впадаетъ въ отчаяніе и умираетъ. Итакъ, заслуга дѣтей и то то они считаютъ благословеніемъ Божіимъ, состоитъ въ томъ, что они составляютъ будущность всякаго семейства, что они сохраняютъ во внутренности дома эту идею, питающую душу. Дѣти представляютъ намъ будущее и представляютъ въ образѣ смѣющейся исполненіемъ Граціи. Вотъ что и составляетъ неодолимую прелесть, вотъ-что и кладетъ на ихъ головы вѣнецъ счастія и радости, который отражается на лицахъ ихъ родителей, который согрѣваетъ ихъ сердца и дастъ самымъ бѣднымъ и самымъ несчастнымъ силы трудиться и жить. Будьте-же благословенны, дѣти, отстраняющіе печаль и прогоняющіе демона! Будь благословенно дѣтство, чрезъ которое входятъ въ нѣдро семейства; это идея и эта чувство будущаго также необходимы для человѣка, какъ свѣтъ и воздухъ, которымъ онъ дышетъ.

Въ трехъ книгахъ, посланныхъ Стагиру, Святой Златоустъ разсматриваетъ, какой родъ печали овладѣлъ Стагиромъ. Эти размышленія болѣе всего относятся къ нашему времени, ибо тоска Стагира не что-иное, какъ дѣйствія разстройства и слабости души, капризъ печали, нерѣдко нуждающійся въ настоящемъ несчастіи, чтобы тотчасъ-же вылечиться, потому-что нѣтъ заблужденія, которое устояло бы противъ истины.

Святой Златоустъ не оставляетъ также сравнить мнимыя несчасія Стагира съ истиннымъ страданіемъ бѣдныхъ и больныхъ. «Ступай въ тюрьму», говоритъ онъ ему: «къ дверямъ публичныхъ ваннъ, взгляни на этихъ несчастныхъ, у которыхъ нѣтъ ни платья, ни крова; оцепенѣвшихъ отъ холода, дрожащихъ отъ голода и бѣдности, съ лицами блѣдными и выцвѣтившимися, съ зубами стучащими одинъ о другой, едва имѣя силы говорить или протянуть руку... И ты еще называешь себя несчастнымъ! *) И когда онъ краснорѣчиво пожурилъ

*) Te ad carcerem confer cunctisque illius habitaculi diligenter exploratis proficiscere ad balnearum vestibula, quo in loco fimo et stipula pro vestibus et domo utentes jacent nonnulli nudi, frigore, morbo fameque perpetua obsessi, aspectuque solo ac tremore corporis et sonitu se collidentium dentium praetereuntes, ad misericordiam fectentes, eo quod jam his malis penitus attriti sunt. Neque hactenus persistas velim.

Старайся помочь бѣдному, утѣшить несчастнаго, защитить угнѣтеннаго. Если это намѣреніе поддержитъ тебя нынѣ, оно поддержитъ тебя завтра, по-

этою противоположностію ложныя несчастія Стагира, онъ такъ анализируетъ эту печаль, что по-истинѣ заставляетъ насъ сомнѣваться, читаемъ-ли мы Отца церкви четвертаго вѣка, или моралиста нашихъ временъ Пусть судятъ по размышленіямъ, выписаннымъ мною, которыя я едва позволю себѣ разобрать.

Лучшее средство освободиться отъ печали, это не любить ея: изреченіе глубокое, справедливость котораго мы нынѣ чувствуемъ Сколько между героями нашихъ романовъ, и въ самомъ свѣтѣ сколько людей, которые любятъ нашу печаль. Мы украшаемся именемъ меланхоліи, мы ее съ любовію питаемъ въ нашемъ сердцѣ. Должно презирать эти печали, которыя насъ учатъ лжи, причиняютъ сильную боль, грызутъ насъ; но какъ они держатся за наши страсти тысячью живыхъ фибръ, то мы не имѣемъ силы оторваться отъ нихъ, мы ласкаемъ, грѣемъ ихъ съ нѣкотораго рода нѣжностію. Есть люди, какъ энергически выразился святой Златоустъ, которые любятъ зудъ и щекотанье ихъ язвъ. Такимъ-то постыднымъ и унизительнымъ образомъ мы ласкаемъ нашу печаль. Какъ-же вы хотите, чтобъ душа, раздраженная ранами, которыя безпрестанно разливаютъ ядъ, наконецъ не пала-бы? какъ-же вы хотите, чтобъ всѣ эти волненія, питаемыя, возбуждаемыя ею противъ себя самой, какъ вы хотите, чтобы этотъ корпунъ, созданный, не терзалъ ея внутренностей, не кончилъ-бы истребленіемъ того, что̀ есть въ ней сильнаго и жизненнаго.

Однако что̀-же сказать на это? если Богъ создалъ человѣческое сердце, наклонное къ печали, развѣ печаль зло? Богъ не шутитъ, христіанская нравственность не ошибается, не осуждаетъ чувствъ, которыя она находитъ въ человѣческомъ сердцѣ; она не хочетъ ихъ уничтожить, она хочетъ ихъ исправить. Созданная Богомъ печаль тоже хороша, только должно знать, ка̀къ употребить ее. Богъ вложилъ печаль въ человѣческое сердце, говоритъ святой Златоустъ, не для того, чтобы употреблять ее не кстати, и противъ насъ-же самихъ, не для того, чтобы эта печаль снѣдала насъ или погубила но для того, чтобы она намъ служила и помогала. Ка̀къ-же употребить печаль! Влагая ее во̀-время въ нашу душу. Мы должны

слѣ завтра, оно поддержитъ тебя всю жизнь.... Если-же не поддержитъ тебя... умри! ты злой человѣкъ!

(Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза» письмо 32).

грустить не тогда, когда страдаемъ, а когда дѣлаемъ зло. Къ-несчастію, человѣкъ перемѣнилъ порядокъ и переставилъ время, когда мы дѣлаемъ зло, мы отклоняемъ печаль, когда страдаемъ, то тотчасъ впадаемъ въ глубокую горесть и хотимъ освободиться отъ жизни.

Надобно сказать правду, ни въ одномъ моралистѣ нѣтъ болѣе глубокаго анализа человѣческаго сердца и болѣе глубокаго объясненія, какимъ образомъ человѣкъ любитъ и образовываетъ ложную грусть и не умѣетъ употреблять, какъ должно, настоящую.

Мысли о тоскѣ и самоубійствѣ Стагира безъ затрудненія приводятъ насъ, смотря по послѣдовательности времени и идей, къ самоубійствамъ театра, и отъ древней философіи къ самоубійствамъ новыхъ драмъ и романовъ, отъ Аякса къ Катону, къ Вертеру и Чаттертону.

VI.

О чувствахъ, сопровождавшихъ мысль о самоубійствѣ въ театрѣ новомъ. Гамлетъ у Шекспира. Памела у Ричардсона.

Древній французскій театръ, вѣрный ученикъ театра греческаго, болѣе изображалъ самоубійство, происходящее отъ страсти, нежели самоубійство, происходящее отъ размышленія.

Федра узнаетъ, что Тезей живъ; тогда, пришедъ въ отчаянье, потому-что призналась Ипполиту въ своей неестественной любви, она рѣшается умереть. Всѣ эти причины вытекаютъ изъ стыда своего преступленія, изъ боязни ощущаемой ею при вѣсти, что супругъ ея приставъ къ берегу и изъ угрызенія совѣсти:

.....je sais mes perfidies,
Oenone, et ne suis point de ces femmes hardies,
Qui, doûtant dans le crime une tranquille paix,
Ont su se faire un front, qui ne rougit jamais.
Je connais mes fureurs, je les rappelle toutes,
Il me semble déjà que ces murs, que ces voûtes
Vont prendre la parole, et prêts à m'accuser,
Attendent mon époux pour le désabuser.
Mourons! De tans d'horreurs que la mort me délivre!
Est ce un malheur si grand que de cesser de vivre?

La mort aux malheureux ne cause point d'effroi.

....

(Дѣйст. III, сц. 3).

Послѣдніе два стиха только общее правило, выражаемое умирающею Федрою, если только можно назвать эти два стиха общимъ правиломъ; ибо это скорѣе отдѣльныя чувства и движенія страсти, которыя принимаютъ форму общаго правила, не измѣняя натуры. Героини Расина, подобно Федрѣ прибѣгающіе къ самоубійству, Монима въ *Митридатѣ*, Аталида въ *Баязетѣ*, убиваютъ себя также въ минуту страсти. Для нихъ самоубійство не результатъ обдуманности и размышленія, а порывъ отчаянія; совѣты философіи здѣсь ничего не значатъ, и они менѣе всѣхъ въ свѣтѣ безпокоятся о томъ, есть-ли какая-нибудь слава убить себя. Должно дойти до театра Вольтера, чтобы открыть идею, столь дорогую древнимъ стоикамъ, что самоубійство есть признакъ храбрости, не потому-что героини Вольтера убивали себя только для того, чтобы сдѣлать честь философіи, — страсть, вотъ-что̀ доводитъ ихъ до самоубійства, — но онѣ не прочь показать видъ, что дѣлаютъ по философіи то̀, что они дѣлаютъ по страсти. Такъ они разбираютъ свои дѣйствія, они ихъ обсуживаютъ, наконецъ они измѣняютъ ихъ столько, сколько могутъ. Дѣйствующія лица театра Вольтера драматичнѣе и одушевленнѣе лицъ театра Сенеки, но они имѣютъ также претензіи быть философскими: это-то и вредитъ имъ. Послушайте Идамею въ *Китайской сиротѣ*, когда она предлагаетъ Замти, своему супругу, убить себя, чтобы избѣжать отъ тиранства Зенги-Хана:

.....Ecoute moi,
Ne saurons nous mourir, que par l'odrre d'un roi!
Les tauraux aux autels tombent en sacrifice,
Les criminels tremblants sont traînés au supplice;
Les mortels génèreux disposent de leur sort.
Pourquoi des mains d'un maitre attendre ici la mort?
L'homme était-il donc né pour tant de dépendance?
De nos voisins altiers imitons la constance.
De la nature humain ils soutiennent les droits,
Vivent libres chez eux et meurent á leur choix;
Un affront leur suffit pour sortir de la vie,
Et plus que le néant ils craignent l'infamie.
Le hardi Japonais n'attend pas qu'au cercueil
Un déspote insolent le plonge d'un coup d'oeil.
Nous avons enseigné ces braves insulaires:
Apprenons d'eux enfin dès vertus nécessaires,
Sachons mourir comme eux.

Zamti
J'approuve et je crois
Que le malheur extrême est au dessus des lois.

(дѣйств. 5, сцена 5).

Идамея и Замти нетолько два супруга, желающіе умереть вмѣстѣ, но это также два философа, разсуждающіе о правахъ человѣка располагать своею жизнію. Идамея мѣтитъ не на одну славу супружеской вѣрности, она также хочетъ быть сильнымъ умомъ и великимъ характеромъ.

Самоубійство такое, какимъ мы находимъ его въ старомъ французскомъ театрѣ, у Корнеля, Расина и Вольтера, касается самоубійства, которое находимъ мы въ поэзіи и философіи древней, самоубійство Дидоны и Аякса или Катона и Брута; но оно не походитъ на меланхолическое и мечтательное самоубійство нашихъ дней. Предокъ этого рода самоубійства въ древнія времена Стагиръ Святаго Златоуста, а въ новыя времена—Гамлетъ Шекспира. Справедливая извѣстность монолога Гамлета, размышляющаго о выборѣ между жизнію и смертію, по моему, много споспѣшествовала къ тому, что вошло въ честь изображать самоубійство на театрѣ и въ романахъ. Да позволено мнѣ будетъ на минуту остановиться на характерѣ Гамлета и на особенныхъ чертахъ этого характера.

Въ литературѣ англійской есть странный вкусъ, который я назову охотно вкусомъ смерти. Все, что̀ есть глубокаго и невѣдомаго въ идеѣ смерти, все, что есть неопредѣленнаго въ ужасахъ, связанныхъ съ нею, что̀ есть ужаснаго и даже отвратительнаго въ чертахъ, изображающихъ смерть, все это, кажется, привлекаетъ англійскій геній. Любопытно изучать этотъ вкусъ смерти въ герояхъ Шекспира. Не только одинъ Гамлетъ, котораго умъ, меланхолическій и мрачный любитъ питать эту мысль, но и юная и прекрасная Джульетта, готовая принять усыпляющій ядъ, долженствующій представить ее мертвою и отнять ее у жениха, за котораго отказывается выдти, Джульетта думаетъ не объ одномъ только Ромео, который придетъ и вынетъ ее изъ гроба; она думаетъ не объ одной только любви,—она помышляетъ съ ужасомъ о мрачныхъ сводахъ, подъ которые она должна сойдти, объ этихъ мѣстахъ, наполненныхъ умершими и привидѣніями; ея воображеніе питаетъ всѣ видѣнія, могущія испугать ее въ этомъ жилищѣ ужаса, если она проснется прежде того времени, когда Ромео долженъ придти освободить ее; она изображаетъ даже самое отчаяніе, которое можетъ овладѣть ея чув-

ствами, и какъ она пойдетъ ругаться святынею гробовъ и остатками своихъ предковъ. Это описаніе, которое мнѣ кажется даже невѣрнымъ въ устахъ Джульетты, не понравится однакоже Англичанамъ, и оно доказываетъ этотъ вкусъ смерти, составляющій одну изъ чертъ ихъ литературы. Ромео, въ свою очередь, кажется, черезъ-мѣру жалуется въ погребальномъ склепѣ Капулетовъ; я очень-хорошо знаю, что онъ находитъ свою Джульетту, но осмѣлюсь сказать, что я думаю, что сынъ генія Гомера или Софокла, любовникъ греческій, даже итальянскій, не думалъ-бы, подобно Ромео, найдти Джульетту прекраснѣе, нежели когда-либо, въ объятіяхъ смерти; самая страсть не явилась-бы вдохновляться въ жилищѣ, въ которомъ онъ видитъ свою невѣсту. У Софокла Гемонъ умерщвляетъ себя на гробницѣ Антигоны, какъ это дѣлаетъ Ромео на гробѣ Джульетты; но Софоклъ не выставляетъ на видъ эту сцену любви и смерти: эти мрачные своды противны понятію, которое греческое искусство составило себѣ о любви и о Гименеѣ.

Напротивъ, ужасъ этихъ мѣстъ, кажется, увеличиваетъ горячность Ромео; онъ чувствуетъ себя болѣе страстнымъ, болѣе увлеченнымъ, болѣе влюбленнымъ, и, смѣю сказать, не потому только, что его взоры въ послѣдній разъ созерцаютъ красоту Джульетты, но потому, если не ошибаюсь, что эти мрачныя мѣста приличествуютъ воображенію этого любовника, сына генія Шекспира. Послушайте,— онъ говоритъ безъ ужаса и безъ отвращенія, о чомъ-же? — о самихъ червяхъ, которые будутъ точить это обнаженное тѣло. «Здѣсь, говоритъ онъ, Джульетта, здѣсь хочу я выбрать мое жилище, съ червями, которые теперь суть твои товарищи.» Вотъ въ какомъ положеніи видитъ онъ Джульетту; и притомъ она не была никогда такъ любима, ни въ то время, когда онъ покинулъ ее при первыхъ лучахъ утра, при первомъ крикѣ пѣтуха, ни тогда, когда аврора освѣтила ихъ прощаніе, полное любви, никогда Ромео не имѣлъ такихъ пламенныхъ рѣчей, какъ въ этомъ ужасномъ жилищѣ, и природа, встающая, улыбающаяся и убранная послѣ первой ночи любви, менѣе говоритъ его сердцу, нежели видъ погребальнаго склепа. «О, моя возлюбленная, о супруга моя!... Смерть высосавшая амврозію твоего дыханія, не коснулась еще твоей красоты; она сіяетъ еще на твоихъ потемнѣвшихъ устахъ, на твоихъ розовыхъ щекахъ и во всѣхъ чертахъ твоихъ. Смерть еще не покорила всю тебя!...» Скажите, была-ли когда живая Джульетта болѣе страстно обожаема? Странное воображеніе, разгорячающееся самою идеею смерти, поэзія странная и совершенно новая, ни чѣмъ необязанная Греціи, но перечувствованная отъ вліянія климата и строгихъ идей, которыми христіанство любитъ удерживать человѣка.., Шекспиръ перечувствовалъ эти два вліянія, онъ уступилъ

безъ усилія первому—вліянію климата, и произвелъ на своихъ соотечественниковъ впечатлѣніе самое живое, самое могущественное, но онъ отстранилъ и низпровергнулъ другое вліяніе, вліяніе христіанства.

Разберемъ-же всѣ эти различныя дѣйствія. Монтескьё, замѣчая, что самоубійство болѣе свойственно Англичанамъ, нежели другимъ народамъ, приписываетъ эту болѣзнь вліянію климата. По моему, Шекспиръ тоже что-нибудь значитъ въ этой ненависти къ жизни, болѣе встрѣчаемой въ Англіи, нежели въ другихъ странахъ. Онъ сроднилъ своихъ соотечественниковъ съ мыслями о смерти, онъ ввелъ ее на театрѣ, онъ смѣло вмѣшалъ ихъ въ мысли и въ чувства, которыя, казалось, менѣе всего ихъ принимали; но самъ Шекспиръ, покорился только внушенію сѣвера; генію сѣвера обязанъ онъ этою грустію, произведшею школу въ его странѣ. До-тѣхъ-поръ, пока Джульетта и Ромео оставались въ области итальянской литературы, они не знали этой обширной и мрачной фантазіи, сдѣлавшейся нынѣ одною изъ чертъ ихъ характеровъ. Луиджи де-Парто, первый повѣствователь, написавшій ихъ исторію, и не думалъ изъ Ромео и Джульетты сдѣлать меланхолическихъ мечтателей. Когда отецъ Лоренцо предлагаетъ Джульеттѣ принять сонныхъ капель и перенести ее, какъ мертвую, въ склепъ ея фамиліи: «Не будешь-ли ты бояться говоритъ онъ ей, если тебя поставятъ съ твоимъ двоюроднымъ братомъ Теобальдомъ, который недавно погребенъ въ этихъ мѣстахъ?» «О! восклицаетъ радостная Джульетта... если-бы должно было пройти чрезъ адъ, чтобы обрѣсти Ромео, я не поколебалась бы!..» Вотъ истинные итальянскіе любовники которые, когда любятъ, не думаютъ ни о чомъ болѣе, кромѣ ихъ любви, которые боятся не найдти другъ друга, а не боятся видѣть пришлецовъ съ того свѣта погребенныхъ въ глубинѣ могилы. Италіянскій Ромео, когда онъ въ склепѣ Капулеттовъ, ничего не понимаетъ изъ прелестей смерти, онъ не замѣчаетъ даже, что Джульетта еще хороша, хотя уже мертва: такъ смерть скрываетъ отъ него красоту его возлюбленной. И я люблю эту слабость, — эту стыдливость любви, если такъ смѣю выразиться, останавливающуюся передъ смертію... «Такъ, вотъ, восклицаетъ Ромео италіянскій: вотъ эти глаза, на которыя смотрѣть мнѣ было такъ пріятно, вотъ уста, произносившія такіе сладкія слова, уста, которыя цѣловали столько разъ, это сердце, біеніе котораго я слушалъ съ такимъ счастіемъ, все это холодно и застыло?... А я живу еще!» Печаль простая и естественная, гдѣ ничего не отзывается меланхоліею, составляющею родъ печали, которою геній сѣвера умѣлъ лучше выразить. Это замѣчательный и характериче-

скій контрастъ. Всѣ мысли англійскаго Ромео относятся къ трупу, который предъ его глазами, къ той Джульеттѣ, которую онъ любитъ созерцать въ гробѣ, прекрасную еще, хотя безъ жизни; тогда-какъ мысли Ромео италіянскаго относятся къ той Джульеттѣ, какою она была при жизни, прекрасною и любящею; и Ромео италіянскій, и Ромео англійскій, всякій изъ нихъ имѣетъ мысли и чувства, которыя даетъ имъ ихъ климатъ. На югѣ жизнь и красота священны, отъ нихъ человѣкъ тщательно удаляетъ мысль о смерти, какъ что-то оскорбительное. На сѣверѣ человѣкъ охотно вызываетъ эту идею, какъ-бы для того, чтобы чувствовать чрезъ противоположность прелесть жизни и красоты. Въ Веронѣ, когда Джульетта, пришедшая въ отчаяніе о ссылкѣ Ромео, проситъ у отца Лоренца, чтобъ онъ ей далъ яду: «Я не дамъ тебѣ яду, дитя мое, вскричалъ старый священникъ; это было-бы большое несчастіе, когда-бы умерла особа, такая прекрасная и молодая!...» Дорогое слово, особенно въ старикѣ, которое дышетъ уваженіемъ къ жизни и къ красотѣ: это одна изъ отличительныхъ чертъ южнаго духа. Въ Лондонѣ напротивъ, когда Ромео хочетъ купить ядъ и умереть, Шекспиръ, съ нѣкотораго рода удовольствіемъ, останавливается на этомъ аптекарѣ, продающемъ смерть изъ бѣдности, на этой лавкѣ, отъ которой пахнетъ преступленіемъ, наконецъ на этихъ словахъ: *который легко уморитъ человѣка, хотябы онъ имѣлъ силу двадцати людей*, на всѣхъ этихъ мысляхъ, мрачныхъ и отталкивающихъ, столько любезныхъ его генію и духу его соотечественниковъ.

Таково-то въ Шекспирѣ вліяніе климата, произведеннаго на поэзію. Посмотримъ теперь другое вліяніе, усмотрѣнное нами, вліяніе христіанства, и какъ Шекспиръ отстранилъ его. Въ-самомъ-дѣлѣ, прежде Шекспира, какъ и послѣ Шекспира, христіанскіе проповѣдники всегда любили представлять человѣка прахомъ его могилы *) Но по христіанскому ученію, смерть не есть для человѣка таинственная загадка, это судъ, произносимый Богомъ надъ жизнію, которую вели они здѣсь на землѣ, судъ милостивый для добрыхъ, страшный для злыхъ. Въ Шекспирѣ напротивъ, когда Гамлетъ разсуждаетъ о смерти, смерть становится темною и неизвѣстною:

---

*) Олье, основатель братства Святаго Сульпиція, въ послѣдній день своей жизни, взявъ свою руку, сказалъ: Тѣло грѣшника, ты скоро сгніешь.

(Фенелонъ. Духовныя письма. Письмо 108.)

Умереть, говоритъ Гамлетъ—уснуть
Уснуть? Но въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья
Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
.....
..... Что будетъ тамъ—тамъ
Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
Нѣтъ пришлецовъ!... *

Правда, вопросъ ужасный, но его не задаетъ себѣ Христіанинъ. Вопрошая такимъ образомъ будущее, Шекспиръ смѣло вывелъ на театрѣ духъ сомнѣнія и скептицизма; по этому Гамлетъ—предокъ героевъ лорда Байрона, они родились отъ него; мрачная и дерзкая пронія Манфреда происходитъ отъ монолога Гамлета. Шекспиръ заимствовалъ у христіанскаго ученія разсужденія и изображенія смерти, но иначе приложилъ ихъ, измѣнивъ цѣль, которую оно имѣло, потому-что это изображеніе смерти, долженствующее служить къ обузданію человѣческихъ страстей, онъ показалъ въ Ромео, какъ любовь сама можетъ вдохновиться ею, дабы живѣе тронуть насъ, и его разсужденіе о смерти, этотъ страхъ праведника въ ожиданіи суда Господа, онъ сдѣлалъ ужасомъ человѣка, готоваго умертвить себя, останавливающагося, неувѣреннаго, что будетъ за предѣлами гроба.

Подражаніе литературамъ англійской и нѣмецкой произвело то, что въ наше время смерть сдѣлалась также и во французской общимъ мѣстомъ поэзіи. Прежде мы находили смерть только въ храмахъ и находили ее серьёзною, строгою и исполненною полезныхъ поученій; нынѣ-же мы находимъ ее вездѣ въ литературѣ, находимъ ее кокетливою и украшенною, охотно старающеюся произвести контрастъ и поразить воображеніе, то увеличивая свой ужасъ, дабы что-нибудь прибавить къ движенію страхомъ, то представляясь съ главою украшенною цвѣтами и улыбающимся лицомъ ** дабы удобнѣе привлечь къ себѣ

---

* Переводъ Н. А. Полеваго.

** Nur ein heulender Sünder konnte den Tod ein Gerippe schelten; es ist ein holder, niedlicher Knabe, blühend, wie sie den Liebesgott malen, aber so tückisch nicht—ein stiller dienstbarer Genius, der der erschöpften Pilgerin Seele den Arm bietet über den Graben der Zeit, das Feenschloss der ewigen Herrlichkeit aufschliest, freundlich winkt und verschwindet.

Только одинъ рыдающій грѣшникъ можетъ назвать смерть скелетомъ. Это прелестный, милый, цвѣтущій мальчикъ, какимъ изображаютъ намъ бога любви, но онъ не такъ лукавъ. Это кроткій и услужливый геній, который подаетъ руку утомленной душѣ странника и открывая ему за предѣлами времени очарованіе вѣчнаго свѣта, дружески манитъ и исчезаетъ.

несчастныхъ, отчаянныхъ въ жизни. Это учащенное и почти оскорбительное употребленіе идеи смерти въ новой литературѣ зависитъ много отъ вліянія Шекспира.

Такъ-то въ Шекспирѣ находимъ мы начало и источникъ этой литературы самоубійства, исторію которой мы, такъ сказать, составляемъ; она уже имѣетъ въ этомъ поэтѣ первоначальныя черты, опредѣляющія ея вкусъ смерти и сомнѣнія въ будущемъ. Къ этимъ общамъ чертамъ прибавимъ отдѣльный характеръ Гамлета, который хотя и не убиваетъ самъ себя, однако то-же сдѣлался героемъ самоубійства, нѣчто въ родѣ слабаго и нерѣшительнаго Ореста, сомнѣвающагося въ преступленіи, за которое онъ долженъ отмстить, а болѣе всего въ томъ, что достанетъ-ли у него силъ исполнить призваніе, данное небомъ, призваніе ужасное, которое помрачаетъ разсудокъ Гамлета. Орестъ, движимый суетностію, не колеблется, Гамлетъ, хотя дѣйствуетъ тоже по внушенію суетности и предувѣдомленію тѣни своего отца, сохраняетъ однако свою свободу, но онъ сохраняетъ ее для того, чтобы колебаться въ своей рѣшимости и переходить отъ одной мысли къ другой *. Онъ болѣе размышляетъ, нежели дѣйствуетъ, и ничего не доводитъ до конца; то устрашенный обязанностію, которую онъ долженъ исполнить, онъ, повидимому, спрашиваетъ себя, не можетъ-ли онъ избѣгнуть этого самоубійствомъ **? но онъ отступаетъ передъ невѣрнымъ будущимъ и краснорѣчиво разбираетъ этотъ страхъ, питаемый человѣкомъ къ невѣдомому ***; то онъ хочетъ убить короля, умертвившаго его отца; но онъ останавливается, ибо король молится, и

---

* Духъ могъ быть сатана;—лукавый властенъ
Принять заманчивый, прекрасный образъ;
Я слабъ и преданъ грусти; можетъ статься,
Онъ, сильный надъ скорбящею душой,
Влечетъ меня на вѣчную погибель.

(Переводъ г. Кронеберга.)

** . . . Преступленье
Проклятое! зачѣмъ рожденъ я наказать
Тебя...

(Переводъ Полеваго.)

*** Дѣйств. III. Сцена I.

онъ не хочетъ его послать въ рай: такъ ненависть его велика и такъ изобрѣтательна въ отысканіи причинъ къ бездѣйствію! Онъ хочетъ наказать также мать, но довольствуется тѣмъ, что устрашаетъ ее словами. Онъ также не рѣшителенъ въ своей любви, какъ и въ своемъ мщеніи: онъ любитъ Офелію, но не смѣетъ повѣрить своей любви тайну ложнаго безумія.

Онъ говоритъ съ нею то какъ любовникъ, то какъ сумасшедшій, и это странное смѣшеніе противурѣчущихъ словъ оканчивается помѣшательствомъ молодой Офеліи. Когда она будетъ лежать въ гробу, тогда Гамлетъ признается громко въ любви, которую питалъ къ ней, потому-что свойство слабыхъ характеровъ—не знать положительно, чего они хотятъ, до-тѣхъ-поръ пока, они уже не могутъ имѣть того, чего желали. Самое безуміе Гамлета, сначала притворное, оканчивается подлиннымъ помѣшательствомъ; тутъ заключается любопытный урокъ, прилагаемый къ этимъ характерамъ гордымъ и слабымъ, которые тѣмъ-болѣе мечтаютъ, чѣмъ менѣе дѣйствуютъ. Человѣку опасно давать власть всѣмъ мечтамъ. Странныя чувства, странныя мысли, приходящія намъ на умъ, сперва намъ нравятся, потому-что они заставляютъ думать, что въ насъ есть что-то оригинальное, превосходящее толпу, мы охотно впадаемъ въ искушеніе выразить эти странныя чувства, дабы на насъ смотрѣли, какъ на человѣка необыкновеннаго, какъ на исключеніе—прекрасная вещь, возбуждающая честолюбіе всѣхъ, особенно въ то время, когда, и въ той странѣ, гдѣ царствуетъ равенство. Но этотъ маленькій шарлатанизмъ не безъ опасности для насъ самихъ: начинаемъ желаніемъ обманывать другихъ, а часто оканчиваемъ обманывая самихъ себя; пріобрѣтаемъ невольно восторженность, которую мы изобразили, и теряемъ добрыя чувства, за желаніе, подобно Гамлету, играть съ безуміемъ.

Короче превосходство мысли и словъ надъ дѣйствіемъ есть слабость. Вотъ основа характера Гамлета такого, какимъ его понимаетъ Шекспиръ; это также основа героевъ самоубійства. Въ-самомъ дѣлѣ, откиньте всѣ эти великія чувства, которыми они украшаются, проникните въ эти безпокойныя души, вы найдете въ глубинѣ слабость и бездѣйствіе. Они любятъ болѣе волноваться, нежели дѣйствовать, до того дня, въ который, чтобы окончить трудъ дѣйствія, они стремятся къ вѣчному покою. Разсуждая здѣсь о самоубійствѣ, я изыскиваю только, какимъ образомъ новыя драмы и новый романъ выражаютъ идею самоубійства, какъ они ее представляютъ, и, изображая эту грустную любовь къ смерти, какимъ образомъ они достигаютъ до того, что трогаютъ насъ также, какъ Греки, описывая любовь къ жизни.

Я не запрещаю драматическимъ поэтамъ выводить на сцену самоубійство: все, что̀ свойственно человѣку, принадлежитъ литературѣ; но чтобъ тронуть меня, должно, чтобы мысль о смерти, которую принялъ человѣкъ, боролась въ его душѣ съ любовію къ жизни, не должно, чтобъ онъ умерщвлялъ себя очень-скоро, изъ пустыхъ причинъ; ибо безъ этого я не могу принимать участія въ его жребіи. Шекспиръ, подавшій своему Гамлету мысль о самоубійствѣ, старается остановить его во̀-время, на краю пропасти, зная хорошо, что борьба съ смертію занимательнѣе самой смерти. Не думайте-же въ самомъ дѣлѣ, чтобы, представляя героя, который противится этой гибельной мысли и заставляя его склоняться къ окончанію болѣе на сторону жизни, нежели на сторону смерти, сцена была менѣе интересна; нѣтъ, въ драмѣ окончаніе значитъ гораздо-менѣе дѣйствія: одно дѣйствіе привлекаетъ и нравится. Итакъ авторъ можетъ, если онъ не далъ своему герою этой болѣзненной слабости, дѣлающей его неспособнымъ переносить трудъ жизни, если онъ сдѣлаетъ его только несчастнымъ, но несчастнымъ по его ошибкѣ и по воображенію, если онъ далъ ему больше тоски, нежели угрызенія и мечтательности, и наконецъ сохранилъ ему чистую совѣсть, авторъ, говорю, очень-легко можетъ представить, какъ мысль о самоубійствѣ проходитъ по уму его героя и ка̀къ онъ ей сопротивляется. Сцена возбудитъ жалость, хотя герой и не умретъ, и окончаніе можетъ быть счастливо и нравственно, не переставая быть занимательнымъ. Но это, не забудемъ, зависитъ отъ характера, который поэтъ даетъ герою. Размышляя такимъ образомъ, я думаю объ одной сценѣ романа «Памела», которая всегда очень трогала меня. Памела, служанка, молодая, прекрасная и умная. Господинъ ея любитъ ее страстно, но она противится его любви; онъ долго ее преслѣдуетъ, и кончается тѣмъ, что онъ на ней женится. Памела заключена своимъ господиномъ въ сѣверный за̀мокъ въ Англіи, отдана подъ присмотръ злой женщины, и страшась, чтобы ея господинъ не употребилъ насилія, чтобы восторжествовать надъ ея сопротивленіемъ, пробуетъ убѣжать изъ тюрьмы; она ночью выходитъ изъ окна и старается взлѣзть на стѣну ограды; но падаетъ и ранитъ себя въ паденіи. Нѣтъ болѣе надежды избѣжать отъ преслѣдовавій судьбы,—что̀ предпринять?

«Да проститъ меня Господь, говоритъ она: мнѣ пришла на умъ страшная мысль; я трепещу при одномъ воспоминаніи объ ней; въ самомъ-дѣлѣ, страхъ ужаснаго ужаснаго несчастія, котораго я боялась, заставилъ меня рѣшиться на поступокъ, который сдѣлалъ-бы меня несчастною на цѣлую вѣчность. О, мои дорогіе родители, простите вашей дочери!.. Отчаяніе овладѣло мною...я подползла къ пруду и съ ка-

кимъ намѣреніемъ!—я трепещу еще и теперь,—съ намѣреніемъ броситься въ него и такимъ образомъ окончить всѣ несчастія этого міра... но увы! чтобы страдать безконечно болѣе въ другомъ, если-бы милость Божія не удержала меня. Какъ я устояла противъ этого искушенія (будь благословенъ Господь!) я разскажу вамъ, разскажу и борьбу, которую я должна была выдержать противъ себя самой въ этомъ печальномъ случаѣ, чтобы прославить милосердіе Божіе, воспрепятствовавшее мнѣ ринуться въ пропасть, изъ которой нѣтъ возврата.»

Сидя, или лучше сказать, лежа на берегу пруда, Памела разсматриваетъ свои несчастія и невозможность избѣжать безчестныхъ условій, которыя назначитъ ей любовь ея господина.

«Тогда мнѣ пришло на мысль,—и эта мысль, вѣроятно, внушена была демономъ, потому-что она мнѣ нравилась и сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе,—мнѣ пришло на мысль, что эти злодѣи, неимѣющіе теперь угрызенія въ ихъ поведеніи, неимѣющіе ко мнѣ никакого состраданія, будутъ тронуты хотя раскаяніемъ, когда они увидятъ печальныя послѣдствія ихъ преступленія. Да, говорила я себѣ: когда они будутъ смотрѣть на трупъ несчастной Памелы, вынутый изъ воды и лежащій на этой травѣ, сердце ихъ почувствуетъ жестокое угрызеніе совѣсти, къ которому они теперь неспособны. Мой господинъ, который въ такомъ теперь гнѣвѣ, забудетъ тогда всю злопамятность и скажетъ: А! это бѣдная несчастная Памела, которую я несправедливо преслѣдовалъ; я причиною ея смерти. Я вижу теперь, что она предпочитала добродѣтель самой жизни, что она не была ни лукава, ни обманщица, но что она была только невинное существо, которымъ думала быть. Можетъ-быть, тогда онъ прольетъ нѣсколько слезъ надъ трупомъ служанки, которую онъ такъ преслѣдовалъ! Онъ похоронитъ меня прилично, онъ защититъ меня отъ безчестія, на которое предаютъ тѣла лишившихъ себя жизни. Всѣ молодые люди и молодыя дѣвушки, сосѣди моихъ дорогихъ родныхъ, оплачутъ жребій бѣдной Памелы, но я надѣюсь, что меня не возмутъ сюжетомъ ни для баллады, ни для элегіи, и что, изъ любви къ моему отцу и моей матери, меня скоро забудутъ.» Я колеблюсь прервать эту повѣсть какими-нибудь разсужденіями, однако хочу сдѣлать замѣчаніе о чувствѣ любви, проглядывающей въ умиленіи, какое проявляется въ Памелѣ при мысли о слезахъ, которыя будетъ проливать ея господинъ на ея гробъ, невольная любовь, въ которой она не сознается, но которую она чувствуетъ и выражаетъ, сама того незная; она помышляетъ съ нѣкотораго рода пріятностію о печали, которую смерть ея причинитъ ея господину; эта любовь болѣе угадывается, нежели видится: она проглядываетъ чрезъ печальныя мысли, волнующія Памелу, и однако сколько она ни слаба и ни скромна, хри-

стіанская душа Памелы понимаетъ, что она виновна, потому-что она упрекаетъ себя.

Я люблю также эту скромность, заставляющую ее бояться жалобъ о ея жребіи. Есть люди, которые, кажется, убили-бы себя, лишьбы объ нихъ говорила публика; они-бы пожертвовали своею жизнію за минуту извѣстности. Памела требуетъ забвенія, она боится публики столько-же, сколько другіе ее ищутъ. Но со столькими добрыми чувствами въ сердцѣ, невозможно было, чтобы Памела погибла, и ея добродѣтели защищаютъ и спасаютъ ее отъ этой мысли о самоубійствѣ, которую внушили ей ея несчастія.

Вотъ какимъ образомъ мысль о самоубійствѣ можетъ тронуть, хотя это волненіе ничего не будетъ стоить для нравственности; но чтобы дойдти, какъ Памела, до самоубійства и его избѣгнуть, должно имѣть характеръ, который данъ ей Ричардсономъ, нужна твердость разсудка, происходящая отъ религіи. Мы чувствуемъ, что Памела устоитъ противъ опасности искушенія, овладѣвающаго ею, потому-что она устояла противъ искушенія другаго рода, и что она будетъ имѣть силы противъ самоубійства, какъ имѣла силы противъ обольщенія, чувствуемъ, что въ ней есть эта жизненная нравственная сила, которая способна переносить всѣ несчастія и трудности жизни. Напротивъ есть лица, которыхъ предназначеніе умереть знаемъ мы съ перваго взгляда; пылкимъ и восторженнымъ, имъ не достаетъ силы и терпѣнія,—жизнь существуетъ не для нихъ. Таковъ Вертеръ Гёте. Гёте создалъ его не для того, чтобы онъ жилъ, и онъ это очень-хорошо зналъ, хотя, не знаю, какой-то нѣмецкой писатель подаетъ совѣтъ поправить окончаніе романа и оставить Вертера въ живыхъ, вмѣсто того, чтобъ онъ лишалъ себя жизни. Бѣднякъ и не подозрѣваетъ, сказалъ Гёте, что болѣзнь безъ лекарства и что нравственный червь ужалилъ Вертера въ цвѣтѣ лѣтъ! Какой-же это нравственный червь, ужалившій, по мнѣнію Гёте, молодость Вертера? Мы не обманемся, если скажемъ: что это былъ духъ сомнѣнія, духъ осмнадцатаго вѣка. Червь уязвилъ не одного только Вертера: онъ уязвилъ и самого Гёте. Гёте принадлежитъ къ осмнадцатому столѣтію, онъ его ученикъ и пріемникъ, онъ скептикъ и также сомнѣвается, какъ сомнѣвался осмнадцатый вѣкъ; но онъ поэтъ, —вотъ-что скрываетъ нѣсколько его скептицизмъ, и какъ онъ сознялъ удивительнымъ умомъ, твердою подпорою его генія, что скептицизмъ исключаетъ поэзію, то онъ хотѣлъ исправить это, а поэтому-то онъ призвалъ на помощь всѣ пособія искусства и науки. Онъ обожалъ природу и былъ фантазёръ; онъ вездѣ представлялъ Бога, чтобъ вознаградить себя за то, что онъ не имѣлъ Его въ своемъ сердцѣ; онъ обожалъ Грецію и отдавалъ нѣкотораго рода поклоненіе красотѣ, та-

кое, какое Грецiя выразила въ искусствахъ; стараясь обрѣсти энтузiазмъ помощiю искусствъ, онъ обожалъ югъ и воспѣвалъ пріятныя страны апельсиновъ, потому-что югъ—твердая страна вѣры и убѣжище отъ скептицизма; онъ обожалъ также среднiя времена, незнавшiя сомнѣнiя, повсюду искалъ онъ, чѣмъ залечить рану, червя, поразившаго его молодость. Но ничто не помогло; скептицизмъ проглядываетъ изъ глубины всѣхъ энтузiазмовъ, и различiе самыхъ его впечатлѣнiй показываетъ его равнодушiе. Онъ ни философъ, ни святоша, ни христiянинъ, ни язычникъ, ни придворный, ни гражданинъ, ни древнiй ни новый, ни житель сѣвера, ни житель юга, или скорѣе или лучше, онъ все это въ одно время. Онъ эхо природы, онъ передалъ всѣ ея пѣсни, всѣ ея гармонiи, но онъ не прибавилъ задушевной пѣсни, той пѣсни души, которая, такъ сказать, есть звукъ нашего сердца и которая такъ прекрасно соединяется съ гармонiею, происходящею отъ природы. Попробуйте попросить Гёте представить человѣка и природу во всѣмъ ихъ разнообразiи и пространствѣ — онъ представитъ. Но отъ него не должно требовать его самого: этого *я* не достаетъ Гёте, не того *я*, которое знаетъ что онъ великiй поэтъ и хочетъ имъ быть; но *я*, имѣющаго мысль и правила, которыми онъ хочетъ воспользоваться, того *я* наконецъ, которое вѣритъ во что-нибудь: это-то *я* породило червь въ Гёте и въ Вертерѣ.

Съ франц. **М. К.**

ЮМОРИСТИКА.

—

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ 2.

Юмористическій взглядъ на Петербургъ.—Различіе Петербурга отъ Москвы.—Необходимость и неудобство обязанностей зѣваки.—Регулярность Петербурга.—Неприличіе древности.—Запахи петербургскихъ улицъ.—Три рода названій петербургскихъ улицъ: ясныя, темныя и дикія.—Петербургскіе мосты.—Симпатія мужиковъ и заборовъ.—Петербургскіе дома.—Дѣти.—Ограды.—Разные сорты мостовыхъ.—Петербургскій климатъ.—Весна и лѣто.—Дождевое время.—Сухое время.—День Петербурга.—Чиновники.—Заключеніе.

Чудный городъ Петербургъ!—

Если-бы тѣ господа, которые съ открытіемъ навигаціи бросаются толпами на первые пароходы, отплывающіе въ какой-нибудь заграничный городъ, получше знали тотъ, гдѣ живутъ съ младенчества, то не такъ-бы скоро его оставили.

Странное свойство человѣческой натуры, которая закрываетъ гла-

за для всего, ее окружающаго, и открываетъ ихъ только за сотни верстъ отъ мѣста жительства!

А есть что̀ посмотрѣть и въ Петербургѣ. Во-истинну Петербургъ *чудный* городъ, во всѣхъ значеніяхъ этого слова. Смо̀трите-ли вы на него въ грязно-сѣрый день петербургскаго лѣта, или при сіяніи зимняго солнца, играющаго на нерастаявшемъ снѣгу петербургскихъ площадей, по которымъ еще не бѣгало человѣчество за разными житейскими надобностями, —во всякое время года, во всякій часъ дня—Петербургъ представитъ вамъ самыя разнообразныя картины. Умѣйте только подмѣчать ихъ.

Конечно, для этого надобно особенное, шестое чувство, составляющее нѣчто среднее между чутьемъ и проницательностью, и до-сихъ-поръ еще необъясненное физіологами. Но прежде всего, для этого нужно, чтобы вы не занимали ни одну изъ должностей, не несли на себѣ ни одной служебной обязанности, занимающей половину человѣческой жизни, безъ чего жизнь была-бы такъ пуста и однообразна. Вы видите, что для этого должность петербургскаго зѣваки самая приличная и удобная.

Москвичи говорятъ, что ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько разнородныхъ элементовъ, столько различныхъ классовъ и сословій общества, какъ въ Москвѣ. Просимъ извиненія! Мы готовы показать здѣсь всѣмъ и каждому всѣ роды московскихъ типовъ и представить сверхъ-того, въ придачу, еще такихъ, которыхъ не сыщешь не только въ Москвѣ, но и въ цѣлой Россіи. Одного только нѣтъ въ Петербургѣ—московскихъ калачей какъ ни стараются поддѣлаться подъ нихъ петербургскіе хлѣбопеки; но привиллегія на фабрикацію этаго чисто-россійскаго произведенія дана судьбою Москвѣ, въ день ея основанія, собственно только для того, чтобы она чѣмъ-нибудь отличалась отъ Петербурга. Но чѣмъ болѣе распространяется просвѣщеніе, тѣмъ скорѣе уравниваются точки несходства между обѣими столицами. Скоро исчезнетъ и это послѣднее небольшое различіе. И теперь ужъ на углу Гостинаго двора и Садовой можно получать калачи, которыхъ развѣ только опытный знатокъ не приметъ за московскіе.

Чтобы хорошо узнать Петербургъ, надобно посвятить ему всю жизнь свою, сродниться съ нимъ, предаться ему душою и тѣломъ. Если издавать всякій день книгу, толщиною съ толстѣйшій русскій журналъ то и тогда не выскажешь всего о Петербургѣ, и каждый день будешь находить въ немъ новыя, неожиданныя черты и красоты. Все,что̀ пишетъ петербургскій зѣвака, подмѣчено или имъ самимъ, или основано на разсказахъ другихъ, извѣстно, что люди ино-

гда ошибаются, а отъ того и не удивительно, если разсказъ этотъ не окажется во всѣхъ отношеніяхъ вѣрнымъ.

Въ ожиданіи благосклоннаго вниманія читателя, пройдемся по Петербургу неоффиціальнымъ образомъ. Въ тѣхъ географіяхъ, гдѣ города очень-удачно обозначаются однимъ эпитетомъ, какъ на примѣръ: Парижъ—городъ великолѣпный, Лондонъ—обширный, Вѣна—промышленный, Мадритъ—красивый, Москва—древній, Петербургъ названъ *регулярнымъ*. Неправда ли, какъ по одному прилагательному вы тотчасъ узнали существенное отличіе одной столицы отъ другой, и никогда не смѣшаете Парижа съ Вѣной и Москвы съ Лондономъ. И самъ Петербургъ—какъ удачно онъ опредѣленъ однимъ словомъ. Развѣ не главная черта его та, что онъ регулярень? Развѣ есть что-нибудь на свѣтѣ важнѣе регулярности? Взгляните, въ какую удивительную линію вытянуты всѣ улицы его! Какъ геометрически равны очертанія его площадей и плацъ-парадовъ! Если гдѣ-нибудь въ заневскихъ сторонахъ дома и погнулись немножко на бокъ, то все-таки погнулись чрезвычайно-регулярно. Если и есть гдѣ-нибудь на краю города улицы, которыя, лѣпясь очень-скромно вдоль заборовъ, вдругъ, какъ-будто испугавшись чего-нибудь, бросаются въ-право или въ-лѣво, то можно быть увѣрену, что эти улицы принадлежатъ еще къ младенческимъ годамъ Петербурга, когда онъ не сталъ еще гранитнымъ фундаментомъ на при-невскія болота. Вообще памятниковъ до Екатерининскихъ временъ чрезвычайно-мало въ Петербургѣ. И на что намъ они! Петербургу довольно настоящей его славы. Не смѣшно-ли было-бы если-бъ, въ знакъ памяти первыхъ годовъ его основанія, онъ сохранилъ деревянные шалаши, въ которыхъ жили его первые обитатели? Они представляли-бы много замѣчательнаго.

Большая часть улицъ Петербурга не считаетъ еще и вѣка существованія. Съ перваго взгляда онѣ очень-похожи другъ на друга. Тѣ же высокіе, важные дома, тѣ-же желтыя стѣны съ красными крышками; тоже безчисленное множество оконъ, флегматически глазѣющихъ на улицу, почти вездѣ одна и таже архитектура Но неговоря уже о различіи Частей города, изъ которыхъ первая Адмиралтейская похожа на Охтенскую такъ, какъ Пекинъ на Варшаву и Калькутта на Царевококшайскъ—всѣ улицы Петербурга рѣзко отличаются одна отъ другой, если не зданіями, линіею тротуаровъ и мостовою, то, по-крайней-мѣрѣ, *запахомъ*. Да! это фактъ историческій, физіологическій, неподверженный ни малѣйшему сомнѣнію. Каждая петербургская улица имѣетъ свой особенный, ей одной только свойственный запахъ. Милліонная пахнетъ совсѣмъ не такъ, какъ Садовая, Конюшенная иначе, чѣмъ Мѣщанская. Только тѣ люди, у кото-

рыхъ не вполнѣ развито чувство обонянія, не замѣчаютъ этого различія. Людей съ тонкимъ носомъ, при переходѣ изъ одной улицы въ другую, тотчасъ обдаетъ совершенно-другимъ запахомъ. Въ особенности, какъ говорится, *бьютъ въ носъ* улицы многолюдныя и отличающіяся множествомъ вывѣсокъ, съ изображеніями разныхъ привлекательныхъ предметовъ. Иногда, обыкновенно рано утромъ и поздно вечеромъ, въ холодную погоду, запахи эти дѣлаются видимы и почти осязательны, сгущаясь въ неблаговонный туманъ или теплый паръ, долго носящійся по разнымъ улицамъ и пахнущій чѣмъ-то прѣлымъ. — Такъ-какъ теорія запаховъ весьма-мало изслѣдована, и *носологія* составляетъ весьма короткую часть въ нашей *физикѣ*, то я не буду объяснять ни свойства, ни особенностей уличныхъ запаховъ, хотя разница между ними очень-ощутительна. Такъ Гороховая пахнетъ странной смѣсью горячаго хлѣба съ деревяннымъ масломъ, Большая-Подъяческая старыми сапогами и сушеными грибами, Чернышевъ переулокъ сбитнемъ, тухлыми яицами и соленой севрюжиной, Фонарной.... но всѣхъ не перечтешь. Подробное исчисленіе запаховъ принадлежитъ статистикѣ Петербурга. Мы ограничимся однимъ указаніемъ на это любопытное и малоизслѣдованное обстоятельство.

Очень-занимательный фактъ представляютъ также названія петербургскихъ улицъ и переулковъ. Кто трудился надъ прінсканіемъ этихъ названій и по какой причинѣ давалъ имъ тѣ, а не другія имена—покрыто мракомъ неизвѣстности. Нельзя предполагать, чтобы одинъ слѣпой случай участвовалъ въ этомъ. Въ нѣкоторыхъ названіяхъ какъ-будто мелькаетъ что-то похожее на идею, серьёзную или насмѣшливую; въ другихъ нѣтъ никакого логическаго смысла. Есть улицы, названіе которыхъ прямо соотвѣтствуетъ ихъ назначенію или дано, просто, въ честь ихъ строителей и домохозяевъ. Таковы *Почтамтская*, *Мѣщанскія*, *Конюшенныя*, *Замятинъ*, *Демидовъ* и *Апраксинъ* переулки, *Царскосельскій*, *Петергофскій* и *Екатерингофскій* проспекты, и т. д. Къ тѣмъ, которыя названы по-какому-нибудь поводу, принадлежатъ *Міліонная* (вѣроятно, обитаемая нѣкогда міліонерами), *Морская* (которая, вѣроятно, нѣкогда шла вплоть до залива), *Офицерская*, *Подъяческія* (улицы важныя, чиновныя), *Садовая* (нѣкогда богатая садами), *Каноперская*, *Грязная*, *Болотная*, *Фурштадская* (вѣроятно Форъ-штадтская), *Шестилавочная*, *Кирочная* (отъ кирки), переулки *Песочный*, *Кожевенный*, *Канатный* и проч. Наконецъ къ дикимъ названіямъ, даннымъ какъ-бы въ насмѣшку, принадлежатъ: *Моховая*, вѣроятно никогда непороставшая мохомъ,

Гороховая, на которой очень-трудно было вырости гороху, *Караванная*, въ которой, вѣрно, не останавливались караваны, нѣкогда приходившіе въ Россію изъ Индіи и Бухаріи, *Фонарный* переулокъ, гдѣ фонари рѣдки, какъ счастливые дни въ нашей жизни, *Озерный*, гдѣ, вѣроятно, не было никакого озера, *Прачечный*, который, кажется, ничѣмъ не оправдываетъ своего названія. Къ совершенно-страннымъ названіямъ относятся улицы: *Боровая*, *Глазовская*, *Широкая* (гдѣ нельзя пройти подбоченившись) *Стремянная*, *Слоновая*, *Растанная*, *Ружейная*, *Гулярная*, *Пискунова*, *Разночинная*, *Зелейная*, *Поперечная*, *Односторонняя*, *Безымянная*, *Шамшева*, *Гармалѣева*, *Плуталова*, *Подрѣзова*, *Теряева*, *Оспинная*, *Траерная*, *Дребезгова*, *Пустая*, *Проходная*, *Кошкина* и наконецъ *Молчаливая*. Весьма-замѣчательныя улицы! Очень можетъ-быть, что они названы по фамиліямъ ихъ домохозяевъ, потому-что на Руси какую ни выдумай дикую фамилію—на нее, вѣрно, кто-нибудь да отзовется въ какомъ-нибудь углу нашего обширнаго царства. Нѣкоторыя изъ названій въ особенности любитъ Петербургъ, и они повторяются чуть-ли не въ каждой изъ тринадцати Частей его. Таковы: Офицерская, Воскресенская, Мучной, Церковный и Глухой переулки. Петербургъ также чрезвычайно-пристрастенъ къ разнымъ *сытнымъ* названіямъ улицъ. Въ немъ есть и Хлѣбная, и Мясная, и Масляная, и Мучная, и Поварская, и Огородная и наконецъ *Сытная* улица.

Кромѣ улицъ, въ Петербургѣ есть много весьма-замѣчательныхъ мостовъ. Низшій классъ петербургскаго общества очень любитъ мосты. Прислонивъ ко всѣмъ четыремъ угламъ ихъ разныя отрасли мелкой промышленности, онъ иногда по цѣлымъ днямъ проводитъ у этихъ мостовъ, бесѣдуя съ земляками, наблюдая за прохожденіемъ барки подъ мостами или, просто, живописно облокотясь на перила и поплевывая въ воду, для собственнаго удовольствія, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду. Мостъ для русскаго мужика тоже, что былъ форумъ для римскаго. Здѣсь онъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, толкуетъ, рядитъ и судитъ о разныхъ разностяхъ, разумѣется, кромѣ воскресныхъ дней, которые онъ исключительно посвящаетъ разнымъ гостепріимнымъ заведеніямъ. Мостъ питаетъ множество народа, начиная съ извощика, который около него обыкновенно ставитъ свою колоду, до бабы, которая продаетъ лѣтомъ чернику въ помадной банкѣ, а зимой пряники очень-страннаго цвѣта и запаха. Если на большомъ разстояніи нѣтъ моста, то промышленость подобнаго рода садится около какого-нибудь забора, которыхъ въ Пе-

тербургѣ чуть-ли не больше, чѣмъ домовъ. Русскій народъ также очень любитъ и заборы. Онъ не можетъ пройти мимо него, чтобы зачѣмъ-нибудь не остановиться, не задѣть его рукой или не посмотрѣть въ скважины, которыми изобильно усѣяны бзрочныя доски забора. Къ крашенымъ заборамъ онъ не чувствуетъ такой симпатіи, какъ къ простымъ и въ особенности къ устарѣлымъ и сильно расщелявшимся. Богъ знаетъ, что онъ видитъ въ эти щели, только онъ никогда не пропускаетъ случая заглянуть въ нихъ.

Что касается собственно до домовъ въ Петербургѣ, то многаго объ нихъ сказать нельзя. Если иногда какой-нибудь эксцентрикъ окрашиваетъ ихъ замысловатою краскою свѣтло-лососиннаго или гнѣдо-розоваго цвѣта, то это гдѣ-нибудь на Пескахъ или въ отдаленныхъ линіяхъ Петербургской-стороны. Большею частью дома здѣсь скромные, чинные, степенные. Они не разъѣзжаются, какъ придется, не раскидываются, какъ имъ заблагоразсудится, потому-что за этимъ смотритъ правительство. Если нѣкоторые изъ нихъ и имѣютъ странную форму, то потому, что этого требуетъ расположеніе двухъ или трехъ сходящихся улицъ.

Съ наступленіемъ навигаціи и переѣздовъ на дачи, аллеи Лѣтняго-сада наполняются нянъками и шумными роями дѣтей, разнаго пола и возраста, исключительно присвоивающими себѣ право владѣть Лѣтнимъ-садомъ наостальные мѣсяцы лѣта. Это маленькое поколѣніе удивительно какъ многочисленно въ Петербургѣ. Нѣтъ воротъ, у которыхъ не возилась-бы дюжина другая крикливыхъ существъ, нѣтъ окна, въ которомъ-бы не было видно двухъ, трехъ дѣтскихъ головокъ, не всегда милыхъ и привлекательныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые волею судьбы не могутъ копаться въ травѣ, на дачахъ, роются въ пескѣ, по дворамъ и даже по улицамъ, отдаленнымъ и немноголюднымъ. Большая часть изъ нихъ, принадлежа къ низшему классу солдатъ, сторожей, писарей и тому подобныхъ лицъ, съ утра до вечера занятыхъ своею должностью, растетъ рѣшительно безъ всякаго присмотра. Въ грязной оборванной рубашонкѣ или въ фантастическомъ кафтанѣ, скроенномъ изъ стараго сюртука отца, бѣгаютъ эти жалкія существа цѣлый день по дворамъ и подворотнямъ, въ обуви, которая, по русскому выраженію, *проситъ каши*, или даже вовсе безъ обуви. Какой-нибудь камушекъ, обломокъ палки, подошва стараго сапога, поднятаго ими на улицѣ, занимаетъ ихъ цѣлый день. Солнце печетъ нечесанную голову ребенка, покрытую длинными бѣлыми волосами, дождь смываетъ съ него толстую кору грязи, вѣтеръ продуваетъ его

насквозь, холодъ костенитъ его руки, лицо и ноги — бѣдняку и горя мало; беззаботно грызетъ онъ жосткую корку чорнаго хлѣба бѣлыми зубами, и катается въ пескѣ съ дворовою собакою, смѣясь и вижжа отъ всего сердца. Сама судьба хранитъ бѣднаго ребенка; онъ всегда бываетъ и здоровѣе, и веселѣе чахоточныхъ и блѣдныхъ дѣтей, укутанныхъ въ тонкія пеленки. Дѣти лицъ средняго сословія обыкновенно отыскиваютъ гдѣ-нибудь клочокъ травы, куда и собираются подъ присмотромъ заботливыхъ кормилицъ, нянюшекъ и гувернантокъ. Мѣстомъ такихъ сборищъ обыкновенно бываютъ церковныя ограды, изъ которыхъ особенно славится *Никольская*, на Крюковомъ каналѣ. Дѣти очень любятъ гулять на *оградѣ*, хотя и не во всѣ имѣютъ свободный доступъ, потому что иногда разсчотливые церковные старшины находятъ, что гораздо-выгоднѣе скосить траву оградъ на сѣно, чѣмъ дать ее вытоптать маленькимъ посѣтителямъ. На этихъ оградахъ раздается впрочемъ не одинъ безпечный, дѣтскій смѣхъ: гувернантки и старшія сестрицы заводятъ между собою, по-временамъ, не совсѣмъ ребяческіе разговоры. Въ особенности коломенскія барышни большія охотницы до этихъ оградъ, и когда маленькіе братцы и сестрицы ихъ туда отправляются, то онѣ всегда просятся *погулять* съ ними. Кромѣ Лѣтняго-сада и оградъ, публика, неразъѣхавшаяся по дачамъ, гуляетъ вечеромъ по Адмиралтейскому бульвару и Англійской набережной, по Фонтанкѣ, на Невскомъ — но эти мѣста прогулокъ существуютъ и зимою.

Когда-же переселенія на дачи совершенно окончатся и настанетъ настоящее лѣто—Петербургъ принимаетъ странный видъ. Какая-то пустота воцаряется на его широкихъ улицахъ. Рѣже раздается стукъ экипажей, рѣдѣютъ толпы, какъ говорится, *хорошей публики*; за то на лѣто прибываетъ сюда множество разнаго рода работниковъ, болѣе всего каменщиковъ и плотниковъ. Строительная дѣятельность въ Петербургѣ кипитъ въ это время во всей своей силѣ; новые дома быстро поднимаются, старые передѣлываются, надстраиваются или, по-крайней-мѣрѣ, подновляютъ свой форменный, жолтый цвѣтъ. Бѣда жильцамъ, остающимся въ городѣ во-время передѣлокъ ихъ домовъ! Имъ не дадутъ покоя пѣсни и крики русскихъ мужичковъ, которые не любятъ работать въ-тихомолочку, и при каждомъ усиліи выкрикиваютъ свое однообразное, многозначущее: *охо*! Ихъ оглушитъ стукъ топора, ослѣпитъ пыль и известка, разстроитъ запахъ краски и другихъ сильно-пахучихъ веществъ, которыя всегда носитъ съ собою русскій мужикъ. Вся выгода, которую жилецъ получаетъ во-время работъ, состоитъ въ томъ, что онъ, если захочетъ, можетъ со-

ставить удивительный словарь разныхъ непечатныхъ выраженій, которыми такъ богатъ нашъ русскій языкъ. Мостовыя въ это время претерпѣваютъ сильные перевороты. Есть улицы, въ которыхъ въ извѣстные мѣсяцы рѣшительно нѣтъ проѣзда, потому что одна сторона ихъ чинится, а другая избита до баснословія. Бываютъ и такія, которыя чинятся все лѣто, а, простоявъ зиму подъ снѣгомъ, къ веснѣ опять требуютъ починки. Для того, чтобы чаще доставлять себѣ это пріятное занятіе, многіе мостятъ улицы передъ своими домами особеннымъ и весьма-легкимъ способомъ, состоящимъ въ томъ, что на землю, слегка посыпанную пескомъ, кладутся подъ рядъ безъ-всякаго порядка, для разнообразія, большіе и маленькіе камни и прибиваются сверху, слегка, ударомъ молотка, равнымъ нажатію большаго пальца. Для красы или какой-нибудь другой тонкой цѣли, о которой мы не догадываемся, они посыпаются еще сверху толченымъ кирпичомъ, который, при малѣйшемъ вѣтрѣ, засыпаетъ глаза *прекрасною* пылью, а при дождѣ маретъ платье очень эффектнаго цвѣта грязью. При такой методѣ мощенія немудрено, что жителямъ многихъ улицъ не удается никогда прокатиться по новой мостовой, и что они все время имѣютъ удовольствіе ѣздить по боколомной и экипажеломной дорогѣ, которая, какъ увѣряютъ они, за то очень-полезна отъ гемороя, весьма-пріятной болѣзни, чисто петербургскаго изобрѣтенія. Кромѣ того, мостовыя въ это время перекапываются ямами и канавками, въ которыхъ роются мужики, очищая водосточныя трубы, зимою обыкновенно засаривающіяся. Большая часть улицъ перекрещается также по всѣмъ направленіямъ досчатыми настилками, по которымъ свозятъ съ барокъ дрова и кирпичи или вывозятъ изъ домовъ мусоръ и щебень, и черезъ которыя экипажи должны перебираться съ большою осторожностью. Всѣ эти обстоятельства, очень-часто соединенныя вмѣстѣ, также не мало разнообразятъ прогулку по петербургскимъ улицамъ и служатъ прекрасною практическою школою терпѣнія для пылкихъ характеровъ. Деревянная мостовая, послѣ сильныхъ дождей, также начинаетъ плясать подъ ногами лошадей и колесами экипажей. Но все это рай, въ сравненіи съ ѣздою по немощеннымъ улицамъ и нѣкоторымъ Выборгскимъ переулкамъ. Въ весьма-немногихъ мѣстахъ существуетъ еще другой родъ мостовой, состоящей изъ круглыхъ бревенъ, настланныхъ поперекъ улицы. За это умное изобрѣтеніе, вѣроятно, была выдана первая премія или большая медаль какимъ-нибудь обществомъ улучшенія и усовершенствованія пытокъ, существовавшимъ въ среднихъ вѣкахъ. Мы даже не можемъ безъ ужаса вспомнить объ этой мостовой, а не только ее описывать.

Петербургское лѣто, бо́льшею частію, бываетъ дождливо и холодно—въ этомъ должно признаться. Бываютъ жаркіе дни и даже мѣсяцы, но они составляютъ исключеніе. Собственно говоря — весны нѣтъ въ Петербургѣ. Годъ его можетъ быть раздѣленъ: на *сильго-холодное* и на *дожде-холодное* время. Я подозрѣваю, что весны даже никогда и не было въ Петербургѣ и что ее нарочно сочинили поэты, чтобы имъ было съ чѣмъ-нибудь сравнивать красавицъ и что-нибудь воспѣвать. Очень даже можетъ-быть, что первый, кто назвалъ обожаемый имъ предметъ—*майскою розою*, сказалъ въ сердцахъ самую злую и ѣдкую насмѣшку, а другіе приняли ее за чистыя деньги. Вѣдь и теперь у насъ въ журналахъ часто пишутся такія критики, что съ перваго взгляда кажется, будто книга и расхвалена, а въ-самомъ-дѣлѣ выходитъ, что критикъ разругалъ ее на-повалъ. Трудно только догадаться объ этомъ, и многіе остаются при первомъ убѣжденіи. Появленіе и удаленіе весны даже очень-трудно подсмотрѣть. Она такъ костюмируется, что ее трудно отличить отъ осени. Весна сдѣлалась какимъ-то баснословнымъ существомъ, миѳомъ, о которомъ всѣ говорятъ, но котораго никто никогда не видалъ, Другіе находятъ, что даже очень-неприлично говорить о веснѣ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, если ему необходимо и нужно употребить это слово, всегда прибавляетъ: «Это было, съ позволенія сказать, весною!»

И такъ весны нѣтъ въ Петербургѣ—это дѣло рѣшеное; лѣта, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Европа и другія части свѣта, также нѣтъ. Такъ что́-же въ немъ есть наконецъ. Какъ что̀? Помилуйте—а *дождь*, неутомимый *дождь*, вѣчный *дождь*, который такъ страстно любитъ приневскія страны, Дождь сдѣлался необходимостью для Петербурга, безъ дождя ему кажется чего-то не достаетъ. Если его нѣтъ день, другой, то Петербургъ начинаетъ безпокоиться и спрашиваетъ: «Что̀-же это значитъ? неужто *онъ* и сегодня не будетъ?» Есть люди, которые удивляются тому, откуда берется такая огромная масса воды, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно низвергающаяся на Петербургъ; но они и не подозрѣваютъ, что это происходитъ отъ особеннаго благоволенія неба, которое, зная, какъ дождь необходимъ для Петербурга, собираетъ дождевыя тучи со всѣхъ концовъ земли для его удовольствія. И зато сколько сортовъ дождя падаетъ въ теченіе лѣта! И маленькой, и большой, и проливной, и частый, и рѣдкій, и мелкій, и крупный, и грибной, и травяной, и постоянный, и съ отдыхомъ—рѣшительно на всѣ вкусы—кому какой больше нравится. Напрасно враги дождя вооружаются противъ него зонтиками, калошами и непромокаемыми плащами — онъ про-

бываетъ ихъ насквозь своими каплями, хлещетъ съ насмѣшкой въ лицо, забирается въ калоши, заползаетъ за галстукъ. Напрасно слишкомъ-довѣрчивый иностранецъ, взглянувъ на прояснившееся небо и полумавъ, что теперь все ужъ кончено, отправляется куда-нибудь за городъ, въ надеждѣ *погулять*: коварный дождъ вдругъ нежданно, негаданно грянетъ ему прямо на голову изъ-за какаго-нибудь угла и вымоетъ его на славу, такъ-что сукно у сюртука и прочаго послѣ этого и мочить не-зачѣмъ. Но Петербургъ такъ привыкъ къ дождю, что не обращаетъ на него никакого вниманія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стóитъ только взглянуть, кàкъ во-время дождя петербургскіе жители флегматически расхаживаютъ по улицамъ подъ зонтиками, какъ исполинскіе грибы, ни скорѣе, ни тише обыкновеннаго. Изъ любви къ дождю и по невозможности пользоваться имъ во всякое время, Петербургъ составилъ для себя исскуственный дождь, заключаемый въ шкафѣ, куда истинный Петербуржецъ влезаетъ, раздѣвшись, чтобы вполнѣ насладиться удовольствіемъ дождя, который, при поворотѣ крана, вдругъ обдаетъ его со всѣхъ сторонъ мелкими брызгами. При этомъ Петербургъ увѣряетъ, что, это кромѣ удовольствія, еще чрезвычайно какъ здорово. Въ сильный дождь народу на улицахъ однако очень-мало, не потому, чтобы онъ боялся дождя и прятался отъ него, но потому, что онъ предпочитаетъ лучше мокнуть на дачѣ, чѣмъ въ городѣ, потому-что тамъ большая часть домовъ съ удобствомъ замѣняетъ новоизобрѣтенные шкафы съ дождемъ, съ тою еще разницею, что въ шкафъ надобно нарочно наливать воду, а на дачахъ само небо льетъ ее сквозь крыши домовъ изъ своего неистощимаго резервуара. Не веселую, но-очень занимательную картину представляетъ Петербургъ во-время дождя. Подъ всѣми навѣсами подъѣздовъ и балконовъ составляются разнохарактерныя группы: лицъ, которымъ незачѣмъ торопиться и которые спокойно переждаютъ ливень, по-временамъ отпуская фразы въ родѣ:

«Каковъ полилъ—Дэ-съ большой!—Экъ его торопится!—Что, не перестаетъ? Позвольте узнать! Я близорукъ—Еще пуще зачастилъ!—Кажется однако скоро разгуляется?—Онъ и такъ порядочно *разгулялся*!—Какое у насъ нынче лѣто, ужасти!—Да обноковенное-съ! Завсегда такое бываетъ.—Ну нѣтъ, прошлое получше было.—Ну нѣтъ, не скажу, чѣмъ-жъ съ?—Ну какъ-же-съ! Я прошлаго лѣта былъ въ Парголовѣ и три дни сряду никакаго дождя не было.—Въ самомъ-дѣлѣ!—Какъ-же-съ! Я очень помню!—Посмотрите-ка какъ эта дама отдѣлала себѣ подолъ.—Просто страсти-съ!—У меня всю шляпу испортило, а бѣлыя очень-дороги: 30 рублей заплатилъ у

Циммермана.—Это еще что-съ! а вотъ я третьяго дни отправился на вечеръ къ начальнику, на Безбородкину дачу, да онъ какъ припрысни на дорогѣ. Я жалѣлъ, что ужъ былъ выѣхавши, а воротиться далеко—ну и поѣхалъ дальше: думаю, авось пройдетъ, такъ когда пріѣхалъ, такъ на мнѣ все вотъ такъ что хоть выжми. Насквозь пробило всѣ шта....» и т. д.—Покамѣсть неторопящаяся публика занимается подъ воротами подобными разговорами, жертвы службы и обязанностей, съ самоотверженіемъ продолжаютъ идти, куда имъ нужно. Чиновники, придерживающіе одною рукою шинель а другою держа надъ головою большой зеленый зонтикъ, тщательно выбираютъ камни посуше, куда-бы поставить имъ свои ноги. Курносенькія горничныя, накинувъ на голову платокъ, подвязанный подъ подбородкомъ, очень-ловко прыгаютъ черезъ лужи, подобравъ ситцевое платье, изъ-подъ котораго видна сомнительной чистоты юбка, но весьма-туго накрахмаленная. Мальчишки нарочно ступаютъ въ лужи, чтобы имѣть удовольствіе забрызгать хоть самихъ себя; ловкіе купчики, степенно закинувъ одну полу сибирки на другую, сѣменятъ въ перебивку ногами и размахиваютъ локотками, живописно выгнувъ впередъ верхнюю часть корпуса. Средина улицы остается пустою. Изрѣдка тянется по ней какой-нибудь досчатый коробъ на колесахъ и лежащій въ немъ мужикъ, поворачивая дожлю, то одинъ, то другой бокъ, покрытый мокрой рогожею, приговариваетъ: «Э! эвона! экъ его!.. эвося!» и т: п.

Но бываютъ и въ Петербургѣ дни рѣдкіе, странные, солнечные, дни сухіе и жаркіе, невольно заставляющіе думать о томъ, что есть гдѣ-то на этомъ комѣ грязи, называемомъ землею, такія мѣста, на которыя вѣчно-ясное небо въ теченіе цѣлаго года не выливаетъ ни капли дождя.—Въ эти рѣдкіе, но тѣмъ неменѣе прекрасные дни Петербургъ оживаетъ, обновляется, улыбается. Вставая вообще очень-поздно, въ эти дни онъ отнимаетъ отъ сна часъ времени, чтобы имѣть удовольствіе посмотрѣть изъ окна на чистое, безоблачное небо, погрѣться немножко на ясномъ солнцѣ. Часу въ восьмомъ улицы начинаютъ пестрѣть народомъ, сначала, разумѣется, работниками разнаго рода, молочницами, мясниками, зеленщиками, рыбаками, разнощиками и другими необходимыми лицами домашняго быта. Звонкіе крики раздаются вдоль улицы, пробуждая отъ сна чуткихъ хозяекъ и дворниковъ. Каждый изъ этихъ криковъ имѣетъ свою особую интонацію такъ, что тотъ, кто привыкъ къ нимъ, не понимая словъ, можетъ еще издали узнать, что продаютъ. Мясники и молочницы не возвѣщаютъ обыкновенно о своемъ прибытіи на дворъ крикомъ, потому-что имѣютъ свою практику въ извѣ-

стныхъ мѣстахъ, гдѣ берутъ у нихъ иногда по нѣскольку лѣтъ сряду. Зеленщики, пріѣзжающіе съ цѣлыми возами, также продаютъ молча. Одни чухонцы потрясаютъ воздухъ глухими криками: *Картофель! картофель!* дѣлая сильныя ударенія на двухъ первыхъ слогахъ и превращая такимъ образомъ амфибрахій въ трибрахій. Рыбаки сравнительно съ другими мелкими продавцами, выхваляютъ товаръ свой гораздо-высшимъ тономъ: *Рыба живая! Окуни, сиги, ерши живые!*—При крикахъ этихъ, въ невесьма-аристократическихъ частяхъ Петербурга, въ нижнихъ этажахъ начинаютъ показываться головы нечесанныя и неумытыя, принадлежащія даже иногда хозяйкѣ или хозяину и призывающія къ себѣ пискливымъ голосомъ тотъ предметъ, который имъ нуженъ. Рыбакъ на крикъ *Эй ерши!* или *Эй лососина*, становится на одно колѣно передъ окномъ, и тогда между нимъ и покупателемъ начинается одна изъ высоко-юмористическихъ сценъ, въ которой и тотъ и другой стараются всѣми возможными неправдами надуть другъ друга. Вообще обычай *торговаться* имѣетъ тонкое, физіологическое значеніе, неприносящее большой чести человѣчеству и любопытное во многихъ отношеніяхъ. Торгъ обыкновенно все-таки оканчивается въ пользу продавца, потому-что иначе онъ и не продалъ-бы своего товару. Голова въ окнѣ скрывается, и рыбакъ крехтя и жалуясь, что продалъ *себѣ въ убытокъ* и только *для почину* отправляется далѣе разыгрывать свою невинную комедію. Послѣ него на дворъ являются другіе разнощики, которые провозглашаютъ: *Пильщины, лимоны хороши! дыни-мелоны! грибки молодые! цвѣты-цвѣточки! спѣлà земляника* и даже иногда-особеннымъ носовымъ тономъ: *птицы пѣвчія* и *образа мѣнять!* По временамъ являются также люди съ весьма-странной профессіей, предлагающіе *бутылки, банки* и *стараго мѣху*, но не продать, а купить. Этого рода купля, весьма неблаговидная, теперь прекращена совершенно. Мальчишки ветошники, раскапывающіе помойныя ямы и составлявшіе нѣкогда весьма-многочисленный классъ, также рѣдко тревожатъ теперь покой дворовъ. Въ это-же время рынки и въ особенности Сѣнная наполняются кухарками съ кульками и корзинками, для закупки насущнаго хлѣба; между этими ранними покупательницами есть много бѣдныхъ чиновницъ и матерей семейства, которыя сами исправляютъ разныя хозяйственныя обязанности. Ихъ тотчасъ можно отличить по важному виду, растрепанному чепчику и по тому, что онѣ гораздо выразительнѣе кухарокъ бранятся съ этими *скверными мужиками*. Иногда и самъ отецъ семейства, бо́льшею частію какой-нибудь отставной офицеръ или многострадательный чиновникъ, не пренебрегаетъ этимъ занятіемъ и съ кулькомъ въ рукахъ

упорно бьется на словахъ за каждую лишнюю копейку, которую насчитываетъ на него хитрый мясникъ. Кумушки между тѣмъ здороваются, во всеуслышаніе распрашиваютъ другъ-друга о своихъ домашнихъ секретахъ, и требуютъ, чтобы мужики дѣлали съ ними разсчотъ по *старому*, потому-что по новой монетѣ на серебро они ихъ просто надуваютъ. Въ это-же время отворяются ставни и двери магазиновъ, и сонные мальчишки начинаютъ стучать грошами въ мѣдную форточку булочныхъ. У мелочныхъ лавочекъ сталкиваются горничныя и камердинеры съ разными чайными принадлежностями, и заводятъ очень-интересные разговоры о своихъ собственныхъ дѣлахъ, не заботясь о томъ, что ихъ ждутъ господа. Изъ цирулень расходятся россійскіе Фигаро, брить и стричь скромное чиновничество, платящее по 5-ти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ за приведеніе въ надлежащій порядокъ ихъ бородъ, требующихъ ежедневной починки. Часу въ 6-мъ улицы начинаютъ пестрѣть писарями въ сюртукахъ съ разноцвѣтными выпушками, погончиками и петличками, въ затѣйливо-изогнутыхъ фуражкахъ, надѣтыхъ на правый бокъ. Наконецъ въ 9-мъ начинаетъ появляться цвѣтъ петербургскаго народонаселенія, символъ, коефиціентъ, амбра и омега Петербурга—*чиновники*! Взглянувъ на ихъ туманныя, глубокомысленныя физіономіи на ихъ много-значущую походку, на ихъ неопредѣленно-важный взглядъ, тотчасъ можно узнать, что на нихъ лежитъ тяжолая обязанность государственнаго управленія. Собственно говоря, лѣтомъ въ Петербургѣ остаются одни чиновники: все остальное народонаселеніе его не составляетъ и сотой доли класса должностныхъ лицъ. И когда вся эта масса расходится по разнымъ департаментамъ, канцеляріямъ и тому подобнымъ заведеніямъ—Петербургъ внезапно пустѣетъ и умираетъ до 3-хъ часовъ включительно. Тишина прерывается только на-время выходомъ чиновниковъ изъ мѣстъ ихъ служенія, и снова воцаряется на все обѣденное время.

Вечеръ, если онъ тепелъ и не дождливъ, очень-замѣчательное время въ Петербургѣ. Часовъ съ 4-хъ, компаніи, пообѣдавшія нарочно пораньше, отправляются за городъ погулять. Крестовскій, Елагинъ и Каменный начинаютъ наполняться народомъ. Нѣмецкій Петербургъ предпочитаетъ Екатерингофъ; охотники до природы отправляются на Рѣзвый. Ялботы и ялики пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ Неву и каналы. На однѣхъ дрожкахъ усаживаются цѣлыя семейства, состоящія изъ отца, матери и до двухъ дѣтей. Шляпки и платья всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ цвѣтовъ и покроевъ мелькаютъ на всѣхъ улицахъ, и дамы, слѣдующія модѣ, начинаютъ усердно сметать пыль съ тротуаровъ безконечными платьями. Совершаются переселенія на дачу.—

Но бываетъ въ Петербургѣ время, за которое можно простить ему и его мостовую, и дождь, и все. Ни подъ небомъ Италіи, ни средь развалинъ Греціи, ни въ платановыхъ рощахъ Индіи, ни на льяносахъ Южной Америки не бываетъ такихъ ночей, какъ въ нашемъ красивомъ Петербургѣ. Бездна поэтовъ описывала и восхваляла наши сѣверныя ночи, но выразить красоту ихъ словами также невозможно, какъ описать запахъ розы и дрожаніе струны, замирающей въ воздухѣ. Не передать никакому поэту того невыразимаго, таинственнаго молчанія, полнаго мысли и жизни, которое ложится на тяжело-дышащую Неву, послѣ дневнаго зноя, при фосфорическомъ свѣтѣ легкихъ облаковъ и пурпуроваго запала. Не схватить никакому живописцу тѣхъ чудныхъ красокъ и цвѣтовъ, которые переливаются на небѣ, отражаются въ рѣкѣ, какъ на кожѣ хамелеона, какъ въ граняхъ хрусталя, какъ въ поляризаціи свѣта. Не переложитъ музыканту на земной языкъ *тѣхъ* глубоко-проникнутыхъ чувствомъ звуковъ, поднимающихся отъ земли къ небесамъ, и снова, по отраженіи ихъ небесами, падающихъ на землю. Высокою, неразгаданною поэмою оканчивается пошло-прозаическій день Петербурга. Дышетъ чувствомъ теплымъ и обаятельнымъ роскошная ночь его. Что-то похожее на мысль зашевелится въ головѣ, что-то близкое къ чувству затеплится въ сердцѣ самаго обыкновеннаго человѣка изъ человѣковъ, и съ грустно-пріятною мечтою задумывается о чомъ-то странномъ, непонятномъ, недосказанномъ, бѣдный труженикъ, встрѣчавшій въ теченіе скучнаго дня одинъ низкій комизмъ, одну комическую низость. Забываются въ эти ночи и отношенія, и преферансъ, и сплетни, и подлости, и скромный наблюдатель нравовъ много хорошаго находитъ ночью въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ днемъ не видалъ ни искры теплаго чувства, ни проблеска свѣтлой мысли....

*

СМѢСЬ.

ОДИНЪ ДЕНЬ ВЛАДЫЧЕСТВА.

I.

Датская Легенда, которая можетъ служить сюжетомъ для драмы.

Это было зимою. Въ самомъ центрѣ глубокой долины, находившейся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Копенгагена, лежала небольшая деревенька, если только можно назвать этимъ именемъ десятокъ жалкихъ хижинъ, изъ неплотно-сколоченныхъ досокъ и раздѣленныхъ огромными лужами.

Не-смотря на всю ничтожность свою, деревенька эта имѣла названіе: ее звали Лейкмаеръ; при всей ея бѣдности, она обладала сокровищами, составляющими славу богатѣйшихъ странъ въ мірѣ: мыслію, силой и красотой.

Кенни была прелестна какъ Фрея, сѣверная Венера; Хіарнъ, женихъ ея, отличался даромъ ума и превосходства, которымъ божественный Одинъ награждаетъ избранныхъ своихъ... красота и умъ молодыхъ людей какъ-бы бросали на всю деревеньку блестящій свѣтъ...

Но что́ можетъ спастись отъ разрушительнаго вліянія времени?.. Что́ было, того нѣтъ уже!

Свѣжая красота Кенни увяла, сила и геній Хіарна блеснули какъ молнія и, подобно величайшимъ государствамъ и городамъ, подверженнымъ закону разрушительности, Лейкмаеръ, деревенька съ десятью жалкими избушками, уже не существуетъ.

Ночь была мрачная. Въ долинѣ свѣтилась звѣздочка. То былъ свѣтъ отъ лампады, горѣвшей въ самой бѣдной и самой жалкой изъ десяти хижинъ.

Столъ былъ накрытъ къ ужину. Неподвижные и погруженные въ глубокую задумчивость, въ двухъ противоположныхъ концахъ комнаты, сидѣли молодой человѣкъ и молодая дѣвушка. Они, казалось, не обращали ни малѣйшаго вниманія другъ на друга, и еще менѣе заботились объ ужинѣ, приготовленія къ которому занимали болѣе часу старую Гіакому. Нѣсколько разъ уже, ставя приборы или приближая стулья къ столу, добрая мать напоминала молодымъ людямъ, что оленье жаркое, которое она съ такою заботливостью изжарила, простынетъ. Хіарнъ и Кенни не слушали ее, или за краткими отвѣтами ихъ не слѣдовалъ удовлетворительный результатъ.

— Хіарнъ, скоро-ли ты будешь ужинать? вскричала наконецъ Гіакома съ нетерпѣніемъ.

— Когда прикажете...

— Вотъ уже десятый разъ ты мнѣ отвѣчаешь одно и тоже, Хіарнъ! чѣмъ это ты такъ занятъ? Не хочешь-ли опять просидѣть ночь? Клянусь прахомъ короля Готфрида, я тебя болѣе не узнаю! Гдѣ то́ время, когда ты ходилъ на медвѣжью охоту въ Ольштейнскій лѣсъ? Ахъ, ты былъ тогда молодецъ! На всемъ островѣ никто смѣлѣе тебя не шолъ на встрѣчу свирѣпому кабану; никто ловче не взбирался на снѣжныя вершины горъ! Хіарнъ, неужели ты отказался отъ благородныхъ занятій, приличныхъ доброму и храброму Датчанину? Или, прибавила она болѣе тихимъ голосомъ, ты рѣшился убить Кенни, милую, кроткую невѣсту твою холодностью своею?

При имени Кенни, Хіарнъ, необращавшій вниманіе на слова Гіакомы, съ живостію обернулся и съ печальной улыбкой посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, въ молчаніи сидѣвшую на другомъ концѣ комнаты.

Кенни была милое дитя; въ простомъ костюмѣ рыбачки, она была прелестнѣе копенгагенскихъ дамъ, наряженныхъ въ бархатъ. Нѣсколько блѣдное лицо, выразительные, томные глаза, все въ ней дышало тихой, сладостной меланхоліей. Корсетъ изъ темнокоричневаго сукна прекрасно-обрисовывалъ талью ея и былъ надѣтъ сверхъ платья того-же цвѣта. Маленькія ножки ея, удивительной формы, были прелестны даже подъ грубою обувью, состоявшею изъ двухъ кусковъ бараньей шкуры, связанныхъ желтыми ремнями. Прибавьте къ этому маленькій чепчикъ, связанный изъ чорной шерсти, длинныя, золотистыя русыя кудри, и вы будете имѣть понятіе о дочери Гіакомы, наивной и очаровательной Кенни, одно имя которой вывело Хіарна изъ задумчивости.

Покорное молчаніе молодой дѣвушки сдѣлало на охотника сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели всѣ слова старухи. Онъ подошолъ къ ней и протянувъ руку, сказалъ:

— Кенни, я заставляю тебя страдать, неправда-ли?

— Я люблю тебя Хіарнъ, и потому готова все переносить отъ тебя. Но... у тебя есть тайна... тайна, которой я ревную, потому-что она лишаетъ меня любви твоей...

— Полно, прервала Гіакома, это пройдетъ... У Хіарна доброе сердце... по крайней-мѣрѣ, я такъ думаю... онъ не захочетъ сдѣлать тебя несчастною... Вѣдь черезъ два дня ваша свадьба, и — кто знаетъ! можетъ-быть, приближеніе этой счастливой минуты занимаетъ его. А можетъ-быть, прибавила она улыбаясь, ему приснился одинъ изъ чудныхъ сновъ, смущающихъ обыкновенно молодыхъ людей и за объясненіями которыхъ ходятъ къ Сивиллѣ Бѣлой-пещеры.

— Вы угадали, Гіакома... меня мучитъ сонъ... но оставимъ это...

— Давно-бы такъ, Хіарнъ! вотъ ты и оправдался. Кенни, не сердись на него, сны посылаются намъ свыше; они наполняютъ душу священнымъ страхомъ, котораго невозможно побѣдить... Оставь Хіарна.

Вдругъ добрая мать остановилась, устремивъ безпокойный взглядъ на Хіарна и Кенни; потомъ вскрикнула, какъ-бы поражонная внезапнымъ ужасомъ:

— Кенни! скажи мнѣ, воротился-ли Надоль?

— Нѣтъ еще, матушка.

— Безразсудный! проговорила Гіакома.

— Отчего? спросила Кенни, поднявъ прелестный взоръ къ матери.

— Отчего? оттого, что у Надоля безпокойный нравъ; оттого, что братъ твой любопытенъ, какъ молодая дѣвушка и, вѣроятно, бродитъ теперь въ окрестностяхъ Копенгагена.

— Какимъ-же опасностямъ можетъ онъ подвергнуться въ окрестностяхъ Копенгагена?

— Какимъ опасностямъ? Да что съ тобой сдѣлалось, Кенни? Какимъ опасностямъ? Развѣ ты забыла, что прошолъ уже мѣсяцъ съ тѣхъ-поръ, какъ умеръ король Гормъ-Старый и что сынъ его Гаральдъ не вступилъ еще на престолъ Датскій?

— Я въ этомъ не вижу ничего особеннаго, возразила Кенни. Благородный Гаральдъ ведетъ теперь войну съ Людовикомъ—Заморскимъ, и его провозглашаютъ уже побѣдителемъ. Онъ еще не коронованъ, но престолъ принадлежитъ ему... гдѣ-же тутъ опасность?

— Вездѣ, отвѣчала таинственно Гіакома... народъ возмущается. Вчера огромная толпа собралась на дворцовой площади, и послѣ продолжительнаго совѣщанія, депутаты объявили, при трубныхъ звукахъ, что скипетръ будетъ вручонъ поэту, который достойнымъ образомъ воспоетъ царствованіе и добродѣтели покойнаго короля. Всѣ барды созваны къ этому торжеству, которое будетъ названо «турниромъ лиры».

— О, празднество это будетъ прекрасно; вы сведете меня туда, неправда-ли, матушка?

— Нѣтъ, Кенни. нѣтъ, дитя мое; намъ нечего тамъ дѣлать.

Во-время этого разговора Хіарнъ опять впалъ въ задумчивость. По-временамъ, безпокойство и внутреннее волненіе выражались на лицѣ и крупный потъ выступалъ на лбу его. Желая скрыть волненіе, онъ принужденно улыбнулся и, придвинувъ къ столу табуретъ, на которомъ сидѣлъ, сказалъ:

— Что́-же, Гіакома, вы́ не даете намъ ужинать? Все, что́ вы говорите, очень-умно; но признаюсь, вниманіе мое развлечено этимъ закрытымъ горшкомъ, изъ котораго распространяется такой пріятный паръ...

— Именно, Хіарнъ, ты правъ. Что́ по-пустому время терять. Сядемъ да поужинаемъ.

Послѣ ужина, Хіарнъ всталъ, чтобы идти домой, и далъ невѣстѣ своей прощальный поцѣлуй Подойдя къ хижинѣ своей, онъ остановился, какъ-бы прислушиваясь къ отдаленному шуму.

Нѣсколько минутъ спустя подбѣжалъ къ нему молодой крестьянинъ.

— Ты-ли это, Надоль? спросилъ Хіарнъ.

— Я, и съ добрыми вѣстями. Турниръ лиры будетъ завтра въ полдень. Будетъ восемъ пѣвцовъ; ты записанъ послѣднимъ, и благодари Бога, что я еще подоспѣлъ: минуту спустя было-бы поздно.

— Благодарю, Надоль, благодарю; храни это въ-тайнѣ до утра. Ступай скорѣе домой; Гіакома безпокоится о тебѣ. Прощай ..

Оставшись одинъ, Хіарнъ хотѣлъ отдохнуть; но ему нуженъ былъ воздухъ, кровь его кипѣла и съ силой бросалась то къ головѣ, то къ сердцу: вдругъ сладостная мысль вызвала улыбку на уста его; онъ взялъ свою трехъ-струнную лиру и вмѣстѣ съ нею вскорѣ взобрался на вершину горы Фрега. Это была мрачная скала, суроваго вида, усѣянная густымъ кустарникомъ, перерѣзанная глубокими пропастями, изъ которыхъ мѣстами стремились съ страшнымъ шумомъ водопады. Вершина Фреги терялась въ облакахъ. Тамъ Хіарнъ поднялъ печально глаза къ небу, какъ-бы жалуясь на то́, что оно было подернуто сѣрыми тучами. Вдругъ, по случаю или потому, что Господь услышалъ тихую жалобу молодаго охотника, тучи разступились, небо стало ясно, и луна, разсѣявъ густое покрывало, скрывавшее ее, выступила, свѣтлая и чистая.

Тогда лицо Хіарна освѣтилось небеснымъ огнемъ; волосами его игралъ вѣтеръ.. вдохновеніе сошло на молодаго человѣка, и въ продолженіе цѣлой ночи эхо Фреги вторило поэтическимъ, благозвучнымъ словамъ, подобнымъ мелодіямъ эоловой арфы...

II

На слѣдующій день въ Копенгагенѣ было большое торжество Обширныя эстрады, великолѣпно-убранныя, были выстроены на двор-

цовой площади, и съ самаго утра шумная и любопытная толпа стекалась изо всѣхъ улицъ, усыпанныхъ пескомъ и зеленью.

Турниръ лиры былъ вмѣстѣ литературное торжество и политическое рѣшеніе.

Ареопагъ, который долженъ былъ вручить пальму побѣдителю, состоялъ изъ двѣнадцати судей избранныхъ между почетными старѣйшинами. Они сидѣли на ступеняхъ, покрытыхъ куньимъ мѣхомъ; передъ-ними стояли столы съ малиновыми бархатными покрывалами, вышитыми серебромъ и золотомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ противъ судилища возвышалась каѳедра, покрытая голубымъ бархатомъ и увѣшенная цвѣтами. Простая деревянная скамья въ углубленіи каѳедры была назначена поэтамъ соперникамъ. Эстрады были открыты для всего народа, безъ всякаго различія.

Въ назначенный часъ судьи размѣстились по ступенямъ, и восемь поэтовъ были подведены къ каѳедрѣ, при громкихъ восклицаніяхъ толпы и трубныхъ звукахъ. Когда старшій судья всталъ, настало внезапное, глубокое молчаніе.

— Храбрые Датчане, сказалъ старецъ: внемлите поэтическимъ звукамъ, которые раздадутся съ этой каѳедры; что вы рѣшите, то рѣшимъ и мы! Отъ предстоящаго избранія зависитъ участь древней страны Одина. Вы поклялись повиноваться тому, чей голосъ будетъ самый краснорѣчивый... Слушайте, Господь вдохновляетъ пѣвцовъ, и мы собрались сюда только для того, чтобы покориться избранному Господомъ!

Ободрительный ропотъ отвѣчалъ на рѣчь старца. Стали вызывать скальдовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были записаны.

Первый воспѣлъ исторію Датчанъ отъ временъ Дана до Горма Стараго, ставя послѣдняго выше всѣхъ предшественниковъ его.

Второй, въ пламенныхъ строфахъ, исполненныхъ патріотизма, выхвалялъ преимущества Даніи предъ прочими государствами, и кончилъ картиннымъ описаніемъ торжества, съ которымъ Одинъ принялъ въ горнюю обитель Горма.

Третій запѣлъ воинственную пѣснь, столь энергическую и увлекательную, что народъ съ восторгомъ и хоромъ повторилъ послѣднюю строфу.

Сознаваясь побѣжденными и не чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобы бороться съ послѣднимъ пѣвцомъ, четверо соперниковъ отступились и отошли отъ каѳедры.

Остался одинъ.

Послѣ минутной нерѣшимости, онъ взошолъ на каѳедру и ждалъ, чтобы спокойствіе возстановилась. Третій скальдъ, гордясь восторгомъ, возбужденнымъ въ народѣ пѣснью его, бросилъ на дерзкаго соперника взглядъ, исполненный сожалѣнія и презрѣнія.

Мужественные звуки лиры новаго скальда вскорѣ произвели на слушателей странное впечатлѣніе и нѣжную симпатію. То уже не былъ

холодный, пустой панегирикъ, ни отчаянный, воинственный кликъ, но серьёзная и важная, проницательная и глубокая поэзія. Поэтъ говорилъ о царствованіи Горма, давшаго Даніи первые законы, которые онъ-же прикрывалъ щитомъ и защищалъ мечомъ своимъ. Звуки инструмента и голоса его сливались въ дивной гармоніи; онъ болѣе говорилъ, нежели пѣлъ; и это краснорѣчіе, выраженное въ прекрасныхъ стихахъ, поражало слушателей волшебными аккордами, изъ которыхъ каждый отдѣльно имѣлъ свое значеніе, между-тѣмъ какъ соединеніе ихъ образовывало дивный гимнъ ..

Скальдъ еще не кончилъ, когда старѣйшина всталъ и простеръ къ нему руки. При этомъ неожиданномъ поступкѣ, восторгъ слушателей не зналъ болѣе границъ. Вся толпа единодушно и единогласно вскрикнула, подтверждая славный и рѣшительный судъ, произнесенный поступкомъ старѣйшины.

На побѣдителя въ то-же мгновеніе надѣли зеленый лавровый вѣнокъ, который, въ этотъ разъ, былъ равенъ золотому скипетру. Его посадили на великолѣпную колесницу, украшенную знаменами и трофеями, и чрезъ почтительно-разступавшуюся толпу повезли къ новому жилищу его.

Едва поѣздъ тронулся съ мѣста, какъ раздался пронзительный крикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колесницы.

Молодая дѣвушка упала безъ чувствъ на земь, и еслибъ крестьянинъ не взялъ ее на руки, то она была-бъ раздавлена подъ-ногами людей. Молодая дѣвушка была Кенни, которую необъяснимое предчувствіе привлекло въ Копенгагенъ; молодой крестьянинъ, спасшій ее, былъ Надоль.

Когда Кенни, пришла въ себя, то съ изумленіемъ осмотрѣлась: она находилась въ великолѣпной залѣ, наполненной богато-одѣтыми мужчинами и женщинами и освѣщенной сотней канделабровъ. Бѣдная дѣвушка, жившая доселѣ въ нуждѣ, почти въ нищетѣ, находилась во дворцѣ, который принадлежалъ ей...

— Хіарнъ! вскричала она съ горестію, когда первое изумленіе миновалось: я хочу видѣть Хіарна!

Ей указали на датскаго короля...

Когда, по приказанію Хіарна, старая Гіакома была приведена во дворецъ и стала распрашивать дочь о причинѣ слезъ ея, то Кенни отвѣчала, рыдая:

— Ничего, матушка, ничего!

— Но о чомъ-же ты плачешь, дочь моя?

— Я плачу... о чомъ мнѣ плакать? вѣдь я невѣста короля.

III.

Наступала ночь, и шумъ народнаго праздника постепенно утихалъ. Ангелъ сна распространялъ крылья свои надъ городомъ.

Хіарнъ сидѣлъ въ великолѣпномъ покоѣ своемъ, съ Гіакомой и Кенни. Молодая дѣвушка успокоилась; она внимала гордымъ мечтамъ жениха своего и начинала вѣрить въ возможность осуществленія воздушныхъ замковъ, строимыхъ воображеніемъ поэта-короля. Гіакома молчала; но молчаніе ея было нѣмымъ опроверженіемъ суетныхъ надеждъ, которыя, по мнѣнію ея, не могли осуществиться.

Вдругъ дверь отворилась и Надоль вбѣжалъ въ комнату.

— Хіарнъ! вскричалъ онъ: все погибло, если тебѣ не помогутъ... Гаральдъ, давно уже извѣщенный о дѣйствіяхъ народной партіи, оставилъ Невстрію и приближается къ Копенгагену.

При этомъ извѣстіи взоры матери и дочери встрѣтились; въ нихъ выражалась неограниченная горесть. Кенни устрашилась угрожавшей опасности и съ тяжкимъ предчувствіемъ упала на колѣни предъ женихомъ своимъ.

— Хіарнъ! умоляла она; если ты меня любишь, то не откажи исполнить мою просьбу!.. Откажись отъ величія и владычества. Хіарнъ! Неужели тебѣ не довольно любви моей? къ чему тебѣ престолъ и корона? Уйдемъ отсюда вмѣстѣ, Хіарнъ, уйдемъ!

Новый монархъ затрепеталъ при звукахъ этого драгоцѣннаго голоса... онъ готовъ былъ согласиться на просьбы молодой дѣвушки... но золотая бахрама бархатныхъ драпировокъ трона висѣла надъ головой его, подъ-ногами его были мягкіе ковры, въ рукахъ его былъ золотой скипетръ съ хрустальной ручкой... скипетръ короля Горма-Стараго... Жажда власти, гордость могущества, титулъ короля одержали надъ улыбкой счастія и любви!..

— Какъ! вскричалъ онъ: ты хочешь, чтобы я опозорилъ себя? Я не страшусь смерти, лишь-бы богъ войны, сынъ Одина, закрылъ мнѣ глаза! Неужели ты хочешь лишить меня блаженства, ожидающаго въ Валгаллѣ сыновъ отчизны, павшихъ на полѣ брани? Нѣтъ, нѣтъ! Если я не съумѣю сдѣлаться достойнымъ возложеннаго на меня званія, то ты сама, Кенни, будешь презирать меня!

И схвативъ копье, висѣвшее возлѣ трона, онъ вскричалъ:

— Матушка! молите бога за того, кто скоро будетъ вашимъ сыномъ!.. Кенни, молись за супруга своего!

Кенни хотѣла удержать его, но рука барда сдѣлалась рукою воина... Хіарнъ исчезъ.

— О! онъ жестокъ... проговорила Гіакома.

На другой день рано утромъ, Гаральдъ со всѣмъ войскомъ своимъ стоялъ уже у воротъ Копенгагена. Оба соперника имѣли почти рав-

ныя силы; дворяне были обижены и унижены возведеніемъ на престолъ Хіарна, но народъ, видѣвшій въ немъ настоящаго представителя своего, рѣшился защищать его до послѣдней капли крови.

Все было готово къ аттакѣ и защитѣ, когда Хіарнъ, не желая проливать крови новыхъ подданныхъ своихъ, предложилъ Гаральду поединокъ, въ виду обѣихъ армій. Гаральдъ согласился и приготовленія къ битвѣ были прекращены. Богъ войны долженъ былъ рѣшить, въ чьихъ рукахъ долженъ былъ остаться скипетръ.

Два часа прошло въ приготовленіяхъ.

Наконецъ Хіарнъ вышелъ изъ города, предшествуемый и сопровождаемый большимъ стеченіемъ народа. Всѣ взоры съ безпокойствомъ обратились на двухъ соперниковъ. Гаральдъ былъ покрытъ съ головы до ногъ латами, и на шлемѣ его развѣвалось красное перо. На Хіарнѣ было фіолетовое полукафтанье, покрытое на груди стальною кирасою съ золотыми украшеніями.

Они должны были сражаться пѣшіе, на копьяхъ. Гаральдъ взросъ въ лагерѣ, руки Хіарна умѣли лучше владѣть лирой, нежели копьемъ. Не смотря на то, поединокъ долгое время былъ равенъ. Побѣда долго летала надъ соперниками, не зная, на кого опуститься...

Наконецъ можно было видѣть двухъ соперниковъ, боровшихся съ ожесточеніемъ въ облакѣ пыли... наступило мертвое молчаніе... минуту спустя исчезъ Хіарнъ... видѣнъ былъ одинъ Гаральдъ, размахивавшій копьемъ въ знакъ побѣды.

— Да здравствуетъ Гаральдъ! вскричала толпа.

Приверженцы скальда окружили тѣло его и готовились, по согласію Гаральда, похоронить его достойнымъ образомъ.

Когда Хіарнъ палъ, Кенни пробилась сквозь толпу и подбѣжала къ трупу его. Въ то самое мгновеніе, когда молодая дѣвушка наклонилась къ Хіарну, чтобы дыханіемъ своимъ разогрѣть оледенѣлыя руки его, надъ самымъ ухомъ ея послышался глухой, дребезжащій голосъ.

— Зачѣмъ отчаяваться, дочь моя? сказала Гіакома. Неблагодарный Хіарнъ уже не любилъ тебя!

— Но я его еще люблю! вскричала Кенни.

И выпивъ цѣлую стклянку яду, которая была скрыта на груди ея, она упала безъ чувствъ и жизни на трупъ своего жениха.

Мать схватила дочь съ судорожнымъ, безумнымъ движеніемъ и побѣжала съ легкой ношей къ Лейкмаеру, подобно волчицѣ, старающейся спасти дѣтёныша своего отъ преслѣдованій охотниковъ...

— Это невѣста короля, невѣста короля! повторяла старуха, завертывая дочь свою въ погребальный саванъ.

Гаральдъ вступилъ на престолъ, а тѣло Хіарна было погребено на пустынномъ островкѣ Балтійскаго моря, и понынѣ называющемся именемъ его.

Вотъ все, что осталось отъ поэта Хіарна.

ДЕЗДИКАДО. (*Разсказъ*) Около конца прошедшей осени, когда толпа медленно выходила изъ городскихъ воротъ и терялась въ аллеяхъ виллы Боргезы, или плясала въ окрестностяхъ ея *сальтареллу* и *тарантеллу*, въ Римъ входилъ пѣшкомъ молодой человѣкъ, передъ которымъ сострадательно разступалась толпа, изъ вниманія къ болѣзненному виду его.

— Это, вѣрно, какой-нибудь русскій, французскій или немѣцкій живописецъ, говорили молодыя дѣвушки, слѣдя взорами за бѣлокурымъ незнакомцемъ.

Онъ пошолъ прямо къ Египетскому обелиску, возвышающемуся посреди площади и, бросивъ на земь запыленную дорожную сумку и палку, печально улегся на ступеняхъ пьедестала; широкія поля соломенной шляпы закрывали опущенное лицо его... Долго оставался путешественникъ въ этомъ положеніи.

Когда онъ поднялъ голову, толпа уже разсѣялась; по мостовой вокругъ него шумно катили экипажи, и послѣдніе лучи солнца блестѣли на крестѣ, поставленномъ на верхушкѣ обелиска.

Это было въ послѣднихъ числахъ октября, когда всѣ окрестные жители Рима предаются веселію, пѣнію и пляскамъ. Священный городъ, мрачный и молчаливый во все продолженіе лѣта, какъ-бы просыпался при освѣжительномъ осеннемъ вѣткѣ.

На сосѣднихъ церквахъ звонили къ вечерней молитвѣ. Молодой путешественникъ хотѣлъ уже удалиться, чтобы пріискать себѣ пристанище, и окинулъ окружающіе предметы разсѣяннымъ взглядомъ; вдругъ какое-то не ясное, но сильное предчувствіе заставило его затрепетать и устремить взоръ на проѣзжавшіе экипажи; глаза его оживились, на блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ и сердце сильно забилось подъ грубой блузой. Жаднымъ взоромъ слѣдилъ онъ за быстро-пролетавшими экипажами; замѣчая издали шарфъ, развѣвавшійся при вечернемъ воздухѣ, бѣлую ручку, покоившуюся на краю коляски, или блѣдную головку на мягкихъ подушкахъ, онъ чувствовалъ, какъ сердце его сжималось ожиданіемъ и надеждой, кровь сильнѣе и быстрѣе текла въ его жилахъ, и лучъ радости блисталъ на лицѣ, на которомъ солнце и путешествія оставили менѣе рѣзкіе слѣды, нежели горести. Но коляска уѣзжала, съ нею улетала и надежда его; и онъ по-прежнему становился грустенъ и мраченъ.

Унылый, онъ хотѣлъ уже взяться за сумку и палку свою, когда, вслѣдствіе нѣсколькихъ съѣхавшихся экипажей, красивое ландо остановилось предъ нимъ. Онъ вскрикнулъ отъ радости и изумленія и, бросившись къ колескѣ, приложилъ одну руку къ дверцамъ ея, а другою оттолкнулъ лошадь всадника, ѣхавшаго возлѣ ландо. Лошадь встала на дыбы... всадникъ, ударилъ хлыстомъ по-лицу дерзкаго молодаго человѣка, пришпорилъ лошадь и пустился въ слѣдъ за коляской, перескочивъ черезъ путника, упавшаго на мостовую.

Эта сцена, происшедшая менѣе, нежели въ теченіе одной минуты,

имѣла свидѣтелями только дѣйствовавшихъ въ ней и ученика французской школы, переходившаго черезъ площадь. Онъ подошолъ къ путешественнику, поднялъ и посадилъ его на ступени обелиска; тамъ онъ подалъ ему кружку холодной воды, почерпнувъ ее изъ фонтана. Когда бѣднякъ пришолъ въ себя и поднесъ руку ко лбу, то ощутилъ на немъ болѣзненную опухшую полосу, произведенную хлыстомъ всадника. Съ яростію прижалъ онъ другую руку къ груди и двѣ слезинки пробѣжали по впалымъ щекамъ его.

— Вы страдаете? спросилъ молодой французскій художникъ съ участіемъ.

— Да, я страдаю, но не тутъ, а здѣсь! отвѣчалъ молодой путешественникъ, указавъ на сердце: да, я очень страдаю!..

И, рыдая, онъ бросился на шею молодому Французу.

— Дездикадо! вы-ли это? воскликнулъ послѣдній съ горестнымъ изумленіемъ. Можетъ-ли тотъ, кто видѣлъ васъ прошлою осенью во Флоренціи, блистательнѣйшимъ, по богатству и молодости изъ всѣхъ пріѣзжихъ, можетъ-ли тотъ узнать васъ въ этой грубой одеждѣ и съ этимъ постарѣлымъ и измѣнившимся лицомъ?

— О! вы не знаете, сколько горя можетъ наслать на насъ судьба въ одинъ часъ!.. отвѣчалъ незнакомецъ мрачно. Да, я Дездикадо, прибавилъ онъ, утирая слезы: бѣдный, нищій, но еще гордый Дездикадо!.. Другъ, кто этотъ человѣкъ? Кто тотъ человѣкъ, который ударилъ меня? Одному изъ насъ двухъ не суждено увидѣть излеченія этого оскорбительнаго шрама!

— Во всемъ Римѣ нѣтъ ни одного мужа, котораго-бы этотъ человѣкъ не оскорбилъ болѣе васъ, отвѣчалъ артистъ. Я удивляюсь, какъ вы не знаете героя всѣхъ нашихъ праздниковъ, любимца папы и кардиналовъ, баловня нашихъ дамъ, словомъ, князя Маріани, счастливаго любовника маркизы де Р.....

— Ты ошибаешься или лжешь! вскричалъ пылкій молодой человѣкъ: маркиза де Р..... не можетъ быть любовницей этого человѣка. О! вы, вѣроятно, ошиблись, продолжалъ онъ кроткимъ голосомъ: вѣдь вы не знаете маркизы!.. Пусть Маріани овладѣетъ всѣми женщинами въ Римѣ, въ Европѣ, на всемъ земномъ шарѣ, но не Беатрисой! Нѣтъ, вы не знаете ея: душа ея чиста, какъ душа ангела, ни одна женщина не можетъ равняться съ ней въ красотѣ... она не принадлежитъ этому міру... она выше всѣхъ земныхъ существъ.

— Слѣдовательно, я ошибаюсь, отвѣчалъ Лоренцъ: вѣроятно, вы говорите о другой маркизѣ де-Р....; но въ Римѣ только одна и именно та самая, возлѣ которой скакалъ Маріани...

— Но кто вамъ сказалъ, вскричалъ Дездикадо, поблѣднѣвъ отъ негодованія: кто вамъ сказалъ, что Маріани любовникъ ея? О, вы всѣ таковы! Запятнать честь женщины для васъ все-равно, что переломить ненужный тростникъ, и вы бросаете на вѣтеръ отравленныя слова ваши, не заботясь о цѣли, которой они достигаютъ! О, Лоренцъ!

честь женщины чистый, ломкій кристаллъ, до котораго надо прикасаться съ осторожностію и благоговѣніемъ.

— Но развѣ вы любите эту женщину? печально спросилъ Лоренцъ.

— Люблю, отвѣчалъ Дездикадо.

— Безразсудный! проговорилъ молодой живописецъ. Дездикадо, продолжалъ онъ: если слова мои оскорбили васъ, о, возьмите сумку и посохъ и удалитесь изъ Рима. Святость любви вашей сильно пострадаетъ въ этомъ городѣ. Удалитесь, другъ. Маріани осквернилъ святилище, предъ которымъ вы преклоняли колѣна; идолъ, котораго вы ищите, остался цѣлъ только въ поэтической любви вашей.

— Лоренцъ, объяснитесь, проговорилъ Дездикадо взволнованнымъ голосомъ.

— Тó, чтò я вамъ скажу, повторитъ вамъ весь Римъ, отвѣчалъ артистъ. Будучи шестнадцати лѣтъ отъ роду, прелестная и благородная Беатриса вышла за маркиза де-Р...., стараго, брюзгливаго эгоиста. Печаленъ былъ этотъ день для Беатрисы, радостенъ для римской молодежи, видѣвшей одну только жертву, маркиза де-Р... ; но жертва была Беатриса. Удалившись отъ свѣта, она не отходила отъ мужа своего, и окружонный заботливостію, дружбой и попечительностію, старикъ скончался на ея рукахъ. Когда Беатриса воротилась въ свѣтъ, какъ тѣнь, вырвавшаяся изъ могилы, ее окружила толпа поклонниковъ, которые хотѣли оживить лучами пламенной любви молодой цвѣтокъ, увялый въ мрачномъ уединеніи. Но Беатриса оставалась чистою, непорочною: преслѣдованія поклонниковъ надоѣдали ей, и она удалилась изъ Рима, чтобы разсѣяться въ другихъ странахъ...

— Это она! это Беатриса! вскричалъ Дездикадо съ восторгомъ. Вы сами видите, что она непорочна, какъ любовь моя, чиста, какъ прекрасная луна, освѣшающая насъ.

Въ это время луна, поднимавшаяся надъ горизонтомъ, разпространила бѣлый свѣтъ по всему Риму и какъ-бы покрывала его серебряной сѣтью; площадь и выходящія на нее улицы были пусты; слышалось только журчаніе воды, падавшей изъ львиныхъ пастей въ бассейны, и отдаленное пѣніе народа въ виллѣ Боргезской.

— Слушайте далѣе, холодно продолжалъ Лоренцъ. Годъ спустя маркиза возвратилась въ Римъ. Она уѣхала одна — возвратилась съ княземъ Маріани... противъ него не устояла строгая добродѣтель прекрасной маркизы.

— Еще разъ спрашиваю, кто вамъ это сказалъ? вскричалъ Дездикадо съ новымъ негодованіемъ.

— Объ этомъ знаетъ весь Римъ. Любовники не скрываются. Беатриса не отпирается, и Маріани подтверждаетъ. Чтò вы теперь скажете?

— Я скажу, что Маріани дважды подлецъ! вскричалъ Дездикадо, вставая: пойдемте... завтра я отомщу за маркизу и за себя!

— Что̀ вы хотите дѣлать? говорилъ молодой живописецъ, провожая Дездикадо къ гостинницѣ. Дуэль? вызовъ? Но вы не знаете, что Маріани извѣстнѣйшій и искуснѣйшій дуэлистъ на всемъ полуостровѣ, и вы только напрасно будете рисковать жизнію!.. Разсудите хладнокровно все дѣло: Маріани ударилъ васъ хлыстомъ въ лицо — это правда — но не сами-ли вы бросились на лошадь его? Не сами-ли вы шли на встрѣчу оскорбленію? И могъ-ли Маріани, никогда невидавшій васъ, полагать, что подъ грубой блузой скрывается дворянинъ? Что́же касается до чести маркизы, то, по моему мнѣнію, вы напрасно хотите сдѣлаться мстителемъ жертвы, которая сама отдалась въ руки палачу. Остается разсмотрѣть собственное положеніе ваше. Я понимаю горесть вашу; Беатриса красавица, и трудно забыть измѣну ея...

— Она мнѣ никогда не измѣняла, отвѣчалъ Дездикадо. Беатриса никогда не любила меня...

— На что̀-же вы жалуетесь? вскричалъ молодой живописецъ: лучше похлопочите о томъ, чтобы похитить у Маріани любовь маркизы; но не забывайте, что для этого есть другое оружіе — не сталь и не свинецъ.

Дездикадо, погруженный въ мрачную задумчивость, не отвѣчалъ ничего.

— Впрочемъ, продолжалъ Лоренцъ: я весь къ вашимъ услугамъ; я не забылъ еще счастливыхъ дней, которыми обязанъ вашей дружбѣ. Сердце и рука моя принадлежатъ вамъ, Дездикадо.

Съ послѣдними словами онъ протянулъ руку къ молодому пріятелю, и на лицѣ его, обыкновенно холодномъ и насмѣшливомъ, выразилось въ эту минуту такое нѣжное участіе, что, казалось, вмѣстѣ съ рукой онъ отдавалъ другу всю свою душу. Дездикадо обнялъ его.

— Завтра! сказалъ онъ, завтра, едва взойдетъ солнце, рѣшится судьба моя... я, можетъ-быть, погибну... тѣмъ лучше! для меня уже нѣтъ счастія на землѣ.

Друзья остановились въ это время у гостинницы.

— Вы не сказали мнѣ, что̀ намѣрены предпринять, сказалъ Лоренцъ, и я уважаю вашу тайну. Но завтра съ разсвѣтомъ я буду уже у дверей вашей комнаты; если-жъ въ эту ночь еще вамъ понадобится состояніе, рука или сердце мое, то войдите въ домъ, находящійся противъ гостинницы; тамъ вы найдете меня, всегда готоваго служить вамъ.

Съ этими словами Лоренцъ пожалъ руку другу и удалился, раздумывая о пагубныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ приключенія въ этотъ злополучный вечеръ. Онъ зналъ благородный, мужественный характеръ Дездикадо и былъ увѣренъ, что дѣло не обойдется безъ поединка съ опаснымъ и искуснымъ соперникомъ. Сверхъ того, какія-бы не были послѣдствія поединка, Лоренцъ долженъ будетъ бѣжать изъ Рима, въ которомъ строго воспрещены дуэли; онъ

долженъ будетъ оставить любимый городъ свой, отчизну изящныхъ искусствъ!..

Отдохнувъ не болѣе часу, Дездикадо поѣхалъ къ палаццу князя Маріани

Палаццо былъ освѣщонъ; на улицѣ и на дворѣ стояло множество экипажей, и въ открытыя окна можно было видѣть гостей, разодѣтыхъ со вкусомъ и роскошью.

У Маріани былъ балъ: на террасахъ, уставленныхъ померанцовыми деревьями, нѣсколько оркестровъ наполняли воздухъ прелестной музыкой; люстры разливали яркій свѣтъ на танцовавшихъ гостей.

Дездикадо вмѣшался въ толпу, незамѣтнымъ образомъ вошолъ въ домъ и вступилъ въ темную галерею. Онъ остановился въ нерѣшимости, когда вдругъ неясный говоръ, постепенно приближаясь, поразилъ его; онъ едва успѣлъ скрыться въ амбразуру окна, когда мужчина и женщина вошли въ галерею.

— Зачѣмъ вы такъ печальны и задумчивы? говорилъ Маріани нѣжнымъ голосомъ. Вы царица этого палаццо, душа этого бала, едва успѣли явиться, какъ уже хотите бѣжать отсюда! О Беатриса, чтобы разсѣять меланхолію, омрачающую жизнь вашу, я все употребилъ... но увы! на васъ не имѣютъ вліянія ни горесть, ни радость... мнѣ не случалось еще видѣть на лицѣ вашемъ слезинки или улыбки. . Беатриса. неужели вы холодны, какъ мраморъ?

— Я печальна и задумчива, отвѣчала Беатриса: потому-что музыка и весь этотъ шумъ надоѣдаютъ мнѣ! Душѣ моей также непріятны удовольствія бала, какъ глазамъ яркій блескъ люстръ. Маріани, не удерживайте меня, позвольте мнѣ удалиться; я провела молодость въ скукѣ и слезахъ... Я потеряла всякую надежду на счастіе!

Они удалились, и Дездикаго слышалъ только шумъ шолковаго платья маркизы, подобный шуму вѣтра, срывающаго съ дерева осенніе, пожелтѣлые листья. Вышедъ на крыльцо, Маріани накинулъ на плеча маркизы атласную шубу на куньемъ мѣху, и съ нѣжностію поцѣловавъ руку Беатрисы, усадилъ ее въ карету.

— Эта женщина или безумная, или глупа! думалъ Маріанни, весело вбѣгая по лѣтницѣ, какъ будто-бъ съ отъѣздомъ маркизы съ груди его спало тяжкое бремя. Джуліо Джуліани! вскричалъ онъ, опершись на плечо молодаго флорентинскаго графа, стоявшаго предъ буфетомъ, уставленнымъ винами: налей мнѣ, Джуліо, французскаго вина и будемъ пить за здравіе веселыхъ, недокучливыхъ любовницъ нашихъ!

Въ то самое время, когда онъ подносилъ уже ко рту хрустальный стаканъ, чья-то рука опустилась на плечо его; Маріани поспѣшно оглянулся и увидѣлъ предъ собою Дездикадо.

Блѣдный и грозный, какъ статуя коммандора въ Донъ-Жуанѣ, Дездикадо взялъ руку князя, увлекъ его на террассу и, откинувъ назадъ русые волосы, произнесъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Синьйоръ, узнаете-ли вы меня?

Маріани въ нѣмомъ изумленіи смотрѣлъ на молодаго незнакомца.

— Князь Маріани, продолжалъ послѣдній: я дворянинъ; если вы не побоялись ударить меня хлыстомъ по лицу, то, вѣрно, не устыдитесь сразиться со мною со шпагой въ рукѣ.

Съ этими словами онъ протянулъ руку къ Маріани, который, молча, пожалъ ее.

— До завтра, синьйоръ! продолжалъ Дездикадо: и чтобы полиція не помѣшала намъ, то едва свѣтъ люстръ вашихъ начнетъ блѣднѣть при первыхъ солнечныхъ лучахъ, я уже буду ждать васъ у обелиска, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы, сегодня вечеромъ, обидѣли меня. Я буду ждать васъ, синьйоръ. Примите необходимыя мѣры: трупъ одного изъ насъ будетъ завтра зарытъ въ землю ..

Въ выраженіи этихъ словъ было столько благородства, на лицѣ Дездикадо столько величія, во взорѣ его столько энергіи, что Маріанни могъ только отвѣчать легкимъ наклоненіемъ головы. Дездикадо удалился, не прибавивъ ни слова, а римскій князь неподвижно стоялъ на террассѣ, слѣдя глазами за удалявшимся. Но когда неясный страхъ и изумленіе его разсѣялись, Маріани, какъ-бы устыдившійся самого-себя, разсердился, что не велѣлъ выкинуть за дверь эту пародію тѣни Банко и разсказалъ Джуліани объ этомъ происшествіи; молодые люди, смѣясь и шутя, вмѣшались въ оживленную толпу бала.

Между-тѣмъ-какъ Маріани веселился и безъ страху встрѣчалъ зарю, Дездикадо пошолъ къ Фарнезскому палаццо: тамъ жила Беатриса. Когда онъ подошолъ къ двери, на сосѣдней башнѣ пробило одиннадцать часовъ.

— Маркиза теперь не принимаетъ! сказалъ лакей въ богатой ливреѣ, дерзкимъ взглядомъ окинувъ бѣднаго пушешественника.

— Доложи маркизѣ, смѣло возразилъ Дездикадо, что я пришолъ по порученію князя Маріани. Я обѣщалъ ему, что самъ вручу эту записку въ собственныя руки маркизы, и исполню свое обѣщаніе, хотя-бы мнѣ пришлось умереть безъ исповѣди; я поклялся именемъ Христа и Богородицы, и получилъ уже награду за себя и за тебя.

Съ этими словами онъ подалъ жадному лакею четыре римскихъ дуката, послѣднія деньги свои... но къ чему деньги человѣку, приготовившемуся уже къ смерти?

Лакей исчезъ,—вскорѣ воротился и повелъ Дездикадо черезъ рядъ галерей, великолѣпно убранныхъ; отдернувъ шолковую занавѣсу и пожавъ бронзовую ручку двери, онъ удалился, впустивъ Дездикадо въ комнату маркизы.

Молодой человѣкъ остановился предъ Беатрисой, блѣдный, какъ алебастровая лампа, стоявшая на столѣ. Лежа на мягкихъ бархатныхъ подушкахъ, у открытаго окна, и вдыхая благоуханія, несшіяся изъ сада, Беатриса прислушивалась къ журчанію фонтана, поднимавшагося надъ группами акацій и апельсинныхъ деревъ и блестѣвшаго

при лунномъ свѣтѣ міріадами алмазовъ. Не поднимая головы, даже не смотря на вошедшаго, маркиза протянула руку, какъ-бы для того, чтобы получить письмо. Дездикадо схватилъ протянутую къ нему руку и съ жаромъ пожалъ ее.

— Кто вы? вскричала маркиза, вскочивъ съ испугомъ; потомъ, успокоившись при видѣ блѣднаго молодаго человѣка, дрожавшаго предъ нею, она повторила болѣе спокойнымъ голосомъ: кто вы и что̀ вамъ надо?

— Я люблю васъ, робко отвѣчалъ Дездикадо: неужели вы забыли, не узнаете меня? Такъ-какъ умирающій желаетъ еще разъ взглянуть на солнце, съ которымъ на-вѣки разстается, такъ и я, разставаясь съ жизнію, хотѣлъ еще разъ взглянуть на васъ.

— Опять вы! проговорила Беатриса, опустившись на подушки.

— Опять я! повторилъ молодой человѣкъ. Неужели вы надѣялись найти уголокъ, куда-бы не послѣдовала за вами любовь моя? О, нѣтъ! вы не можете это думать, потому-что знаете силу любви, возженной вами въ моемъ сердцѣ; вы знаете, что я сдѣлался вашимъ рабомъ и что ни ваша жестокость, ни преслѣдованія судьбы не въ-силахъ потушить пламя въ груди моей.

— Но что̀ вамъ надо? гордо спросила Беатриса. Развѣ вы не знаете, что я не люблю васъ.

— Выслушайте меня, сказалъ молодой человѣкъ умоляющимъ голосомъ: завтра меня уже не будетъ; слѣдовательно, это послѣднія слова мои; выслушайте ихъ, маркиза; сжальтесь надъ послѣдними минутами человѣка, вся жизнь котораго принадлежала вамъ.

Маркиза сдѣлала знакъ Дездикадо, чтобы онъ сѣлъ. Молодой человѣкъ повиновался, опустившись на подушку, у ногъ Беатрисы. Онъ долго съ любовію смотрѣлъ на нее; потомъ, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе маркизы, началъ говорить.

— Я увидалъ васъ въ первый разъ во Флоренціи, въ прекрасный осенній день. Счастливый и злополучный день — я благословляю и проклинаю его! Я увидѣлъ и полюбилъ васъ. Не стану разсказывать вамъ жизни, предшествовавшей той, которую вы создали для меня. Я не знаю, жилъ-ли я до того времени. Я любилъ васъ, и изъ протекшихъ дней моихъ я сохранилъ только неясное воспоминаніе о несчастной любви, которая утонула въ бурныхъ радостяхъ новой любви, овладѣвшей мною, какъ слезинка тонетъ въ океанѣ, какъ тихая жалоба заглушается шумомъ бури. Я думалъ, что моя душа навсегда угасла, что я отжилъ — одинъ взглядъ вашъ пробудилъ во мнѣ жизнь и неразлучныя съ нею страданія. Вдали отъ родины я хотѣлъ найти покой, но ошибся! Я страдалъ, но былъ счастливъ—я любилъ васъ!.. Вы-же, маркиза, отвергли любовь мою. Вы были слишкомъ благородны и не захотѣли играть любовью юноши; вы не дали надеждѣ развиться въ душѣ моей; вы, казалось, были слишкомъ счастливы свободой, достигнутой послѣ тягостной неволи... Я покорился и не пере-

ставалъ любить васъ. Не стану разсказывать вамъ таинственныхъ наслажденій, которыя доставляли мнѣ волненія новой жизни, безнадежной, пожиравшей меня страсти. Мнѣ удалось смирить пламенныя стремленія молодости, и я научился любить васъ, какъ одну изъ тѣхъ чистыхъ дѣвъ, которыхъ Фіэзоль писалъ на колѣняхъ и со слезами на глазахъ!..

Въ одинъ вечеръ, въ палаццо Корсини (въ то время я раздѣлялъ съ вами всѣ свѣтскія удовольствія), вы сказали мнѣ: «я уѣзжаю» — и я оставилъ Флоренцію.

Но, чтобы видѣть васъ, чтобы всюду слѣдовать за вами, чтобы каждый день наслаждаться вашимъ взглядомъ и улыбкой, чтобы дышать однимъ съ вами воздухомъ, чтобы провожать васъ на прогулкахъ, — словомъ, чтобы жить тою свѣтскою и праздною жизнію, которая принадлежала вамъ по званію и богатству, я, бѣдный, покинутый сирота, лишонный наслѣдства, въ три мѣсяца истратилъ годовое содержаніе свое... Вы уѣхали по почтѣ; я послѣдовалъ за вами пѣшкомъ.

Я всюду слѣдовалъ за вами; я видѣлъ васъ въ Венеціи, въ Равеннѣ, въ Неаполѣ. Въ Венеціи, чтобы добыть насущный хлѣбъ и пристанище, я писалъ портреты; въ Равеннѣ, я давалъ уроки роднаго языка своего; въ Неаполѣ я декламировалъ на площадяхъ стихи Аріоста и Тасса. Я былъ счастливъ и гордился бѣдностью своею! Въ этой грубой одеждѣ я не смѣлъ явиться къ вамъ, маркиза; но я могъ видѣть васъ втайнѣ; я поджидалъ васъ на прогулкахъ, при выходѣ изъ театра или съ бала; я дышалъ тѣмъ-же воздухомъ, которымъ вы дышали; и вечеромъ, издали слѣдуя за вами, когда вы прогуливались на берегу морскомъ, я прислушивался къ шуму шаговъ вашихъ, и въ дѣтскихъ мечтахъ своихъ считалъ себя ангеломъ, поставленнымъ возлѣ васъ самимъ Господомъ, чтобы защитить васъ въ случаѣ опасности!.. И когда скука заставляла васъ удаляться въ другія мѣста, чтобы искать новой пищи, новыхъ ощущеній утомленному воображенію вашему, я снова пускался безъ ропота въ дальнюю дорогу...

Такимъ образомъ я странствовалъ десять мѣсяцовъ, не обращая вниманія ни на зимніе дожди, ни на лѣтній зной; спина моя согнулась подъ сумой, руки мои огрубѣли отъ жосткаго посоха. Я спалъ подъ звѣзднымъ сводомъ неба, питался подаяніемъ... о, не жалѣйте обо мнѣ! въ то время я былъ счастливъ. Вашъ образъ не покидалъ меня. Онъ подкрѣплялъ меня, придавалъ мнѣ новыя силы, когда ноги отказывались служить; любовь моя, какъ ясная звѣздочка, указывала мнѣ ночью путь. Я былъ счастливъ, я надѣялся, что постоянная любовь моя тронетъ васъ; меня влекло къ вамъ какъ желѣзо къ магниту, и я покорялся безропотно судьбѣ своей, которая казалась мнѣ прекрасной, и благословлялъ васъ, какъ мученикъ благословляетъ вѣрованіе, за которое погибаетъ. Ахъ! зачѣмъ я пережилъ священныя вѣрованія свои! Зачѣмъ усталость или голодъ не убили меня въ

ущельяхъ Кассинской горы или въ долинѣ Абруцскихъ горъ?.. Я потерялъ васъ изъ виду. Послѣ двухъ мѣсяцовъ тщетныхъ поисковъ, я нечаянно встрѣчаю васъ въ Римѣ... любовницей Маріани!.. О, маркиза! неужели вы презрѣли моею любовью въ ожиданіи подобной любви?

Дездикадо замолчалъ; Беатриса смотрѣла на него съ презрительной улыбкой.

— Будьте счастливы! сказалъ молодой человѣкъ: я-же предоставлю Маріани избавить меня отъ жизни, тягостной для меня.

— Что вы говорите? спросила Маркиза съ безпокойствомъ.

— Оскорбленный имъ и предъ вашими глазами, Маркиза, я вызвалъ его на дуэль; завтра мы будемъ драться.

— Несчастный, что вы сдѣлали? вскричала Беатриса, съ боязнію сложивъ руки: вы вызвали Маріани и хотите завтра драться?.. Что вы сдѣлали, Дездикадо?

— Какъ, вы его любите! печально произнесъ Дездикадо.

— Безразсудные судьи сердца человѣческаго! Какъ, Дездикадо, вы, предъ которымъ я нѣкогда открыла душу свою, вы могли подумать, что я любовница Маріани!.. пусть весь Римъ вѣритъ тому: это такъ должно-быть — я сама этого желаю. Но вы, Дездикадо! Неужели вы не поняли, что я покорилась этой скучной роли, чтобы избавиться отъ преслѣдованій двадцати еще болѣе докучливыхъ поклонниковъ? Я, любовница Маріани!? Пусть онъ хвастается этимъ, пускай весь свѣтъ тому вѣритъ, но не вы, Дездикадо!.. Развѣ я трепещу за Маріани? Развѣ за него застыла кровь въ моихъ жилахъ?.. Не за него, а за васъ!.. вскричала она съ невыразимымъ волненіемъ. Дездикадо , вы погибли... онъ убьетъ васъ!

— О! скажите мнѣ, что вы его не любите!..

— Онъ убьетъ васъ, говорятъ вамъ. Знаете-ли вы Маріани? Онъ храбръ и опытенъ — рука его сильна, а ваша слаба! прибавила она, судорожно сжавъ руку молодаго человѣка. Бѣгите, Дездикадо, бѣгите... вы слишкомъ молоды—вамъ еще рано умирать!

— Повторите мнѣ, что вы его не любите.

— Повторяю вамъ, что вы погибли. Развѣ вы не знаете, сколько матерей требуютъ отъ Маріани сыновей, сколько невѣсть — женіховъ своихъ? Бѣгите, чтобы спастись отъ угрожающаго вамъ удара, бѣгите и забудьте безумную страсть вашу. Развѣ вы не можете быть полезны отчизнѣ? Дома ждутъ васъ, быть-можетъ, друзья; молодая сестра плачетъ о васъ, старая мать молитъ Бога, чтобы имѣть еще разъ случай повидаться съ милымъ сыномъ!..

— У меня никого нѣтъ: мать моя умерла, сестра моя умерла, друзья забыли меня... они подобны камнямъ стѣны, готовой обрушиться; одинъ падающій камень увлекаетъ за собой всѣ другіе. Я всего лишился — даже надежды! Родина моя тамъ, гдѣ вы; жизнь моя — любовь къ вамъ. Я привязался къ вамъ, какъ ласточка, прилетающая черезъ моря на мачтѣ встрѣчаннаго корабля. Но такъ-какъ и вы отталкиваете-

те меня отъ себя, то позвольте мнѣ умереть, разстаться съ жизнію, въ которой уже ничто не улыбается мнѣ!.. Только, если судьба моя трогаетъ васъ, если вы хотите, чтобы послѣдній день мой былъ счастливѣйшимъ въ жизни моей, то скажите, что я оставляю васъ непорочною и что могу взять съ собою на небо священный огонь, горѣвшій на землѣ, въ душѣ моей!

— Я чиста, Дездикадо. Но ради Бога, удалитесь изъ Рима.

— Будьте благословенны!.. Я останусь, Маркиза. Мнѣ не грустно разставаться съ жизнію. Прощайте! вспоминайте иногда обо мнѣ. Душа моя часто будетъ слетать къ вамъ и бесѣдовать съ вами...

Маркиза сѣла; Дездикадо опять занялъ мѣсто у ногъ ея; они долго, въ молчаніи, смотрѣли другъ на друга; потомъ Беатриса нѣжно взяла голову молодаго человѣка и сказала съ любовію:

— Вы много страдали, вы страстно любили меня—а я была жестока! Какъ лицо ваше загорѣло, какъ щоки ваши впали! Какъ вы измѣнились... Вы были такъ хороши, когда мы въ первый разъ встрѣтились!.. но теперь вы еще лучше, потому-что страдали за меня... Бѣдный другъ, зачѣмъ-же вы такъ любили меня?

Говоря эти слова, Беатриса играла русыми волосами молодаго человѣка.

— О! можно-ли не любить васъ! проговорилъ Дездикадо, по всему тѣлу котораго пробѣгалъ сладостный трепетъ.

— И я любила васъ, отвѣчала Беатриса. Вашъ образъ былъ неразлученъ съ мечтами моими о счастіи... Приложи голову къ этому сердцу, которое давно принадлежитъ тебѣ, Дездикадо!..

— Слѣдовательно, вы любите меня? вскричалъ молодой человѣкъ, внѣ себя отъ счастія.

— Люблю, Дездикадо, люблю тебя!

. . . . . .

— Звѣзды блѣднѣютъ, мрачно произнесъ молодой человѣкъ; луна спускается къ горизонту; утренній вѣтерокъ играетъ уже листьями...

— Что ты говоришь, другъ мой? спросила маркиза, опустивъ голову на плечо Дездикадо.

— Беатриса, ночь проходитъ, наступаетъ утро; красная полоса явилась на горизонтѣ, жаворонокъ запѣлъ утреннюю пѣснь...

— День еще далекъ .. но что съ тобою, мой возлюбленный?

— Я поклялся умереть при солнечномъ восходѣ! вскричалъ Дездикадо съ отчаяніемъ.

— Останься, Дездикадо! сказала маркиза: останься еще!

=

Три часа спустя, свѣтлое, блестящее солнце встало во всемъ блескѣ надъ отдаленными горами, и первые лучи его проникли въ окна Фарнезскаго палаццо.

Молча поцѣловавъ Беатрису, Дездикадо поспѣшно удалился, исполненный счастья и отчаянія.

Лоренцъ ждалъ его у дверей гостинницы, а коляска князя Маріани стояла у обелиска.

Полчаса спустя, Дездикадо и Лоренцъ, Маріани и Джуліо Джуліани выходили изъ коляски, за городомъ, въ недальнемъ разстояніи отъ столицы.

Все было тихо и пусто; изрѣдка встрѣчали соперники пастуха, вооруженнаго ружьемъ, или буйвола, подымавшаго голову и безсмысленнымъ взоромъ слѣдившаго за проѣзжавшими.

У Лоренца былъ ящикъ съ пистолетами; у Джуліо двѣ шпаги.

— Синьйоръ, сказалъ Маріани, вышедъ изъ коляски и обращаясь къ Дездикадо: я васъ не знаю и, быть-можетъ, мнѣ неприлично драться съ вами, но... я поставилъ себѣ за правило не вызывать иныхъ людей, но никогда не отказываться отъ вызова.

Дездикадо, вмѣсто отвѣта, взялъ шпагу изъ рукъ Джуліани, когда послѣдній объявилъ, что на пистолетахъ драться опасно, потому-что выстрѣлъ можетъ измѣнить тайнѣ поединка.

Все прошло очень-счастливо. Хотя Дездикадо никогда въ жизнь свою не выходилъ еще на дуэль, но съ перваго раза смертельно ранилъ Маріани. Этимъ кончился поединокъ.

Исполненный радости, любви и гордости, радуясь жизни, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ узналъ любовь Беатрисы, Дездикадо пошолъ къ Фарнезскому палаццо.

— Какъ она будетъ счастлива, думалъ онъ: когда узнаетъ о счастливомъ окончаніи поединка!

Маркиза не принимала,

Дездикадо явился во второй, въ третій разъ; тотъ-же отказъ.

Воротившись съ огорченіемъ въ гостинницу, онъ получилъ пакетъ, въ которомъ заключалось строжайшее приказаніе, въ двадцать-четыре часа оставить Римъ, если ему дорога свобода и если онъ не хочетъ просидѣть шесть лѣтъ въ темницѣ, за убійство князя Маріани. При этомъ приказаніи находилась подорожная, присланная ему посланникомъ, по просьбѣ Маркизы де Р...

Въ то-же время ему вручили письмо, на его имя. Дрожащею рукою разломивъ печать съ гербомъ маркизы, онъ прочолъ слѣдующее:

«Я ненавижу любовь, права и требованія ея; всякій союзъ пугаетъ «меня. Когда я открыла вамъ любовь свою, то вы уже представлялись «мнѣ однимъ воспоминаніемъ. Я любила васъ, готовившагося къ смер«ти; вы остались живы—я уже не существую для васъ.

«Беатриса де Р...»

Въ конвертѣ заключался вексель въ десять тысячъ франковъ. Дездикадо съ негодованіемъ разорвалъ его и, принявъ дружескія предложенія Лоренца, взялъ посохъ и удалился изъ Рима.

СУДЬБА ГЕНІЯ, ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗСКАЗЪ.

(*Изъ записокъ путешественника*).

I.

— Ваше преподобіе, завтракъ готовъ! Такова была важная новость, которую возвѣстила ключница Донна Маргарита, голосомъ, въ которомъ заранѣе видна уже была увѣренность въ хорошомъ пріемѣ; и потому-то ей жестоко не понравилось, когда достопочтенный патеръ Донъ Матіасъ Кордозо, вмѣсто того, чтобы приняться за завтракъ, движеніемъ руки далъ знать, чтобы не мѣшали ему, и продолжалъ работу, которая уже съ самаго ранняго утра приковывала его къ письменному столу. На лицѣ старой ключницы выразилось все неудовольствіе отъ такого неожиданнаго оборота дѣла; однако, постоявъ немного, она ушла, утѣшая себя тѣмъ, что послѣ прочитаетъ достопочтенному патеру проповѣдь за такое нарушеніе порядка; между-тѣмъ достопочтенный патеръ, поддерживая лѣвою рукою голову, правою, въ которой держалъ перо, выдѣлывалъ жесты, какіе, обыкновенно, употребляются въ школахъ, при заучиваніи латинскихъ виршей, и только по-временамъ прекращалъ эти движенія, чтобы написать нѣсколько словъ, которыя потомъ опять вычеркивалъ, и опять принимался за прежніе жесты. Наконецъ онъ радостно вскрикнулъ. Дона Магарита, вполовину сердитая, вполовину обрадованная, взошла въ комнату и весьма-принужденнымъ дружескимъ тономъ сказала.

— Ну, теперь авось достопочтенный патеръ станетъ завтракать!

Но достопочтенный патеръ, прохаживавшійся взадъ и впередъ по комнатѣ, углубясь въ свои вирши, ни слова не отвѣчалъ на это восклицаніе; потомъ вдругъ остановился, подошолъ опять къ бюро и принялся опять дѣлать нѣкоторыя исправленія въ своихъ стихахъ.

— Ваше преподобіе, шоколадъ совсѣмъ простынетъ.

— Но патера мучилъ еще одинъ не совсѣмъ удачный гекзаметръ, и онъ не рѣшился оставить свою работу, не кончивъ ея совершенно. Наконецъ ему удалось таки уладить проклятый стихъ, и онъ, бросивъ бумагу на столъ, воскликнулъ: Finis! Finis!

— Ну, такъ кончено! Теперь ваше преподобіе станете завтракать? И дверь въ столовую уже отворялась, какъ вдругъ въ комнату скромно вошолъ молодой человѣкъ. Въ рукахъ у него былъ большой свертокъ шолковой матеріи, который онъ и положилъ на бюро.

— Добро пожаловать, юный художникъ! Наконецъ-то вы пришли! Лучше поздно, чѣмъ никогда! Право, я ужъ не надѣялся на хоругви, которыя заказалъ вамъ написать къ наступающему празднику св. Игнатія Лойолы... Ну-ка покажите ихъ... Хорошо, сынъ мой; чуде-

сно! эта головка святой Дѣвы превосходна! Вмѣсто трехъ червонцевъ я даю вамъ двадцать! Но продолжайте трудиться, я знатокъ: – а это (показывая на хоругви) подаетъ большую надежду на будущее,

Молодой человѣкъ радостно слушалъ патера.

— Но трудитесь прилежно, продолжалъ патеръ, и не ограничивайтесь однимъ мольбертомъ; чтобы понимать великихъ мастеровъ, вамъ необходимы греческій и латинскій языки.

— Мое воспитаніе не такъ дурно, какъ, можетъ-быть, вы судите по бѣдной моей наружности, отвѣчалъ молодой человѣкъ: я знаю нѣсколько и по-латинѣ.

— Очень-радъ, и хотѣлъ-бы знать, какъ далеки вы въ этомъ языкѣ, прервалъ пасторъ, обрадованный, что нашолъ себѣ слушателя, которому можетъ прочесть только-что оконченные имъ стихи. Выслушайте вотъ эту надгробную надпись и переведите мнѣ ее по-португальски.

— Попробую, сказалъ молодой человѣкъ: хотя я и не Португалецъ, а Испанецъ, и не совершенно силенъ въ вашемъ языкѣ.

— Садитесь-же и слушайте.

– Завтракъ готовъ, ваше преподобіе! воскликнула гнѣвно Донна Маргарита; но патеръ ничего не отвѣчалъ ей и принялся читать.

— Это чудесные гекзаметры, полные силы и чистоты, и совершенно во вкусѣ древнихъ, сказалъ молодой человѣкъ, когда патеръ окончилъ чтеніе своей надгробной надписи.

Патеръ былъ внѣ себя отъ радости.

— Ну, а переводъ?

— Онъ нетруденъ; дайте мнѣ вашу рукопись.

«Здѣсь по коится мужъ, соперничествовавшій съ Овидіемъ въ элегіи, съ Гораціемъ въ поэзіи лирической, съ Марціаломъ въ эпиграммѣ и съ Виргиліемъ въ поэзіи героической. – О Португалія! его мечъ и его лира увеличили твою славу; Марсъ и Аполлонъ, въ одно и тоже время, прославляли его руку. – Его пѣсни открыли въ Индіи источникъ парнасскій, и Португалія дрожала отъ радости, когда этотъ поэтъ, вмѣсто золота, привезъ съ собою обратно на Востокъ благородные плоды своей творческой фантазіи. Онъ оказалъ отечеству великія заслуги своими геройскими подвигами, а еще болѣе тѣмъ, что воспѣвалъ геройскіе подвиги. Итальянцы, Французы и Испанцы, всѣ переводили его стихи. Какая земля не гордилась-бы такимъ поэтомъ. Переводить его можно, но сравняться съ нимъ нельзя. Не было, нѣтъ да и не будетъ ему подобнаго!»

— Хорошо, сынъ мой, очень-хорошо! А отгадали-ли вы, для чьей могилы я сдѣлалъ эту надпись?

— Для Лодовика Камоэнса.

— Да. – Ахъ, кто-бы могъ предугадать, что въ бѣдномъ больномъ, котораго я встрѣтилъ при смерти въ госпиталѣ, заключалось драгоцѣннѣйшее сокровище Португаліи.

— Вы видѣли Камоенса въ его предсмертныя минуты? спросилъ глубоко-тронутый молодой человѣкъ. — Ахъ, опишите мнѣ каждое его движеніе, разскажите мнѣ каждое его слово.

— Развѣ ваше преподобіе, не будете сегодня завтракать — гнѣвно ворчала Маргарита.

— Разъ вечеромъ, сынъ мой, я обходилъ обширныя залы госпиталя Санта Круза, въ которомъ я служу проповѣдникомъ. Между страждущими изамѣтилъ я на одной кровати, стоявшей возлѣ кровати только-что умершаго больнаго, мужчину, на лицѣ котораго написаны были величіе души и покорность промыслу. Я подошолъ и подалъ ему крестъ: «И Онъ умеръ на крестѣ, и Онъ испилъ чашу страданій!» Больной приподнялся, взялъ крестъ, и, прижимая его къ губамъ, произнесъ слабымъ голосомъ: «Богъ моя надежда!» Потомъ прибавилъ: «Батюшка, хотите-ли если исполнить послѣднюю волю умирающаго?»—Охотно, сынъ мой, отвѣчалъ я. — «Такъ выслушайте меня: вотъ бумаги; чтобы спасти ихъ, я выпрыгнулъ изъ бота, на который меня приняли съ погибавшаго корабля; чтобы спасти ихъ, я два дня и двѣ ночи боролся со смертію, и каждый мигъ волны готовы были поглотить меня. Ахъ, а чтобы написать ихъ, я отказался отъ счастія, отъ радостей юности, словомъ, отъ всѣхъ наслажденій земныхъ! — Клянитесь-же теперь, клянитесь этимъ крестомъ, клянитесь спасеніемъ души вашей, что вы бросите ихъ въ огонь, не читая и не спрашивая, кто я!.. Клянитесь!»—Я колебался. Замѣтивъ это, онъ вскричалъ: «Въ огонь ихъ! въ огонь или я отрекусь отъ всего святаго, пусть погибнетъ душа моя, и вы, вы, священникъ, будете отвѣчать за это!»

Отчаяніе его было такъ велико, что я согласился; принесли жаровню; онъ бросилъ въ огонь бумаги свои и съ горестію смотрѣлъ, какъ онѣ пылали. Когда остался одинъ пепелъ, онъ сказалъ мнѣ: «Теперь благословите меня, отецъ мой? и отпустите мои грѣхи, Ахъ, я много страдалъ, а потому и смѣю надѣяться на прощеніе. Знаете-ли вы Всевышній надѣлъ на главу мою тяжолый вѣнецъ, вѣнецъ, который жогъ и терзалъ ее, вѣнецъ, который я часто проклиналъ и отъ котораго только и жаждалъ освободиться. О, сколько страданій я вытерпѣлъ! Богъ мой! Богъ мой! Геній! Вы знаете, какой это тяжкій, невыносимой даръ неба! Счастливъ тотъ, кто родится, проживетъ и сойдетъ въ могилу во мракѣ, въ невѣдѣніи! Счастливъ, неизъяснимо счастливъ онъ!

— Но кто-же вы, что вы такъ клянете геній?

Онъ горько усмѣхнулся, устремилъ взоръ на небо, хотѣлъ что-то сказать, но снова упалъ на подушки, и скончался. Я содрогнулся и ушолъ, задумавшись, кто-бы былъ этотъ странный человѣкъ. Когда на другое утро я пришолъ опять посѣтить его бренные остатки, его уже похоронили въ одной и той-же могилѣ съ тѣмъ покойникомъ, возлѣ котораго онъ лежалъ вчера. Мнѣ показали нѣсколько бумагъ, которыя нашли еще подъ его подушкою, и найденный мною между-

этими бумагами итальянскій сонетъ, внизу котораго было подписано Торкватто Тассо, а вверху: Лодовику Камоэнсу, открылъ мнѣ...

— Что онъ сжогъ свои стихи? — онъ не хотѣлъ оставить ихъ своему неблагодарному отечеству! онъ проклиналъ печальную участь генія! вскричалъ молодой человѣкъ. Ахъ, онъ правъ, вполнѣ правъ! голодъ и нужда — участь генія! Будь только геніемъ, и тебя презираютъ, топчутъ въ грязь и заставятъ умереть съ голоду! Да, онъ правъ, тяжолый вѣнецъ данъ генію!.. и меня ждетъ та-же участь! О, я несчастный! Да будетъ проклятъ даръ генія!

Молодой человѣкъ вскочилъ и поспѣшно удалился. Патеръ закричалъ вслѣдъ ему.

— Послушайте, молодой человѣкъ, вѣдь вы не сказали мнѣ своего имени; я надѣюсь заказать вамъ еще работу.

— Мое имя Цербара, отвѣчалъ, уходя, молодой человѣкъ.

— Ну, слава Богу! теперь ваше преподобіе будете завтракать, сказалад она Маргарита и съ удовольствіемъ подвинула почтенному патеру столикъ, на которомъ уже давно дымился горячій шоколадъ и вкусная олла-подрида.

II.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Достопочтенный патеръ Матіасъ Кордозо —оппрежнему ревностно занимался латинскими стихами и по прежнему выводилъ изъ терпѣнія дону Маргориту, не обращая вниманія на ея полуласковыя, полусердитыя восклицанія: «Завтракъ готовъ!» «Завтракъ простылъ!» Протекли три олимпіады, какъ выражается этотъ іезуитъ въ своей собственной біографіи, не произведя никакой перемѣны въ образѣ жизни этихъ двухъ существъ, и время, говоря слогомъ любимыхъ патеромъ Кордозою классиковъ, пролетѣло надъ ихъ главами, не тронувъ ни одного волоса ихъ; это на простомъ языкѣ значитъ, что они оба нисколько не постарѣли; только дона Маргарита сильно пополнѣла и тѣмъ совершенно испортилась ея уже и такъ не слишкомъ красивая талія. Не уступилъ ей въ этомъ отношеніи и достопочтенный патеръ, — неоспоримое доказательство здороваго аппетита и счастливаго спокойствія души и тѣла.

Mens sana in corpore sano,
Corpus sanus in mente sano.

Разъ патеръ, только-что послушавшись наконецъ ласковыхъ и сердитыхъ убѣжденій доны Маргариты, сѣлъ къ столику, прочиталъ молитву и хотѣлъ приняться за олла-подриду, какъ вдругъ явился прислужникъ изъ госпиталя Санта-Круза и объявилъ, что какой-то умирающій требуетъ къ себѣ священника, и именно патера

Кордозу. Іезуитъ вздохнулъ, бросилъ салфетку и приказалъ подать шляпу.

— Что это, ваше преподобіе, неужели вы въ такую жару пойдете не позавтракавши? Что за бѣда, если вы нѣсколько минутъ промѣшкаете?

— Тутъ дѣло идетъ о спасеніи души, возразилъ патеръ тономъ строже того, который онъ обыкновенно употреблялъ съ своею экономкою.

— По-крайней-мѣрѣ, выпейте хотя рюмку хересу, чтобъ не идти съ пустымъ желудкомъ, сказала дона Маргарита наливая рюмку.

Донъ Матіасъ Кордоза выпилъ вино и отправился въ госпиталь Санта-Круза. Тамъ подвели его къ постели, на которой лежалъ умирающій. Это былъ еще молодой человѣкъ, но котораго, какъ видно было, несчастіе состарило преждевременно: блескъ глазъ его потухъ, щоки впали и на головѣ его оставалось уже очень-мало волосъ. Онъ горько улыбнулся, увидя іезуита, протянулъ ему руку и назвалъ по имени. Кордозо пристально посмотрѣлъ на больнаго, но не узналъ его.

— Батюшка, не помните-ли вы молодаго живописца и надгробную надпись Камоэнсу.

— Ахъ, воскликнулъ патеръ: несчастный молодой человѣкъ!

— Да, несчастный! несчастно и глупо было гоняться за мечтою, которая всегда убѣгала отъ меня и которая остановится на моей могилѣ! Отецъ мой, вы благословили умирающаго Комоэнса, благословите-же и умирающаго Цербару *.

— Человѣкъ этотъ сошолъ съ ума! замѣтилъ больничный докторъ: онъ воображаетъ себя геніемъ, подобнымъ Камоэнсу! бѣдный глупецъ!

Услышавъ эти слова, больной быстро приподнялся на своемъ ложѣ, далъ знакомъ понять, чтобы ему дали уголь изъ кадильницы, которую держалъ мальчикъ, церковный прислужникъ. Ему подали уголь и онъ твердою рукою начертилъ на стѣнѣ возлѣ своей кровати ликъ Христа Спасителя, высоко-выразительныя черты котораго изумили всѣхъ присутствующихъ. Истощенный живописецъ упалъ снова на свое ложе, презрительно взглянулъ на доктора, потомъ бросилъ печальный взглядъ на свое произведеніе и тихо скончался.

— Это ужасно! Ахъ, бѣдный молодой человѣкъ, какъ жаль его!

---

* Андрей Цербара, испанскій живописецъ XVI-го столѣтія, былъ человѣкъ страннаго характера. Онъ писалъ большою частію одинокія фигуры. Замчательнѣйшія его произведенія суть портреты Филиппа I, Филиппа II и герцога Олиареса, а въ особенности превосходно его Поклоненіе Волхвовъ, находящееся въ галлереѣ Ильдефонзо. Цербара писалъ по манерѣ флорентинской и ломбардской школъ.—Его называютъ *Микель-Анджело* Испаніи.

— Жаль? спросилъ мальчикъ, державшій кадило: жаль его, когда онъ оставилъ послѣ себя безмертное имя?

— Молчи, сказалъ патеръ: молчи Эстебанъ Мурилло; становись на колѣна и звони въ погребальный колоколъ.

Исполнивъ свою обязанность, достопочтенный пасторъ донъ Матіасъ Кордозо печально и задумчиво воротился домой и, не-смотря на просьбы доны Маргариты и длинныя ея разсужденія о томъ, какъ опасно выходить со двора на тощій желудокъ, не хотѣлъ и не могъ докончить прерваннаго завтрака.

Всякому путешественнику, заѣхавшему въ Лиссабонъ и посѣтившему госпиталь Санта-Круза, непремѣнно укажутъ тамъ двѣ кровати, на которыхъ скончались два величайшія украшенія Испаніи и Португаліи — Камоэнсъ и Цербара. Мѣсто на стѣнѣ, гдѣ Цербара нарисовалъ ликъ Христа-Спасителя, обдѣлано подъ стекломъ, и проводникъ оканчиваетъ свой разсказъ словами:

Наконецъ, госпиталь Санта-Круза тотъ самый, въ которомъ Мурилло, въ юности, былъ церковнымъ прислужникомъ. Сеньйоръ, не забудьте проводника!

ГАРУНЪ-АЛЬ РАШАДЪ, ВЪ НОВОМЪ РОДѢ. Въ одну изъ гостинницъ приморскаго города Калѐ вошолъ крестьянинъ въ деревянныхъ башмакахъ и блузѣ изъ грубаго холста.

— Эй малый! закричалъ онъ прислужнику, подай мнѣ бутылку шампанскаго.

Прислужникъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на крестьянина и послѣ минутнаго молчанія замѣтилъ ему:

— Бутылка шампанскаго стóитъ пять франковъ.

— Пять франковъ? повторилъ крестьянинъ: это не дорого — только хорошо-ли оно?

— Отличное, отвѣчалъ прислужникъ.

— Такъ подай двѣ бутылки.

Прислужникъ, еще болѣе изумленный, пошолъ къ хозяину и разсказалъ ему все дѣло.

— Подай шампанское, сказалъ хозяинъ; только присматривай за крестьяниномъ, чтобы онъ не ушолъ.

Прислужникъ поставилъ на столъ вино и сталъ у двери, не спуская глазъ со страннаго посѣтителя.

— Что̀ ты на меня смотришь? спросилъ его незнакомецъ, улыбаясь: видно тебѣ самому хочется выпить рюмочку? Принеси стаканъ, я попотчую тебя.

Слуга не приходилъ въ себя отъ изумленія и со страхомъ и трепетомъ, выпилъ двѣ рюмки, къ крайнему удовольствію громко-смѣявшагося блузника.

— Правда твоя, шампанское хорошо, сказалъ незнакомецъ, вытаскивая изъ кармана шерстяной чулокъ, изъ котораго онъ высыпалъ

на столъ цѣлую кучу золотыхъ монетъ. Взявъ одну изъ нихъ, онъ подалъ ее слугѣ и приказалъ ему оставить лишнее себѣ.

Пока слуга, недовѣрявшій глазамъ своимъ, повертывалъ въ рукахъ двадцати-пяти франковую монету, къ дверямъ гостинницы подъѣхалъ великолѣпный экипажъ.

Мнимый крестьянинъ былъ не кто иной, какъ Вилліамъ Бервистонъ, богатый и знатный англійскій лордъ, туристъ, путешествующій часто инкогнито, ради потѣхи своей.

ФАНТАЗІЯ, ПРЕЛЮДІИ И ФУГИ С. БАХА. Многіе конечно, слыхали, что былъ на свѣтѣ какой-то Себастіанъ Бахъ. Другимъ, быть-можетъ, доставалось даже разыгрывать на фортепіано какую нибудь его жигу́, сарабанду, фугу, или что либо подобное, съ такимъ-же варварскимъ названіемъ. Фортепіанные учители часто увѣряютъ, что музыка эта чрезвычайно-полезна, для выправленія пальцовъ. Ученики и ученицы играютъ, играютъ, проклинаютъ учителя и музыку и, вѣроятно, задаютъ себѣ вопросъ: что̀ за охота была этому Нѣмцу прибирать трудности къ трудностямъ и бросить ихъ потомъ на мученіе потомства вѣковъ грядущихъ? Послѣ этого обыкновенно забываютъ Баха, его однообразные минорные тоны, холодную музыку и предаются блесткамъ, шуму и грому, какихъ нибудь фантазій на избитыя мотивы Соннамбулъ, Люцій и тому подобныя плясоватости какихъ-нибудь паровозныхъ, хроматическихъ и всякихъ иныхъ галоповъ... Между-тѣмъ артисты изучаютъ музыку Баха, удивляются его генію, величаютъ вѣчно-юнымъ, даже не находятъ ему равнаго! Въ-самомъ-дѣлѣ С. Бахъ, былъ величайшій композиторъ, какого когда-либо создавала природа. Онъ оставилъ цѣлую громалу твореній во всѣхъ родахъ музыки, исключая драматической, которой вовсе не уважалъ,—она была ему не по душѣ. Не говоря уже о *духовной музыкѣ*, о его *grosse Passionsmusik* на Евангеліе св. Матвея, *торжественной обѣдни* въ si—минорномъ томѣ, *ораторіи Рождество Христово*, духовныхъ *кантатахъ*,—гдѣ Бахъ является въ полномъ своемъ величіи,—безчисленныя сочиненія его для органа и клавесина раскрываютъ удивительную геніальность, обширнѣйшее воображеніе. Наконецъ, въ самыхъ *фугахъ* для того и другаго инструмента, Бахъ показываетъ себя съ такой стороны, что и въ этомъ родѣ музыки, съ нимъ никто не можетъ сравниться. Въ фугахъ у него является чрезвычайная изобрѣтательность, именно въ той музыкѣ, которая обыкновенно кажется сухою, безжизненною и, повидимому, ничего не должна заключать въ себѣ, кромѣ учености. Бахъ написалъ страшное количество фугъ для органа и клавесина; но издано ихъ весьма-мало, едвали не третья частъ только; прочія остаются въ манускриптахъ.

Новѣйшее пьянисты-виртуозы: Листъ, Тальбергъ, пьянистка Шуманъ-Викъ и многіе другіе, кажется, наконецъ поняли, что при настоящемъ усовершенствованіи фортепіанной игры, пора уже отка-

ваться отъ сочиненій текущей эпохи, — всѣхъ этихъ фантазій, варіацій, галоповъ и тому подобнаго набора пошлостей, которыя, кромѣ шума, грома, блестящихъ пассажей, ничего не заключаютъ и только обнаруживаютъ однѣ достоинства исполнителей. Почему всѣ виртуозы принялись разыгрывать фуги и другія сочиненія Баха, которыя, хотя заключаютъ удивительныя трудности, но за то, въ нихъ сокрыта глубокая идея, богатое развитіе, которыя могутъ доставить слушателямъ внутреннее удовольствіе, — удовольствіе сердцу и уму, а не одно только наслажденіе видѣть, какъ исполнитель силится пальцами разрушить инструментъ, и слышать, какъ лопаются струны. То-то хорошо, — удивительно какъ хорошо!—А такъ-какъ исполняемая новѣйшими пьянистами музыка, само-собою разумѣется, разыгривается потомъ прочими пьянистами и пьянистками—любителями и любительницами, то это самое подаетъ надежду, что скоро наступитъ эпоха, когда мы примемся серьёзно за музыку Баха. И пора. Давно пора отказаться отъ всѣхъ этихъ пошлыхъ новѣйшихъ сочиненій для фортепіано. За что только не возьмешься, ненаходишь ни чего, кромѣ какого-то набора насильственныхъ аккордовъ, пассажей, всяческихъ гаммъ, которыя идутъ и вкривь и вкось, вверхъ и внизъ. Прослушавъ или проигравъ нѣсколько такихъ сочиненій, спрашиваешь себя: Къ чему это? Если ты музыка въ-самомъ-дѣлѣ, то чего ты отъ меня хочешь?

Все сказанное здѣсь приводитъ насъ къ слѣдующему: въ послѣднее время въ Германіи начали распространяться болѣе и болѣе изданія сочиненій С. Баха. Стало-быть, самая потребность на нихъ также увеличилась. Хвала Аллаху! Вѣкъ рѣшительно идетъ впередъ. Между-тѣмъ и у насъ музыкальный магазинъ *Менестрель* предпринялъ издать нѣсколько органныхъ сочиненій Баха, переложенныхъ для фортепіано извѣстнымъ нашимъ органистомъ Черлицкимъ, который ревностно занимался изученіемъ Баховой музыки. На первый разъ появились: *фантазія съ 14 прелюдіями и фугами*. Сочиненіе это будетъ состоять изъ пяти выпусковъ; первый уже вышелъ и заключаетъ въ себѣ фантазію, двѣ прелюдіи и двѣ фуги (№№ 1 и 2). Мы слышали ихъ и удивлялись непостижимой геніальности Себастіана, которая видна почти въ каждомъ его твореніи, такъ равно и въ этомъ. Вообще фантазія, прелюдіи и фуги превосходны и доставили намъ величайшее удовольствіе. Почему и совѣтуемъ всѣмъ любителямъ—пьянистамъ и пьянисткамъ, воспользоваться прекраснымъ подаркомъ «Менестреля». Милостивые государи и милостивыя государыни! Мы увѣрены, что коль-скоро вы займетесь и разучите фуги, то отъ всей души поблагодарите издателей за ихъ заботливость, для доставленія вамъ удовольствія. Между-прочимъ, скажемъ вамъ по секрету, что фуга № 1-й въ $^6/_8$ тактѣ, съ мазурочнымъ темпомъ. Вотъ мазурка, такъ ужь мазурка. Чудо да и только! Попробуйте-ка разучить, по-крайней-мѣрѣ, хотя изъ-того, чтобы получить понятіе, хорошо-ли Бахъ писалъ мазурки?—

Съ своей стороны «Репертуаръ и Пантеонъ» не преминетъ разсказать вамъ, кто такой былъ С. Бахъ и чѣмъ онъ прославился. Біографія его явится въ одной изъ первыхъ книжекъ будущаго года *.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ПОТРЕТУ А. М. КАРАТЫГИННОЙ.

Мы бы не исполнили долга нашего передъ читателями «Репертуара и Пантеона», передъ всей образованной публикой, и, наконецъ передъ самой заслуженой артисткою русской, если-бъ, при зависящихъ отъ насъ художественныхъ средствахъ, не приложили къ нашему изданію по возможности вѣрнаго и изящнаго портрета *Александры Михайловны Каратыгиной*, артистки, навсегда оставившей сцену, послѣ усерднаго, двадцати-пяти лѣтняго ей служенія.

Легко сказать – *двадцать-пять* лѣтъ службы на помостахъ театра, службы, начатой съ блескомъ, конченной со славою, въ полномъ цвѣтѣ таланта, непережившаго самого себя, при постепено-неизмѣнной любви публики!.. Любовь эта выразилась въ послѣдній, прощальный спекталь съ такими горячими, неподдѣльными, задушевными восторгами, какихъ мало запомнитъ русская сцена. Этотъ незабвенный спектакль происходилъ 17-го октября. Едва театральныя аффиши успѣли разнести по городу вѣсть, что Александра Михайловна играетъ *въ послѣдній разъ*, какъ уже, въ нѣсколько часовъ, всѣ билеты были разобраны. Опоздавшіе предлагали двойную, тройную цѣну за мѣста, но-мѣстъ все-таки не находили: всякому хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на артистку, которая доставила столько прекрасныхъ минутъ, столько высокихъ наслажденій; всякому хотѣлось проститься съ нею на сценѣ, проводить ее съ благодарностію, съ торжествомъ, съ сердечнымъ участіемъ, какихъ она заслуживала.

Любопытенъ былъ этотъ спекталь, въ продолженіе котораго душа зрителя, независимо отъ представляемыхъ піесъ, волновалась самыми разнообразными впечатлѣніями, переходила отъ одного чувства къ другому, то отрадному, то грустному, и между тѣмъ все-таки сосредоточивалась на одной мысли: мы видимъ Каратыгину *въ послѣдній разъ* на сценѣ. Грустна была мысль о разставаньи съ любимой артисткою, но вмѣстѣ и отрадно было видѣть это общее участіе, единодушное увлеченіе публики, собравшейся въ театръ не любопытства-ради, не такъ, какъ собирается она въ иной бенефисъ, благодаря ловко-составленной аффишѣ, но по любви къ изящному, по высокому чувству уваженія къ таланту и заслугѣ. Никогда, можетъ, быть, не представлялъ театръ такого единодушія и единомыслія, какъ въ этотъ разъ: каждое слово,

---

* Изданіе Прелюдій и фугъ Баха будетъ состоятъ изъ двухъ частей, въ пять выпусковъ каждая; подписная цѣна 2 руб. сер.; по выходѣ-же въ свѣтъ цѣна возвысится до 30 руб. сер. Подписка принимается въ музыкальномъ магазинѣ «Менестрель», въ большой Морской, въ домѣ Коссиковскаго.

каждое движеніе Каратыгиной ловили съ жадностію, чтобы навсегда запечатлѣть его въ памяти, въ сердцѣ, чтобы передать его потомъ въ разсказахъ тѣмъ, которые лишены были наслажденія видѣть Каратыгину на сценѣ, и слыша о ея громкой славѣ, съ любопытствомъ станутъ распрашивать о ней, какъ разспрашиваемъ теперь мы у отцовъ нашихъ о Дмитревскомъ, Яковлевѣ, Шушеринѣ и другихъ знаменитостяхъ прошлаго времени. Нечего говорить, какъ встрѣчена было А. М. Каратыгина при первомъ ея выходѣ: оглушительныя рукоплесканія не прерывались въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Въ продолженіи трагедіи «Марія Стюартъ» она была вызвана нѣсколько разъ. По окончаніи піесы тоже.

Наконецъ наступила послѣдняя піеса, комедія *Женскій умъ лучше всякихъ думъ*, въ которой А. М. Каратыгина съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ играетъ роль *г-жи Де-Лери*. Публика прослушала піесу, можно сказать, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, дорожа каждымъ словомъ, съ жадностію слѣдя за каждымъ движеніемъ артистки. Наконецъ опустили занавѣсь. Началась трогательная сцена прощанія. Артистку вызвали. Къ ногамъ ея посыпались вѣнки и букеты. Многіе тронуты были до глубины души, нѣкоторыя дамы плакали. Послѣ многократныхъ вызововъ, А. М. Каратыгина хотѣла что-то сказать, но голосъ ея замеръ: публика могла прочесть благодарность артистки въ слезахъ, которыя струилась по лицу ея.

Да, прекрасенъ былъ этотъ вечеръ, котораго мы долго не забудемъ; прекрасенъ былъ онъ для публики, явившейся такъ глубоко признательною къ заслугамъ артистки, для искусства, которое увѣнчалась такимъ торжествомъ, въ лицѣ своей достойной представительницы, наконецъ, для самой артистки, такъ славно окончившей свое много лѣтнее служеніе. Одинъ этотъ вечеръ можетъ вознаградить за все, одинъ этотъ вечеръ можетъ заставить забыть всѣ трудности, всѣ непріятности, нераздѣльныя съ званіемъ сценическаго артиста...

На прилагаемомъ портретѣ А. М. Каратыгина изображена въ роли г-жи Де-Лери, въ комедіи *Женскій умъ лучше всякихъ думъ*. Художникъ очень-кстати бросилъ вѣнокъ и нѣсколько букетовъ къ ногамъ артистки: они напоминаютъ, что эта роль была прощальная роль Александры Михайловны (*).

Мы надѣемся въ будущемъ году сообщить читателямъ нашимъ довольно-подробную біографію А. М. Каратыгиной; въ этой надеждѣ

(*) Для почитателей дарованія А. М. Каратыгиной, которыхъ, разумѣется, найдется очень-много, мы изготовили, отдѣльно отъ «Репертуара и Пантеона», отличные оттиски портрета ея, на китайской бумагѣ. Желающіе могутъ имѣть ихъ въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, по 1 р. сер.; портретъ, отлично раскрашенный парижскими художниками, можно имѣть тамъ-же по 1 р. 50 к. сер.

еще болѣе укрѣпляетъ насъ слово почтенной артистки, которая обѣщала сообщить намъ нѣкоторые матеріалы для своей біографіи. Предметъ обширный и заманчивый. Если жизнь А. М. Каратыгиной небогата внѣшними событіями, то, за-то, она представляетъ обильную жатву для самого искусства, ибо вся ея жизнь посвящена была изученію искусства, которое любила она пламенно, страстно. Жизнь такой артистки можетъ служить школою для молодыхъ людей, посвящающихъ себя театру.

Сцена наша долго не забудетъ А. М. Каратыгиной. Замѣнить ее некому; увы! даже и малѣйшей надежды къ тому нѣтъ. Да и какъ замѣнить такую артистку, которая съ превосходнымъ дарованіемъ, соединяетъ рѣдкій умъ, высокое образованія и самое тонкое знаніе свѣта? Встрѣтить соединеніе всѣхъ этихъ условій въ сценическомъ артистѣ трудно, а у насъ—труднѣе нежели гдѣ-нибудь.

=

Редакторъ Межевичъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Въ Музыкальномъ Магазинѣ подъ фирмою «au Ménestrel» (Менестрель) въ Большой Морской, въ домѣ Коссиковскаго.

(цѣны на серебро).

Ouvrages périodiques pour le Piano etc.

ABEILLE musicale, mois, prix de souscription pour 100 de Novembre; cahiers. 13 r. 50 c. argent, y compris le port de poste.

№ 86 KALKBRENNER, op. 180 Souvenir de la Syrène, d'Auber (1 r.).
— 87 THALBERG, Le Soupir (30 c.).
— 88 ROSELLEN, Motifs de Donizetti (60 c.).
— 89 LIADOFF, «Восторгъ отца» Quadrille comique (60 c.).
— 90 HERZ, Valse d'amour (60 c.).
— 91 SCHAD, Le gentil Hussard; Mazurka (30 c.).
— 92 DÖRFELDT «Trot de Cavalerie» (40 c.).
— 93 ГЛИНКА, «За мигъ единой» Романсъ (40 c.).
— DONIZETTI, Romanza de l'Elisire d'amore (demandé) (40 c.).

Fantaisies, Rondiaur te pour Piano seul.

DUVERNOY, I. B. Deux Rondeaux sur Les Diamans de la Couronne № 1) Ballade 2) Rondeau militaice op. 111 à (75 c.).
— Divertissement sur l'op. Les Deux Voleurs, de Girard op. 112 (75 c.)
— Une fièvre brulante. Fantaisie sur des motifs de Richard coeur de lion op. 115 (1 r.).
— El Zapateado; Bolero op. 116 (75 c.).
— Petites Pièces sur des thèmes favoris des opéras de Halevy, Meyerbeer, Weber op. 118 № 1—4 à (50 c.).

— Deux Divertissemens sur Le Scherif, de Halevy op. 99 (75 c.)

EVERS, C. Sonate op. 12. (1 r. 25 c.)

— Chanson d'amour op. 13 № 1 — 12 à (1 r.).

— Preghiera op. 16 (1 r.).

GALLI, E. Tre Fughe op. 2 (75 c.).

GEIGER, I. Fantaisie de Carneval op. 4 (50 c.).

GOMION, Souvenir de Teresa., de Masini op. 63 (90 c.).

— Souvenir d'Inès di Castro, de Persiani op. 65 (1 r.).

— Tirolienne; Fantaisie sur La Fille du Regiment op. 69 (1 r.).

— Mélange sur le même opéra op. 70 (1 r.).

— Souvenir de Lucrezia Borgia op. 76 (1 r. 15 c.).

GRANDVILLE, Sechs charakteriſtiſche Muſikſtücke (25 c.).

GRETSCHER, Polonaise brillante op. 4 (50 c.).

— Mazurka op. 5 (65 c.).

HEFLER, St. Six Caprices sur la Romance de l'op. Le Scherif op. 17 (1 r. 25 c.).

— Huit Rondos brill. sur La Favorite op. 22 (75 c.).

— do do Le Guitarrero op. 23 (75 c.).

— La Chasse (90 c.).

HENSELT, A. Deux Nocturnes: La fontaine — Schmerz im Glück op. (1 r. 15 c.).

— Cavatine et Barcarole de Glinka op. 13 (1 r. 50 c.).

— Deux Romances de Glinka (90 c.).

— Deux Romances du C-te Michel Wielhorsky op. 9 (90 c.).

HERZ, H. La Catalane; Rondo—Bolero sur un motif de Elwart op. 116 (1 r.).

— Ecrin musical op. 120 № 1 — 8 à (75 c.).

2) Gretly, Grande Valse Suisse.

4) Bagatelle sur une mélodie des Batelières de Brienz.

6) Rondino gracieux sur la Romance: Blonde Helène.

8) Petite Fantaisie caractéristique.

— Fantaisie gracieuse sur une melodie de Bellini op. 122 (1 r. 25 c.).

— Trois Divertissemens sur le ballet Giselle, d'Adam op. 123 à (1 r. 15 c.).

— Grande Fantaisie sur Les Diamans de la couronne op. 126 (1 r. 50 c.).

— La Carlotta Grisi; Grande Valse (90 c.).

— Trois Divertissemens sur les Airs de La Jolie fille de Gand, op. 128 № 1 — 3 à (1 r.).

HORNEMANN, Douze Caprices op. 1 liv. 1 — 4 à (1 r.).

HUNKE, I. Trois Morceaux op. 8 à (1 r.). № 1 Lied ohne Worte № 2) Meditation № 3) Die Glücklichen.

HUNTEN, F. Les Perles; Trois Rondos; № 1) Danse espagnole. 2) Air villageois. 3) Le Gallop; op 117 à (75 c.).

— Deux Morceaux sur le ballet: La jolie Fille de Gand op. 119 à (90.).

— Quatre Airs en Rondos tirés de l'opéra La Favorite, de DONIZETTI op. 120 à (90 c.).

— Deux Rondeaux sur des thèmes du Roi d'Yvetôt op. 123 à 75 c.).

— La douce Melancolie; Rondo-Valse de la Jeunesse de Charles-Cinq (65 c.).

JULLIG, Liebes frühling; Six petites Mélodies caractéristiques op. 1 (1 r.).

KALKBRENNER, F. Ricordanza del Giuramento, di Mercadante; Fantasia op. 148 (1 r. 15 c.).

— Rondoletto brillant sur La Favorite, de Donizetti op. 150 (1 r. 15 c.).

— Souvenir des Diamans de la Couronne op. 152 (1 r.).

— Fantaisie sur le ballet de Giselle, d'Adam op. 153 (1 r. 15 c.).

— Scène de bal. La Créole; Valse brillante op. 155 (1 r.).

— Fantaisie brill. sur La Reine de Chypres op. 157 (1 r. 25 c.).

— Souvenir du Stabat de Rossini; grande Fantaisie op. 160 (1 r. 50 c.).

KALLIWODA, Valse mélancolique op. 115 (90 c.).

KONTSKI, A. Apparitions au Bal; Scène op. 51 (65 c.).

KULLAK, Th. Rève; Pièce de Salon op. 4 (50 c.).

— Elfenreigen; La danse des Sylphes op. 5 (1 r.).

— Grande Sonate, op. 7 (1 r. 90 c.).

— Elégia di Ernst suive de deux Etudes de Beriot, transcrites pour le Piano op. 9 № 1-3 à (75 c.).

— Transcriptions op. 6 № 1 — 12 à (75 c.).
1) Robert le Diable. 2) Freischütz. 3) La Mélancolie, de Prume. 4) Oberon, de Weber. 5) La Favorite. 6) Erlkönig, v. Loewe. 7) Edward, de Loewe. 8). Muette de Portici. 9) Montechi e Capuleti. 10) Norma. 11) Preziosa. 12) Egmont.

LANNER I. Der Traum (le rève) Londner Saison-Potpourri op. 188 (2 r.)

— Die Mozartiſten. Valses non dansantes d'après des motifs de Mozart op. 196 (1r.).

LICKL, C. G. Six Elégies op. 63 (2 r. 25 c.).

— Cypreſsen; Rhapsodies op. 64 (1 r.).

LISZT, F. Impromptu sur des thèmes de Rossini et Spontini (75 c.).

— Adelaïde, de Beethoven; édition nouv. et augmentée d'une grande Cadence (1 r.).

— Le Moïne, de Meyerbeer (1 r. 50 c.).
— Réminiscenses de Don Juan; gr. Fantaisie (2 r. 50 c.).
— Ouverture de l'op. Guillaume Tell, de Rossini, transc. (2 r.).
— Valse à Capriccio sur deux motifs de Lucie & Parisina (1 r. 75 c.).
— I Puritani; Introduction et Polonaise (1 r.).

LÖSCHINGER, Mélodies hongroises (75 c.).

LOUIS, N. Deux Rondeaux caractéristiques op. 110 № 1) Le Sonneur. 2) Le Gondolier à (50 c.).
— Quatre Mélodies expressives op. 114. (95 c.).

LOEWENSKJOLD, Deux Romances sans paroles op. 14 (90 c.).

MARKS, G. W. Blumen aus 100 Opern liv. 1 — 18 à (65 c.).

MAYER, Ch. Impromptu (65 c.).

MENDELSOHN-BARTHOLDY; Lieder. Mélodies transcrites par Ch. Czerny op. 8. 9 liv. 1 — 5 à (75 c. & 1 r.

MOSCHELES, I Fantaisie brill. sur une Cavatine de l'op. Zelmire de Rossini et une Ballade de l'Enlevement du Serail de Mozart op. 106 (1 r. 25 c.).
— Sérenade op. 103 (50 c.).
— Romanesca op. 104 (65 c.).

MULLER, A. Romanesca, Melodie du XVI siècle. Impromptu op. 47 (50 c.).

NEULAND, W. Le Sylphe Impromptu op. 24 (75 c.).

NIEST. Quatre Nocturnes op. (1 r. 50 c.).

OSBORNE, Fantaisie brill. sur Le Scherif, de Halevy op. 35 (90 c.).
— do do Il Guitarrero op. 39 (90 c.).
— do do La Favorite. de Donizetti op. 40 (90 c.).
— Marie Rêverie op 36 (75 c.).

PASQUA, A. Сѣверное увеселеніе; національныя россійскія пѣсни и романсы аранж. для форгепіано liv. 1 — 2 à (75 c.).

PLACHY, Delices des Opéras de Donizetti; petites Fantaisies faciles et brill. op. 95 № 1 — 12 à (50 c.).
1) Anna Bolena. 2) Belisario. 3) l'Elisire d'amore. 4) Fausta. 5) Figlia delreggimento. 6) Furioso 7) Gemma. 8) Lucia di Lamermoor. 9) Lucrezia Borgia. 10) Marino Falliero. 11) Parisina 12) Torquato Tasso.

PROMBERGER, Telegraphe d'opéras; Divertissemens sur des motifs favoris op. 10 № 1 — 3 à (65 c.).
— Gallerie de motifs tirés des Opéras etc. op. 11 (1 r.).
— Bardale, Recueil de Chansons fav. nationales op. 12 (90 c.).

PRONAY B. Six Hongroises op. 6 (50 c.).

RITZ. Scherzo capricioso op. 5 75 c.).

ROECKEL, Cantabile op. 4 (75 c.)
— Scherzo op. 5 (75 c.).

OSSELLEN, H. Trois Rêveries op. 28 liv. 1—3 à (1 r.).

— Fantaisie brill. sur La Favorite, de Donizetti op.35 (1 r.).
— do Le Guitarrero, de Halevy op. 36 (1 r.).
— Divertissements militaires sur la Marche des Vignerons du Ballet Giselle op. 38 (1 r.)
— Deux Fantaisies mignonnes op. 37 № 1) Thème original. 2) La double échelle à (75 c.).
— Fantaisie sur le même ballet op. 39 (1 r.).
— do sur Beatrice di Tenda, de Bellini op. 40 (90 c.)
— do sur Richard coeur de lion op. 41 (1 r.).
— Rondos brill. sur les Airs de ballet de l'op. La Reine de Chypre op. 43 liv. 1 — 3 à (1 r. 15 c.).

ROSENHAIN, Fantaisie sur Les Puritains, de Bellini op. 22 (1 r. 25 c.).
— Poëme op. 24 (1 r. 15.).
— Romances sans paroles op. 25 № 1 (1 r. 15 c.).
— Quatre Romances do op. 31 № 2 (1 r. 15 c.).
— Agitato (N. T. № 4.) (65 c.).

ROSENFELD, Impromptu sentimental sur un chant fav. du vaudeville Der Zauberſchleier op. 1 (75 c.).

SCARLATTI, Sonata en La: nouv. édition (40 c.).

SCHAD, I. Deux Ames; melodie transcrite op. 26 (50 c.).

SCHOULEPNIKOFF, La Douceur et l'Espérance. Premier Morceau caracteristique (1 r. 25 c.).

SCHROEDER, F. Fantaisie sur un motif de l'op Figaro de Mozart et de La Melancolie, de Prume op. 2 (1 r. 75 c.).
— Trois Morceaux de Salon op. 3 (1 r. 40 c.).

SKIWA, Troisième Nocturne, op. 7 (55 c.).
— Ballade sans paroles op. 6 (50 c).
— Rondino sur Linda di Chamounix, de Donizetti op. 7 (75 c).
— Fantaisie sur Parisina op. 9 (1 r. 25 c.)

SOKULSKI, Morceau de Salon (50 c.).

TAUBERT, Grazia e Bravura; Deux Caprices de Concert op. 41 (65 c.).
— La Najade; Pièce concertante op. 49 liv. 1 (1 r.).

THALBERG, Deux Romances sans paroles op. 41 liv. 1 (75 c.).
— Grande Fantaisie sur la Sérénade et le Menuet de Don Juan, de Mozart op. 42 (2 r.).
— 2-e gr. Fantaisie sur Les Huguenots, opéra de Meyerbeer 43 (1 r. 50 c.).
— Grand Caprice sur La Sonnambule, de Bellini op. 46 (1 r. 50 c.).
— La Romanesca; Danse célèbre, transcrite (65 c.).

WIELHORSKY, C-te. Jos. Deux Impromptus op. 5 (75 c.).
— Caprices en forme de Valses op. 8 (1 r. 25 c.).
— Fantaisie dédiée à Mr. Taubert op. 10 (1 r.).

WINTERLE, E. Souvenir de Reichenau; Impromptu op. 5 (50 c.).
— Die Reiſe auf den Schneeberg. Tableau musical op. 6 (50 c.).

— La Candeur; Rondeau op. 9 (50 c.).
— Les Adieux de Gutenstein; Airs sans paroles op. 8 (50 c.).
WOLFF, Ed. Grande Fantaisie brill. sur Le Lac des Fées, op. 24 (1 r. 25 c.)
— Souvenir de Benvenuto Cellini de Hector Berlioz op. 21 (75 c.)
— Grande Fantaisie sur Le Scherif, de Halevy op. 25 (1 r. 25 c.).
— Deux Nocturnes op. 27 (50 c.).
— Scherzo op. 28 (75 c.)
— Quatre Rhapsodies op. 29 (75 c.),
— Mosaïque sur l'Elisire d'amore, de Donizetti op. 31 (99 c.).
— Divertissement sur Oberon, de C. M. de Weber, op. 32 (90 c.).
— Gr. Fantaisie sur Les Martyrs, de Donizetti op. 33 (1 r. 50 c.).
— Divertissement sur le même opéra op. 34 (90 c.).
— Reminiscences de Zanetta, d'Auber; Impromptu op. 36 (1 r.).
— Souvenir de Pornic; Cinq Valses brill. op. 37 (90 c.).
— Grand Allegro de Concert, déd. à F. Chopin op. 39 (2 r. 25 c.)
— Fantaisie sur Lucrezia Borgia, de Donizetti op, 41 (1 r.).
— Trois Fantaisies sur la Favorite, du même op. 43 à (90 c.).
— do sur Les Diamans de la Couronne op. 52 (90 c.).
— Divertissement sur des motifs de Mercadante op. 51 (1 r. 15 c.).
— Bolero sur le même opéra op. 53 (1 r. 15 c.).
— Deux Fantaisies sur l'op. Der Freischütz op. 55 à (1 r.).
— Fantaisies brill. sur Roberto Devereux op. 42 № 1 2 à (1 r.).
— Grand Caprice sur Le Stabat, de Rossini op. 65 (1 r. 15 c.).
— Melodies de F. Schubert; Six Fantaisies cah. I (2 r.). 1) Ave Maria. 2) Dans le Bosquet. 3) Le Regrets. 4) Le Voyageur. 5) Plaintes de la j. fille. 6) Tu es le repos.
— Mélodtes de F. Schubert; Six Fantaisies cah. II (2 r.). 7) Sois toujours mes seules amours. 8) Les Astres. 9) La Poste. 10) l'Adieu. 11) Thecla. 12) Le Roi des aulnes.
— Nocturne (n. t. № 9) (50 c.)
ZIMMERMANN, Rondo sur Lucia di Lamermoor op. 27 (59 c.).
— Rondeau sur un thême favori de l'opéra. »Das Nachtlager in Granada op. 22 (75 c.)

При вышеозначенномъ магазинѣ находится также музыкальная библіотека для чтенія, состоящая болѣе нежели изъ 50,000 экзем-

пляровъ какъ старыхъ классическихъ такъ и новѣйшихъ музыкальныхъ произведеній:

Условія подписки слѣдующее:

А. № 1. Подписчикъ платитъ 14 руб. 29 коп. сер. и получаетъ на 10 руб. сер. нотъ, которыя имѣетъ право мѣнять по два раза въ недѣлю, а по окончаніи года удерживаетъ въ свою пользу.

А. № 2. Подписчикъ платитъ 10 руб. сер. и получаетъ нотъ на 5 руб. сер. съ такими-же правами, какъ и № 1.

В. № 1. Подписчикъ платитъ за первый годъ 12 руб. сер. за второй годъ 11 руб. сер. за третій 10 руб. сер. за четвертой и послѣдующіе по 8 руб. сер. сверхъ того взноситъ 8 руб. сереб. залога, и имѣетъ право въ теченіе года мѣнять ихъ сколько угодно а по окончаніи аббонемента залогъ возвращается.

В. № 2. Полугодичный аббонементъ стоитъ . . 7 руб. сер.

В. № 3. За четверть года . . . . . 4 — —

Испорченныя піесы не принимаются обратно, но взыскивается за нихъ по каталожной цѣнѣ.

Каждой подписчикъ обязанъ доставлять взятыя ноты въ картонѣ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ

Декабря 3-го.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Théatre-Français.

Le Tisserand de Ségovie (*Сеговійскій ткачъ*), драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. Ипполита Люка́.

Ночь.

— Спасите! убиваютъ! кричитъ кто-то умирающимъ голосомъ, и, секунду спустя, два человѣка перебѣгаютъ черезъ сцену; ихъ преслѣдуютъ; они скрываются во мракѣ. Одинъ изъ банлитовъ въ торопяхъ уронилъ письмо и кинжалъ. На конвертѣ написанъ адрессъ маркиза Полуэца, отца графа Юліана. Если это письмо попадется въ руки короля Кастильскаго, Альфонса-Храбраго, то маркизъ и сынъ его погибнутъ.

Юліанъ выпрашиваетъ у дона Бельтрама, дворцоваго алькада,

не письмо и не кинжалъ, но только конвертъ. Юліанъ уничтожаетъ конвертъ и обвиняетъ Бельтрама, какъ сообщника убійцъ.

— Король, восклицаетъ Юліанъ, прикажите обыскать алькада!

Увы! при несчастномъ находится кинжалъ и письмо безъ адреса. Король приговариваетъ его къ смерти.

Является донъ Фернандъ Рамирецъ, сынъ алькада. Онъ умоляетъ о пощадѣ, разсказываетъ о блистательныхъ побѣдахъ своихъ, одержанныхъ надъ Маврами, но все тщетно. Голова старца упадаетъ предъ глазами сына!... Мало того, по наущенію двухъ злодѣевъ, король обвиняетъ Фернанда въ измѣнѣ и велитъ его заключить въ мрачное подземелье.

Дѣйствіе второе. Фернандъ спасся изъ заключенія и, не упуская изъ виду мщенія, которое втайнѣ замышляетъ, онъ поселяется въ Сеговіи ткачомъ.

Теодора, дочь короля Альфонса, любитъ Фернанда и оплакиваетъ смерть его. Однажды, случайно проходя по улицѣ, она видитъ ткача. Сходство его съ Фернандомъ поражаетъ ее. Чтобы открыть истину, она переодѣвается крестьянкой и отправляется въ мастерскую ткача. Юліанъ, который, не удовольствовавшись измѣннически убіеніемъ отца Фернанда, обольстилъ еще сестру его, преслѣдуетъ Теодору и самъ отдается въ руки дважды оскорбленному имъ врагу.

Тутъ начинается сцена, исполненная величайшей оригинальности: дочь короля притворяется что она тронута любовію Юліана; она до того плѣняетъ графа, что ей удается обезоружить его и вручить шпагу его Фернанду.

Минута мщенія наступила: Фернандъ требуетъ, чтобы Юліанъ женился на сестрѣ его. Юліанъ отказывается, — Фернандъ убиваетъ его.

Между-тѣмъ, король узнаетъ о низкихъ интригахъ маркиза Полуэца и велитъ казнить его. Невинность Фернанда открывается, онъ дѣлается любимцомъ короля и женится на дочери его.

Хотя драма эта не отличается вымысломъ, но она исполнена благородства, энергіи и прекрасныхъ сценъ. Стихи звучны, чисты, подробности умны и отчотисты.

Успѣхъ былъ большой и вполнѣ заслужонный.

Second Théâtre-Français.

Les Nuées (*Облака*), Комедія Аристофана, въ стихахъ, переводъ Г. Ипполита Люка.

Второй Французскій Театръ *познакомилъ* уже Французовъ съ трагеліей Софокла. Антигона имѣла огромный успѣхъ, который заставилъ директора этого театра взяться за Аристофана.

Аристофанъ, какъ гласитъ преданіе, сочинилъ пятьдесятъ-четыре комедіи; изъ нихъ дошли до

насъ только одиннадцать; во-первыхъ: *Вавилоняне*, комедія написанная за 400 лѣтъ до Р. Х.; потомъ *Воины*, въ которой Аристофанъ самъ надѣлъ на себя маску, чтобы играть роль Клеона, котораго никто изъ актеровъ не осмѣливался представить. Клеонъ былъ могущественный, отчаянный демагогъ, обвинявшій Аристофана въ томъ, будто-бы онъ беззаконнымъ образомъ носилъ званіе аѳинскаго гражданина. Аристофанъ отомстилъ за себя.

Комедія *Осы*, ѣдкая сатира на страсть Аѳинянъ къ тяжбамъ. Расинъ заимствовалъ изъ Осъ сюжетъ своей комедіи *Сутяги* — Les Plaideurs.

Вскорѣ за тѣмъ были представлены три комедіи: *Облака*, *Лягушки* и *Миръ*. Въ послѣдней піесѣ, поэтъ сталъ нападать на Геркулеса, Юпитера и Бахуса — это былъ великій подвигъ. Онъ однакожъ счастливо прошолъ Аристофану.

Тогда поэтъ сталъ нападать на великихъ современниковъ своихъ, поэтовъ и философовъ; рукъ его не миновали ни Сократъ, ни Платонъ, ни Эврипидъ. Не удовольствовавшись и этимъ, онъ сталъ нападать на народъ аѳинскій; упрекалъ его въ легкомысліи, суетности, тщеславіи.

За послѣдними тремя комедіями онъ сочинилъ *Лизистрата*, забавный сюжетъ которой очень-подробно разсказанъ въ смѣси одной изъ послѣднихъ книжекъ «Репертуара». *Плутусъ*, *Птицы*, *Ахарнійцы* и *Говоруны* были играны въ разныя времена, но ни одна изъ этихъ комедій не имѣла такого успѣха, какъ *Облака*, въ которой выведенъ Сократъ.

Успѣхъ этотъ повторился на Второмъ-Французскомъ - Театрѣ. Прекрасный переводъ г. Люка заслужилъ общее одобреніе.

Théâtre du Gymnase Dramatique.

Emma ou l'Ange gardien *(Эмма или Ангелъ-хранитель)*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Лайа.

Полковникъ Дерошъ добрѣйшій человѣкъ; онъ нѣ-молодъ, но и не старъ; онъ женатъ во второй разъ; отъ перваго брака у него осталась миленькая, восемнадцати лѣтняя дочь Эмма; а отъ втораго прехорошенькая жена.

Съ нѣкотораго времени Эмма стала безпокойна, даже грустна; она подслушиваетъ, подсматриваетъ. Что съ нею сдѣлалось?

Вотъ что: за мачихой ея, мадамъ Дерошъ, волочится съ нѣкотораго времени левъ-змѣя, виконтъ де Ферьеръ. Онъ рѣшился овладѣть женой полковника и, быть-можетъ, успѣлъ-бы въ намѣреніи своемъ, если бъ у нея не было ангела хранителя, молоденькой Эммы, которая не отходитъ отъ нея ни на шагъ, перебиваетъ всѣ разговоры ея съ виконтомъ, употребляетъ всевозможныя хитрости и — спасаетъ честь отца.

Премиленькій водевиль, къ сожалѣнію, нѣсколько растянутый.

Théâtre du Vaudeville.

Un Ange tutélaire *(Ангелъ-хранитель)*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Локруà, Жѣма и МаркъМишеля.

Еще ангелъ-хранитель! Только разница между ними въ томъ, что первый *женскаго* пола, въ *трехъ* дѣйствіяхъ и написанъ *однимъ* авторомъ; второй-же *мужескаго* пола, въ *одномъ* дѣйствіи и написанъ *тремя* авторами.

Габріель Шимаръ (имя не слишкомъ благозвучное учитель пѣнія. Онъ получаетъ за урокъ два франка съ половиной; тратитъ каждый разъ на извощика три франка, слѣдовательно, чистаго убытка—полфранка. Но Габріель живетъ надеждой.

Однажды, отправляясь на урокъ, онъ забылъ дома кошелекъ; какой-то господинъ заплатилъ за него мѣсто въ омнибусѣ и Габріель сохранилъ къ благодѣтелю своему вѣчную признательность.

По-несчастію, этотъ почтенный человѣкъ умеръ, прежде нежели Габріелю удалось доказать ему свою признательность. Тогда молодой учитель пѣнія рѣшился сдѣлаться покровителемъ дочери благодѣтеля своего, но увы! онъ очень-неловокъ.

Онъ увѣряетъ молодую женщину, что она несчастнѣйшее существо въ мірѣ и что мужъ ея тиранъ; въ тоже время онъ доказываетъ мужу, что жена его вѣтрена и хочетъ измѣнить ему. Ссора, суматоха. По-счастію все дѣло объясняется: полагая, что супруги сдѣлались холодны другъ къ другу, онъ хотѣлъ заставить ихъ ревновать и тѣмъ оживить угасавшую любовь.

Забавная пародія, въ которой Арналь (Габріель) уморителенъ.

Théâtre des Variétés.

Monseigneur, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ, гг. Анисѐ, Дюмануàра и Бризбарра.

Первое дѣйствіе происходитъ на парижскомъ рынкѣ la Halle.

Является Марсіаль, молодой подмастерье бриллiанщика, съ возлюбленной своей, Антуанеттой. Марсіаль былъ-бы вполнѣ счастливъ, если бъ у него было три тысячи франковъ. Онъ завелся-бъ хозяйствомъ и женился-бы на Антоанеттѣ. — Въ-слѣдъ за молодыми людьми входитъ Фиделина, толстая танцовщица, важно прогуливающаяся въ розовомъ шолковомъ платьѣ своемъ; она узнаетъ подмастерье, который часто приходилъ къ ней съ драгоцѣнными уборами, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, узнаетъ желаніе молодаго человѣка и немедленно рѣшается помочь ему. Кстати, вотъ идетъ толстый банкиръ Ламертельеръ, покровитель Фиделины; онъ сейчасъ отсчитаетъ Марсіалю сумму, которая ему нужна.

Но увы! Карманы банкира пусты... его сейчасъ обокрали и, вѣроятно, негодяи изъ шайки Монсеньёра.

Онъ жалуется комиссару; но

тотъ не вѣритъ въ воровъ.

— У васъ пропалъ кошелекъ? говоритъ онъ: это ничего не доказываетъ; вы, вѣроятно, выронили его, вынимая платокъ... платокъ вы потеряли, вынимая табакерку... табакерку потеряли, вынимая бумажникъ... а бумажникъ... ну, бумажникъ, вѣроятно, вы забыли дома!...

Съ важностью произнося этотъ приговоръ, коммиссаръ хочетъ понюхать табаку, но... о, страхъ, о, ужасъ! карманы его пусты... у него унесли табакерку, часы и платокъ!... Это дѣлаетъ не кто иной, какъ Монсеньёръ! Только этотъ злодѣй можетъ не уважать коммиссаровъ!

Ночь. Раздается классическій свистокъ и вся шайка Монсеньёра сходится. Каждый изъ *членовъ* шайки приноситъ добычу свою: кто часы, кто цѣпочку, кто кошелекъ и т. п. Кассиръ вноситъ приходъ въ шнуровую книгу. Но вотъ является самъ Монсеньёръ; онъ разодѣтъ, какъ принцъ, и только-что изъ оперы. Шайка, всегда съ почтеніемъ принимавшая начальника своего, теперь молчалива.... слышится возмутительный ропотъ; Бандиты, по коварнымъ внушеніямъ кассира, находятъ, что Монсеньёръ тратитъ слишкомъ-много, а самъ не увеличиваетъ доходовъ *компаніи*.

— Глупцы! восклицаетъ Монсеньёръ. Вамъ нужны деньги? Неужели вы хотите, чтобы я добывалъ, подобно вамъ, по маленькимъ суммамъ? Потерпите еще немного; я достану триста тысячъ франковъ!

— Триста тысячъ франковъ!... Всѣ почтительно кланяются и удаляются.

Марсіаль посланъ хозяиномъ своимъ, съ драгоцѣннымъ бриллiантовымъ уборомъ, во дворецъ, къ Правителю Франціи. Онъ встрѣчается съ Монсеньёромъ, который дѣлаетъ ему дружескій выговоръ за то, что онъ такъ неосторожно пустился въ путь съ драгоцѣнной ношей, не вооружившись.

— Вотъ, другъ мой, говоритъ Монсеньёръ, возьми мой пистолетъ.

— Покорно васъ благодарю — авось дойду и такъ, отвѣчаетъ Марсіаль.

— Нѣтъ, нѣтъ, возьми: и если тебя кто-нибудь схватитъ за воротникъ, то примись кричать во все горло: караулъ, караулъ!

— Покорно васъ благодарю...

На крикъ Монсеньёра прибѣгаетъ патруль. Монсеньёръ жалуется, что Марсіаль похитилъ у него бриллiантовый уборъ. Въ рукахъ несчастнаго подмастерья пистолетъ — его схватываютъ, а уборъ отдаютъ начальнику шайки.

Второе дѣйствіе происходитъ у Ламартельера, толстаго банкира. Онъ чрезвычайно богатъ и, страшась незваного визита Монсеньёра, испрашиваетъ у пріятеля своего коменданта, часоваго, для храненія казны его.

Является часовой — это Монсеньёръ, переодѣтый; — Ламартельеръ спокоенъ. Онъ велитъ подать часовому стаканъ вина и между-тѣмъ какъ Монсеньёръ сидитъ спокойно за ширмами, выжидая удобный

случай, чтобы овладѣть казной банкира, приходитъ къ послѣднему ростовщикъ, которому какая-то иностранная княгиня поручила продать бриллiантовый уборъ въ 300,000 франковъ, за 250,000 франковъ. Ламартельеръ покупаетъ уборъ. Ростовщикъ, который есть не кто иной, какъ кассиръ шайки бандитовъ, уходя, встрѣчается лицомъ къ лицу съ Монсеньёромъ, у котораго онъ тайкомъ унесъ уборъ. Зная, что ему придется плохо, онъ рѣшается предать начальника своего въ руки правосудiя. Онъ уходитъ и послѣ него приходитъ къ банкиру Марсiаль, который, понадѣясь на покровительство, обѣщанное ему Ламартильеромъ, по ходатайству Фиделины, очень-добродушно проситъ одолжить ему 300,000 франковъ.

Между-тѣмъ, коварный кассиръ поднялъ весь домъ. Шумъ, суматоха. Ламартильеръ убѣгаетъ. Монсеньёръ видя, что ему придется плохо, рѣшается спастись бѣгствомъ, сталкивается съ Марсiалемъ, узнаетъ въ немъ своего младшаго брата и, сжалившись надъ положенiемъ его, говоритъ ему:

— Бѣги домой, Марсiаль, приготовь все къ свадьбѣ; я самъ явлюсь къ тебѣ въ гости, съ бриллiантовымъ уборомъ!

— Покорно васъ благодарю, господинъ сержантъ, отвѣчаетъ Марсiаль, готовый всему вѣрить, и отправляется домой.

Потрудитесь послѣдовать за нами къ танцовщицѣ Фиделинѣ. Ламартельеръ приноситъ ей въ подарокъ драгоцѣнный бриллiантовый уборъ, но она отказывается отъ него, потому-что безъ памяти влюблена въ какого-то черкесскаго князька.

Ламартельеръ оставляетъ уборъ съ тѣмъ, что черезъ полчаса зайдетъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Послѣ ухода банкира какой-то человѣкъ влѣзаетъ въ окно: это черкесскiй князекъ, то есть Монсеньёръ Онъ пришолъ за уборомъ, но какъ взять его? Фиделина примѣрила его и любуется имъ предъ зеркаломъ. Слышится шумъ: это Ламартельеръ идетъ за отвѣтомъ. — Что дѣлать?... Монсеньёръ не колеблется, онъ похищаетъ Фиделину, а вмѣстѣ съ нею и уборъ.

Послѣднее дѣйствiе происходитъ въ ресторацiи, гдѣ Марсiаль, по приказанiю сержанта, празднуетъ свою свадьбу. — Бѣдный подмастерье не знаетъ что дѣлать: у него нѣтъ ни копейки денегъ, не на что заказать ужинъ; гости ропщутъ, хотятъ расходиться.

Но вотъ является Монсеньёръ; онъ заказываетъ ужинъ и успокоиваетъ Марсiаля, обѣщая возвратить ему чрезъ нѣсколько минутъ уборъ. Является Фиделина; Марсiаль пораженъ изумленiемъ, увидѣвъ бриллiянты на ней. Минуту спустя, прибѣгаетъ Ламартельеръ и требуетъ обратно драгоцѣнный уборъ; за нимъ вбѣгаетъ кассиръ шайки и съ бѣшенствомъ восклицаетъ, что векселя, которые выдалъ ему банкиръ, недѣйствительны...

Монсеньёръ прекращаетъ весь этотъ шумъ, объявивъ, кто онъ.

Начальникъ бандитовъ дѣлается резонёромъ; даетъ всѣмъ и каждому приличныя наставленія, Марсіалю даритъ ферму, въ небольшомъ разстояніи отъ Парижа, а самъ отдается въ руки правосудія...

Послѣдній поступокъ Монсеньёра можетъ показаться не совсѣмъ натуральнымъ, и довольноскучнымъ образомъ оканчивающимъ піесу. Успокойтесь! правосудіе, которому отдается Монсеньёръ, состоитъ изъ бандитовъ, которые нарочно переодѣлись полицейскими солдатами для того чтобы кому-нибудь изъ присутствовавшихъ не пришла мысль послать за настоящимъ правосудіемъ.

Безтолково, но смѣшно. Успѣхъ большой.

Théâtre de l'Ambigu-Comique.

Les Orphelines d'Anvers *(Антверпенскія сиротки)*, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, г. Бушарди.

Послѣ жестокостей герцога Альбы, Фландрія возмутилась, чтобы свергнуть съ себя испанское иго и возвратить престолъ Вильгельму Нассаускому. Каждый изъ жителей заплатилъ долгъ отчизнѣ: одни пали на полѣ битвы, другіе пожертвовали имѣніемъ своимъ, третьи приняли къ себѣ сиротъ воиновъ, умершихъ за отчизну.

Двѣ молодыя дѣвушки, подъ защитой стараго солдата, бѣгутъ съ поля битвы; эти сиротки не знаютъ своихъ родителей. Одна изъ нихъ передаетъ другой бархатный бумажникъ, на которомъ вышиты имена: «Жанна-Марія»; это единственный предметъ, оставшійся у сиротъ въ воспоминаніе былыхъ дней.

Старый солдатъ, проводникъ и защитникъ молодыхъ дѣвушекъ, хочетъ добраться до Вильгельма Нассаускаго, чтобы вручить ему нѣкоторыя важныя бумаги, касательно молодыхъ дѣвушекъ. Но увы! непріятельское ядро убиваетъ солдата, предъ глазами сиротокъ; онъ успѣваетъ однакожъ передать одной изъ нихъ, Маріи, запечатанныя бумаги.

Какой-то Бертольдъ, отчаянный злодѣй, узналъ тайну, заключавшуюся въ запечатанномъ пакетѣ, и рѣшился овладѣть имъ. Марія хочетъ идти въ Антверпенъ, чтобы вручить бумаги Вильгельму. Бертольдъ вызывается проводить ее; на дорогѣ отнимаетъ у нея бумажникъ и сталкиваетъ бѣдную дѣвушку въ воду.

Бертольдъ овладѣлъ тайной. Вильгельмъ Нассаускій оплакиваетъ потерю дочери. Дочь эта Жанна. Бертольдъ рѣшается жениться на ней, но она уже любитъ Жоржа, благороднаго молодаго человѣка. Чтобы разлучить любящихся, злодѣй придумываетъ хитрость: онъ объявляетъ Жаннѣ, что Жоржъ родной братъ ея, и женится на ней. Слѣдовательно, извергъ достигъ цѣли своей — онъ взять Вильгельма. Остается только возвратить дочь отцу.

Но злодѣйскіе замыслы его обнаружатся: Марія не утонула, ее

спасли рыбаки, однакожъ она лишилась зрѣнія. Она разсказываетъ про несчастія свои самому Бертольду, котораго не знаетъ. Изъ намѣковъ ея злодѣй однакожъ догадывается, что не Жанна, но Марія дочь герцога и рѣшается уморить Жанну голодомъ, чтобы жениться на Маріи.

Но Марія не слѣпа; она обманываетъ Бертольда и открываетъ всѣ преступленія его. Вильгельмъ, вмѣсто одной дочери, похищенной изъ колыбели, находитъ двухъ, и узнаетъ, что жена его родила передъ своею смертію двойниковъ.

Бертольда вѣшаютъ.

Съ г. Бушарди критикѣ приходится плохо. Онъ человѣкъ съ воображеніемъ, съ душой и чувствомъ, и умный; онъ въ высшей степени обладаетъ даромъ возбуждать вниманіе и любопытство зрителей: но вмѣстѣ съ тѣмъ разговоры его часто длинны и растянуты, завязка до того запутана, что умъ устаетъ слѣдовать за нею; развязка-же очень часто самая обыкновенная, даже пошлая. А потому самый вѣрный разборъ его пьесъ слѣдующій:

— Хороша піеса?

— Очень.

— Дурна пьеса?

— Очень.

— А успѣхъ имѣла?

— Огромный.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ.

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ. *)

Русскіе спектакли. – Дебютъ г-жи Ивановой.

Наконецъ русскій театръ нашъ, послѣ долговременнаго, летаргическаго сна, начинаетъ, кажется, оживать, и весьма кстати: дѣло идетъ къ зимѣ. Прежде, бывало, прійдете въ русскій спектакль, окинете взглядомъ пустую залу, и садитесь, гдѣ угодно, выбирая себѣ кресло и располагаясь, какъ у себя въ комнатѣ. Ложи, устремившія на васъ свои пустые зѣвы, невольно навѣваютъ на душу грусть и холодъ. Лорнетъ остается въ рукахъ вашихъ безполезною игрушкою; два, три оазиса, среди этой пустыни, возбуждаютъ въ васъ какое-то странное, смѣшанное чувство и жалости, и досады, и смѣха. Причины такого упадка русскаго театра были уже изложены въ «Одесскомъ Вѣстникѣ:» теперь этотъ періодъ, кажется, миновался и, какъ мы уже сказали, русская сцена начинаетъ снова оживать. Эту новую жизнь придали ей два новыхъ сюжета, прибывшіе въ труппу г-на Мочалова: г. Максимовъ, уже извѣстный публикѣ, и г-жа Иванова. Кто не помнитъ нашего милаго jeune premier въ пьесахъ «Новички въ любви», «Четверо противъ одного», «Въ людяхъ ангелъ не жена» и пр., и пр.? Г. Максимовъ, еще въ прошломъ году, пріобрѣлъ замѣчательную благосклонность здѣшней публики и репутацію прекраснаго актера, понимающаго вполнѣ свои роли и исполняющаго ихъ съ исскуствомъ, непринужденностью и удивительною естественностью. Видя его снова, мы замѣчаемъ, что талантъ его еще болѣе развился, что онъ смо-

*) Изъ «Одесскаго Вѣстника».

тритъ на свое занятіе съ серьёзной точки зрѣнія, а не полагается на *россійское авось*. И за то публика, при первомъ его появленіи, встрѣтила его оглушительными и продолжительными рукоплесканіями-доказательство, что мы, одесситы, цѣнимъ истинное исскуство и платимъ всегда ему должную дань.

3-го ноября былъ первый дебютъ г-жи Ивановой въ роли *Абриконтины*, въ пьесѣ «Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ», и въ роли *Юліи де Креки*, въ пьесѣ «Полковникъ старыхъ временъ». Г-жа Иванова, сколько мы можемъ судить по первому ея дебюту, есть весьма счастливое пріобрѣтеніе для здѣшней труппы. Обладая очень пріятною наружностію, особливо въ профиль, она соединяетъ въ себѣ неподдѣльное дарованіе хорошей актрисы съ милыми, непринужденными пріемами; голосъ ея пріятенъ и весьма-достаточенъ для водевильныхъ напѣвовъ, которые она исполняетъ безошибочно, и — не маловажное достоинство, — дѣлая внятнымъ каждое слово. Въ первой пьесѣ она прекрасно исполнила свою роль наивной дурочки. Удивляемся только, почему она избрала для своего дебюта этотъ старинный, горбатый водевиль: волшебство какъ-то не клеится съ требованіями современнаго вкуса, даже и на сценѣ. Г. Максимовъ, въ роли *принца Рике*, былъ очень хорошъ, какъ и всегда. Гг. Мочаловъ, Зубовичъ и остальные актеры и актрисы исполнили свои роли также удовлетворительно, за исключеніемъ одного г-на Микульскаго, который, по обыкновенію, плохо зналъ свою роль и постоянно стоялъ возлѣ суфлёрской будки, а въ критическихъ случаяхъ, когда приходилось ему пѣть куплеты, и когда всѣ старанія суфлера были тщетны, онъ часто издавалъ какіе-то невнятные, отрывистые звуки, безпрестанно жмуря глаза и отворачиваясь во глубину театра, чтобы скрыть свое неловкое положеніе предъ публикою.

Во второй пьесѣ г-жа Иванова была очень-мила, даже очаровательна: рукоплесканія раздавались ей безпрестанно. Она исполнила роль свою, шестнадцатилѣтняго, напудреннаго полковника съ удивительною ловкостію и естественностію, куплеты пѣла весьма удовлетворительно и съ выраженіемъ; та сцена была особенно хороша, когда юный полковникъ сажаетъ почти всѣхъ офицеровъ подъ арестъ и даже, въ наивномъ гнѣвѣ своемъ, хочетъ арестовать весь полкъ за ослушаніе. Въ этой пьесѣ г-жа Иванова выказала свой талантъ въ гораздо большемъ блескѣ, нежели въ первой. По окончаніи пьесы, она вызвана была два или три раза. И такъ первый дебютъ г-жи Ивановой рѣшилъ уже будущіе ея успѣхи; можно сказать положительно, что г-жа Мочалова пріобрѣла себѣ достойную соперницу на театральномъ поприщѣ.—Г. Мочаловъ, въ роли учителя *Флошара*, былъ неподражаемъ. Можно-ли было удержаться отъ смѣха и рукоплесканій, при видѣ длинной, тощей фигуры, обвороченной въ такой-же длинный до пятокъ сюртукъ, съ огромными жабо и Титомъ-Ливіемъ въ рукахъ? Но не костюмомъ своимъ и не фарсами, къ которымъ онъ никогда не прибѣгаетъ, заставлялъ г. Мочаловъ хохотать всѣхъ зрите-

лей, отъ креселъ до райка, а своею артистическою игрою, какъ истинный комическій талантъ. — Г-нъ Максимовъ, въ роли *поручика де Блансе*, роли незначительной и совершенно почти такой-же, какъ и роль г. Пряженковскаго (*прапорщика де Блансе*), замѣтно отдѣлялся отъ прочихъ своею непринужденною игрою. — Г-жа Данилова исполнила небольшую роль свою, *Эрнестины*, дочери маіора, прекрасно и вознаградила тѣмъ и себя, и зрителей за жалкую роль волшебницы *Карабоссы*, въ «Принцѣ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ». — Г. Микульскій, въ роли маіора *Лефаше*, само собою разумѣется, такъ-же, какъ и въ первой пьесѣ, заикался и растягивалъ слова, прислушиваясь лѣвымъ ухомъ къ голосу суфлера.

О хорахъ, которые пропѣты были въ той и другой пьесѣ, и въ особенности въ первой, когда волшебница Карабосса является уже красавицею на своемъ тріумфальномъ сѣдалищѣ, мы *прейдемъ молчаніемъ*, изъ уваженія къ драматическимъ талантамъ нашихъ актеровъ.

Въ заключеніе, мы скажемъ весьма пріятную вѣсть, за достовѣрность которой, впрочемъ, не ручаемся. Мы слышали, что г. Мочаловъ твердо рѣшился обновить свой репертуаръ еще неигранными здѣсь пьесами, что̀ легко ему теперь исполнить, при нынѣшнихъ средствахъ. Если это такъ, то можно напередъ обѣщать ему, что за *благосклонностью* публики дѣло не станетъ. Уважая талантъ г. Мочалова, мы отъ души желаемъ ему успѣха à la renaissance, и заранѣе наслаждаемся тѣми зимними вечерами, которые проведемъ въ русскихъ спектакляхъ.

На первомъ дебютѣ г-жи Ивановой театръ былъ почти полонъ.

А. К.

Редакторъ Межевичъ.

Печатать позволяется. 2 декабря, 1844 г. Ценсоръ *А. Мехелинъ*.

ПОДПИСКА НА 1845-й ГОДЪ.

—

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

Будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1845-мъ году, *седьмомъ* отъ начала изданія, и *третьемъ* отъ поступленія его подъ новую редакцію.

Объявляя о продолженіи «Репертуара и Пантеона» на слѣдующій годъ, издатели прежде всего считаютъ долгомъ принести свою искреннюю благодарность за то участіе, съ какимъ просвѣщенная русская публика приняла ихъ изданіе въ послѣднее время. Это благосклонное участіе, упрочивая на будущее время ихъ изданіе съ матеріальной стороны, дастъ имъ возможность усовершенствовать его во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ они и постараются исполнить, по силамъ своимъ.

Въ вышедшихъ по-сіе-время *десяти* книжкахъ «Репертуара и Пантеона» были помѣщены:

I. Драматическія произведенія: Мѣщанинъ-Дворянинъ, комедія Мольера пер. *В. З.* — Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло, водевиль *П. С. Ѳедорова.*—Новгород-

цы, драматическое представленіе въ IX картинахъ и пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Шкиперъ. Историческія сцены 1713 года, въ стихахъ, соч. *В. Р. Зотова.*—Дочь русскаго актера, оригинальная шутка-водевиль *П. И. Григорьева.* — Бояринъ Ѳ. В. Басенокъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника.*—Веселый вечеръ изъ жизни Великаго Государя, или четверо часовыхъ у одной будки, драматическая шутка, перев. *П. Г. Ободовскимъ.*—Пажи Герцога Вандомскаго, водевиль, пер. *Н. А. Коровкинымъ* — Испанскіе любовники, драма въ пяти дѣйсвіяхъ, соч. *Фредерика Сульé.*—Какъ опасно читать иныя газеты! Комическія сцены.—Лучше-бъ я была сиротой! Драма, соч *Графа Скарбека*, пер. *С. П. Побѣдоносцева.*—Молодыя ключницы у старыхъ холостяковъ или обочлись въ разсчотѣ, водевиль *П. А. Каратыгина.* — Пѣтухъ и курочки, итальянскій народный фарсъ, перев. *П. Р. Фурманна.* — Севильскій цирюльникъ. Комедія Бомарше. Перев. *В. М. Строева.* — Наслѣдство. Драма Фр. Сульѣ, перев. *Д. М. Григоровича.*—Дядюшка Пахомъ. Комедія, перев. *П. Р. Фурманномъ.* —

II. Романы, повѣсти и разсказы. Любовь въ уѣздномъ городѣ, повѣсть *М. Г. Романовича.*—Мой тёзка или страданія Джона Броуна, перев. съ Англійскаго *П. А. Корсакова.* —Математикъ, разсказъ. — Герольштейнъ. Эпилогъ къ Парижскимъ Тайнамъ, Е. Сю, пер. *В. М. Строева.* — Любовь танцовщицы, оригинальная повѣсть. — Два разсказа Семена Игнатьича. 1. *Иванъ Иванычъ Морошка.* 2. *Петръ Иванычъ Морошка.*—Поэтъ. Повѣсть.—Евгенія Гранде. Романъ *Онорѐ де-Бальзака.* — Сынъ Нотаріуса. Разсказъ *Библіофила Жакоба.* — Шарль Нодье, изгнанникъ изъ отечества. — Святочныя Видѣнія. Повѣсть *Чарлса Диккенса.* — Бородинское ядро и Березинская переправа. Русскій историческій романъ. *Сочиненіе автора* «Леонида»·—

III. Стихотворенія, числомъ до сорока, между которыми помѣщена цѣлая поэма лорда Байрона: *Мазепа.*

IV. Философія и исторія музыки. Il dissoluto punito osia il Don Giovanni (*Донъ-Жуанъ*, опера Моцарта). Статья г-на *Улыбышева*. Взглядъ на современное состояніе музыки въ Европѣ.— Мейерберъ. Статья *С. К.*—Нѣсколько словъ о духовной музыкѣ, статья *Жоржа Ортига*. — Критическій взглядъ на музыку Россини (Параллель между Россини и Вольтеромъ).—Гайднъ.—Бетховенъ. Статья *С. К.*

V. Исторія драматической литературы и сценическаго искусства. Екатерина Вторая, Императрица Русская, на поприщѣ драматическомъ. Статья *М. Н. Макарова*.—Менандръ и Теренцій.—Неаполитанскіе театры. Статья *Поля де-Мюссе*.—Мольеръ. Статья *М. Е. Кублицкаго*.—Нѣсколько подробностей о Медоксѣ и о старинномъ Московскомъ театрѣ.—Дюпре́, біографія. — Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго (Критическій разборъ). — Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765 года. Статья *М. Н. Макарова*.—Карлъ Гоцци, Венеціанскій Аристофанъ.—Плесси, актриса парижскаго Французскаго-Театра (Théâtre-Français.—Испанскій театръ, пер. съ испанскаго *М. Н. Лихонина*.—Джюліа Гризи, пѣвица парижской Итальянской-Оперы.—Одна глава изъ курса драматической литературы, Сенъ-Маркъ-Жирарденя. (О материнской любви.— Лукреція Борджіа).—Исторія мелкихъ парижскихъ театровъ.—

VI. Юмористика. Отрывки изъ писемъ театральной мыши. (Письмо первое). — Комедія во-время комедіи. — Домашніе спектакли.—Театральныя животныя.—Душа общества.—Почти, философическо-филологическое разсужденіе. —Отрывки изъ писемъ театральной мыши (*Письмо второе.*)—Петербургскія маніи. — О томъ, какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотѣлъ сдѣлаться Рубини, а Мавра Петровна—Тальйони.

VII. Смѣсь. Въ этомъ отдѣленіи помѣщались небольшіе разсказы, анекдоты, біографіи артистовъ, разсужденія о сценическомъ искусствѣ, замѣчанія и пр. Укажемъ на важнѣйшія статьи. Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствѣ.—Кто бо-

гаче, Мейерберъ или Ротшильдъ. — День одного изъ нашихъ писателей.—Происхожденіе Полишинеля.—Аретинъ, такъ называемый *Бичъ Сильныхъ*. — Наполеонъ, какъ эстетикъ. — Празднества по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества В. К. Александра Павловича. — Описаніе праздника, представленнаго въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ 20 іюля 1775 года. — Похожденіе театрала въ маскарадѣ Большаго-театра. — Черта изъ жизни актрисы Дежазе. — Невымышленная исторія маркиза Позы. — Скелетъ, разсказъ Берліоза.—Парижская Консерваторія (изъ письма *Н. И. Греча*). — Зрѣлища у Римлянъ.—Гименей, картина Теньера. Разсказъ.—Какъ Сафиръ сдѣлался писателемъ. — Музыкальныя импровизаціи восьмилѣтняго мальчика Джюлію Бенони. — Какія вечера задаютъ итальянскіе пѣвцы въ Парижѣ.—Письмо Каталани о ея смерти. — Что̀ можетъ сдѣлать истинный артистъ изъ маленькой роли. — Нѣсколько словъ о дѣйствительности и идеалахъ. Разсужденіе отнюдь не-критическое *Петра Порфь*... Ничто не ново подъ луною. — Новый Шекспиръ (Изъ записокъ путешественниковъ). Чему быть, тому не миновать. Разсказъ Поль-де-Кока.—М-lle Марсъ въ дезабилье. — Черты изъ жизни Моцарта и послѣдніе дни его. — Жанъ-Жакъ Руссо и г-жа Жанлисъ. — Анекдоты о Паганини. — Представленіе комедіи Аристофана *Облака*, въ Аѳинахъ, въ 378 г. до Р. Х. — Слеза ребенка. Разсказъ *Эдуарда Лемоэнл*. — Французскіе законы о театрахъ. — Нѣкоторыя подробности о Казимирѣ Делавинѣ.—Золотая монета. Разсказъ, который можетъ служить сюжетомъ для водевиля.—Клавикорды Маріи Антоанеты. Разсказъ. — Корреспонденція Фанни Эльслеръ съ Китайскимъ Императоромъ. —Актриса прошлаго вѣка.—Невинность Скарамуша. — Селеніе, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. — Театръ и музыка въ Вѣнѣ. *Статья Франкфуртскаго капельмейстера Гура*). — Гробница Вебера въ Лондонѣ. —Бальная перчатка (*Изъ записокъ парижскаго льва*). — Любопытныя похожденія кавалера д'Эона или мужчина женщина (*Канва для драматическаго представленія*). — Какъ опасно актерамъ слишкомъ углубляться въ свои роли. — Судебное дѣло о десяти строкахъ

Мольера.—Стаканъ лимонаду. Сюжетъ для трагедіи.—Клубъ неучтивцевъ. — Живой портретъ Наполеона. — Приключенія съ вальсомъ-рондо г-на Пащенка и новыя его сочиненіе.— Нѣсколько словъ о пѣвицѣ Генріеттѣ Ниссенъ.—Моды и роскошь старинныхъ временъ. — Прекрасная бріенцская перевозчица, и пр. и пр. Анекдоты и мелочи (всего до 150 статей).

VIII. Театральная лѣтопись посвящена была отчетомъ обо всѣхъ замѣчательнѣйшихъ товостяхъ Парижа, Лондона, Вѣны, и пр., разбору піесъ и игры актеровъ Императорскихъ театровъ С.-петербургскаго и московскаго, а равно и извѣстіямъ о провинціяльныхъ театровъ. Изъ сихъ послѣднихъ театральная лѣтопись «Репертуара и Пантеона» сообщила читателямъ своимъ извѣстія о слѣдующихъ: Астраханскомъ, (4 статьи) Варшавскомъ, Виленскомъ, Екатеринбургскомъ (3 статьи), Казанскомъ, Кіевскомъ, Козловскомъ, Одесскомъ (4 статьи) Осташковскомъ, Пензенскомъ, Самарскомъ, Ставропольскомъ (на Кавказѣ), Харьковскомъ (2 статьи, и пр. и пр).

Художественныя приложенія къ «Репертуару и Пантеону» выданы были слѣдующаго содержанія:

1. Портретъ *Лаблаша*, въ роли Фигаро, въ каррикатурѣ.

2. Каррикатурная сцена на «*Бургграфовъ*» (Предокъ и Потомки), трилогія Виктора Гюго.

3. Портретъ знаменитой танцовщицы *Фанни Эльслеръ*.

4. Портсетъ пѣвца Дюпре, во весь ростъ.

5. Каррикатурная сцена изъ оперы *La reine de Chypre*.

6. Портретъ парижской актрисы *Плесси*, во весь ростъ,

7. Портретъ *Гризи*, пѣвицы парижской Итальянской-Оперы, во весь ростъ.

8. Русскій Галопъ. Сочиненіе Ф. Листа.

9. Портретъ г-жи Пажъ, артистки С.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ.

10. Сцена изъ «Отелло», Шекспира.

Въ будущемъ 1845-мъ году «Репертуаръ и Пантеонъ», принимая нѣкоторыя улучшенія, указанныя опытомъ, будетъ издаваться по прежнему плану. Драматическія произведенія, русскія и иностранныя, во всѣхъ родахъ, жизнь актеровъ, драматическихъ поэтовъ и музыкантовъ, теорія и исторія драматическаго и сценическаго искусства, философія и исторія музыки, критическая лѣтопись современныхъ театровъ русскихъ и иностранныхъ, романы, повѣсти и разсказы, запечатлѣнныя интересомъ драматическимъ, театральныя очерки, нравы, анекдоты, однимъ словомъ, *театръ*, съ его многоразличными отраслями, со всѣмъ, что имѣетъ къ нему отношеніе — вотъ предметы, которые составятъ содержаніе книжекъ «Репертуара и Пантеона.»

Читателямъ «Репертуара и Пантеона» извѣстно уже распоряженіе редакціи касательно учащенія выхода въ свѣтъ Театральной лѣтописи, собранія летучихъ статей о современныхъ театральныхъ новостяхъ; въ будущемъ году распоряженіе это остается неизмѣннымъ, съ тою только разницею, что листки Театральной лѣтописи будутъ выходить съ бо́льшею опредѣленностію, въ извѣстной день недѣли.

Въ нынѣшнемъ году редакція обѣщала впустить книжки «Репертуара и Пантеона» отъ 15-ти до 20-ти листовъ; —между-тѣмъ, ни одной книжки не вышло менѣе 17-ти, а нѣкоторыя вмѣщали въ себѣ болѣе 20-ти листовъ убористой печати. На будущее время редакція также предоставляетъ себѣ право увеличивать число листовъ по произволу. «Репертуаръ и Пантеонъ» будетъ заключать въ себѣ отъ 13-ти до 15-ти листовъ, а *Театральная лѣтопись* отъ $^1/_2$ до до 1-го листа (еженедѣльно), слѣдовательно, всего въ мѣсяцъ отъ 15-ти до 19-ти листовъ.

Что́ касается до художественныхъ приложеній къ «Репертуару и Пантеону», то, пользуясь пребываемъ въ Петербургѣ отличныхъ парижскихъ рисовальщиковъ, пріѣхавшихъ

съ г-мъ Дефонтенемъ для изданія «Императорской Эрмитажной Галереи», мы смѣло можемъ обѣщать подписчикамъ нашимъ приложенія изящныя, разнообразныя, полныя живаго интереса. Приложенія эти, числомъ не менѣе *двѣнадцати*, будутъ состоять изъ портретовъ знаменитѣйшихъ артистовъ, русскихъ и заграничныхъ, замѣчательныхъ сценъ изъ новѣйшихъ піесъ, сценъ народной жизни, каррикатуръ и т. п. Всѣ приложенія будутъ изготовляться непремѣнно парижскими художниками и печататься въ литографическомъ заведеніи г-дъ *Дефонтена* и *Поля Пети*, издателей «Императорской Эрмитажной Галереи».

Почтенные литераторы, по-сіе-время украшавшіе трудами своими наше изданіе, и на будущее время будутъ принимать въ немъ такое-же участіе.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантена», состоящее изъ 12-ти книжекъ, 50-ти лостовъ *Театральной лѣтописи*, и 12-ти приложеній, остается прежняя, то-есть—

Десять рублей серебромъ.

За пересылку въ города и доставку на домъ прилагается полтора рубля серебромъ.

Подписка принимоется ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

Въ *С. Петербургѣ*, въ конторѣ *Репертуара и Пантеона*, состоящей при книжныхъ магазинахъ *М. Д. Ольхина*.

Въ *Москвѣ*, въ книжныхъ магазинахъ *Свѣшникова* и *Базунова*.

Сверхъ-того въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта.

Издатели отвѣчаютъ за исправность доставки въ такомъ только случаѣ, когда требованія будутъ адресованы въ означенныя мѣста; въ противномъ-же случаѣ, научоные опытомъ, они не берутъ на себя никакой отвѣтственности.

Чтобы отстранить отъ себя нареканіе въ неисправной доставкѣ книжекъ «Репертуара и Пантеона тѣмъ изъ господъ иногородныхъ и здѣшнихъ подписчиковъ, которые, не-смо-

тря на объявленіе издателей, съ требованіями своими будутъ обращаться не въ означенныя мѣста, а къ другимъ книгопродавцамъ, мы поставили себѣ за непремѣнное правило на будущее время печатать на обверткѣ нашего изданія имена всѣхъ господъ подписавшихъ *не въ нашихъ конторахъ и не въ Газетной Эспедиціи*, а у другихъ книгопродавцевъ, обозначая при томъ, когда именно требованія и деньги отъ г-дъ книгопродавцевъ сданы въ нашу контору.

Издатели: *В. Межевичъ.*

И. Песоцкій.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСЬМАГО ТОМА.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

I. Молитва. Стихотвореніе. . . . . 3.

II. Философія и исторія музыки. Бетховенъ. Часть вторая и послѣдняя (Произведенія Бетховена. — Три эпохи преобразованія его генія. — Характеръ и сущность его музыки). Статья *С. К.*. . . . . 4.

III. Мазепа. Повѣсть Лорда Байрона. Перев. съ англійскаго *И. Гогніева*. . . . . 33.

IV. Дядя Пахомъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго *П. Р. Фурманномъ*. . . . . 61.

V. Двѣ судьбы. Стихотвореніе *І. 4*.. . . . . 119.

VI. Бородинское ядро и Березинская переправа. Историческій романъ. Сочиненіе автора «Леонида».. . . . . 120.

VII. Куплеты изъ комедіи-водевиля: «Герои Преферанса или Душа общества» *П. И. Григорьева*. . . . . 205.

VIII. Смѣсь. Стаканъ лимонаду. Сюжетъ для трагедіи. — Клубъ неучтивцевъ. — Живой портретъ Наполеона. — Маэстро и теноръ. — Россини и Дюпре. — Ошибки въ разсчотѣ. — За смѣхомъ горе. — Лизистрата. Эпизодъ изъ Пелопонезской войны. — Родители и сестра Шиллера. — Похожденіе танцовщицы. — Приключеніе съ вальсомъ-Рондо г-на Пащенки и нывыя его сочине-

нія. — Моды и роскошь старинныхъ временъ. — Прекрасная бріенцская перевозчица. — Нѣсколько словъ о Генріеттѣ Ниссенъ *В. Сдлинс.* — Анекдоты и мелочи. — Музыкальныя новости. . . . . 208.

Къ этой книжкѣ приложена:

1) Сцена изъ Отелло, драмы Шекспира, рисованная г-мъ Долле, литографированная Полемъ Пёти.

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ

I. Донцамъ. Стихотвореніе *В—уса.* 241
II. Философія и исторія музыки. Эммануилъ Гарціа. . 253
III. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Николай Родіоновичъ Судовщиковъ, авторъ комедіи: *Неслыханное диво или честный секретарь.* Статья *М. Н. Макарова.* 251.
IV. Въ Альбомъ. Стихотвореніе *А. Фета.* . . . . . 271.
V. Три разсказа. 1. Надежды. Соч. *Фредерика Бремеръ.* (Съ шведскаго.—2. Любовь подъ окномъ. Приключеніе случившееся въ Парижѣ, которое. впрочемъ, можетъ случиться и на святой Руси. Соч. *Библіофила Жакоба.* (Съ французскаго).—3. Экстра-почта. Соч. *Шпиндлера.* (Съ нѣмецкаго). . . . . 372.
VI. Мужъ въ деревнѣ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра и Вальи. Перев. *П. С. Ѳедорова.* . . . . . 336.
VII. Ученой женщинѣ. Стихотвореніе *В. Р. З—ва.* . . . 411.
VIII. Капелла (Изъ Уланда). *В. И. Золотницкаго.* . . . 411
IX. Тамбуръ-мажоръ, или свободенъ отъ постоя. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. *П. А. Каратыгина.* . .
X. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки § I. . . 442.
XI. Смѣсь. Любовь актрисы. Разсказъ.—Поэтъ и докторъ. Разсказъ.—Сужденіе иностранца о русскихъ пѣвчихъ. —Импровизированная опера.—Сюжетъ для водевиля.—Въ какомъ почотѣ была поэзія въ средніе вѣка. -Женскія имена въ Испаніи.—Строгости директора Парижской-Оперы къ артистамъ. —Сила привычки.—Драматическая гастрономія. — Анекдоты и мелочи. Нѣсколько словъ къ картинкѣ. Новыя музыкальныя сочиненія. . . 465.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ Щепкина, (во весь ростъ. въ роли *Чупруна*, въ опереттѣ *Москаль Чаривникъ*, рисованный г-мъ Долле, и литографированный Полемъ Пёти.

Къ *Театральной Лѣтописи* приложены ноты малороссійской пѣсни изъ той-же оперы.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I. На смерть ***. Стихотвореніе *Д. Ю. Струйскаго*. . . 493.
II. Чума въ Миланѣ. Историческая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. *В. Р. Зотова* . . . . . 495.
III. Тайна скуки. Стихотвореніе *І. 4*. . . . . 581.
IV. Философія и исторія музыки. Французская школа пѣнія и славный пѣвецъ Пьеръ Гарà. Статья *С. К*. . . 583.
V. Зимній вечеръ. Стихотвореніе *І. 4*. . . . . 593.
VI. Низамская война. Романъ соч. г-на Мери . . . . 594.
VII. Цвѣтокъ. Стихотвореніе *В. И. Золотницкаго*. . . . 712.
VIII. Еще Глава изъ «Курса драматической литературы» Сенъ-Маркъ Жирарденя. (О самоубійствѣ и ненависти къ жизни.—Дидона у Виргилія.—Эдипъ у Сенеки и у Софокла.—Стагиръ у Святаго-Златоуста. . . . . 713.
IX. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 2. . 738.
X. Смѣсь. Одинъ день владычества (*Датская легенда, которая можетъ служить сюжетомъ для драмы*). — Дездикадо (*разсказъ*). — Судьба генія. *Историческій разсказъ*. (Изъ записокъ путешественника). — Гарунъ-Аль-Рашидъ, въ новомъ родѣ.—Фантазія, прелюдіи и фуги Себастіана Баха.—Нѣсколько словъ къ портрету А. М. Каратыгиной.—Анекдоты и мелочи.—Музыкальныя новости. . . . . 752.

Къ этой книжкѣ приложены:

1) Портретъ *А. М. Каратыгиной*, во весь ростъ, въ ея прощальной роли.

2) Объявленіе о продолженіи *Репертуара и Пантеона* въ будущемъ 1845-мъ году.

10749.

Театральная библіотека Наркомпроса

ственника). — Странный поклонникъ. — Письмо Ронкони. — Чему быть, тому не миновать. Разсказъ Поль-де-Кока. — М-lle Марсъ въ дезабилье. — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

I. Обозрѣніе русской драматической литературы. Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полевого. — II. *Какъ чистая душа*. Стихотвореніе *Е. С.* — III. Веселый вечеръ изъ жизни великаго государя, или четверо часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи. Переводъ *П. Г. Ободовскаго*. — IV. Пѣсня *М. Ястребова*. — V. Философія и исторія музыки. Критическій взглядъ на музыку Россини. (Параллель между Россини и Вольтеромъ). — VI. A Viardot-Garcia. Стихотвореніе *Г-въ*. — VII. Пажи герцога Вандомскаго. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ *И. А. Коровкина*. — VIII Соловей. Стихотвореніе *Н. С.* — IX. Поэтъ. Повѣсть. — X. Сонъ. (Посвящ. У. Т. Г-й). Стихотвореніе *Виктора К-ка*. — XI. Юмористика О томъ какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотѣлъ сдѣлаться Рубини, а Мавра Петровна — Тальйони. — XII Черты изъ жизни Моцарта и послѣдніе его дни. — Жанъ-Жакъ Руссо и г-жа Жанлисъ. — Анекдоты о Паганини. — Суфлеръ. — Вѣкъ плясовой музыки. Ошибся. — Характеристика инструментовъ. — Плата тою-же монетою. — Клара Метцгеръ. — Добро отъ зла. — Выходка Каталани. — Двое въ одномъ. — Дешево пріобрѣтенная извѣстность. — Стефанъ Шнейдерль. — Музыкальный кассъ-тетъ. — Забавный поединокъ. — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I. Амулетъ. Стихотвореніе *Виктора К-ка*. — II. Евгенія Гранде. Романъ *Оноре де-Бальзака* — III. Скажи, скажи, товарищъ мой. Стихотвореніе *Н. С.* — IV. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765-го года Статья *М. Н. Макарова*. — V. Рыбачекъ. Стихотвореніе *Ипполита Голубина*. — VI. Испанскіе любовники. Происшествіе XIV вѣка. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, соч. *Фредерика Сулье*. — VII. Искусство и художники. Гайдинъ. — VIII. Инвалидъ Стихотвореніе *Виктора К-ка*. — IX. Какъ опасно читать иныя газеты! Комическія сцены. — X. Обаяніе. Стихотвореніе 1. 4. — XI. Смѣсь. Представленіе комедіи Аристофана «Облака», въ Аѳинахъ въ 378 году до Р. Х. (*Извлечено изъ Плутарха*. — Слеза ребенка, разсказъ Эдуарда Лемоанія. — Французскіе законы о театрахъ. — Нѣкоторыя подробности о Казимірѣ Делавинѣ. — Французскіе пѣвцы Деривисы. — Странное дѣйствіе музыки. — Барабанъ лорда Сандвича. — Жизнь композиторовъ и музыкантовъ. — Забавный концертъ. Гарѣ Мартенъ. — Черта изъ жизни Лесюэра. — Россини и Галли соперники. — Честолюбіе Спонтини. — Некрологъ композитора Бертона. — Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

I. Пловецъ. Стихотвореніе *Виктора К-ка*. — Лучше-бъ я была сиротой! Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе *графа Скарбека*. Перев. съ польскаго *С. П. Побѣдоносцева*. III Женщина Стихотвореніе 1. 4. — IV. Евгенія Гранде. Романъ *Оноре де-Бальзака*. (Окончаніе). — V. *Къ* ***. Стихотвореніе 1. 4. — VI. Исторія драматической литературы. Карлъ Гоцци, венеціянскій Аристофанъ. — VII. Ночь и утро. Стихотвореніе *** — VIII. Современные сценическіе артисты. Плесси, актриса *Парижскаго Французскаго-Театра*. (Théâtre-Français) — IX. Ты и вы. (Изъ Б.). *Д. Т. Ленскаго*. — X. Смѣсь. Золотая монета (*Разсказъ, который можетъ служить сюжетомъ для водевиля*). — Краткій очеркъ жизни композитора Бертона. — Клавикорды Маріи Антоанеты. — Поклонникъ Тальмы. — Оба правы. (*Современный анекдотъ*.) — Паспортъ Боско. — Нигдѣ непапечатанное письмо Вольтера. — Корреспонденція танцовщицы Фанни Эльслеръ съ Китайскимъ Императоромъ. Анекдоты и мелочи. — Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

I. Комета. Стихотвореніе *1. 4*. — II. Молодыя ключницы у старыхъ холостяковъ или обочлись въ разсчотѣ. Водевиль *П. А. Каратыгина*. — III Гондола. Стихотвореніе *Н. С.* — Исторія драматической литературы. Испанскій театръ. Перев. съ испанскаго *М. Н. Лихонина*. — V. Ирландская мелодія. *Изъ Томаса Мура*. — VI. Пѣтухъ и курочки. Итальянскій народный фарсъ. Перев. *П. Р. Фурманна*. — VII. Не удивляйся, другъ мой милый Стихотвореніе *Виктора К-ка*. — VIII Сынъ Нотаріуса. Разсказъ *Библіофила Жакоба*. — IX Еврейская мелодія. (Изъ Байрона). *А. Фета*. — X. Шарль Нодье, изгнанникъ изъ отечества. — XI. Современные сценическіе артисты. Джюлія Гризи, пѣвица парижской Итальянской-Оперы. — XII. Смѣсь. Актриса прошлаго вѣка. — Невинность Скарамуша. — Отчаянный Россинистъ. — Кто кого угостилъ. — Серафенъ. — Селеніе, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. — Театръ и музыка въ Вѣнѣ. (*Статья франкфуртскаго капельмейстера Гуро*). — Двѣ методы пѣнія. — Фанатизмъ. — Гробница Вебера въ Лондонѣ. Анекдоты и мелочи. — Театр

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

I. Сонетъ. Стихотвореніе *А. Фета.*—II. Философія и исторія музыки. Бетховенъ. Часть первая. Жизнь Бетховена.—Библіографическія подробности и анекдоты. — III. Памяти ***. *1. 4.*—IV. Севильскій цирюльникъ. Комедія Бомарше. Переводъ *В. М. Строева.*——*Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ.* Стихотвореніе. — VI. Одна глава изъ «Курса драматической литературы». Сенъ-Маркъ-Жирарденя. (О материнской любви. — Лукреція Борджіа). — VII. Исторія мелкихъ парижскихъ театровъ. — VIII. *Годъ-отъ-году отъ насъ все дальше чудный вѣкъ.* Стихотвореніе *В. Р. З-на.*—IX. Святочныя видѣнія. Повѣсть *Чарлса Диккинса.*—X. Наслѣдство. (Eulalie de Pontois). Драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Сочиненіе *Фредерика Сулье,* перев. *Д. М. Григоровича.*—XI. Смѣсь. Бальная перчатка. (*Изъ записокъ парижскаго льва*). Любопытныя похожденія знаменитаго кавалера д'Эона, или мужчина-женщина. (*Канва для драматическаго представленія*). — Какъ опасно актерамъ слишкомъ углубляться въ свои роли.—Плохая шутка.—Гильберъ-де-Пиксерикуръ. (Некрологъ).—Карлъ Блумъ. (Некрологъ).—Судебное дѣло о десяти строкахъ Мольера. — Анекдоты и мелочи. — Музыкальныя новости. Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

I. Молитва. Стихотвореніе.—II. Философія и исторія музыки. Бетховенъ. Часть вторая и послѣдняя. (Произведенія Бетховена — Три эпохи преобразованія его генія.—Характеръ и сущность его музыки). Статья *С. К.* — III. Мазепа. Повѣсть Лорда Байрона. Перев. съ англійскаго *И. Гогніева.* — IV. Дядя Пахомъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. передѣланная съ французскаго *П. Р. Фурманномъ.* — V. Двѣ судьбы. Стихотвореніе *1. 4.*—VI. Бородинское ядро и Березинская переправа. Историческій романъ. Сочиненіе автора «Леонида».—VII. Куплеты изъ Комедіи-водевиля «Герои преферанса или Душа общества» *И. П. Григорьева.*—VIII. Смѣсь. Стазанъ лимонаду. Сюжетъ для драмы. Клубъ неучтивцевъ.— Живой портретъ Наполеона. — Маэстро и теноръ.—Россини и Дюпре.—Ошибки въ разсчотѣ.—За смѣхомъ горе. — Лизистрата. Эпизодъ изъ Пелопонезской войны.—Родители и сестра Шиллера.—Похожденіе танцовщицы.—Приключеніе съ вальсомъ-Рондо г-на Пащенки и его сочиненія. Моды и роскошь старинныхъ временъ. — Прекрасная бріенцская перевозчица. — Нѣсколько словъ о Генріеттѣ Ниссенъ *В. Сдлинск.* — Анекдоты и мелочи. — Музыкальныя новости. Театральная лѣтопись.

КНИЖКА ДВѢНАДЦАТАЯ.

I. На смерть ***. Стихотвореніе *Д. Ю. Струйскаго.*—II. Чума въ Миланѣ. Историческая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. *В. Р. Зотова.*—III. Тайна скуки. Стихотвореніе *1. 4.*—IV. Философія и исторія музыки. Французская школа пѣнія и славный пѣвецъ Пьеръ Гара̀. Статья *С. К.*—V Зимній вечеръ. Стихотвореніе *1. 4.*—VI. Низамская война. Романъ соч. г-на Мери.—VII. Цвѣтокъ. Стихотвореніе *В. И. Золотницкаго.*—VIII. Еще глава изъ «Курса драматической литературы» Сенъ-Маркъ Жирардена (О самоубійствѣ и ненависти къ жизни.—Дидона у Виргилія. — Эдипъ у Сенеки и у Софокла.—Стагиръ у Святаго Златоуста.— IX. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 2. — X. Смѣсь. Одинъ день владычества, *датская легенда, которая можетъ служить сюжетомъ для драмы*). — Дездикадо (*разсказъ*).—Судьбо генія. *Историческій разсказъ.* (Изъ записокъ путешественника). — Гарунъ-Аль-Рашидъ, въ новомъ родѣ.—Фантазія, прелюдія и фуги Себастіана Баха. — Нѣсколько словъ къ портрету А. М. Каратыгиной. — Музыкальныя новости. — Театральная лѣтопись.

Къ этой книжкѣ приложены:

1) Портретъ А. М. Каратыгиной, во весь ростъ, въ прощальной ея роли.

2) Объявленіе о продолженіи «Репертуара и Пантеона» въ будущемъ 1845-мъ году.

Печатать позволяется. 30-го ноября, 1844. *Ценсоръ* А. Мехелинъ.